

UC-NRLF
$B 186 189

ЛАВРОВ П.Л.

ИСТОРИЧЕСКІЯ ПИСЬМА

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ
РЕДАКЦІИ ЖУРНАЛА
„РУССКОЕ БОГАТСТВО".

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Н. Н. Клобукова, Лиговская ул., д. № 34.
1905.

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ ПЕРВОМУ ИЗДАНІЮ.

Предлагая читателямъ, въ совокупности и въ обновленной формѣ, письма, помѣщенныя прежде въ „Недѣлѣ", я считаю нелишнимъ предпослать этому изданію небольшое объясненіе.

Когда я началъ посылать эти письма, я вовсе не былъ увѣренъ—найдетъ ли удобнымъ редакція журнала помѣстить на своихъ страницахъ систематическій рядъ этюдовъ по вопросамъ, здѣсь разсмотрѣннымъ. Отдаленность отъ столицы не дозволяла мнѣ слѣдить за ходомъ дѣла и видѣть, насколько я сумѣлъ заинтересовать читателей. Повременное-же изданіе должно постоянно имѣть въ виду цѣль—быть читаемымъ. Нѣсколько разъ, впродолженіи помѣщенія этихъ писемъ, я могъ думать, что мнѣ придется прекратить ихъ, и лишь съ окончаніемъ печатанія увѣрился, что они составятъ для читателей журнала нѣсколько связное цѣлое. Кромѣ того, я хорошо знаю, что читатели журналовъ рѣдко имѣютъ терпѣніе слѣдить за развитіемъ мысли нѣсколько отвлеченной, если начало этого развитія помѣщено въ одномъ номерѣ, продолженіе тянется въ нѣсколькихъ номерахъ, а окончаніе отдѣляется отъ начала цѣлымъ годомъ. Все это побуждало меня придавать каждому письму болѣе законченную форму, чѣмъ слѣдовало бы для связнаго ряда этюдовъ, а потому весь рядъ могъ пострадать и въ связности, и въ цѣль-

ности. Да и собственная мысль, отрываясь отъ работы, чтобы возвратиться къ ней черезъ нѣкоторое время, сообщала ей слишкомъ отрывочный характеръ. Поэтому, при пересмотрѣ этихъ писемъ пришлось указать ихъ связь въ нѣкоторыхъ случаяхъ, уяснить зависимость между отдѣльными этюдами, развить нѣкоторые пункты, переставить кое-что, чтобы читателю удобнѣе было обнять цѣлое. Въ этой чисто-формальной передѣлкѣ состоитъ главнѣйшее отличіе этого изданія отъ первоначальнаго вида „Историческихъ писемъ". Позволяю себѣ надѣяться, что новая форма, при большей связности частей и при уясненіи основныхъ мыслей, сдѣлаетъ мой трудъ хоть немного болѣе достойнымъ вниманія читателя.

Очень желалъ бы я сдѣлать въ этомъ трудѣ болѣе существенныя исправленія, но въ этомъ отношеніи наша критика нисколько не помогла мнѣ. Ни въ толстыхъ журналахъ, ни въ ежедневныхъ газетахъ, ни въ журналахъ серьезно-историческихъ, ни въ тенденціозныхъ журналахъ разныхъ направленій,—насколько, по крайней мѣрѣ, эти изданія мнѣ удавалось видѣть,—я не встрѣтилъ разбора, опроверженія, исправленія, указанія, которое бы меня навело на мысль, гдѣ требуется болѣе точности, гдѣ болѣе развитія; не просмотрѣлъ ли я въ одномъ мѣстѣ важную сторону предмета; не принялъ ли въ другомъ призрачное явленіе за существенно-важное. Можетъ быть, я не умѣлъ достаточно заинтересовать читателей и критиковъ этими письмами; можетъ быть, критики считали мысли, здѣсь высказанныя, слишкомъ азбучными, чтобы обратить на нихъ вниманіе; возможно и то, наконецъ, что до меня не дошли именно тѣ изданія, которыя мнѣ были бы нужны. Какъ бы то ни было, я былъ предоставленъ въ этомъ отношеніи самъ себѣ и нѣкоторымъ отрывочнымъ лич-

нымъ отзывамъ, до меня доходившимъ. Послѣдніе особенно концентрировались около одного недостатка: отвлеченно, сухо, трудно читается... Къ сожалѣнію, этотъ недостатокъ частью лежитъ въ самомъ предметѣ. Тѣмъ не менѣе, я сознаюсь, что онъ таки принадлежитъ и моему способу изложенія. Въ отдѣльномъ изданіи я постарался кое-гдѣ исправить это, внося примѣры, но я не имѣлъ въ виду писать новое сочиненіе, а хотѣлъ лишь представить читателямъ прежній трудъ въ нѣсколько лучшемъ видѣ. Излишняя пестрота примѣровъ могла бы, какъ мнѣ кажется, нѣсколько повредить связности развитія мысли. Послѣдняя осталась совершенно безъ измѣненія, и только кое-гдѣ болѣе точное выраженіе замѣнило прежнее.

Не желая измѣнить общаго заглавія моего труда, я счелъ, однако-же, ненужнымъ удержать въ немъ нѣкоторыя формы эпистолярнаго слога, употребленныя мною прежде.

Мнѣ совершенно неизвѣстно, насколько мои письма читались или оставлялись безъ вниманія читателями „Недѣли“. Можетъ быть, и теперь критика найдетъ ихъ малодостойными своего вниманія. Я высказался въ послѣднемъ письмѣ, что самъ сознаю многіе недостатки этого труда, особенно сравнительно съ важностью предмета. Даю читателямъ то, что имѣю, такъ—какъ умѣю.

Кадниковъ, 1869 г.

ПИСЬМО ПЕРВОЕ.

Естествознаніе и исторія.

Если читателя интересуетъ движеніе современной мысли, то немедленно предъявятъ свои права на его вниманіе двѣ ея области: естествознаніе и исторія. Которая изъ нихъ ближе для современной жизни?

На этотъ вопросъ не такъ легко отвѣтить, какъ оно, пожалуй, могло-бы показаться съ перваго взгляда. Я знаю, что естествоиспытатели и большинство мыслящихъ читателей не задумаются рѣшить его въ пользу естествознанія. Дѣйствительно, какъ легко доказать, что вопросы естествознанія лѣзутъ сами въ жизнь человѣка каждую минуту, что онъ не можетъ повернуться, взглянуть, дохнуть, подумать, чтобы не пришелъ въ дѣйствіе цѣлый рядъ законовъ механики, физики, химіи, физіологіи, психологіи! Сравнительно съ этимъ, что такое исторія? Забава празднаго любопытства. Самые полезные дѣятели въ сферѣ частной или общественной жизни могутъ прожить и умереть, не имѣя даже надобности вспомнить о томъ, что когда-то эллинизмъ проникалъ въ среду азіатскихъ племенъ съ войсками Александра Македонскаго; что въ эпоху самыхъ деспотическихъ правителей міра составились тѣ кодексы, пандекты, новеллы и т. д., которые легли въ основу современныхъ юридическихъ отношеній Европы; что были эпохи феодализма и рыцарства, когда

самыя грубыя и животныя побужденія уживались съ восторженной мистикой. Переходя къ отечественной исторіи, спросимъ себя, много ли для жизни современнаго человѣка полезныхъ примѣненій въ знаніи богатырскихъ былинъ, Русской Правды, въ дикой опричинѣ Ивана Грознаго или, даже, въ петровской борьбѣ европейскихъ формъ съ древне-московскими? Все это прошло невозвратно, и новые очередные вопросы, требуя для себя всѣхъ заботъ и всего размышленія современнаго человѣка, оставляютъ для минувшаго лишь интересъ болѣе или менѣе драматическихъ картинокъ, болѣе или менѣе яснаго воплощенія общечеловѣческихъ идей... Итакъ, повидимому, не можетъ быть даже и сравненія между знаніемъ, обусловливающимъ каждый элементъ нашей жизни, и другимъ знаніемъ, которое объясняетъ предметы только *интересные*, — между насущнымъ хлѣбомъ мысли и пріятнымъ дессертомъ.

Естествознаніе есть основаніе разумной жизни,—это безспорно. Безъ яснаго пониманія его требованій и основныхъ законовъ, человѣкъ слѣпъ и глухъ къ самымъ обыденнымъ своимъ потребностямъ и къ самымъ высокимъ своимъ цѣлямъ. Строго говоря, человѣкъ, совершенно чуждый естествознанію, не имѣетъ ни малѣйшаго права на званіе современно-образованнаго человѣка. Но когда онъ однажды сталъ на эту точку зрѣнія, спрашивается, что ближе всего къ его жизненнымъ интересамъ? Вопросы ли о размноженіи клѣточекъ, о перерожденіи видовъ, о спектральномъ анализѣ, о двойныхъ звѣздахъ? Или законы развитія человѣческаго знанія, столкновеніе начала общественной пользы съ началомъ справедливости, борьба между національнымъ объединеніемъ и общечеловѣческимъ единствомъ, отношеніе экономическихъ ин-

тересовъ голодающей массы къ умственнымъ интересамъ болѣе обезпеченнаго меньшинства, связь между общественнымъ развитіемъ и формою государственнаго строя?.. Если поставить вопросъ такимъ образомъ, то едва ли кто, кромѣ филистеровъ знанія (а ихъ немало) не признаетъ, что послѣдніе вопросы ближе для человѣка, важнѣе для него, тѣснѣе связаны съ его обыденною жизнью, чѣмъ первые.

Даже, строго говоря, они одни ему близки, одни для него важны. Первые лишь настолько важны и близки ему, насколько они служатъ къ лучшему пониманію, къ удобнѣйшему рѣшенію вторыхъ. Никто не споритъ о пользѣ грамотности, о ея безусловной необходимости для человѣческаго развитія, но едва ли есть у нея столь тупые защитники, чтобы стали предполагать въ ней какую-нибудь самостоятельную, магическую силу. Едва-ли кто скажетъ, что самый процессъ чтенія и письма важенъ для человѣка. Этотъ процессъ важенъ человѣку лишь, какъ *пособіе* для усвоенія тѣхъ идей, которыя человѣкъ можетъ пріобрѣсти путемъ чтенія и передавать путемъ письма. Человѣкъ, который изъ чтенія ничего не извлекаетъ, нисколько не выше безграмотнаго. Названіе безграмотнаго есть отрицаніе основного условія образованности, но грамотность, сама по себѣ, не есть вовсе цѣль; она только средство. Едва-ли не такую-же роль играетъ естествознаніе въ общей системѣ человѣческаго образованія. Оно есть лишь *грамотность мысли*; но развитая мысль пользуется этою грамотностью для рѣшенія вопросовъ чисто человѣческихъ, и эти вопросы составляютъ суть человѣческаго развитія. Мало читать книгу, надо понимать ее. Точно такъ-же мало для развитого человѣка понимать основные

законы физики и физіологіи, интересоваться опытами надъ бѣлковиною, или законами Кеплера. Для развитого человѣка бѣлковина есть не только химическое соединеніе, но и основная часть пищи милліоновъ людей. Законы Кеплера не только формулы отвлеченнаго движенія планетъ, но и одно изъ пріобрѣтеній человѣческаго духа на пути къ усвоенію общаго философскаго пониманія неизмѣнности законовъ природы и независимости ихъ отъ какого бы то ни было божественнаго произвола.

Мы замѣчаемъ здѣсь даже прямо противоположное тому, что было выше говорено о сравнительной важности основъ естествознанія и исторіи для практической жизни. Химическій опытъ надъ бѣлковиною и математическое выраженіе законовъ Кеплера *только любопытны*. Экономическое значеніе бѣлковины и философское значеніе неизмѣнности астрономическихъ законовъ *весьма существенны*. Знаніе внѣшняго міра доставляетъ совершенно необходимый матеріалъ, къ которому приходится обратиться при рѣшеніи всѣхъ вопросовъ, занимающихъ человѣка. Но вопросы, для которыхъ мы обращаемся къ этому матеріалу, суть вопросы не внѣшняго, а внутренняго міра, вопросы человѣческаго *сознанія*. Пища важна не какъ объектъ процесса питанія, а какъ продуктъ, устраняющій *сознаваемое* страданіе голода. Философскія идеи важны не какъ проявленіе процесса развитія духа въ его логической отвлеченности, а какъ логическія формы *сознанія* человѣкомъ болѣе высокаго, или болѣе низкаго своего достоинства, болѣе обширныхъ, или болѣе тѣсныхъ цѣлей своего существованія; онѣ важны, какъ форма протеста противъ настоящаго во имя желанія лучшаго и справедливѣйшаго общественнаго строя или какъ

формы удовлетворенія настоящимъ. Многіе мыслители замѣтили прогрессъ въ мысли человѣчества, заключавшійся въ томъ, что человѣкъ, представлявшій себя прежде центромъ всего существующаго, созналъ впослѣдствіи себя лишь однимъ изъ безчисленныхъ продуктовъ неизмѣннаго приложенія законовъ внѣшняго міра; въ томъ, что отъ субъективнаго взгляда на себя и на природу человѣкъ перешелъ къ объективному. Правда, это былъ прогрессъ крайне важный, безъ котораго наука была невозможна, развитіе человѣчества немыслимо. Но этотъ прогрессъ былъ только первый шагъ, за которымъ неизбѣжно слѣдовалъ второй: изученіе неизмѣнныхъ законовъ внѣшняго міра *въ его объективности* для достиженія такого состоянія человѣчества, которое субъективно сознавалось бы, какъ лучшее и справедливѣйшее. И здѣсь подтвердился великій законъ, угаданный Гегелемъ и оправдывающійся, повидимому, въ очень многихъ сферахъ человѣческаго сознанія: третья ступень была видимымъ сближеніемъ съ первою, но дѣйствительнымъ разрѣшеніемъ противорѣчія между первою и второю ступенью. Человѣкъ снова сталъ центромъ всего міра, но не для міра, какъ онъ существуетъ самъ по себѣ, а для міра, понятаго человѣкомъ, покореннаго его мыслью и направленнаго къ его цѣлямъ.

Но это именно есть точка зрѣнія исторіи. Естествознаніе излагаетъ человѣку законы міра, въ которомъ самъ человѣкъ есть лишь едва замѣтная доля; оно пересчитываетъ продукты механическихъ, физическихъ, химическихъ, физіологическихъ, психическихъ процессовъ; находитъ между продуктами послѣднихъ процессовъ во всемъ животномъ царствѣ сознаніе страданія и наслажденія; въ части этого царства, ближайшей къ человѣчеству, созна-

ніе возможности ставить себѣ цѣли и стремиться къ ихъ достиженію. Этотъ фактъ естествознанія составляетъ единственную основу біографій отдѣльныхъ существъ животнаго міра и исторій отдѣльныхъ группъ этого міра. Исторія, какъ наука, принимаетъ этотъ фактъ за данный и развиваетъ передъ читателемъ, какимъ путемъ исторія, какъ процессъ жизни человѣчества, произошла изъ стремленій избавиться отъ того, что человѣкъ сознавалъ какъ страданіе, и изъ стремленій пріобрѣсти то, что человѣкъ сознавалъ какъ наслажденіе; какія видоизмѣненія происходили при этомъ въ понятіи, связанномъ со словами—наслажденіе и страданіе, въ классификаціи и іерархіи наслажденій и страданій; какія философскія формы идей и практическія формы общественнаго строя порождались этими видоизмѣненіями; какимъ логическимъ процессомъ стремленіе къ лучшему и справедливѣйшему порождало протесты и консерватизмъ, реакцію и прогрессъ; какая связь существовала въ каждую эпоху между человѣческимъ воспріятіемъ міра, въ формѣ вѣрованія, знанія, философскаго представленія, и практическими теоріями лучшаго и справедливѣйшаго, воплощенными въ дѣйствія личности, въ формы общества, въ состоянія жизни народовъ.

Поэтому труды историка составляютъ не отрицаніе трудовъ естествоиспытателя, а неизбѣжное ихъ дополненіе. Историкъ, относящійся съ пренебреженіемъ къ натуралисту, не понимаетъ исторіи; онъ хочетъ строить домъ безъ фундамента, говоритъ о пользѣ образованія, отрицая необходимость грамотности. Естествоиспытатель, относящійся съ пренебреженіемъ къ историку, доказываетъ лишь узость и неразвитость своей мысли; онъ не хочетъ или не умѣетъ видѣть, что поставленіе цѣлей и стремленіе къ нимъ есть столь же неизбѣжный, столь же

естественный фактъ въ природѣ человѣка, какъ дыханіе, кровообращеніе или обмѣнъ веществъ; что цѣли могутъ быть мелки или возвышенны, стремленія жалки или почтенны, дѣятельность неразумна или цѣлесообразна—но и цѣли, и стремленія, и дѣятельность всегда существовали и всегда будутъ существовать, слѣдовательно — они суть столь же правомѣрные предметы изученія, какъ цвѣта спектра, какъ элементы химическаго анализа, какъ виды и разновидности растительнаго и животнаго царствъ. Естествоиспытатель, ограничившійся внѣшнимъ міромъ, не хочетъ или не можетъ видѣть, что весь внѣшній міръ есть для человѣка только матеріалъ наслажденія, страданія, желаній, дѣятельности, что самый спеціальный натуралистъ изучаетъ внѣшній міръ не какъ что-либо внѣшнее, а какъ нѣчто познаваемое и доставляющее *ему*, ученому, наслажденіе процессомъ познаванія, возбуждающее его дѣятельность, входящее въ его жизненный процессъ. Естествоиспытатель, пренебрегающій исторіей, воображаетъ, что кто-либо кладетъ фундаментъ, не имѣя въ виду строить на немъ дома; онъ полагаетъ, что все развитіе человѣка должно ограничиваться грамотностью.

Мнѣ, пожалуй, возразятъ, что естествознаніе имѣетъ два неоспоримыя преимущества передъ исторіею, позволяющія естествоиспытателю нѣсколько свысока относиться къ ученому достоинству трудовъ историка. Естественныя науки выработали точные методы, получили безспорные результаты и образовали капиталъ неизмѣнныхъ законовъ, безпрестанно подтверждающихся и позволяющихъ предсказывать факты. Относительно же исторіи еще сомнительно, открыла ли она хоть одинъ законъ, собственно ей принадлежащій; она выработала лишь изящныя *картины* и, по точности своихъ предсказаній, стоитъ на одной

ступени съ предсказателями погоды. Это первое. Второе же, и самое важное, есть то, что современныя стремленія къ лучшему и справедливѣйшему, какъ въ ясномъ пониманіи цѣли, въ вѣрномъ выборѣ средствъ, такъ и въ надлежащемъ направленіи дѣятельности, черпаютъ свой матеріалъ почти исключительно изъ данныхъ естествознанія, а исторія представляетъ крайне мало полезнаго матеріала, какъ по неопредѣленности смысла событій минувшаго времени, доставляющихъ одинаково красивые аргументы для прямо противоположныхъ теорій жизни, такъ и по совершенному измѣненію обстановки съ теченіемъ времени, что дѣлаетъ крайне труднымъ приложеніе къ настоящему результатовъ, выведенныхъ изъ событій нѣсколько отдаленныхъ, даже тогда, когда эти результаты точны. Уступая, такимъ образомъ, и въ теоретической научности, и въ практической полезности трудамъ естествоиспытателя, могутъ ли труды историка быть поставлены съ ними рядомъ?

Чтобы уяснить себѣ поставленный здѣсь вопросъ, слѣдуетъ условиться въ томъ, какой объемъ придаемъ мы слову: естествознаніе. Я не имѣю здѣсь вовсе въ виду строгой классификаціи наукъ со всѣми спорными вопросами, ею возбуждаемыми. Само собою разумѣется, что исторія, какъ естественный процессъ, могла бы быть подведена подъ область естествознанія, и тогда самое противоположеніе, разсматриваемое выше, не имѣло бы мѣста. Во всемъ послѣдующемъ я буду понимать подъ терминомъ *естествознаніе* два рода наукъ: науки *феноменологическія*, изслѣдующія законы повторяющихся явленій и процессовъ, и науки *морфологическія*, изучающія распредѣленіе предметовъ и формъ, которыя обусловливаютъ наблюдаемые процессы и явленія, при чемъ цѣль этихъ наукъ есть сведеніе всѣхъ наблюдаемыхъ формъ и распредѣле-

ній на моменты генетическихъ процессовъ. Оставляя въ сторонѣ рядъ морфологическихъ наукъ, обращу вниманіе на то, что къ ряду наукъ феноменологическихъ я буду относить: геометрію, механику, группу физико-химическихъ наукъ, біологію, психологію, этику и соціологію. Придавая термину *естествознаніе* только-что указанное значеніе, обращусь къ поставленному выше вопросу.

Научность и самостоятельность методовъ не подлежитъ сомнѣнію въ изслѣдованіяхъ, относящихся къ механикѣ, физикѣ, химіи, физіологіи и къ теоріи ощущеній въ психологіи. Но уже теорія представленій, понятій въ отдѣльной личности и личная этика пользуются весьма мало методами предшествующихъ естественныхъ наукъ. Что касается до обществознанія (соціологіи), т. е. до теоріи процессовъ и продуктовъ общественнаго развитія, то здѣсь почти всѣ орудія физика, химика и физіолога не приложимы. Эта важная и самая близкая для человѣка часть естествознанія опирается на законы предшествующихъ областей его, какъ на готовыя данныя, но свои законы отыскиваетъ другимъ путемъ. Какимъ же? Откуда феноменологія духа и соціологія черпаютъ свой матеріалъ?—Изъ біографій отдѣльныхъ личностей и изъ исторіи. Насколько ненаучны труды историка и біографа, настолько же не могутъ быть научны выводы психолога въ обширнѣйшей области его науки, труды этика, соціолога въ ихъ научныхъ сферахъ, т. е. настолько же естествознаніе должно быть признано ненаучнымъ въ его части, самой близкой для человѣка. Здѣсь успѣхъ научности вырабатывается взаимными пособіями обѣихъ областей знанія. Изъ поверхностнаго наблюденія біографическихъ и историческихъ фактовъ получается приблизительная истина психологіи, этики, соціологіи; эта приблизитель-

ная истина позволяетъ болѣе осмысленное наблюденіе фактовъ біографіи и исторіи; оно, въ свою очередь, ведетъ къ истинѣ, уже болѣе близкой, которая позволяетъ дальнѣйшее усовершенствованіе историческаго наблюденія, и т. д.; улучшенное орудіе даетъ лучшій продуктъ, и лучшій продуктъ позволяетъ дальнѣйшее усовершенствованіе орудія, что, въ свою очередь, вліяетъ на еще большее усовершенствованіе продукта. Для естествознанія въ его надлежащемъ смыслѣ исторія составляетъ совершенно необходимый матеріалъ, и, лишь опираясь на историческіе труды, естествоиспытатель можетъ уяснить себѣ процессы и продукты умственной, нравственной и общественной жизни человѣка. Химикъ можетъ считать свою спеціальность научнѣе исторіи и пренебрегать ея матеріаломъ. Человѣкъ, обнимающій словомъ „естествознаніе“ науку всѣхъ естественныхъ процессовъ и продуктовъ, не имѣетъ права поставить эту науку выше исторіи и долженъ сознать нхъ тѣсную взаимную зависимость.

Предыдущее рѣшаетъ вопросъ о практической полезности. Если психологія и соціологія подлежатъ непрерывному совершенствованію, по мѣрѣ улучшенія пониманія историческихъ фактовъ, то изученіе исторіи становится неизбѣжно необходимымъ для уясненія законовъ жизни личности и общества. Эти законы настолько же опираются на данныя механики, химіи, физіологіи, какъ и на данныя исторіи. Меньшая точность послѣднихъ должна бы повлечь не устраненіе ихъ изученія, а, напротивъ, большее его распространеніе, такъ какъ спеціалисты-историки не настолько возвысились надъ массою читателей, по точности своихъ выводовъ, насколько стоятъ надъ нею химики и физіологи. Современные жиз-

ненные вопросы о лучшемъ и справедливѣйшемъ требуютъ отъ читателя уясненія себѣ результатовъ феноменологіи духа и соціологіи, но это уясненіе достигается не принятіемъ на вѣру мнѣній той или другой школы экономистовъ, политиковъ, этиковъ. При спорѣ этихъ школъ добросовѣстному читателю приходится обратиться къ изученію самихъ данныхъ, на которыхъ построены выводы школъ, а также къ генезису этихъ школъ, уясняющему ихъ ученіе, какъ фильяціей догматовъ, такъ и положеніемъ дѣла въ ту минуту, когда возникла та или другая школа; наконецъ—къ событіямъ, вліявшимъ на ихъ развитіе. Но все это, за исключеніемъ данныхъ основныхъ наукъ, принадлежитъ исторіи. Кто оставляетъ въ сторонѣ ея изученіе, тотъ выказываетъ свой индифферентизмъ въ отношеніи самыхъ важныхъ интересовъ личности и общества, или свою готовность вѣрить на слово той практической теоріи, которая случайно ему первая попадется на глаза. Такимъ образомъ, поставленный въ началѣ вопросъ: что ближе для современной жизни, естествознаніе или исторія?—можно рѣшить, по моему мнѣнію, слѣдующимъ образомъ: основныя части естествознанія составляютъ совершенно необходимую подкладку современной жизни, но представляютъ для нея болѣе отдаленный интересъ. Что касается до высшихъ частей естествознанія, до всесторонняго изученія процессовъ и продуктовъ жизни лица и общества, то подобное изученіе стоитъ совершенно на одной ступени съ исторіею, какъ по теоретической научности, такъ и по практической полезности; нельзя спорить, что эти части естествознанія связаны съ болѣе живыми вопросами для человѣка, чѣмъ исторія, но серьезное изученіе ихъ совершенно невозможно безъ изученія исторіи, и

онѣ осмысливаются для читателя лишь настолько, насколько для него осмыслена исторія.

Поэтому, въ интересахъ современной мысли лежитъ разработка вопросовъ исторіи, особенно тѣхъ изъ нихъ, которые тѣснѣе связаны съ задачами соціологіи. Въ этихъ письмахъ я разсмотрю общіе вопросы исторіи; тѣ элементы, которые обусловливаютъ прогрессъ обществъ; то значеніе, которое имѣетъ слово прогрессъ для различныхъ сторонъ общественной жизни. Соціологическіе вопросы здѣсь неизбѣжно сплетаются съ историческими, тѣмъ болѣе, что, какъ мы видѣли, эти двѣ области знанія находятся въ самой тѣсной взаимной зависимости. Конечно, это самое придаетъ настоящимъ разсужденіямъ болѣе обобщающій, нѣсколько отвлеченный характеръ. Читатель имѣетъ предъ собою не картины событій, а выводы и сближенія событій разныхъ періодовъ. Разсказовъ изъ исторіи не мало, и, можетъ быть, мнѣ удастся къ нимъ перейти впослѣдствіи. Но факты исторіи остаются, а пониманіе измѣняетъ ихъ смыслъ, и каждый періодъ, приступая къ истолкованію прошлаго, вноситъ въ него свои современныя заботы, свое современное развитіе. Такимъ образомъ, историческіе вопросы становятся для каждой эпохи связью настоящаго съ прошедшимъ. Я не навязываю читателю моего взгляда, но передаю ему вещи такъ, какъ я ихъ понимаю, — такъ, какъ для меня прошлое отражается въ настоящемъ, настоящее — въ прошломъ.

ПИСЬМО ВТОРОЕ.

Процессъ исторіи.

Обратимся къ другому смыслу слова: „исторія“.

Въ первомъ письмѣ рѣчь шла объ ней, какъ области человѣческаго знанія; теперь будемъ разсматривать исторію, какъ процессъ, который составляетъ предметъ изученія для исторіи, какъ знанія. Исторія, какъ процессъ, исторія, какъ явленіе въ ряду другихъ явленій, должна имѣть и дѣйствительно имѣетъ свои особенности. Въ чемъ онѣ состоятъ? Чѣмъ отличается въ глазахъ мыслящаго человѣка явленіе историческое отъ паденія камня, отъ броженія гніющей жидкости, отъ процесса пищеваренія, отъ разнообразныхъ явленій жизни, наблюдаемыхъ въ какомъ-нибудь акваріумѣ?

Мой вопросъ можетъ показаться страннымъ, потому что всякому читателю придетъ сейчасъ на умъ слѣдующее: историческій процессъ совершается человѣкомъ, народами, человѣчествомъ, и въ этомъ уже достаточное отличіе этого процесса отъ всего остального. Но оно не совсѣмъ такъ. Во первыхъ, геологи съ нѣкоторымъ правомъ говорятъ объ исторіи земли, астрономы-теоретики— объ исторіи міра. Во вторыхъ, далеко не все въ человѣкѣ, въ народахъ входитъ въ процессъ исторической жизни. Въ ежедневной дѣятельности самыхъ важныхъ историческихъ личностей есть много такого, что самый тщательный біографъ никогда не записывалъ и никогда не запишетъ, точно такъ-же, какъ жизнь тысячъ человѣческихъ единицъ, съ перваго до послѣдняго ихъ дыханія не представляетъ никакого интереса для изслѣдователя

Въ жизни обществъ историкъ не записываетъ явленій, повторяющихся ежегодно съ математическою правильностью, но отмѣчаетъ лишь то, что измѣняется. Многіе историки выдѣляютъ изъ всей массы человѣчества лишь нѣкоторые народы и нѣкоторыя расы, называя ихъ историческими, и оставляютъ все остальное человѣчество на долю этнографіи, антропологіи, лингвистики, словомъ, какой тамъ угодно науки, лишь бы не исторіи. И они въ *одномъ* отношеніи правы. Вопросы науки о жизни этихъ народовъ и методы мышленія о нихъ совершенно подобны тѣмъ, съ которыми зоологъ обращается къ данной породѣ птицъ и муравьевъ. Зоологъ описываетъ анатомическія особенности и нравы этихъ животныхъ, ихъ способы вить гнѣзда или строить муравейники, ихъ борьбу съ другими животными и т. п. Этнографу представляются тѣ-же вопросы. Правда, отправленія человѣка сложнѣе и описывать приходится болѣе. Лингвистъ узнаетъ не только способъ выраженія, а смыслъ словъ языка, но и зоологъ, если бы умѣлъ, очень охотно узналъ бы отъ птицъ значеніе того или другого перелива звука. Антропологъ записываетъ знанія, ремесла, орудія, миѳы, привычки, но вопросъ его тотъ же, что и у зоолога: записать данные факты *такъ,* какъ они есть. Предметы изученія антрополога для насъ интереснѣе, потому что людей мы не только изучаемъ, мы имъ еще и сочувствуемъ. Но это не должно насъ обманывать относительно научнаго значенія прилагаемаго метода. Антропологъ есть *только* естествоиспытатель, избравшій себѣ предметомъ изученіе человѣка. Онъ описываетъ лишь то, что *есть.*

Но я сказалъ, что историки, раздѣляющіе народы и расы на историческіе и неисторическіе, правы въ *одномъ* отношеніи. Дѣйствительно, есть *другое,* что дѣлаетъ

правильность этого раздѣленія отчасти сомнительною. Едва-ли существуетъ такой несчастный островъ, жители котораго были бы одинаково описаны двумя путешественниками, раздѣленными сотнею лѣтъ. Эти жители въ протекшій между двумя эпохами періодъ жизни — *измѣнились*. Это измѣненіе такъ обще, что наука имѣетъ полное право его предполагать и тамъ, гдѣ о немъ не существуетъ свѣдѣній, и потому антропологъ къ своимъ изслѣдованіямъ о какомъ-либо племени всегда прибавляетъ еще указанія, болѣе или менѣе гипотетическія, о томъ, какъ измѣнилась въ теченіе времени культура племени и какъ она произошла. Но эти вопросы историкъ съ нѣкоторымъ правомъ причисляетъ къ своей области. Въ наше время можно уже говорить и объ исторіи всего органическаго міра, такъ какъ, съ точки зрѣнія трансформизма, каждая органическая форма имѣетъ смыслъ лишь какъ моментъ общаго органическаго генезиса, но здѣсь самый генезисъ формъ является до сихъ поръ лишь какъ научное объясненіе, а не какъ наблюдаемый фактъ. Наука же имѣетъ передъ собою лишь распредѣленіе органическихъ формъ, которыя приходится группировать, и каждый частный случай получаетъ интересъ лишь въ смыслѣ изслѣдованія общаго процесса. Частный случай есть не болѣе, какъ средство изслѣдованія. Появленіе частной формы при тѣхъ или другихъ условіяхъ получаетъ интересъ лишь въ смыслѣ изученія законовъ зависимости между данными условіями среды и появляющимися при этомъ формами. Кромѣ того, наиболѣе изслѣдованную часть явленій измѣненія органическихъ формъ представляютъ измѣненія растеній и животныхъ подъ вліяніемъ человѣка, что входитъ уже въ область исторіи самого человѣка.

Конечно, есть въ сферѣ зоологіи явленія, которыя въ

значительной мѣрѣ аналогичны, что изучаетъ историкъ. Это—явленія развитія и измѣненія обычаевъ животныхъ. До сихъ поръ можно лишь заключить, что такія явленія должны были совершаться, совершались и совершаются, но зоологамъ не удалось еще наблюдать ни одного подобнаго явленія въ самомъ процессѣ его совершенія. Весьма вѣроятно, что всѣ культурныя животныя *имѣли* нѣчто аналогичное исторіи или, по крайней мѣрѣ, что для нихъ существовалъ во времени рядъ измѣненій формъ ихъ культуры. Напримѣръ, весьма правдоподобно, что нынѣшнее общежитіе пчелъ произошло изъ общежитія болѣе простого. У позвоночныхъ животныхъ даже наблюдали измѣненія ихъ привычекъ, преимущественно въ виду приспособленія къ новымъ условіямъ среды. Но, „исторія“ пчелъ, какъ „исторія“ всѣхъ безпозвоночныхъ со сложною культурою, лежитъ за предѣлами научнаго наблюденія. Измѣненія же, наблюдаемыя въ привычкахъ позвоночныхъ подъ вліяніемъ новыхъ условій среды составляютъ столь же мало фактъ исторіи, какъ мало входитъ въ нее измѣненія въ постройкѣ жилищъ, въ одеждѣ, въ самой пищѣ, неизбѣжно происходящія въ колоніи переселенцевъ-людей, которые устраиваются въ новыхъ климатическихъ условіяхъ. Міръ зоологовъ, такъ, какъ его даетъ *наука*, есть міръ неизмѣнно-повторяющихся явленій. Поэтому, до сихъ поръ лишь умозрѣніе можетъ перенести на животныхъ аналогію человѣческой исторіи, а въ дѣйствительности—исторія ограничивается лишь человѣкомъ.

Во всѣхъ прочихъ процессахъ изслѣдователь ищетъ закона, охватывающаго явленіе во всѣхъ его повтореніяхъ,—только въ историческомъ процессѣ представляетъ интересъ не законъ повторяющаго явленія, а совершив-

шееся измѣненіе само по себѣ. Формы даннаго кристалла интересуютъ лишь наблюдателя-профана; минералогъ возводитъ уродливыя искаженныя формы къ неизмѣннымъ типамъ, подчиненнымъ строгимъ геометрическимъ законамъ. Данная анатомическая аномалія есть лишь поводъ для анатома установить законъ, который показалъ бы, между какими предѣлами отклоненія колеблется нормальное устройство того или другого органа. Но явленія человѣческой жизни, личной или коллективной, имѣютъ уже двойственный интересъ.

Каспаръ Гаузеръ внезапно явился на улицахъ Нюрнберга и чрезъ 5 лѣтъ былъ зарѣзанъ *) Кеплеръ на-

*) Одинъ пріятель сдѣлалъ мнѣ замѣчаніе, что едва ли кто въ наше время, особенно изъ русскихъ читателей, помнитъ Каспара Гаузера и знаетъ, что это за личность. Это совершенно справедливо и лучше бы взять другой примѣръ, но предпочитаю поправить дѣло примѣчаніемъ. Въ 1828 году на улицѣ Нюрнберга встрѣченъ былъ молодой человѣкъ въ крестьянской одеждѣ, при которомъ оказалась записка, объясняющая, что онъ найденышъ, родился 7 октября 1812 года и выученъ читать и писать. Странность его обращенія повела къ изслѣдованію. Вышло, что онъ во всю свою жизнь видѣлъ только одного человѣка, его воспитавшаго, питался лишь хлѣбомъ и водой, жилъ въ подземельѣ и даже своего воспитателя узналъ незадолго до своего освобожденія. Прежде этотъ незнакомецъ, если слова Гаузера принять за правду, перемѣнялъ его пищу и одежду во время сна (вѣроятно, давая ему въ пищѣ усыпляющія вещества, что и повело къ нервному разстройству, къ судорожнымъ движеніямъ лица и тѣла, замѣченнымъ въ Гаузерѣ). Сперва несчастный молодой человѣкъ сдѣлался предметомъ празднаго городского любопытства, грубыхъ опытовъ и потерпѣлъ не мало. Потомъ въ немъ приняли участіе многіе замѣчательные люди, особенно Ансельмъ Фейербахъ (знаменитый юристъ, отецъ философа). Какъ рѣдкій экземпляръ взрослаго ребенка, жившаго внѣ общества, Каспаръ представилъ предметъ интересныхъ пси-

шелъ законы движенія планетъ. Сѣверо-Американское междоусобіе вызвало страшную потерю людей и денегъ въ Америкѣ и отозвалось экономическимъ кризисомъ въ Европѣ. Что изучаемъ мы въ этихъ событіяхъ?

Для психолога Каспаръ Гаузеръ представляетъ интересъ рѣдкаго экземпляра личности, вступившей взрослою въ общество, экземпляра, на которомъ удобнѣе изслѣдовать нѣкоторые *общіе законы* психическихъ явленій, чѣмъ на другихъ личностяхъ. Для біографа и для историка Каспаръ Гаузеръ представляетъ обособленное явленіе данной эпохи, результатъ странной совокупности *однажды* встрѣтившихся обстоятельствъ, вслѣдствіе которыхъ это загадочное существо было до 17 лѣтъ выдѣлено изъ всѣхъ общественныхъ сношеній, а черезъ 5 лѣтъ погибло отъ руки убійцы. Когда Ансельмъ Фейер-

---

хическихъ изслѣдованій. Но еще большій интересъ возбудилъ вопросъ о его происхожденіи. Всѣ разысканія оказывались тщетны. А. Фейербахъ, напечатавшій о Каспарѣ особое сочиненіе, подалъ въ 1828 г. королевѣ баварской (изъ баденскаго дома) секретную записку (теперь напечатанную), гдѣ доказывалъ, что Каспаръ есть, вѣроятно, послѣдній представитель мужской линіи баденскаго дома Церингенъ, представитель, котораго морганатическая супруга В. Г. Карла Фридриха, происходившая изъ рода Гейеръ фонъ Гейрбергъ, устранила для доставленія престола своему сыну Леопольду. Освобожденіе Каспара объяснялъ Фейербахъ смертью честолюбивой его преслѣдовательницы 1824 г. Въ 1829 году сдѣлана неизвѣстнымъ лицомъ попытка убить Каспара. 29-го мая 1833 года умеръ А. Фейербахъ. 17-го декабря того же 1833 г. зарѣзанъ Каспаръ Гаузеръ. Убійца не отысканъ. Происхожденіе Каспара осталось неизвѣстно. (1889. Позднѣйшія изслѣдованія дѣлаютъ вѣроятнѣйшимъ, что дѣло Каспара Гаузера не имѣло никакого политическаго значенія. Но я счелъ лучшимъ не измѣнять того, что было въ текстѣ).

бахъ предполагалъ въ немъ послѣдняго представителя дома Церингенъ, онъ изслѣдовалъ не повторяющееся, а *единственное* историческое явленіе.

Точно такъ же для логика процессъ открытій Кеплера есть не болѣе, какъ примѣръ *общихъ законовъ* научнаго мышленія. Милль и Юэль (Whewell) могли спорить о томъ, представляетъ ли этотъ процессъ образецъ истинной индукціи или нѣтъ. Но для историка эти открытія суть однажды совершившееся событіе, не имѣющее возможности повториться, потому что оно было обусловлено крайне сложною совокупностью предшествующихъ научныхъ открытій общественнаго развитія въ началѣ XVII-го вѣка, особенностей событій въ Германіи этого времени и еще большихъ особенностей біографіи Кеплера. Но какъ только это событіе имѣло мѣсто, оно сдѣлалось элементомъ новаго умственнаго развитія, процессъ котораго опять не можетъ повториться, потому что представляетъ результатъ сплетенія научныхъ, философскихъ, религіозныхъ, политическихъ, экономическихъ и случайныхъ біографическихъ элементовъ.

Въ группѣ явленій, связанныхъ съ Сѣверо-Американскимъ междоусобіемъ, соціологъ найдетъ подобнымъ же образомъ рядъ примѣровъ для *общихъ законовъ* разныхъ областей общественной жизни, историкъ же разсмотритъ эту группу въ ея сложности, какъ обособленное явленіе, наблюдаемое однажды, и которое, именно въ своей цѣлости и сложности, повторенія не допускаетъ.

Насколько историческія явленія представляютъ матеріалъ для установленія постояннаго закона психическихъ явленій въ личности, экономическихъ явленій въ собраніи личностей, неизбѣжной смѣны политическихъ формъ

или идеальныхъ влеченій въ народахъ, настолько эти историческія явленія представляютъ интересъ для психологіи, для соціологіи, для феноменологіи личнаго или общественнаго духа, словомъ—для одного изъ отдѣловъ естествознанія въ его приложеніи къ человѣку. Но для историка они не экземпляры неизмѣннаго закона, а характеристическія черты однажды происшедшаго измѣненія.

Противъ предыдущаго могутъ возстать съ двухъ точекъ зрѣнія. Историческіе теоретики скажутъ, что я не понимаю требованія исторіи, какъ науки: что она, какъ всѣ науки, ищетъ неизмѣнныхъ законовъ, и факты историческаго прогресса для историка важны лишь настолько, насколько они уясняютъ ему общій законъ этого процесса; что факты сами по себѣ никакой важности не имѣютъ, и придавать имъ ее—значитъ обращать исторію въ тотъ калейдоскопъ пестрыхъ картинокъ трагическаго или комическаго свойства, который для дюжинныхъ историковъ и теперь составляетъ идеалъ исторіи. Найдутся также читатели, которые съ нѣкоторымъ правомъ признаютъ въ сказанномъ повтореніе давно избитой мысли, что лишь человѣкъ имѣетъ исторію, и что въ исторіи событія не повторяются, а представляютъ постоянно новыя комбинаціи.

Послѣднимъ я замѣчу, что я не выдаю свою мысль за новость, но иногда и старое недурно напомнить, а *это* старое мнѣ хотѣлось напомнить именно потому, что въ послѣднее время произошла нѣкоторая путаница понятій въ отношеніи смысла слова: *историческій* законъ. Многіе приверженцы Бокля, напримѣръ, говорятъ, что онъ открылъ нѣкоторые законы исторіи. Я не имѣю въ виду здѣсь подтверждать или отрицать точность его от-

крытій, но, каковы-бы они ни были, они относятся не къ законамъ *исторіи*. Онъ только *помощью* исторіи устанавливалъ нѣкоторые законы соціологіи, т. е. опредѣлялъ, при пособіи историческихъ примѣровъ, какъ преобладаніе того или другого элемента дѣйствуетъ на развитіе общества вообще, и какъ оно *всегда будетъ дѣйствовать*, если повторится это преобладаніе. Это вовсе не законъ историческаго процесса, какъ понимали установленіе подобнаго закона Вико, Боссюэтъ, Гегель, Контъ, Бюшэ.

Что касается до историковъ-теоретиковъ, то я думаю, что они согласятся со мною въ двухъ пунктахъ. Первое—что всѣ попытки мыслителей, которые, подобно Вико, старались свести исторію на процессъ повторяющихся явленій, оказались весьма неудачны, какъ только дѣло дошло до сравненія двухъ періодовъ въ частностяхъ; слѣдовательно, что исторія представляетъ процессъ, въ которомъ требуется опредѣлить послѣдовательную связь явленій, *одинъ лишь разъ* представляющихся историку въ данной совокупности, въ каждый моментъ процесса. Второе—что законъ исторической послѣдовательности въ ея цѣломъ еще не найденъ, но ищется. Если такъ,—будемъ искать.

Прежде всего, слѣдуетъ уяснить себѣ самый смыслъ вопроса: что такое *законъ исторіи*?—Въ двухъ, упомянутыхъ выше, рядахъ наукъ естественныхъ слово *законъ* имѣетъ весьма различный смыслъ. Въ наукахъ феноменологическихъ законъ явленій формулируетъ условія, при которыхъ явленія повторяются въ опредѣленномъ порядкѣ. Такъ какъ въ исторіи явленія не повторяются, то этотъ смыслъ слова къ исторіи вовсе не приложимъ. Совсѣмъ иное значеніе имѣетъ то-же слово въ наукахъ морфоло-

гическихъ, выражая самое распредѣленіе формъ и предметовъ въ группы болѣе или менѣе тѣсно связанныя. Въ этомъ смыслѣ слово *законъ* встрѣчается, напримѣръ, въ звѣздной астрономіи, когда дѣло идетъ о законѣ распредѣленія свѣтилъ на поверхности небеснаго свода, или въ систематикѣ организмовъ, когда говорятъ о законѣ распредѣленія ихъ. Въ этомъ смыслѣ слово законъ приложимо и къ исторіи, такъ какъ оно обозначало бы группировку событій во времени.

Но что значитъ *найти* или *понять* законъ какого-либо распредѣленія формъ? Отвѣтъ на это намъ дастъ единственная изъ морфологическихъ наукъ, гдѣ распредѣленіе формъ намъ вполнѣ понятно. Это — морфологія единичныхъ организмовъ. Мы *понимаемъ* какъ нормальное, такъ и уродливое анатомическое строеніе организма, когда, при пособіи эмбріологіи и теоріи развитія, прослѣдили генезисъ тканей, органовъ и органическихъ системъ съ элементарной клѣточки неоплодотвореннаго яйца черезъ всѣ фазисы бытія зародыша, плода, дѣтеныша, до той ступени, которую наблюдаемъ. Распредѣленіе анатомическихъ формъ намъ понятно, потому что оно для насъ есть лишь одинъ моментъ цѣлаго ряда послѣдовательныхъ распредѣленій, обусловленнаго процессомъ органическаго развитія, которое есть не что иное, какъ совокупность механическихъ, физико-химическихъ и біологическихъ явленій.

Въ другой морфологической наукѣ наше знаніе не такъ далеко подвинулось и наше пониманіе не такъ ясно, но то, что мы понимаемъ, мы понимаемъ именно тѣмъ же путемъ. Я говорю о геологіи. Распредѣленіе формацій, горныхъ породъ и минераловъ для насъ понятно, лишь какъ слѣдъ исторіи земли, какъ результатъ генезиса зем-

ного шара, т. е. какъ одинъ членъ изъ ряда продуктовъ непрерывнаго дѣйствія механическихъ и физико-химическихъ законовъ въ предѣлахъ нашей планеты.

Въ другихъ морфологическихъ наукахъ пониманіе законовъ распредѣленій было бы тоже не иное что, какъ уясненіе *генезиса* формъ, если бы только этотъ генезисъ могъ быть намъ извѣстенъ. Пока это послѣднее условіе не выполнено, до тѣхъ поръ мы можемъ, путемъ тщательныхъ наблюденій, болѣе и болѣе *узнавать* законъ распредѣленій, какъ законъ чисто эмпирическій, но мы не *понимаемъ* его. Такъ, по мѣрѣ усиленія телескопическаго зрѣнія, новыя группы свѣтилъ выступаютъ на поверхности неба, и законъ распредѣленія ихъ мѣняется или становится вѣрнѣе. По мѣрѣ увеличенія фактическаго знанія въ морфологіи организмовъ, законъ ихъ классификаціи становится опредѣлительнѣе. Но мы лишь тогда могли бы сказать, что *понимаемъ* законъ распредѣленія свѣтилъ, когда мы узнали бы съ достаточною подробностью *генетическій* процессъ міроваго вещества и могли бы возвести наблюдаемыя звѣздныя группы къ фазисамъ этого процесса. Въ астрономіи даже не пытались этого сдѣлать, и потому распредѣленіе созвѣздій и до сихъ поръ составляетъ лишь предметъ эмпирическаго описанія, а не научнаго пониманія. Для распредѣленія организмовъ періодъ научнаго пониманія начался съ первыми попытками открыть генезисъ органическаго міра вообще: теорія Дарвина позволила сдѣлать громадный шагъ въ этомъ направленіи, и въ настоящее время законъ классификаціи организмовъ представляется, какъ задача вполнѣ научная: понять этотъ законъ — значитъ свести органическія формы на ихъ генетическую связь. Въ обоихъ разсмотрѣнныхъ случаяхъ распредѣленіе представляется сначала безпоря-

дочнымъ, почти произвольнымъ, весьма легко вызываетъ въ мысли первобытнаго человѣка представленіе произвольно-дѣйствующаго существа, которое разсыпало звѣзды по небу и какъ бы играло страннымъ разнообразіемъ органическихъ формъ. Научное пониманіе видитъ въ генезисѣ этого распредѣленія дѣйствіе неизмѣнныхъ феноменологическихъ законовъ; при этомъ явленія непрерывно повторяются; но, дѣйствуя въ опредѣленной средѣ, феноменологическіе законы вызываютъ все новыя и новыя распредѣленія вещества въ міровомъ пространствѣ, все новыя и новыя распредѣленія органическихъ формъ на земной поверхности. Морфологія вещества должна бы заключать законъ послѣдовательнаго измѣненія распредѣленій вещества въ пространствѣ (механически) и по разнородности его состава (химически). Морфологія организмовъ, какъ ее понимаетъ Геккель, уже теперь ставитъ себѣ задачею найти законъ послѣдовательнаго измѣненія распредѣленія организмовъ, на основаніи вѣчно-дѣйствующихъ законовъ біологіи.

По аналогіи этихъ наукъ легко заключить о томъ, что значитъ найти законъ исторіи и научно понять его. Здѣсь мы имѣемъ ту выгоду, что генезисъ данъ съ самаго начала; какъ въ безпорядочномъ размѣщеніи созвѣздій и туманностей или въ разнообразіи органическихъ формъ, поверхностный наблюдатель и здѣсь видитъ сначала лишь пестрый рядъ событій; но какъ тамъ, такъ и здѣсь начинается весьма быстро группировка по генетической связи и по *важности* событій.

При уясненіи связи явленій, какъ при уясненіи распредѣленія формъ, предметовъ или событій, первый шагъ всегда заключается въ отличеніи важнѣйшаго отъ менѣе важнаго. Въ феноменологическихъ наукахъ естествоиспы-

тателю это сдѣлать легко: что повторяется въ неизмѣнной связи, то важнѣе, потому что въ немъ-то и есть законъ; что-же относится къ случайнымъ видоизмѣненіямъ, то маловажно и берется лишь къ свѣдѣнію, для будущихъ возможныхъ соображеній. Вѣроятно, ни одинъ изслѣдователь не нашелъ *совершенно* тождественныхъ угловъ преломленія свѣта для той-же преломляющей среды, ни одинъ не получилъ *совершенно* тождественныхъ результатовъ химическаго анализа; но, откидывая случайныя отклоненія опыта, онъ подъ ними открылъ неизмѣнный законъ повторяющагося явленія. Это и есть *единственно* важное.—Что опредѣляетъ важность факта въ наукахъ морфологическихъ? Мы видѣли выше, что въ нихъ пониманіе закона распредѣленія формъ совпадаетъ съ уясненіемъ непрерывнаго дѣйствія законовъ феноменологическихъ, которые обусловливаютъ *генезисъ* этого распредѣленія. Очевидно, всего важнѣе здѣсь будетъ тотъ элементъ, который способствуетъ лучшему пониманію закона распредѣленія формъ, т. е. элементъ феноменологическій: солнечная система выдѣляется астрономами изъ прочихъ группъ, потому что тѣла, ее составляющія, связаны механическими явленіями, подводимыми подъ законъ тяготѣнія; то-же самое обособляетъ системы двойныхъ или тройныхъ звѣздъ; точно такъ же въ описательной химіи мы сближаемъ калій и натрій, или хлоръ и іодъ по сходству ихъ химическаго дѣйствія; сближаемъ минералы по сходству химическаго состава и кристаллографическихъ явленій. Законы феноменологическихъ наукъ опредѣляютъ, что важнѣе и что менѣе важно въ распредѣленіяхъ наукъ морфологическихъ. Для этого опредѣленія необходимо взять въ соображеніе всѣ феноменологическіе законы, дѣйствующіе при данномъ распредѣленіи, въ особенности

же тѣ, которые наиболѣе вліяютъ на самое распредѣленіе и на его генезисъ.

Какіе феноменологическіе законы вліяютъ на распредѣленіе событій въ человѣческой исторіи и на ихъ генезисъ? Законы механики, химіи, біологіи, психологіи, этики и соціологіи, т. е. *всѣхъ* феноменологическихъ наукъ, слѣдовательно—*необходимо* и *научно* взять ихъ всѣ въ соображеніе. Которые изъ этихъ законовъ особенно важны для пониманія исторіи? Для этого нужно взять въ соображеніе характеристическія особенности того существа, которое составляетъ единственное орудіе и единственный предметъ исторіи — человѣка. Особенныя электрическія явленія не выдѣляютъ гипнота изъ его зоологической группы, какъ особенные химическіе продукты не обусловливаютъ ботанической классификаціи; въ обоихъ случаяхъ біологическія явленія доставляютъ важнѣйшія указанія. Такъ и для всей группы наукъ, относящихся къ человѣку, критерій важнѣйшаго долженъ прилагаться сообразно характеристическимъ особенностямъ человѣка, особенности же эти неизбѣжно опредѣляются по его *субъективной* оцѣнкѣ, потому что изслѣдователь самъ — человѣкъ и не можетъ ни на мгновеніе выдѣлиться изъ процессовъ, *для него* характеристичныхъ.

Можетъ быть (и даже вѣроятно), въ общемъ строѣ міра явленіе сознанія есть весьма второстепенное явленіе, но *для человѣка* оно имѣетъ столь преобладающую важность, что онъ всегда будетъ прежде всего дѣлить дѣйствія свои и подобныхъ себѣ на дѣйствія *сознательныя* и *безсознательныя* и будетъ относиться различно къ этимъ двумъ группамъ. Сознательные психическіе процессы, сознательная дѣятельность по убѣжденію или противно убѣжденію, сознательное участіе въ общественной жизни,

сознательная борьба въ рядахъ той или другой политической партіи, въ виду того или другого историческаго переворота, имѣютъ и будутъ всегда имѣть для человѣка совершенно иное значеніе, чѣмъ автоматическая дѣятельность при подобныхъ обстоятельствахъ. Слѣдовательно, въ группировкѣ историческихъ событій, сознательныя вліянія должны занимать первое мѣсто, именно въ той постепенности, которую они имѣютъ въ самомъ человѣческомъ сознаніи.

На основаніи этого сознанія, какіе процессы имѣютъ преимущественное вліяніе на генезисъ событій? Человѣческія потребности и влеченія. Какъ группируются эти потребности и влеченія по отношенію къ сознанію личности? Они могутъ быть раздѣлены на три группы: одна группа потребностей и влеченій вытекаетъ *безсознательно* изъ физическаго и психическаго устройства человѣка, какъ нѣчто неизбѣжное, и сознается имъ лишь тогда, когда составляетъ готовый элементъ его дѣятельности; другая группа получается личностью столь же безсознательно отъ *общественной* среды, ее окружающей или отъ предковъ въ видѣ привычекъ, преданій, обычаевъ, установившихся законовъ и политическихъ распредѣленій, вообще *культурныхъ формъ*; эти культурныя потребности и влеченія сознаются тоже *готовыми*, какъ нѣчто *данное* для личности, хотя не вполнѣ неизбѣжное: въ нихъ предполагается нѣкоторый смыслъ, существовавшій при происхожденіи культурныхъ формъ; этотъ смыслъ отыскиваютъ и угадываютъ изслѣдователи; но для каждой личности, живущей въ данную эпоху въ данныхъ формахъ культуры, онъ есть нѣчто внѣшнее, независимое отъ ея сознанія. Наконецъ, третья группа потребностей и влеченій вполнѣ *сознательна*, и, для каждой личности, ка-

жется происходящею въ этой личности внѣ всякаго посторонняго принужденія, какъ свободный и самостоятельный продуктъ ея сознанія: это, во первыхъ, область дѣятельности, опирающаяся на сознанный разсчетъ интересовъ эгоистическихъ и интересовъ личностей близкихъ человѣку; это, во вторыхъ, еще болѣе важная для историческаго прогресса—потребность лучшаго, влеченіе къ расширенію знанія, къ постановкѣ себѣ высшей цѣли, потребность измѣнить все данное извнѣ сообразно своему желанію, своему пониманію, своему нравственному идеалу, влеченіе перестроить мыслимый міръ по требованіямъ истины, реальный міръ по требованіямъ справедливости. Впослѣдствіи научное изслѣдованіе убѣждаетъ человѣка, что и эта группа развивается въ немъ не свободно и не самостоятельно, но подъ сложными вліяніями окружающей среды и особенностей его личнаго развитія; однако, убѣждаясь въ этомъ *объективно*, онъ всетаки никогда не можетъ устранить субъективной иллюзіи, которая существуетъ въ его сознаніи и устанавливаетъ для него громадное различіе между дѣятельностью, для которой онъ *самъ* ставитъ себѣ цѣль и выбираетъ средства, критически разбирая достоинство цѣли и средствъ, и дѣятельностью механическою, страстною, привычною, гдѣ онъ сознаетъ себя орудіемъ чего-то, извнѣ даннаго.

Указанныя три группы отдѣлены одна отъ другой на основаніи того феноменологическаго процесса, который наиболѣе важенъ для человѣка во всѣхъ наукахъ къ нему относящихся, слѣдовательно эти группы установлены *научно*, и значеніе ихъ для группировки событій исторіи вытекаетъ по необходимости изъ ихъ отношенія къ процессу сознанія. Та группа, которая наиболѣе сознательна, должна имѣть преобладающую важность для исторіи

человѣка по самой сущности этой исторіи, какъ она имѣетъ неизбѣжно преобладающую важность для историка-человѣка, по свойствамъ его личности. Цѣлесообразная сознательная дѣятельность доставляетъ, по самой постановкѣ вопроса, центральную нить, около которой группируются прочія проявленія человѣческой дѣятельности, точно такъ-же, какъ разнообразныя цѣли, къ которымъ стремится человѣкъ, подчинены одна другой, для большинства людей—сообразно наибольшему интересу личностей, для наиболѣе развитыхъ людей—сообразно ихъ представленію о нравственномъ достоинствѣ. Здѣсь научность построенія получается изъ совпаденія двухъ процессовъ одинаково субъективныхъ, но изъ которыхъ одинъ совершается въ мысли историка, а другой получается, какъ результатъ наблюденія надъ историческими личностями и группами. Законъ хода историческихъ событій оказывается съ этой точки зрѣнія опредѣленнымъ предметомъ изслѣдованія: надо уловить въ каждую эпоху тѣ цѣли умственныя и нравственныя, которыя въ эту эпоху были сознаны наиболѣе развитыми личностями, какъ высшія цѣли, какъ истина и нравственный идеалъ; надо открыть условія, вызвавшія это міросозерцаніе, критическій и некритическій процессъ мысли, его выработавшій, и его послѣдовательное видоизмѣненіе; надо группировать различныя міросозерцанія, такимъ образомъ возникавшія въ ихъ исторической и логической послѣдовательности; надо расположить около нихъ, какъ причины и слѣдствія, какъ пособія и противодѣйствія, какъ примѣры и исключенія, всѣ прочія событія человѣческой исторіи. Тогда изъ пестраго калейдоскопа событій изслѣдователь неизбѣжно переходитъ къ закону исторической послѣдовательности.

При этомъ построеніи всѣ главные предметы и ору-

дія изслѣдованія принадлежатъ міру субъективному. Субъективны разнообразныя цѣли, преслѣдованныя личностями и группами личностей въ данную эпоху; субъективно міросозерцаніе, по которому оцѣнивались эти разнообразныя цѣли ихъ современниками; субъективна и оцѣнка, приложенная историкомъ къ міросозерцаніямъ данной эпохи, чтобы выбрать изъ нихъ то, которое онъ считаетъ центральнымъ, высшимъ, и ко всему ряду міросозерцаній, чтобы опредѣлить ходъ прогресса въ человѣческой исторіи, отмѣтить прогрессивныя и регрессивныя эпохи, причины и слѣдствія этихъ фазисовъ историческаго движенія, и указать современникамъ возможное и желательное въ настоящую минуту. Но источники субъективности въ этихъ случаяхъ различны, и средства для устраненія ошибокъ, которыя могли-бы быть слѣдствіемъ этого метода, тоже различны. Субъективность частныхъ цѣлей и нравственной оцѣнки ихъ въ данную эпоху есть фактъ вполнѣ неизбѣжный, вполнѣ научный, который подлежитъ самому разностороннему наблюденію и изслѣдованію; историкъ, для избѣжанія ошибки, долженъ лишь самымъ тщательнымъ образомъ усвоить культурную среду и степень развитія личностей въ данную эпоху; онъ здѣсь собираетъ факты, какъ во всякой другой наукѣ, и личные его взгляды имѣютъ или должны имѣть крайне малую долю участія въ установкѣ этихъ фактовъ. Если онъ допускаетъ для Сезостриса или Тамерлана сложныя дипломатическія соображенія Людовика XIV или Бисмарка, то онъ просто не знаетъ эпохи, о которой пишетъ. Если онъ влагаетъ въ мысль Гераклита діалектику Гегеля, то онъ опять-таки не усвоилъ достаточно различія періодовъ. Если онъ даетъ культурнымъ явленіямъ, расширеніямъ государствъ, борьбѣ національностей преобладающее значеніе въ исто-

ріи, то онъ не уяснилъ себѣ характеристической особенности природы человѣка, какъ она сознается самимъ человѣкомъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ точность, обширность и разносторонность научныхъ свѣдѣній есть лучшее средство для устраненія ошибокъ. Но совсѣмъ иное дѣло объективная оцѣнка различныхъ міросозерцаній данной эпохи или теорія историческаго прогресса, устанавливаемая историкомъ. Здѣсь самая точная эрудиція не можетъ устранить ошибки, если авторъ устанавливаетъ ложный идеалъ; здѣсь отражается личное, индивидуальное развитіе историка; въ заботѣ о собственномъ развитіи онъ можетъ найти и единственное средство придать болѣе вѣрности своему построенію. Сознательно или безсознательно, человѣкъ прилагаетъ ко всей исторіи человѣчества ту нравственную выработку, которой онъ самъ достигъ. Одинъ ищетъ въ жизни человѣчества лишь того, что способствовало образованію или разрушенію сильныхъ государствъ. Другой слѣдитъ преимущественно за борьбою, усиленіемъ и гибелью національностей. Третій старается убѣдить себя и другихъ, что торжествующая сторона была всегда правѣе побѣжденной. Четвертый интересуется фактами, насколько они осуществили ту или другую идею, принимаемую имъ за безусловное благо для человѣчества. Всѣ они судятъ объ исторіи субъективно, по своему взгляду на нравственные идеалы, да иначе и судить не могутъ.

Пусть читатель не полагаетъ, что историкъ можетъ получить объективный критерій для обсужденія важности событія, беря въ соображеніе число личностей, подлежащихъ вліянію того или другаго событія. Какъ для Августина или Боссюэта событія, имѣвшія вліяніе на жителей маленькой Палестины, были несравненно важнѣе походовъ

Чингисхана или Александра Македонскаго, такъ и для современнаго историка завоеваніе огромной Китайской имперіи монголами будетъ, я думаю, менѣе значительно, чѣмъ борьба нѣсколькихъ горныхъ кантоновъ Швейцаріи съ Габсбургами. Конечно, и тутъ можно положить критерій большаго числа личностей, если брать въ соображеніе не только тѣ личности, на которыя непосредственно вліяли событія, но еще и рядъ поколѣній, жизнь и мысли которыхъ были обусловлены этими событіями. Но въ подобныхъ случаяхъ историкъ и мыслитель находятся весьма часто подъ вліяніемъ иллюзіи. Что онъ считаетъ важнѣйшимъ по своему субъективному нравственному взгляду, то ему представляется и оказавшимъ наиболѣе косвеннаго вліянія на будущія судьбы болѣе значительной доли человѣчества. Одинъ авторъ найдетъ въ умственной культурѣ новой Европы преобладающее вліяніе проповѣди, раздававшейся когда то въ Галилеѣ, и станетъ утверждать, что, сравнительно, вліяніе греческихъ философскихъ школъ было незначительно; другой историкъ столь-же рѣшительно будетъ утверждать прямо противоположный тезисъ.

Итакъ, волей-неволей, приходится прилагать къ процессу исторіи субъективную оцѣнку, т. е. усвоивъ, по степени своего нравственнаго развитія, тотъ или другой нравственный идеалъ, расположить всѣ факты исторіи въ перспективѣ, по которой они содѣйствовали или противодѣйствовали этому идеалу, и на первый планъ исторіи выставить по важности тѣ факты, въ которыхъ это содѣйствіе или противодѣйствіе выразилось съ наибольшею яркостью. Но здѣсь представляются еще два многозначительныя обстоятельства. Во первыхъ, при этой точкѣ зрѣнія, всѣ явленія обособляются, какъ благодѣтельныя

или вредныя, какъ нравственное добро или зло. Во вторыхъ, мы, — съ нашимъ нравственнымъ идеаломъ, опредѣляющимъ перспективу процесса исторіи, — становимся въ конецъ этого процесса; все предыдущее становится къ нашему идеалу въ отношеніе подготовительныхъ ступеней, ведущихъ неизбѣжно къ опредѣленной цѣли. Слѣдовательно, исторія представляется намъ борьбою благодѣтельнаго и вреднаго начала, гдѣ благодѣтельное, въ неизмѣнномъ видѣ или въ постепенномъ развитіи, достигло, наконецъ, той точки, на которой оно есть для насъ высшее благо человѣчества. Не то, чтобы благодѣтельное начало должно было непремѣнно фактически восторжествовать. Не то, чтобы всякій послѣдующій періодъ представлялъ непремѣнно приближеніе къ нашему нравственному идеалу. Нѣтъ; многіе наблюдатели сознаютъ совершенно ясно, что регрессивныя эпохи весьма обыкновенны въ исторіи; другіе всего охотнѣе жалуются на преобладаніе зла въ этой „юдоли плача“, на порчу новыхъ поколѣній; иные прямо утверждаютъ, что лучшее будущее для человѣчества невозможно. Тѣмъ не менѣе, если эти люди начинаютъ дѣлать обзоръ историческихъ событій, то неизбѣжно все минувшее располагается для нихъ въ перспективу сообразно тому, что они считаютъ *лучшимъ*. Лишь тѣ событія выдвигаются на первый планъ, которыя содѣйствовали развитію ихъ идеала, или наиболѣе препятствовали его осуществленію. Если мыслитель вѣритъ въ настоящее или будущее реальное осуществленіе своего нравственнаго идеала, то вся исторія для него группируется около событій, подготовлявшихъ это осуществленіе. Если онъ переноситъ свой идеалъ въ область загробныхъ миѳовъ, то исторія есть лишь подготовленіе того вѣрованія, которое связано съ блаженствомъ въ бу-

дущемъ мірѣ. Если онъ отрекся отъ всякой возможности реализаціи лучшаго, то его идеалъ остается высшимъ внутреннимъ убѣжденіемъ, выработаннымъ исторіею въ мысли человѣка, и опять-таки все минувшее, какъ важное и неважное, располагается предъ его взоромъ, какъ подготовка этого нравственнаго убѣжденія, неосуществленнаго, неосуществимаго и въ реальномъ будущемъ, но осуществленнаго въ области человѣческаго сознанія, какъ крайній и высшій пунктъ человѣческаго развитія. Это приближеніе историческихъ фактовъ къ реальному или идеальному лучшему, нами сознанному, это развитіе нашего нравственнаго идеала въ минувшей жизни человѣчества составляетъ для каждаго *единственный* смыслъ исторіи, единственный *законъ* исторической группировки событій, законъ *прогресса*, считаемъ ли мы этотъ прогрессъ фактически непрерывнымъ или подверженнымъ колебаніямъ, вѣримъ ли мы въ его реальное осуществленіе или только въ его сознаніе.

Итакъ, въ процессѣ исторіи мы неизбѣжно видимъ *прогрессъ*. Если мы сторонники начала, торжествующаго въ наше время, то мы разсматриваемъ свою эпоху, какъ вѣнецъ всего предыдущаго. Если наши симпатіи принадлежатъ тому, что, очевидно, ослабѣло, то мы вѣримъ, что наша эпоха критическая, переходная, патологическая, за которою послѣдуетъ эпоха торжества нашего идеала или въ реальномъ мірѣ, или въ миѳическомъ будущемъ, или въ сознаніи лучшихъ представителей человѣчества, Вѣровавшіе въ близкій конецъ міра,—при чемъ міръ представлялся имъ исполненнымъ зла,—вѣрили въ долженствующее послѣдовать за тѣмъ блаженство праведныхъ. Принимавшіе первобытное состояніе совершенства вступали со слѣдующаго шага въ теорію прогресса. Даже

приверженцы круговоротовъ въ исторіи (что мы, впрочемъ, теперь развивать не будемъ) невольно подчинялись этому общему закону человѣческаго мышленія. По неизбѣжной необходимости этого мышленія, *для человѣка* процессъ исторіи всегда представляется болѣе или менѣе ясно и послѣдовательно,—борьбою за прогрессъ, реальнымъ или идеальнымъ развитіемъ прогрессивныхъ стремленій, прогрессивнаго пониманія, и лишь тѣ явленія были историческими въ строгомъ смыслѣ этого слова, которыя вліяли на этотъ прогрессъ.

Я знаю, что мое пониманіе слова *прогрессъ* многимъ и многимъ не понравится. Всѣ, желающіе придать исторіи то объективное безпристрастіе, которое присуще процессамъ природы, возмутятся тѣмъ, что для меня прогрессъ зависитъ отъ личнаго взгляда изслѣдователя. Всѣ вѣрующіе въ безусловную непогрѣшимость своего нравственнаго міросозерцанія, хотѣли бы себя увѣрить, что не только *для нихъ,* но и *само въ себѣ* важнѣе лишь то въ историческомъ процессѣ, что имѣетъ ближайшее отношеніе къ основамъ этого міросозерцанія. Но, право, пора бы людямъ мыслящимъ усвоить себѣ очень простую вещь: что различія важнаго и неважнаго, благодѣтельнаго и вреднаго, хорошаго и дурного суть различія, существующія лишь *для человѣка*, а вовсе чуждыя природѣ и вещамъ самимъ въ себѣ, что одинаково неизбѣжна для человѣка необходимость прилагать ко всему свой человѣческій (антропологическій) способъ воззрѣнія, и, для вещей въ ихъ совокупности, необходимость слѣдовать процессамъ, не имѣющимъ ничего общаго съ человѣческимъ воззрѣніемъ. *Для человѣка* важны общіе законы, а не индивидуальные факты, потому что онъ понимаетъ предметы, лишь обобщая ихъ; но наука съ ея общими зако-

нами явленій присуща лишь человѣку, а внѣ человѣка существуютъ *только* одновременныя и послѣдовательныя сцѣпленія фактовъ, столь мелкихъ и дробныхъ, что человѣкъ едва ли можетъ ихъ и уловить во всей ихъ мелкости и дробности. *Для человѣка* изъ непрерывной нити пошлостей жизни выдѣляются въ біографіяхъ и въ исторіяхъ нѣкоторыя мысли, чувства и дѣла человѣка (или группы людей), какъ важнѣйшія, имѣющія идеальное значеніе, историческую важность; но это выдѣленіе совершается только *имъ,* человѣкомъ; безсознательные процессы природы вырабатываютъ мысль о всемірномъ тяготѣніи, о солидарности людей, совершенно такъ-же, какъ ворсинку на ногѣ жука, или стремленіе лавочника сорвать лишнюю копѣйку съ покупщика; Гарибальди, Варленъ и имъ подобные для природы—совершенно такіе-же экземпляры породы человѣка въ XIX вѣкѣ, какъ любой сенаторъ Наполеона III, любой бюргеръ маленькаго городка Германіи, любой изъ тѣхъ пошляковъ, которые гранятъ тротуары Невскаго проспекта. Наука не представляетъ никакихъ данныхъ, по которымъ безпристрастный изслѣдователь имѣлъ бы право перенести свой нравственный судъ о значительности общаго закона, геніальной или героической личности, изъ области *человѣческаго* пониманія и желанія, въ область безсознательной и безстрастной природы.

При этомъ мнѣ приходится высказаться относительно понятія о прогрессѣ двухъ замѣчательныхъ мыслителей, *повидимому* не согласныхъ съ приведеннымъ выше опредѣленіемъ. „Прогрессъ, говоритъ Прудонъ (Philosophie du progrès, 24), это—утвержденіе всеобщаго движенія, слѣдовательно—отрицаніе всякой неизмѣнной формулы... приложенной къ какому бы то ни было существу; всяка-

го ненарушимаго строя, не исключая строя вселенной; всякаго субъекта или объекта, эмпирическаго или трансцендентнаго, который-бы не измѣнялся". Это, какъ будто, совершенно объективная точка зрѣнія, закалывающая собственныя убѣжденія на алтарѣ всемірнаго процесса измѣненія. Но продолжайте читать великаго мыслителя, и вы узнаете, что для него прогрессъ въ разныхъ областяхъ—синонимъ группировки идей свободы, личности, справедливости, т. е., что онъ называетъ прогрессомъ тѣ измѣненія, которыя ведутъ къ *лучшему* пониманію вещей, къ *высшему* нравственному идеалу личности и общества, какъ этотъ идеалъ выработался у *него,* Прудона. Безусловно лучшее существовало и для Прудона, какъ существовало и будетъ существовать для всякаго развитого человѣка; оно называлось для Прудона: истина, свобода, справедливость, и это безусловное становилось здѣсь цѣлью и сущностью прогресса съ такою-же субъективною обязательностью, какъ тысячелѣтнее царство для хиліастовъ. Впрочемъ, самъ Прудонъ высказалъ иное понятіе о прогрессѣ въ другомъ мѣстѣ, именно въ девятомъ этюдѣ своего большого труда „О справедливости въ революціи и въ церкви". Здѣсь его взглядъ во многомъ подходитъ къ тому, который высказанъ въ моихъ письмахъ. Онъ говоритъ (изд. 1868, Bruxelles, III, 244 и слѣд.): „Прогрессъ есть нѣчто большее, чѣмъ движеніе, и, показавъ что вещь движется, мы еще нисколько не доказали, что она прогрессируетъ"; онъ не видитъ прогресса и въ „кризисахъ, опредѣленныхъ à priori и въ данномъ порядкѣ необходимыми условіями нашего устройства", въ „рядѣ физико-соціальныхъ переходовъ, независимыхъ отъ воли человѣка". Для него „прогрессъ—то-же, что справедливость и свобода, если мы ихъ разсматриваемъ: 1) въ ихъ

движеніи во времени, 2) въ ихъ дѣйствіи на способности, которымъ онѣ подчинены и которыя онѣ измѣняютъ, по мѣрѣ своего поступательнаго движенія". Прудонъ даже требуетъ отъ „полной и вѣрной теоріи прогресса", между другими условіями, доказательства, что въ прогрессѣ нѣтъ ничего фаталистическаго. Ниже онъ говоритъ (III, 270), что „мы неизбѣжно вѣримъ прогрессу".

Спенсеръ говоритъ („Собраніе сочиненій", вып. 1, 2): „Чтобы правильно понять прогрессъ, мы должны изслѣдовать сущность этихъ измѣненій, разсматривая ихъ независимо отъ нашихъ интересовъ... Оставляя въ сторонѣ побочныя обстоятельства и благодѣтельныя послѣдствія прогресса, спросимъ себя, что онъ такое самъ въ себѣ". Затѣмъ онъ называетъ органическимъ прогрессомъ переходъ отъ однороднаго къ разнородному и доказываетъ, что это есть законъ всякаго прогресса. Тутъ уже, повидимому, мы совершенно объективно смотримъ на явленіе. Но прочтите внимательно самый приступъ Спенсера къ дѣлу, и вы увидите, что онъ выходитъ изъ точки зрѣнія совершенно субъективной. Онъ за *данныя* принимаетъ обиходныя понятія о прогрессѣ какъ увеличеніе числа народа, количество матеріальныхъ продуктовъ, улучшеніе ихъ качества, увеличеніе числа познанныхъ фактовъ и понятыхъ законовъ, словомъ—всего, что прямо или косвенно стремится къ возвышенію человѣческаго счастія. Онъ только находитъ въ этихъ понятіяхъ *неясность, тѣнь прогресса*, а не самый прогрессъ. Онъ хочетъ уяснить *именно эти* измѣненія, найти *сущность* именно этого процесса и полагаетъ, что нашелъ ее въ дифференцированіи, по аналогіи органическаго развитія, которое ему угодно назвать *прогрессомъ*. Но заключаетъ ли органическое развитіе характеристическій признакъ тѣхъ

явленій, изъ которыхъ авторъ заимствовалъ понятіе о прогрессѣ?—весьма сомнительно. Увеличеніе числа людей, увеличеніе матеріальныхъ и умственныхъ богатствъ имѣетъ ту общую черту, что въ немъ мы видимъ нѣчто *лучшее*, болѣе желательное, болѣе соотвѣтственное *требованіямъ* отъ человѣка и человѣчества. Но что лучшаго въ ново рожденномъ животномъ сравнительно съ зародышемъ или яйцемъ, изъ котораго оно произошло? Или почему взрослое животное лучше новорожденнаго? Если позволительно говорить о *прогрессѣ* въ развитіи животнаго, то столь-же правильно будетъ говорить и о *цѣляхъ* въ природѣ, о желаніяхъ растеній, о государствѣ солнечной системы. Къ тому же, желательно знать, назвалъ-ли бы самъ Спенсеръ прогрессомъ переходъ отъ однороднаго къ разнородному въ человѣческомъ обществѣ, если бы это дифференцированіе дошло до того, что каждый человѣкъ говорилъ бы особымъ языкомъ, имѣлъ бы особыя понятія объ истинномъ, справедливомъ и прекрасномъ? Мысль Спенсера вообще вѣрна, такъ какъ опытъ доказалъ, что въ значительномъ числѣ случаевъ приближеніе личности и общества къ нравственному идеалу *его*, Спенсера, шло путемъ дифференцированія; но это понятіе не покрываетъ собою всѣхъ явленій прогресса и даже не всегда исключаетъ полное несогласіе съ прогрессомъ, какъ процессомъ вырабатыванія даннаго нравственнаго идеала. Да и въ тѣхъ случаяхъ, когда мысль вѣрна, она указываетъ лишь *причину* прогресса, а онъ самъ всетаки лежитъ въ субъективномъ взглядѣ мыслителя на то, что лучше или что хуже для человѣка или для человѣчества. Замѣтимъ, что уже въ первомъ изданіи своихъ „Основныхъ началъ“ Спенсеръ созналъ неточность слишкомъ обширнаго употребленія слова *прогрессъ*, замѣнилъ его въ боль-

шинствѣ случаевъ словомъ *развитіе* (évolution) и далъ для послѣдняго формулу: „Развитіе есть переходъ отъ неопредѣленной безсвязной однородности къ опредѣленной связной разнородности, путемъ безпрерывныхъ дифференцированій и интеграцій" („Собр. соч." вып. VII, стр. 233). Эта формула допускаетъ менѣе возраженій, частью по своей дѣйствительной широтѣ, частью по несовершенной ея ясности, дозволяющей подвести подъ нее случаи крайне разнородные и едва-ли подъ нее подходящіе по прямому ея смыслу. Впрочемъ, такъ какъ это формула *развитія*, а не *прогресса*, то она не касается прямо разсматриваемаго здѣсь вопроса.

Итакъ, я полагаю, что два мыслителя, взятые мною для примѣра, расходятся съ приведенными взглядами на прогрессъ лишь на словахъ, а въ сущности стоятъ, какъ и всѣ, на той же почвѣ, обусловливаемой природою человѣческаго мышленія. Они ставятъ сами или заимствуютъ у другихъ нѣкоторый нравственный идеалъ, видятъ въ событіяхъ исторіи борьбу за это высшее благо и приближеніе къ нему. И всѣ поступаютъ точно такъ-же.

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ.

Величина прогресса въ человѣчествѣ.

Все сказанное въ предыдущемъ письмѣ требуетъ, конечно, чтобы я выставилъ предъ читателемъ опредѣлительно, въ чемъ собственно я вижу цѣль прогрессивнаго движенія человѣчества. Я это и сдѣлаю. Но прежде мнѣ хотѣлось бы устранить одно возраженіе, которое, повидимому, подрываетъ въ самомъ основаніи научность всего моего обсужденія.

Мнѣ могутъ замѣтить, что если исторія можетъ быть понята лишь какъ наука прогресса, а прогрессъ самъ по себѣ есть не болѣе какъ субъективный взглядъ на событія съ точки зрѣнія нашего нравственнаго идеала, то научность исторіи обусловливается возможностью выработать научнымъ путемъ нравственный идеалъ, который *долженъ неизбѣжно* утвердиться въ человѣчествѣ, какъ единая научная истина. Допустивъ это слѣдствіе (а его я допускаю), мнѣ могутъ возразить (и возражали), что нравственные идеалы людей были до сихъ поръ крайне разнообразны, и, по самой сущности дѣла, какъ явленія чисто субъективныя, должны всегда оставаться разнообразными; что мы здѣсь находимся не въ области науки, а въ области вѣрованій; вѣрованія одного необязательны для другого; столь же мало обязательны для кого-бы то

ни было чужіе нравственные идеалы; каждый имѣетъ полное право выработать себѣ свой *особый* нравственный идеалъ, такъ какъ для чисто субъективныхъ взглядовъ нѣтъ критерія научной истины; слѣдовательно, оцѣнка прогресса и самое пониманіе прогресса не можетъ быть выработано научно; слѣдовательно, научная теорія прогресса, научное построеніе исторіи или даже соглашеніе по этимъ пунктамъ рѣшительно невозможны. Эти возраженія я не могу признать основательными, и на нихъ остановлюсь на минуту.

Если заключать на основаніи существующей и всегда существовавшей разницы между людьми, то придется отвергать не только единство нравственныхъ идеаловъ, но и единство научныхъ истинъ. Изъ 1400 милліоновъ личностей, составляющихъ человѣчество, огромное большинство не только не имѣетъ самыхъ поверхностныхъ научныхъ свѣдѣній, но не выработало даже началъ научнаго пониманія, не перешло даже первыхъ ступеней антропологическаго развитія. Цѣлыя племена не могутъ представить себѣ нѣсколько значительнаго числа и не обладаютъ отвлеченными словами. Фетишизмъ, вѣра въ амулеты и въ гаданья, вѣра въ чудесное не только господствуютъ у дикихъ и въ безграмотныхъ классахъ европейскаго населенія, но и безпрестанно проявляются въ средѣ такъ называемаго цивилизованнаго меньшинства. Слѣдуетъ ли заключить изъ этого, что наука не существуетъ, какъ непреложная истина *для человѣка?* Слѣдуетъ ли разсматривать результаты, полученные европейскими учеными, какъ феномены мысли, нисколько не имѣющіе болѣе права на утвержденіе, чѣмъ разсказы о привидѣніяхъ и пророческихъ снахъ? Между тѣмъ, если продолжится то положеніе вещей въ мірѣ, которое мы наблюдаемъ въ настоя-

щемъ, то число личностей научно мыслящихъ будетъ всегда подавлено массою вѣрующихъ въ привидѣнія и въ пророческіе сны. Я думаю, что единство нравственныхъ идеаловъ можетъ быть разсматриваемо, какъ положеніе не менѣе убѣдительное, чѣмъ единство научныхъ истинъ. Кто хочетъ, тотъ можетъ отвергнуть *то и другое* на томъ основаніи, что оба требуютъ спеціальнаго развитія отъ личностей, и для большинства въ прошедшемъ не существовали, какъ въ настоящемъ не существуютъ. Но лица, для которыхъ наука умственно-развитого меньшинства есть *единственная обязательная* истина, едва ли имѣютъ право отвергать идеалы нравственно-развитого меньшинства, какъ нѣчто совершенно индивидуальное.

Всѣ научные результаты достигнуты не разомъ, а путемъ выработки мысли и критики фактовъ. Надо подготовить умъ упражненіемъ, прежде чѣмъ онъ будетъ способенъ понять и усвоить научную истину; потому большинство людей до нашего времени остается внѣ научнаго движенія, и значительное число личностей, знакомыхъ съ результатами научной критики, повторяютъ эти результаты лишь на вѣру, какъ они повторяли бы разсказъ о чудесномъ событіи. Для изслѣдователей фактъ становится научнымъ, когда онъ выдержалъ рядъ методическихъ повѣрокъ; отсутствіе противорѣчія, согласіе съ наблюденіемъ, допущеніе лишь такихъ гипотезъ, которыя имѣютъ реальныя аналогіи, устраненіе всякихъ ненужныхъ и недоступныхъ опыту гипотезъ,—таковы требованія отъ всякаго новаго построенія, которое имѣетъ претензію войти въ рядъ научныхъ истинъ. Эти требованія не легко выполнимы, и потому исторія человѣческихъ знаній представляетъ длинный рядъ ошибокъ, изъ которыхъ постепенно, кусками, выработалась точная наука. Требованіе отсут-

ствія противорѣчія было одною изъ могучихъ причинъ задержки знанія, потому что приходилось сравнивать новое положеніе съ тѣмъ, что считалось безспорною истиною, и это сравненіе могло быть плодотворно лишь тогда, когда самыя точки сравненія установились критически; необходимо было, чтобы спеціальная наука выработалась изъ общей массы философскихъ соображеній; необходимо было, чтобы истины простѣйшихъ наукъ стали подкладкою для наукъ сложнѣйшихъ. Поэтому весьма немудрено, что самые сильные умы, на основаніи отсутствія противорѣчія съ *кажущимися* истинами, отвергали и отвергаютъ до сихъ поръ нѣкоторыя научныя положенія. Требованіе согласія съ наблюденіемъ было не менѣе трудною задачею; надо было *выучиться наблюдать*, а это не легко; величайшіе умы древности и замѣтные ученые новаго времени оставили намъ многочисленныя доказательства весьма грубыхъ ошибокъ наблюденія, и до сихъ поръ споры о точности наблюденія, сдѣланнаго въ томъ или другомъ случаѣ, не прекращаются. Мы не будемъ распространяться о трудности установленія правомѣрныхъ гипотезъ, когда столь же невозможно обойтись безъ нихъ для движенія науки впередъ, какъ нелегко указать предѣлъ, гдѣ научная гипотеза переходитъ въ метафизическое соображеніе; примѣры тому ежедневны въ самыхъ распространенныхъ сочиненіяхъ и у самыхъ уважаемыхъ ученыхъ.

Всѣ эти трудности объясняютъ медленный ходъ научнаго пониманія и должны бы убѣдить критически мыслящихъ изслѣдователей, что вовсе нѣтъ причины считать невозможнымъ приложеніе строго-научнаго мышленія и къ областямъ, гдѣ теперь господствуетъ столь же безпорядочный хаосъ мнѣній, какой въ древности господ-

ствовалъ въ основныхъ частяхъ естествознанія. Античный міръ выработалъ пониманіе логически-дедуктивной, математической и геометрической истины; но и до сихъ поръ есть люди, отыскивающіе квадратуру круга. Семнадцатый вѣкъ установилъ методъ повѣрки истины въ объективныхъ феноменологическихъ наукахъ; но до сихъ поръ спеціалисты противополагаютъ другъ другу опыты о гетерогенезисѣ, приводящіе къ противорѣчивымъ результатамъ. Значеніе психологическаго наблюденія еще составляетъ предметъ спора. Соціологія начала устанавливать нѣкоторыя свои положенія еще очень недавно. Во всѣхъ этихъ областяхъ люди различныхъ мнѣній стоятъ еще другъ противъ друга, упорно отрицая научную правомѣрность противниковъ, и не могутъ условиться въ томъ, какія наблюденія въ этихъ областяхъ безспорны, какія гипотезы допустимы, гдѣ существуетъ и гдѣ отсутствуетъ противорѣчіе. Тѣмъ не менѣе, во всѣхъ этихъ областяхъ изслѣдователи ищутъ научной, общей, безспорной истины; вездѣ большинство критиковъ допускаетъ, что эта истина существуетъ, что ее искать можно и должно. Почему же для области нравственныхъ идеаловъ допускать вѣчное разнорѣчіе? Почему ставить на одинъ уровень человѣка, живущаго инстинктами и мгновенными влеченіями, съ человѣкомъ, пытающимся анализировать нравственныя явленія и открыть ихъ законы. Почему заключать изъ *нынѣшнихъ* споровъ между мыслителями о нравственныхъ вопросахъ, что тутъ до научныхъ результатовъ никогда не дойдутъ? Судя по теоріи движенія у Аристотеля (безспорно великаго ума), можно бы отвергнуть возможность существованія динамики когда бы то ни было.

Итакъ, нѣтъ невозможности въ выработкѣ научнымъ путемъ нравственнаго идеала, который, по мѣрѣ развитія

человѣчества, станетъ неизбѣжно обязательною истиною для кружка личностей все болѣе расширяющагося. Съ тѣмъ вмѣстѣ получается возможность выработать научное пониманіе прогресса и построить исторію, какъ науку.

Во всякомъ случаѣ, при отсутствіи убѣдительныхъ доказательствъ въ невозможности употребленія научныхъ пріемовъ въ области нравственности, дозволительно и едва ли не обязательно для каждаго, кто не проходитъ индифферентно мимо важнѣйшихъ вопросовъ для человѣчества, стараться о критической выработкѣ нравственнаго идеала наиболѣе раціональнаго и о построеніи науки прогресса — исторіи—на основаніи этого идеала. По тому самому я позволяю себѣ поставить въ основаніи всего послѣдующаго разсужденія опредѣленное указаніе на то, въ чемъ я вижу прогрессъ человѣчества.

Развитіе личности въ физическомъ, умственномъ и нравственномъ отношеніи; воплощеніе въ общественныхъ формахъ истины и справедливости—вотъ краткая формула, обнимающая, какъ мнѣ кажется, все, что можно считать прогрессомъ; и прибавлю, что я въ этой формулѣ не считаю ничего мнѣ лично принадлежащимъ: болѣе или менѣе ясно и полно высказанная, она лежитъ въ сознаніи всѣхъ мыслителей послѣднихъ вѣковъ, а въ наше время становится ходячею истиною, повторяемою даже тѣми, кто дѣйствуетъ несогласно съ нею и желаетъ совершенно иного.

Понятія, входящія въ эту формулу, я считаю вполнѣ опредѣленными и не допускающими различныхъ толкованій для всякаго, кто добросовѣстно къ нимъ относится. Если я ошибаюсь, то, во всякомъ случаѣ, опредѣленіе этихъ понятій, доказательство положеній, входящихъ въ эту формулу, и подробное ея развитіе входятъ въ этику,

*

а не въ теорію прогресса. Химическія истины нечего доказывать въ трактатѣ о физіологіи; истины этики нечего развивать, когда дѣло идетъ о ихъ приложеніи къ процессу исторіи. Предложенная формула, какъ мнѣ кажется, при своей краткости, допускаетъ обширное развитіе, и, развивая ее, мы получимъ полную теорію какъ личной, такъ и общественной нравственности. Здѣсь я принимаю эту формулу за основаніе для послѣдующаго и прямо приступлю къ разсмотрѣнію нѣкоторыхъ условій, необходимыхъ для осуществленія прогресса въ томъ смыслѣ, который указанъ выше.

Развитіе личности въ *физическомъ* отношеніи лишь тогда возможно, когда она пріобрѣла нѣкоторый минимумъ гигіеническихъ и матеріальныхъ удобствъ, ниже котораго вѣроятность страданія, болѣзней, постоянныхъ заботъ далеко превосходитъ вѣроятность какого-либо развитія, дѣлаетъ послѣднее долею лишь исключительныхъ личностей, а всѣ остальныя обрекаетъ на вырожденіе въ ежеминутной борьбѣ за существованіе, безъ всякой надежды на улучшеніе своего положенія.

Развитіе личности въ *умственномъ* отношеніи лишь тогда прочно, когда личность выработала въ себѣ потребность критическаго взгляда на все, ей представляющееся, увѣренность въ неизмѣнности законовъ, управляющихъ явленіями, и пониманіе, что справедливость въ своихъ результатахъ тожественна съ стремленіемъ къ личной пользѣ.

Нахожу необходимымъ, для предупрежденія недоразумѣній, пояснить эти послѣднія слова.

Въ современномъ обществѣ, проникнутомъ всеобщею конкурренціею, отожествленіе справедливости съ личною пользою кажется безсмысленнымъ. Дѣйствительно, лица,

которыя теперь наслаждаются выгодами цивилизаціи, могутъ наслаждаться ими, лишь пріобрѣтя богатство и увеличивая его. Но капиталистическій процессъ обогащенія есть, по самой своей сущности, процессъ обсчитыванія рабочаго, процессъ недобросовѣстной спекуляціи на биржѣ, процессъ рыночной торговли своими умственными способностями, своимъ политическимъ и общественнымъ вліяніемъ. Этотъ путь едва ли назоветъ *справедливымъ* самый завзятый софистъ, но онъ будетъ утверждать, что умственное развитіе личности еще весьма слабо, когда личность ищетъ возможность согласить свою личную пользу со справедливостью. Онъ выставитъ иное положеніе: жизнь—борьба, и истинное умственное развитіе заключается въ томъ, чтобы быть достаточно хорошо вооруженнымъ для постоянной побѣды въ этой борьбѣ. Когда-то этому противопоставляли неудобства укоровъ совѣсти; противопоставляли опасность при постоянной борьбѣ быть побѣжденнымъ и тогда не имѣть близъ себя никого, кто поддержалъ бы въ минуту несчастія; противопоставляли общественное презрѣніе и общественную ненависть и т. п. Всѣ эти аргументы легко разбиваются современными теоретиками житейскихъ наслажденій: укоры совѣсти—дѣло привычки, и отъ нихъ очень легко закалить себя, когда убѣдишься, что пріобрѣтаешь богатство путемъ *законнымъ*, и что ни одинъ судья не можетъ подвести нашъ поступокъ подъ статью Уложенія о преступленіяхъ и наказаніяхъ; если огромное большинство конкуррируетъ на законномъ основаніи за обогащеніе, за увеличеніе наслажденій, то это большинство чувствуетъ не презрѣніе, не ненависть къ ловкому побѣдителю въ борьбѣ, а удивляется ему и преклоняется предъ нимъ, стараясь подражать ему и выучиться у него; что касается до шансовъ

пораженія въ постоянной борьбѣ, то, во-первыхъ, богатство достаточныхъ размѣровъ въ значительной степени обезпечиваетъ отъ этихъ шансовъ, а, во-вторыхъ, жизнь личности коротка, и дѣло лишь въ томъ, чтобы обезпечить себѣ наслажденіе жизнью на срокъ этой жизни.

Итакъ, слѣдуетъ согласиться, что, при настоящемъ строѣ общества, личная польза не только не тожественна съ справедливостью, но прямо противорѣчитъ ей. Чтобы имѣть наибольшее количество наслажденій въ настоящее время, личность должна заглушить въ себѣ самое понятіе о справедливости; должна обратить всю свою критическую способность на то, чтобы эксплуатировать все и всѣхъ, ее окружающихъ, для доставленія себѣ наибольшей доли наслажденій на ихъ счетъ, и должна помнить, что, если она на минуту поддастся соображеніямъ о справедливости или даже аффекту искренней привязанности, то она сама станетъ объектомъ эксплуатаціи тѣхъ, которые ее окружаютъ. Патрону приходится прижимать рабочаго, или рабочій будетъ его обкрадывать. Семьянину приходится подозрительно надзирать за женою и дѣтьми, или жена и дѣти будутъ его надувать. Правительству приходится имѣть тысячеглазую полицію, или власть его захватятъ другіе. Накопляй богатство, но держи ухо востро, потому что другъ приноситъ тебѣ жертву, лишь разсчитывая на большіе проценты; поцѣлуй, который даетъ тебѣ любовница, есть поцѣлуй покупной. Война—всюду, и оружіе должно быть готово противъ всѣхъ и въ каждую минуту.

Итакъ: *или* положеніе о тожествѣ справедливости съ личною пользою безсмысленно, *или* настоящій строй общества—строй патологическій. Если читатель находитъ, что послѣднее невѣрно, и все—какъ быть должно, то

пусть закроетъ эту книгу: она писана не для него. Но тогда являются вопросы: развилъ ли въ себѣ онъ, читатель, потребность критическаго взгляда на все окружающее. Проникся ли онъ увѣренностью въ неизмѣнности закона, что общество, основанное на войнѣ всѣхъ противъ всѣхъ, есть общество, котораго не скрѣпитъ никакая законность, никакая полиція; что это—общество разлагающееся и требующее радикальной реформы? Если же читатель инстинктивно или сознательно возмущенъ противъ этого общественнаго строя, фатально обреченнаго на взаимное недовѣріе, на взаимную эксплуатацію, если онъ призналъ подъ блескомъ современной культуры существованіе патологическихъ процессовъ, которые не могутъ оставить этотъ строй при его нынѣшнихъ ос нованіяхъ, то потребность критическаго взгляда на все окружающее должна его привести къ иному ряду вопросовъ. Приходится ли лѣчить болѣзненные симптомы этого общественнаго строя, или искать источникъ этой болѣзни и дѣйствовать противъ него? Если источникъ этой болѣзни лежитъ въ самыхъ основахъ современнаго общежитія, то радикальное измѣненіе экономическихъ, политическихъ, общежительныхъ отношеній между людьми не требуетъ ли и для самого принципа этихъ отношеній иной формулировки? Не придется ли, при перестройкѣ патологическаго общественнаго строя въ здоровый, принять въ основаніе не борьбу всѣхъ противъ всѣхъ, не всеобщую конкурренцію, но возможно-тѣсную и возможно-обширную *солидарность* между личностями? Можетъ ли быть здорово и прочно общество внѣ существованія солидарности между его членами? А что такое общественная солидарность, какъ не сознаніе того, что личный интересъ совпадаетъ съ интересомъ общественнымъ, что личное достоинство поддер-

живается лишь путемъ поддержки достоинства всѣхъ солидарныхъ съ нами людей? А если это—результатъ, къ которому должна привести потребность критическаго взгляда на все окружающее, то чѣмъ этотъ результатъ разнится отъ указаннаго выше: въ *здоровомъ* общежитіи справедливость, въ своихъ результатахъ, тожественна съ стремленіемъ къ личной пользѣ?

Развитіе личности въ *нравственномъ* отношеніи лишь тогда вѣроятно, когда общественная среда дозволяетъ и поощряетъ въ личностяхъ развитіе самостоятельнаго убѣжденія; когда личности имѣютъ возможность отстаивать свои различныя убѣжденія и тѣмъ самымъ принуждены уважать свободу чужого убѣжденія; когда личность сознала, что ея достоинство лежитъ въ ея убѣжденіи, и что уваженіе достоинства чужой личности есть уваженіе собственнаго достоинства.

Воплощеніе въ общественныхъ формахъ истины и справедливости предполагаетъ прежде всего для ученаго и мыслителя возможность высказать положенія, считаемыя имъ за выраженія истины и справедливости; затѣмъ, оно предполагаетъ въ обществѣ нѣкоторый минимумъ общаго образованія, дозволяющій большинству понять эти положенія и оцѣнить аргументы, приводимые въ ихъ пользу; наконецъ, оно предполагаетъ такія общественныя формы, которыя допустили бы измѣненіе, лишь только окажется, что эти формы перестали служить воплощеніемъ истины и справедливости.

Лишь тогда, когда физическое развитіе личности возможно, когда умственное ея развитіе прочно, когда нравственное ея развитіе вѣроятно, лишь тогда, когда общественная организація заключаетъ въ себѣ условія достаточной свободы слова, достаточнаго минимума средняго

образованія, достаточной доступности для измѣненій въ общественныхъ формахъ, лишь тогда прогрессъ общества *въ цѣломъ* можетъ считаться болѣе или менѣе обезпеченнымъ, лишь тогда можно сказать, что всѣ данныя для прогресса на лицо, и лишь внѣшнія катастрофы могутъ остановить его. Пока всѣ эти условія не выполнены, до тѣхъ поръ прогрессъ можетъ быть случайный, частный, не дающій никакого ручательства за самое близкое будущее; до тѣхъ поръ всегда можно ожидать эпохи застоя или реакціи вслѣдъ за эпохою видимаго успѣха. При самыхъ невыгодныхъ условіяхъ для цѣлаго общества иная личность можетъ быть поставлена, вслѣдствіе благопріятныхъ обстоятельствъ, въ положеніе, гдѣ она разовьется далеко за уровень своей среды. Эти благопріятныя обстоятельства могутъ существовать для группы личностей, но оставаться всетаки эфемернымъ явленіемъ, тогда какъ все общество будетъ предоставлено застою или реакціи. Законъ большихъ чиселъ съ неумолимою строгостью всегда не замедлитъ доказать, какъ мало историческаго значенія имѣетъ развитіе небольшой кучки личностей при исключительныхъ условіяхъ. Большинство общества должно быть поставлено въ условія возможнаго, вѣроятнаго и прочнаго развитія, чтобы можно было сказать объ обществѣ, что оно прогрессируетъ.

Я вовсе не такъ увѣренъ въ томъ, что читатель согласится съ указанными мною условіями прогресса, какъ надѣялся на безпрекословное принятіе имъ короткой формулы, поставленной въ началѣ; но это общая судьба формулъ. Весьма многіе согласны съ ними, пока онѣ не уяснены; какъ только начинается уясненіе, люди, ихъ принимавшіе, начинаютъ угадывать, что они, приверженцы одной и той же формулы, не совсѣмъ понимали

другъ друга. Для меня эти условія кажутся необходимыми, и я предоставляю тому, кто несогласенъ со мною, удержавъ формулу, поставить ей другія условія.

Но, поставивъ *эти* условія, я позволю себѣ спросить читателя: имѣемъ ли мы, вообще, право говорить въ настоящее время о прогрессѣ *человѣчества*? Можно ли сказать, что для большинства 1400 милліоновъ, изъ которыхъ состоитъ современное человѣчество *начальныя* условія прогресса уже осуществлены? Даже, *нѣкоторыя* изъ этихъ условій осуществлены ли? И для какой доли изъ этихъ 1400 милліоновъ? И можно ли безъ нѣкотораго ужаса подумать, *во что* обошлось несчастнымъ милліонамъ погибшихъ поколѣній осуществленіе прогресса для маленькой горсти личностей, которыхъ историкъ можетъ считать представителями цивилизаціи?

Я бы счелъ оскорбленіемъ для читателя, если бы усомнился на минуту въ томъ, какъ онъ отвѣтитъ на вопросъ: осуществлены ли начальныя условія прогресса? Здѣсь возможенъ лишь *одинъ* отвѣтъ: *всѣ* условія пропрогресса не осуществлены *ни для одного* человѣка, и *ни одно* изъ нихъ не осуществлено для *большинства*. Лишь небольшія группы личностей или отдѣльныя личности оказывались иногда и кое-гдѣ въ достаточно благопріятныхъ обстоятельствахъ, чтобы завоевать себѣ какой-либо прогрессъ и передать традицію борьбы за лучшее другимъ маленькимъ группамъ, которымъ судьба тоже подарила нѣсколько выгоднѣйшее положеніе. Всюду и всегда личности, выработавшія въ себѣ какой-либо прогрессъ, должны были бороться съ неисчислимыми препятствіями, тратить на эту борьбу самую значительную долю своихъ силъ и своей жизни, чтобы только отстоять свое право на физическое и умственное развитіе. Лишь

при особенно выгодныхъ обстоятельствахъ имъ это удавалось. Лишь при исключительномъ положенiи личностей борьба за существованiе не имѣла мѣста, а время и силы шли на борьбу за увеличенiе наслажденiй. Еще исключительнѣе было положенiе тѣхъ, которые воспользовались настолько совершившеюся за нихъ борьбою другихъ личностей, чтобы бороться за нравственное наслажденiе сознательнаго развитiя въ себѣ человѣческихъ началъ и воплощенiя ихъ въ общественныя формы. И во всѣхъ этихъ случаяхъ борьба требовала такой доли силъ и жизни, что на самое осуществленiе цѣли борьбы оставалось и того, и другого крайне мало, такъ что немудрено, если человѣчество, даже въ части, всего лучше обставленной, достигло еще столь немногаго. Удивительно еще, что при столь невыгодныхъ условiяхъ, нѣкоторая часть человѣчества всетаки достигла чего-то, имѣющаго права назваться не осуществленiемъ, а развѣ подготовленiемъ правильнаго прогресса. Но за то какъ мала эта доля *успѣвшихъ*? И чего это стоило *остальнымъ*?

Всего болѣе подвинулось человѣчество относительно условiй физическаго развитiя личности; между тѣмъ, даже и въ этомъ отношенiи какъ еще незначительно число лицъ, для которыхъ осуществленъ *необходимый* минимумъ гигiеническихъ и матерiальныхъ удобствъ! Какое ничтожное меньшинство изъ 1400 миллiоновъ человѣчества пользуется достаточною и здоровою пищею, имѣетъ одежду и жилище, удовлетворяющiя основнымъ требованiямъ гигiены, можетъ обратиться къ медику въ случаѣ болѣзни, къ общественной заботливости въ случаѣ голода или внезапнаго несчастiя! Какое огромное большинство проводитъ почти всю свою жизнь въ не-

престанныхъ заботахъ о насущномъ хлѣбѣ, въ неутомимой борьбѣ за свое жалкое существованіе, и при томъ еще не всегда въ состояніи отстоять себя! Сочтите племена, которымъ эта борьба и до сихъ поръ не дозволила выйти изъ состоянія, почти ничѣмъ не отличающагося отъ другихъ породъ животныхъ. Сочтите жертвы голода, эпидемій въ многочисленныхъ племенахъ, лишенныхъ всѣхъ пособій раціональной культуры. Сочтите въ средѣ цивилизованной Европы ту массу населенія, которая осуждена всю жизнь биться изъ-за завтрашняго куска хлѣба. Припомните страшные отчеты о гигіеническихъ условіяхъ жизни рабочаго въ самыхъ *развитыхъ* странахъ Европы. Посмотрите въ таблицахъ смертности, какія цифры соотвѣтствуютъ вздорожанію хлѣба на нѣсколько процентовъ, какъ измѣняется вѣроятность жизни для бѣдняка и для богатаго. Припомните, какъ малъ заработокъ огромнаго большинства европейскаго населенія. Когда эти цифры предстанутъ предъ вами въ ихъ ужасающей реальности, тогда можете спросить себя, какая доля человѣчества *пользуется дѣйствительно* тѣми жизненными удобствами, тѣми необходимыми условіями физическаго развитія для человѣка, которыя вырабатываетъ современная культура въ ея фабрикахъ, медицинскихъ факультетахъ, въ ея комитетахъ о бѣдныхъ? Какъ велико *практическое* значеніе человѣческой науки и человѣческой филантропіи въ наше время для жизни большинства людей, для ихъ развитія? А при этомъ нельзя не сознаться, что увеличеніе матеріальныхъ удобствъ жизни въ Европѣ бросается въ глаза, и что, безспорно, количество личностей, имѣющихъ возможность пользоваться удобствами здоровой пищи, здороваго жилища, медицинскаго пособія въ случаѣ болѣзни и полицейской

охраны отъ случайностей, очень увеличилось въ послѣдніе вѣка. На этой-то небольшой долѣ человѣчества, охраненной отъ самой тяжкой нужды, лежитъ въ наше время *вся* человѣческая цивилизація.

Далеко, далеко ниже стоитъ человѣчество на пути осуществленія условій умственнаго развитія. Нечего и говорить о выработкѣ критическаго взгляда на вещи, о пониманіи неизмѣнности законовъ природы и утилитарнаго значенія справедливости для огромнаго числа тѣхъ, которые должны еще отстаивать *свое* существованіе противъ ежеминутной опасности. Но и меньшинство, болѣе или менѣе огражденное отъ этихъ тяжелыхъ заботъ, заключаетъ въ себѣ лишь самую незначительную долю личностей, привыкшихъ мыслить критически, усвоившихъ смыслъ слова „законъ явленій“ и ясно понимающихъ собственную пользу. Слишкомъ много смѣялись и негодовали, приводя примѣры господства моды, привычки, преданій, всякаго рода авторитетовъ въ цивилизованномъ меньшинствѣ, чтобы мнѣ нужно было распространяться объ этомъ предметѣ и повторять тысячу разъ повторенную истину—что люди, выработавшіе въ себѣ привычку критически мыслить *вообще*, суть замѣчательныя рѣдкости. Нѣсколько болѣе, хотя и то очень мало, людей, привыкшихъ обобщать явленія какой-либо одной, болѣе или менѣе широкой, сферы явленій. Внѣ этой сферы, они столь же подчинены безсмысленному повторенію чужихъ мнѣній, какъ и все остальное большинство человѣчества. Что касается до усвоенія понятія о неизмѣнности законовъ, управляющихъ явленіями, то его можно искать только въ маленькой группѣ лицъ, серьезно занимавшихся наукою. Но и между ними далеко не всѣ, которые проповѣдуютъ на словахъ неизмѣнность зако-

новъ природы, могутъ считаться усвоившими это начало въ самомъ дѣлѣ. Эпидеміи новѣйшихъ маговъ,—магнетизеровъ, вызывателей духовъ, спиритистовъ,—дали длинные списки лицъ, увлеченныхъ этими эпидеміями, и въ числѣ этихъ именъ встрѣчаются, къ сожалѣнію, люди науки. Да и внѣ этихъ эпидемій, особенно въ минуту жизненной опасности, душевныхъ потрясеній и т. п., не разъ люди науки обращались къ амулетамъ и заклинаніямъ (конечно, въ ихъ общеупотребительной христіанской формѣ), показывая, какъ некрѣпко въ ихъ умахъ убѣжденіе въ неизмѣнности хода явленій и въ невозможности отклонить процессы природы отъ ихъ неизбѣжнаго совершенія. Мудрено ли послѣ этого, что христіанскіе амулеты и заклинанія играютъ свою роль среди блестящей культуры Европы XIX вѣка столь же эффектно, какъ другіе въ пустыняхъ Африки у нашихъ современниковъ, или за нѣсколько тысячелѣтій у нашихъ предковъ. Наука природы отвоевала лишь кое-что у міра чудеснаго, такъ что культура нашего времени въ мелочахъ жизни представляетъ пеструю смѣсь раціональныхъ и предразсудочныхъ пріемовъ, и вѣра въ чудесное готова пробудиться въ большинствѣ *образованнаго* класса при первомъ удобномъ къ тому поводѣ.

Я не рѣшаюсь даже поставить вопроса о развитіи пониманія утилитарной стороны справедливости. При настоящемъ общественномъ строѣ условія всеобщей конкурренціи ведутъ къ прямому отрицанію утилитарнаго значенія справедливыхъ дѣйствій, слѣдовательно—ожидать усиленія понятія, противорѣчащаго господствующему направленію мысли, невозможно. Можно лишь удивляться, какъ здоровые инстинкты человѣка, на зло господствующей и растущей конкурренціи, все еще принуждаютъ

людей преклоняться предъ фикціями справедливости. Но оно такъ. Почти каждому, самому безсовѣстному эксплуататору всего окружающаго хочется *казаться* справедливымъ, и не только предъ другими, а весьма часто предъ самимъ собою. Это есть симптомъ невольнаго признанія истины поставленнаго выше положенія даже среди строя, въ основаніи котораго лежитъ отрицаніе этого положенія. Но само собою разумѣется, что въ настоящее время число лицъ, усвоившихъ себѣ это положеніе въ теоріи и на практикѣ, совершенно незамѣтно.— Какъ ни мало доступны условія умственнаго прогресса, даже въ средѣ меньшинства, обезпеченнаго отъ прямой борьбы за существованіе, но всетаки эти условія, хотя частью, выполняются. Есть небольшая группа людей, выработавшихъ въ себѣ привычку критически мыслить хотя въ частной области знанія. Неизмѣнность законовъ явленій теоретически признана большинствомъ ученыхъ, хотя очень мало вошла въ личное убѣжденіе. Только утилитарное значеніе справедливости, даже въ теоріи, сознано очень мало.

Но что сказать объ условіяхъ нравственнаго развитія личности? Такъ какъ объ убѣжденіяхъ можно говорить только въ кругу людей, выработавшихъ въ себѣ способность критически мыслить, то и условія нравственнаго развитія существуютъ для этой маленькой группы. Но лишь одна доля ея находится въ странахъ, гдѣ законъ ограждаетъ личное убѣжденіе, а не караетъ его. Лишь небольшая доля этой доли живетъ въ общественной средѣ, которая не смотритъ на самостоятельность убѣжденій, какъ на нравственный порокъ, не старается искоренить его съ дѣтства воспитаніемъ, внушающимъ покорность общепринятому, не гонитъ его всѣми средствами въ жиз-

ни, какъ неприличіе, вредящее общественному спокойствію. Когда личности этой, едва замѣтной, группы человѣчества, счастливѣе другихъ поставленной въ отношеніи условій нравственнаго развитія, выработали въ себѣ убѣжденіе, то лишь маленькая доля ихъ сохраняетъ терпимость въ отношеніи чужихъ убѣжденій, и еще меньшая къ этому присоединяетъ сознаніе, что достоинство человѣка лежитъ въ его убѣжденіи. Судите же поэтому, для какой самомалѣйшей части человѣчества въ каждомъ поколѣніи возможенъ нравственный прогрессъ. А въ нравственномъ прогрессѣ каждое поколѣніе повторяетъ ту же работу, такъ какъ сила и самостоятельность убѣжденія, а также готовность стоять за него, не передается отъ одной личности другой, а вырабатывается каждою личностью самостоятельно. — Прогрессъ заключается здѣсь лишь въ числѣ личностей, усвоившихъ сильныя и самостоятельныя убѣжденія. По малочисленности лицъ, для которыхъ это убѣжденіе вообще *возможно*, нѣтъ никакихъ средствъ опредѣлить, существуетъ ли этотъ прогрессъ, или нѣтъ. Можно бы предполагать, что онъ имѣетъ мѣсто вслѣдствіе расширенія географической территоріи, гдѣ законъ ограждаетъ свободу мысли, но за то лучшія средства административнаго надзора стѣсняютъ ее болѣе, чѣмъ прежде, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ существуетъ въ этомъ отношеніи репрессивное законодательство, такъ что рѣшеніе этого вопроса предстоитъ будущему. Для настоящаго онъ и не имѣетъ особой важности по незначительности той доли человѣчества, до которой этотъ вопросъ касается. Замѣчу, что Бокль, отрицая нравственный прогрессъ въ человѣчествѣ, имѣлъ въ виду совсѣмъ иное.

Переходимъ къ условіямъ, необходимымъ для воплощенія въ общественныхъ формахъ истины и справедли-

вости. Первое изъ нихъ—возможность высказать свои научныя знанія и философскія убѣжденія—выполнено, болѣе или менѣе, въ довольно замѣтной части Европы и Америки, и это—самый дѣйствительный прогрессъ человѣческой исторіи, хотя и тутъ дѣло не обходится безъ значительныхъ неудобствъ для людей слишкомъ рѣшительныхъ мнѣній: судьба Лудвига Фейербаха въ Германіи, прежняго Рошфора, Марото, Гэмбера во Франціи, даже въ Англіи затрудненія, которыя встрѣчалъ Брэдло при вступленіи въ парламентъ, указываютъ, что много еще осталось завоевать для прогресса и на этомъ пути. Но второе—достаточный минимумъ общественной образованности—какъ мы видѣли, осуществлено лишь для незначительнаго меньшинства, обезпеченнаго отъ самой упорной борьбы за существованіе и привыкшаго критически мыслить: всѣ остальные члены общества или подавлены ежедневными заботами, или привыкли идти за авторитетами. Третье условіе—возможность обсужденія и измѣненія отжившихъ общественныхъ формъ—повидимому, осуществлено тамъ, гдѣ конституція узаконяетъ учредительныя и законодательныя собранія. Однако, въ наше время надежды на эти легальные органы общественнаго мнѣнія очень ослабѣли. Точно ли они представляютъ и могутъ ли представлять *общественное* мнѣніе, т. е. мнѣніе большинства взрослаго населенія страны? Мы видѣли, что условія физическаго развитія весьма недостаточно удовлетворены для большинства людей, условія же умственнаго и нравственнаго развитія—почти для всѣхъ. Въ такомъ случаѣ, можно ли допустить, чтобы какое-бы то ни было учредительное или законодательное собраніе выражало въ своихъ преніяхъ и постановленіяхъ дѣйствительное общественное мнѣніе? Такъ какъ тяжелыя заботы о насущномъ

хлѣбѣ дѣлаютъ для огромнаго большинства личностей совершенно невозможнымъ участіе въ законодательствѣ, при сложныхъ формахъ, которыя ему приданы, и такъ какъ даже немногимъ личностямъ этого большинства, имѣвшимъ случайно возможность развиться умственно, настоящій общественный строй, въ большей части случаевъ, полагаетъ всевозможныя препятствія, то и наличныя общественныя формы обусловливаются и измѣняются лишь представителями обезпеченнаго меньшинства. Такъ какъ это меньшинство критически развито весьма мало и всего менѣе въ отношеніи пониманія утилитарнаго значенія справедливости, то справедливое сужденіе въ этомъ случаѣ составляетъ случайность, а общимъ правиломъ является сужденіе и рѣшеніе на основаніи исключительныхъ, эгоистическихъ интересовъ меньшинства, поставленнаго обстоятельствами у двигателя законодательной машины. Смотря по знаніямъ этого меньшинства и по его лучшему или худшему пониманію собственныхъ интересовъ, оно воплощаетъ въ законодательствѣ эти интересы полнѣе или менѣе полно. Но, въ самомъ выгодномъ случаѣ, законодательство является, такимъ образомъ, попыткою удовлетворить минимуму потребностей массъ, для того чтобы предотвратить революціонные взрывы. Большею же частью, господствующіе классы или правительственное меньшинство воплощаютъ въ законодательствѣ ту самую соціальную борьбу, которая побуждаетъ обладателей капитала смотрѣть на массы, лишь какъ на объектъ экономической эксплуатаціи для собственнаго обогащенія, а лицъ, участвующихъ въ правительствѣ,— видѣть въ подданныхъ лишь предметъ полицейскаго надзора и карательныхъ мѣръ.

Не только *интересы* меньшинства препятствуютъ улуч-

шенію общественныхъ формъ; ему препятствуютъ еще болѣе усвоенныя *привычки,* освященныя временемъ *преданія.* Въ глазахъ значительнаго числа личностей самыхъ развитыхъ обществъ, обсужденію и законному измѣненію всегда подлежали лишь нѣкоторыя политическія и нѣкоторыя маловажныя экономическія формы. Все остальное остается *неприкосновенною* святынею даже въ глазахъ многихъ изъ тѣхъ, которые болѣе или менѣе терпятъ отъ этой неприкосновенной святыни, тѣмъ болѣе въ глазахъ тѣхъ, которые не чувствуютъ ея тягости. Было время, когда ни одинъ политическій ораторъ свободной республики не могъ бы заикнуться объ уничтоженіи рабства. Было время, когда терпимость къ иновѣрцамъ представляла тему, способную повести на костеръ. Но еще и въ наше время въ парламентахъ Европы и Америки можно спокойно обсуждать тарифы и займы, а радикальное обсужденіе вопроса о распредѣленіи богатствъ невозможно. Пренія объ отвѣтственности министровъ допускаются, но замѣна одной династіи другою или переходъ отъ монархическаго правленія къ республиканскому могутъ имѣть мѣсто лишь путемъ революціи. Экономическую сторону семейныхъ отношеній подвергаютъ пересмотру, но до сущности этихъ отношеній и не касаются. Во многихъ случаяхъ нельзя сказать, чтобы прикосновеніе къ этимъ святынямъ было прямо запрещено закономъ, или подвергало-бы нарушителя опредѣленной карѣ Мнѣніе можетъ быть высказано, если между законодателями найдется критически-мыслящая и смѣлая личность. Но привычка и преданіе не дозволяютъ большинству законодателей и значительной части общества даже про себя приступить къ обсужденію его мотивовъ. Мнѣніе будетъ отвергнуто не выслушаннымъ, не сознаннымъ,

и не потому, чтобы его противникамъ казались аргументы его слабыми, или интересы ихъ при этомъ затронутыми, а просто потому, что это мнѣніе въ ихъ глазахъ *не подлежитъ обсужденію.* При недостаткѣ критическаго развитія въ средѣ обезпеченнаго меньшинства, поставляющаго законодателей, и при меньшемъ страданіи интересовъ этого меньшинства отъ неприкосновенныхъ святынь, послѣднія долго остаются фактически святынями даже и послѣ того, какъ въ области мысли онѣ уже давно потеряли свою неприкосновенность, послѣ того какъ огромное большинство чувствуетъ ихъ гнетъ, хотя еще и не сознало необходимости измѣнить неприкосновенныя формы. Недовольство растетъ. Страданія умножаются. Происходятъ мѣстные взрывы, легко подавляемые. Правительства и господствующіе классы прибѣгаютъ къ палліативамъ, къ полумѣрамъ, для облегченія слишкомъ явныхъ страданій и къ уменьшенію полицейскаго надзора и карательныхъ мѣръ. Когда критически-мыслящее меньшинство повторяетъ свои требованія реформъ, оно встрѣчаетъ неодолимыя препятствія. Все остается, какъ есть, пока мнѣніе о негодности этихъ формъ (конечно, взятое на вѣру) не распространится на довольно значительное число личностей и пока недовольные не сознаютъ, что путь мирныхъ реформъ для общества невозможенъ. Тогда отжившія формы разрушаются, но уже не путемъ мирныхъ законодательныхъ реформъ, а путемъ насильственной революціи, которая фактически въ историческомъ процессѣ оказывается, большею частью, несравненно болѣе обыкновеннымъ орудіемъ общественнаго прогресса, чѣмъ радикальная реформа въ законодательствѣ мирнымъ путемъ. Правительства, конечно, всегда стараются предотвратить революціи. Эти рево-

люціи почти всегда вовсе нежелательны и оппозиціоннымъ партіямъ, требующимъ реформъ. Но недостатокъ умственнаго и нравственнаго развитія въ господствующихъ и руководящихъ личностяхъ и группахъ ведетъ обыкновенно въ подобныхъ случаяхъ къ неизбѣжному кровавому столкновенію. Бѣдствія революцій извѣстны всѣмъ. Огромное количество страданій, ими вызываемыхъ, именно для массъ, подавленныхъ ежедневными заботами, дѣлаетъ ихъ всегда весьма печальнымъ средствомъ историческаго прогресса. Но такъ какъ онъ, большею частью, невозможенъ инымъ путемъ при серьезныхъ общественныхъ неудобствахъ, и такъ какъ иногда даже прямой разсчетъ доказываетъ, что хроническія страданія массъ при сохраненіи прежняго строя иногда далеко превосходятъ всѣ вѣроятныя страданія въ случаѣ революціи, то приходится самымъ мирнымъ, но искреннимъ реформаторамъ обращаться въ революціонеровъ. Бѣдствія, при этомъ неизбѣжныя, могутъ быть уменьшены лишь раціональнымъ обсужденіемъ *дѣйствительныхъ* измѣненій, къ которымъ должна привести революція, тогда какъ мы слишкомъ часто видимъ въ исторіи, что она ограничивается лишь замѣною одной господствующей группы другою, массы же, къ улучшенію положенія которыхъ стремятся искренніе революціонеры и силами которыхъ революціи совершаются, очень мало выигрываютъ отъ переворота.

Замѣчая, какъ мало выполнены условія человѣческаго прогресса, мы, конечно, перестанемъ удивляться существованію печальнаго хора писателей, во всѣ вѣка повторявшихъ горькія жалобы на бѣдствія человѣчества и сѣтовавшихъ на непрочность такъ называемыхъ историческихъ цивилизацій. Какъ въ наше время огромное большинство человѣчества обречено на непрестанный фи-

зническій трудъ, отупляющій умъ и нравственоое чувство, на вѣроятность смерти отъ голода или отъ эпидемій, такъ и всегда большинство было въ подобномъ положеніи. Вѣчно трудящейся человѣческой машинѣ, часто голодающей и всегда озабоченной завтрашнимъ днемъ, вовсе не лучше въ наше время, чѣмъ было въ другіе періоды. Для нея прогресса нѣтъ. Ей мало дѣла и до культуры, стоящей надъ ея головою со своими дворцами, парламентами, храмами, академіями, студіями. Ее связывали въ прежнее время съ господствующимъ меньшинствомъ неприкосновенность стародавняго обычая, святыня общей религіи. Позже она вѣрила въ заботу о ней патріархальныхъ начальниковъ далекихъ, царей. Еще позже надѣялась на „народныхъ" министровъ, на „радикальныхъ" ораторовъ въ парламентахъ и на митингахъ, слыша, какъ эти люди съ жаромъ говорили о „народѣ". Но исторія уносила одну изъ этихъ иллюзій за другою, и цивилизаціи съ ихъ блескомъ все оставались средствами наслажденія меньшинства въ виду постоянно страждущаго большинства. Тѣмъ не менѣе, все снова и снова предъ всякимъ обществомъ возникаетъ вопросъ о необходимости, для прочности цивилизаціи, установить солидарность интересовъ и убѣжденій, установить связь между господствующими классами и большинствомъ. Если этой связи не существуетъ между массою неимущихъ и цивилизованнымъ меньшинствомъ, то цивилизація его всегда непрочна. Столкновеніе съ чужеземнымъ завоевателемъ, проповѣдь новой религіи, минутный взрывъ голодной массы—могутъ уничтожить въ самое короткое время весьма блестящую культуру, не смотря на ея кажущееся преобладаніе по матеріальнымъ, умственнымъ и нравственнымъ условіямъ. Единственное средство для цивилизаціи

быть болѣе прочною, это—постоянно связывать со своимъ существованіемъ матеріальные, умственные и нравственные интересы неимущаго большинства, расширяя на большее и большее число лицъ выгоды матеріальныхъ удобствъ жизни, развивающее дѣйствіе науки, сознаніе личнаго достоинства и привлекательное вліяніе болѣе справедливыхъ общественныхъ формъ. Лишь распредѣляя равномѣрнѣе скопленный капиталъ благосостоянія, умственнаго и нравственнаго развитія, цивилизованное меньшинство можетъ доставить вѣроятность прочности своему собственному развитію.

Древнія восточныя царства, точно такъ же какъ царства Мексики, Перу и, вѣроятно, того безыменнаго общества, которое оставило дворцы и храмы въ лѣсахъ Паленкэ, были снесены со всѣми ихъ цивилизаціями первою соціальною бурею. Это былъ не рядъ случайностей, а совершенно естественный продуктъ формы этихъ цивилизацій. Когда монополія умственнаго развитія принадлежала теократіи, когда монополія жизненныхъ благъ и культурныхъ улучшеній принадлежала небольшому кружку наслѣдственныхъ собственниковъ или людей, переходившихъ за порогъ царскаго дворца, когда дворцы для одного и храмы для немногихъ были результатами неисходнаго труда огромнаго большинства, когда для этого большинства не предвидѣлось ни значительнаго улучшенія быта отъ сохраненія туземныхъ общественныхъ формъ, ни значительнаго вреда отъ подчиненія чуждому завоевателю, тогда... что могло искренно связывать это большинство съ цивилизаціею, составлявшею для него лишь любопытное зрѣлище, отдаленное и безполезное? Приходилъ чуждый завоеватель и легко *снималъ* съ вершины общества небольшой слой цивилизованнаго меньшинства:

пустѣли, рушились и обростали лѣсомъ великолѣпные дворцы и храмы въ Ниневіи, чтобы подняться въ Вавилонѣ; затѣмъ падалъ Вавилонъ, чтобы притянуть трудъ и капиталы въ Сузу и Персеполь. Большинство теряло лишь пестрое зрѣлище, а трудилось безъ пользы для Сеннахеримовъ такъ, какъ для Навуходоносоровъ; было связано интересами и жизнію мысли съ Амазисомъ столь же мало, какъ съ Даріемъ; гибло машинально въ войскахъ Кира, какъ оно гибло въ войскахъ Креза... Глубокая несправедливость распредѣленія условій физическаго, умственнаго и нравственнаго развитія придавала крайнюю непрочность всѣмъ этимъ цивилизаціямъ.

То же явленіе повторилось при паденіи греко-римскаго міра. Но здѣсь всетаки кругъ распространенія цивилизаціи былъ шире, формы ея нѣсколько справедливѣе, поэтому античная цивилизація была и устойчивѣе, поэтому и не такъ легко поддалась она напору внѣшнихъ и внутреннихъ разрушительныхъ силъ; потому и слѣды ея въ исторіи человѣчества глубже и многочисленнѣе. Съ нею связаны были интересы экономическіе значительнаго числа гражданъ, интересы умственные всѣхъ тѣхъ, кто имѣлъ возможность, устранивъ самыя тяжелыя заботы, придти въ одинъ изъ городскихъ центровъ мысли и политической жизни. Унизительный деспотизмъ личности смѣнился идеализированнымъ деспотизмомъ государства и закона. Съ теократіей исчезла монополія умственнаго развитія. Точная наука, независимое философское мышленіе, сознательное участіе гражданина въ политическомъ цѣломъ — расширили осуществленіе условій физическаго, умственнаго и нравственнаго развитія. Тѣмъ не менѣе, подъ слоемъ свободныхъ гражданъ находился несравненно многочисленнѣйшій классъ рабовъ,

которымъ предоставленъ былъ весь ремесленный трудъ, и которые ничѣмъ не были связаны съ политическою жизнію гражданъ. За стѣнами самодержавныхъ городовъ расширялись территоріи, подчиненныя произволу и эксплуатаціи, чуждыя научному и философскому развитію центровъ. Педагогическое дѣйствіе научной и философской мысли было слабо, и, вмѣсто того, чтобы расширить кругъ знающихъ, философы писали на дверяхъ академій запретъ незнающему войти. Высоко и быстро поднялась греческая мысль, но тѣмъ уединеннѣе стояли на этой высотѣ ученые, непонятные обществу, философы, чуждые обыденныхъ интересовъ жизни. Неизбѣжный фатумъ не заставилъ себя долго ждать. Многочисленные граждане, не связавшіе своихъ интересовъ съ интересами ремесленниковъ-рабовъ и подвластныхъ территорій, не отстояли свободы своихъ городовъ отъ внѣшняго насилія. Въ продолжительной борьбѣ, населеніе городовъ, хранившее традицію гражданственности, смѣшалось съ пришлымъ большинствомъ, чуждымъ этой традиціи, и центры древней политической жизни потеряли свое живое значеніе. Малочисленные ученые и передовые мыслители, не связавшіе своей мысли педагогически съ мыслію значительнаго числа лицъ, не отстояли правъ и методовъ своей критики отъ фетишизма массы, отъ лѣни и непослѣдовательности умовъ обезпеченнаго меньшинства. Подъ вліяніемъ волненій временъ діадоховъ и римскаго завоеванія критически-мыслящее меньшинство утонуло въ большинствѣ, чуждомъ критики; потребность нелѣпыхъ вѣрованій подавила потребность вѣрованій продуманныхъ, такъ же, какъ потребность матеріальнаго обезпеченія подавила потребность гражданской жизни. Эллинскій идеалъ справедливой жизни смѣнился римскимъ идеаломъ закон-

ной формы. Кругъ городовъ-эксплуататоровъ сузился сначала въ кругъ консуляровъ *одного* города, эксплуатировавшаго міръ, потомъ въ кругъ приближенныхъ *одного* человѣка, повелѣвавшаго міромъ. Когда внѣшніе враги древняго Рима пришли грабить его, онъ развалился подъ ихъ рукою, потому что некому было дорожить императорскимъ фискомъ съ его тяжелымъ гнетомъ. Когда новые христіанскіе чудотворцы бросили въ глаза потомкамъ Аристотеля, Архимеда и Эпикура требованіе мыслить немыслимое, критика замолчала, наука была похоронена и философія пошла въ рабство, потому что ихъ представители были уединены, или сами подпали вліянію массы, чуждой умственныхъ интересовъ. Недостаточная справедливость древней цивилизаціи подорвала ея прочность, не смотря на ея замѣчательные успѣхи, сравнительно съ прежними формами жизни и мысли.

И новая цивилизація Европы можетъ разсчитывать на свою прочность лишь настолько, насколько матеріальные, умственные и нравственные интересы меньшинства, ее представляющаго, связаны экономически съ благосостояніемъ большинства, педагогически—съ его мышленіемъ, жизненно—съ убѣжденіемъ большинства личностей, что ихъ достоинство солидарно съ существующей цивилизаціею. Кто находитъ, что эти условія не выполнены въ настоящемъ строѣ общества, что въ немъ господствуетъ не солидарность, а соціальный раздоръ, тотъ неизбѣжно долженъ искать путей, которыми это патологическое состояніе было бы переведено въ здоровое, въ строй болѣе справедливый, въ которомъ установилась бы солидарность между интересами различныхъ общественныхъ группъ. Справедливѣйшая въ своемъ распредѣленіи цивилизація есть и долговѣчнѣйшая.

Но долговѣчіе цивилизаціи иногда покупается цѣною ея способности развиваться. Если географическія условія нѣкоторымъ образомъ обезпечиваютъ цивилизацію извнѣ, то она можетъ оградиться отъ опасностей изнутри тѣмъ, что помѣшаетъ развиваться въ своей средѣ личностямъ съ критическою мыслью, которыхъ вовсе не такъ много, чтобы нельзя было ихъ подавлять каждый разъ, когда онѣ появятся. Для иныхъ расъ человѣчества, крѣпче другихъ держащихся за свои привычки и за свою старину, а можетъ быть, и по строю мозга менѣе склонныхъ къ критическому развитію, образуется, наконецъ, въ рядѣ поколѣній, привычка къ опредѣленному складу мысли, повторяющемуся съ такою-же неизмѣнностью, какъ строй улья у пчелъ и постройки термитовъ. Тогда въ обществѣ могутъ происходить дворцовыя революціи, кровавыя войны, смѣны династій, даже образованіе многотомной литературы, но цивилизація его не измѣняется, а жизнь *историческая* въ немъ прекращается. Китай представляетъ довольно обычный примѣръ подобнаго застоя. Впрочемъ, не должно думать, чтобы самыя высшія расы были совершенно избавлены отъ опасности впасть въ застой. Византія прошла довольно далеко по тому же пути. Московское царство уже склонялось къ нему. Но и болѣе развитыя формы государственности могутъ придти къ окоченѣнію.

Такимъ образомъ, всякой цивилизаціи грозятъ постоянно двѣ опасности. Если она ограничивается слишкомъ малочисленнымъ и слишкомъ исключительно поставленнымъ меньшинствомъ, то ей грозитъ опасность исчезнуть. Если она не дастъ развиться въ средѣ цивилизованнаго меньшинства критически мыслящимъ единицамъ, ее оживляющимъ, ей грозитъ застой.

Недостаточное удовлетвореніе самыхъ основныхъ условій прогресса не дозволило ему никогда и нигдѣ сдѣлаться прочною принадлежностью какой-либо цивилизаціи, обезпечивая ее отъ остановокъ и потрясеній, отъ реакцій и переворотовъ. Застой грозилъ и грозитъ всѣмъ цивилизаціямъ; если его примѣры рѣдки въ исторіи, то лишь потому, что стремленіе къ застою не было даже въ состояніи устранить причины непрочности общественнаго строя; внѣшніе враги и внутреннія болѣзни не давали времени обществу обратиться въ муравейникъ. Такимъ образомъ, *вѣроятность* прочнаго прогресса въ человѣчествѣ никогда не существовала, но, не смотря на невыгодныя условія, невѣроятное совершалось, и кое-гдѣ, для едва замѣтнаго меньшинства человѣчества, наука прогресса, исторія, могла накопить кое-какой матеріалъ. Кое гдѣ личности и группы личностей могли развиться физически, умственно и нравственно, могли пріобрѣсти кое-какія истины, воплотить въ жизнь маленькихъ кружковъ нѣсколько болѣе справедливости и завѣщать другимъ поколѣніямъ средства успѣшной борьбы за прогрессъ. Если условія *общественнаго* прогресса не были осуществлены нигдѣ (т. е. условія, необходимыя для безпрепятственнаго и прочнаго прогресса въ данномъ обществѣ), то условія для прогрессивной дѣятельности отдѣльныхъ личностей были часто на лицо: критическое отношеніе къ современной культурѣ, крѣпкое убѣжденіе и рѣшимость воплотить его, не обращая вниманія на опасности. Вообще, эти послѣднія условія были не такъ рѣдко выполнимы, какъ оно бы казалось, если взять въ соображеніе полное отсутствіе осуществленія условій для *общественнаго* прогресса. Умственное развитіе личности, если оно было и непрочно, то не всегда мѣшало личности

доходитъ до критики существующаго, иногда же сознавать и совпаденіе справедливости съ личной пользой развитого человѣка. Нравственное развитіе, какъ оно ни было мало *вѣроятно* при существующемъ строѣ общества, все же высказывалось въ самыхъ отсталыхъ средахъ. При самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ мыслители высказывали свои теоріи истины и справедливости и встрѣчали около себя сочувствіе и пониманіе. Формы общественной жизни, упорно противившіяся прогрессу, распадались не разъ подъ взрывами революцій, если онѣ не подавались подъ напоромъ развитія мысли. При самыхъ враждебныхъ условіяхъ прогрессъ оказывался *возможнымъ.* Онъ происходилъ дѣйствительно. Когда результаты, добытые въ одной мѣстности, исчезали съ разрушеніемъ цивилизаціи вслѣдствіе ея непрочности, ихъ традиція большею частью выживала въ другой мѣстности, пускала ростки и опять отвоевывала для исторіи немножко новой почвы. Но никогда человѣчество не могло, цѣною всѣхъ жертвъ и всей исторической борьбы, завоевать себѣ достаточныхъ условій *прочнаго* прогрессивнаго развитія. Между тѣмъ, слѣдуетъ помнить, что это *не болѣе* какъ *условія* прогресса, тогда какъ его *цѣли* заключаютъ требованія далеко, далеко обширнѣйшія. Это всего удобнѣе видѣть, если мы сопоставимъ каждое изъ указанныхъ выше основныхъ условій прочнаго общественнаго прогресса съ конечною цѣлью, соотвѣтствующею этому условію.

Минимумъ гигіеническихъ и матеріальныхъ удобствъ, это—необходимое *условіе* прогресса; обезпеченный трудъ, при общедоступности удобствъ жизни, это—конечная *цѣль*, соотвѣтствующая этому условію. Потребность критическаго взгляда, увѣренность въ неизмѣнности законовъ природы, пониманіе тожества справедливости съ

личной пользой, это—*условія* умственнаго развитія; систематическая наука и справедливый общественный строй, это—конечная *цѣль* его. Общественная среда, благопріятная для самостоятельнаго убѣжденія, и пониманіе нравственнаго значенія убѣжденія, это—условіе нравственнаго прогресса: развитіе разумныхъ, ясныхъ, крѣпкихъ убѣжденій и воплощеніе ихъ въ дѣло, это—*цѣль* его. Свобода мысли и слова, *минимумъ* общаго образованія, общественныя формы, *доступныя* прогрессу, это—*условія* прогрессивной общественности; *максимумъ* возможнаго развитія для каждой личности, общественныя формы, какъ *результатъ* прогресса, доступнаго каждой изъ нихъ, это—*цѣль* общественнаго прогресса.

Въ виду этихъ цѣлей, условія, указанныя выше, представляютъ ступень весьма невысокаго общественнаго развитія. Между тѣмъ, они не были удовлетворены нигдѣ и никогда. Истинныя же цѣли прогресса кажутся большинству мыслителей не болѣе какъ утопіями. Однако, несмотря на это, не смотря на полное отсутствіе условій прочнаго прогресса, исторія всетаки имѣла мѣсто въ человѣчествѣ, и прогрессъ осуществлялся.

Но за то чего онъ и стоилъ человѣчеству?

ПИСЬМО ЧЕТВЕРТОЕ.

Цѣна прогресса.

Впродолженіи своего долгаго существованія, человѣчество выработало нѣсколько геніальныхъ личностей, которыхъ историки съ гордостью называютъ его представителями, героями. Для того, чтобы эти герои могли дѣйствовать, для того, даже, чтобы они могли появиться въ тѣхъ обществахъ, которыя были осчастливлены ихъ появленіемъ, должна была образоваться маленькая группа людей, сознательно стремившихся къ развитію въ себѣ человѣческаго достоинства, къ расширенію знаній, къ уясненію мысли, къ укрѣпленію характера, къ установленію болѣе удобнаго для нихъ строя общества. Для того, чтобы эта маленькая группа могла образоваться, необходимо было, чтобы среди большинства, борющагося ежечасно за свое существованіе, оказалось меньшинство, обезпеченное отъ самыхъ тяжкихъ заботъ жизни. Для того, чтобы большинство борющихся за насущный хлѣбъ, за кровъ и одежду могло выдѣлить изъ себя этотъ *цвѣтъ народа*, этихъ *единственныхъ представителей цивилизаціи*, надобно было большинству просуществовать; а это было вовсе не такъ легко, какъ оно можетъ показаться съ перваго взгляда.

Въ первоначальной борьбѣ за существованіе со сво-

ими братьями-животными человѣку приходилось плохо. У него нѣтъ такихъ могучихъ естественныхъ орудій нападенія и защиты, какъ у другихъ породъ, которыя выработались среди враговъ, именно благодаря подобнымъ орудіямъ; и, въ борьбѣ физическими средствами, сильнѣйшія животныя его пожирали. Ему не достаетъ органовъ для лазанья, прыганья, полета или плаванья, чтобы легче избѣжать опасности, тогда какъ другія, слабѣйшія породы, именно этимъ органамъ, вѣроятно, обязаны своимъ сохраненіемъ. Человѣку нужно *выучиться* всему, приноравливаться ко всему; иначе онъ погибнетъ. По мнѣнію нѣкоторыхъ писателей, дѣтеныши человѣка, среднимъ числомъ впродолженіи $^1/_5$ ихъ жизни, составляютъ для родителей безпомощную тягость, тогда какъ для прочихъ породъ это число не превышаетъ никогда $^1/_{20}$. Допустивъ даже, что въ первобытномъ человѣчествѣ эта разница выражалась болѣе близкими между собою числами, она всетаки неизбѣжно была не въ пользу человѣка. Слѣдовательно, просуществовать человѣку вообще въ средѣ животнаго царства было крайне трудно.

Одинъ органъ въ своемъ постепенномъ развитіи *могъ* доставить человѣку торжество въ этой борьбѣ, замѣнивъ преимущества всѣхъ прочихъ породъ и превзойдя ихъ. Это былъ органъ *мысли*. Вѣроятно, неисчислимое множество двуногихъ особей погибло въ безнадежной борьбѣ со своими врагами-звѣрями, прежде чѣмъ выработались счастливыя единицы, способныя *лучше* мыслить, чѣмъ эти враги единицы, способныя изобрѣсть средства для охраненія своего существованія. Онѣ *отстояли* себя цѣною гибели всего остальнаго, и эта *первая*, совершенно *естественная*, аристократія между двуногими *создала* человѣчество. Унаслѣдованная способность или переимчивость перенесли

изобрѣтенія этихъ первобытныхъ геніевъ на небольшое меньшинство, поставленное въ наиболѣе выгодныя условія для переимчивости. Существованіе человѣчества было упрочено.

Если и прежде человѣкъ боролся съ человѣкомъ, какъ со всякимъ другимъ животнымъ, чтобы отнять у него пищу или пожрать его, то теперь серьезная для будущности борьба ограничилась лишь борьбою между людьми. Шансы были здѣсь болѣе равносильны, а потому борьба должна была быть упорнѣе и продолжительнѣе. Всякое совершенствованіе въ ловкости тѣла, въ употребленіи орудій нападенія и защиты, въ подражаніи первымъ учителямъ-звѣрямъ, всякое изобрѣтеніе, удавшееся единицѣ, вызывало гибель многихъ единицъ. Гибли брошенные дѣтеныши; гибли беременныя или только-что родившія самки; гибли слабѣйшіе, менѣе ловкіе, менѣе изобрѣтательные, менѣе осторожные, менѣе переимчивые. Выдерживалъ дѣтенышъ, который, по крѣпкой организаціи, могъ ранѣе обойтись безъ ухода, чѣмъ другіе, или, по счастливой обстановкѣ, могъ долѣе пользоваться уходомъ; выдерживалъ способнѣйшій тѣломъ и мыслью; выдерживалъ счастливѣйшій изъ равно способныхъ. Онъ питался лучше; онъ спалъ спокойнѣе; онъ зналъ больше; онъ имѣлъ время *лучше обдумать* свои дѣйствія. Эти счастливцы составили вторую аристократію человѣческихъ породъ, умѣвшихъ просуществовать цѣною истребленія всѣхъ своихъ братій. Прочный союзъ особей для общей защиты и для общаго труда былъ, вѣроятно, первымъ и величайшимъ дѣломъ для нравственнаго развитія человѣчества. Изъ своего зоологическаго состоянія человѣкъ вынесъ первую, древнѣйшую семью, группирующуюся около матери, которая долго кормила своихъ дѣтей.

Выростая, человѣческія особи, по примѣру хищныхъ и нѣкоторыхъ обезьянъ, были знакомы съ другимъ видомъ общественности, съ временною дружиною для обороны или для нападенія. На почвѣ первобытной материнской семьи образовался первый обширный чисто-человѣческій союзъ, материнскій родъ. Въ тяжелой борьбѣ за существованіе, человѣкъ выработалъ эту форму прочнаго союза, опирающагося на общее дѣло и подчиняющаго себѣ личный эгоизмъ. Общій результатъ изслѣдованій ряда современныхъ ученыхъ указываетъ намъ тѣсно связанную человѣческую группу съ общими женами, съ общими дѣтьми, съ общею собственностью, какъ древнѣйшую и едва-ли не всеобщую, чисто-человѣческую форму общежитія. Это была первая прочная *связь* между людьми, связь, основанная еще на слѣпо господствующемъ обычаѣ, но въ этой связи человѣкъ усвоивалъ для будущаго возможность разсчитаннаго ряда дѣйствій, возможность плана жизни. Это былъ первый урокъ личности, научавшій ее, насколько она выигрываетъ въ борьбѣ за существованіе, вступая въ ассоціацію, которой личность приноситъ въ жертву исключительный эгоизмъ, но отъ которой получаетъ громадное приращеніе силъ, результаты общей опытности, общей работы мысли всѣхъ членовъ ассоціаціи и традицію длиннаго ряда поколѣній. Изъ этого основного человѣческаго союза выработались впослѣдствіи патріархальный родъ, патріархальная семья, разныя формы союза семей, развились племена и иароды. Въ борьбѣ съ этими родовыми союзами всѣ болѣе слабыя группы должны были погибнуть, или тоже сомкнуться въ союзы того или другого вида. Въ присутствіи этихъ сплоченныхъ силъ, исчезли безъ всякой возможности отстоять себя всѣ тѣ особи, которыя своевременно не до-

думались до союза въ какомъ бы то ни было видѣ, или не переняли почему либо этого изобрѣтенія. Истребительная борьба родовыхъ союзовъ между собою должна была быть тѣмъ жесточе, чѣмъ большими силами располагали борющіеся, чѣмъ значительнѣе становились экономическія потребности человѣческихъ группъ при ихъ скопленіи и чѣмъ неумолимѣе, поэтому, онѣ оспаривали другъ у друга скудныя средства удовлетворенія этихъ потребностей. Цѣною этого истребленія большинства человѣчество купило *возможность* непрерывнаго прогресса культуры; путемъ передачи ея отъ одного поколѣнія другому купило привычку общественности и личной привязанности, традицію знанія и вѣрованія.

Борьба продолжалась между родами, племенами и націями, когда впослѣдствіи формы общественности усложнились, выработались формы общинной, родовой, семейной, племенной и частной собственности, выработались сословныя, кастовыя и государственныя отношенія и невольничество. Безжалостно истребляли побѣжденныхъ противниковъ, пока дѣло шло только о борьбѣ за существованіе; но первый урокъ о пользѣ чужой жизни для *удобства* собственной не могъ пропасть даромъ. Желаніе увеличить свои наслажденія побудило обдумать: не выгоднѣе ли *иногда* не убивать побѣжденнаго? Не выгоднѣе ли побѣдителю развивать въ себѣ только ловкость тѣла и мысли, взваливъ трудъ добыванія необходимаго на другого? Тѣ геніальныя личности доисторическаго человѣчества, которыя додумались до этого утилитарнаго начала, положили въ немъ основу уваженія къ чужой жизни и уваженія къ собственному достоинству. Онѣ тѣмъ самымъ безсознательно поставили себѣ и своимъ потомкамъ въ обязанность, въ нравственный идеалъ—развитіе

физическое и умственное, культуру и науку. Онѣ обезпечили себѣ и потомству *досугъ* для прогресса. Онѣ *создали* прогрессъ въ средѣ человѣчества, какъ ихъ геніальные и счастливые предшественники создали человѣчество среди звѣрей, создали человѣческія общества и человѣческія породы въ борьбѣ между людскими особями и полуживотными группами, создали *возможность* будущаго прогресса. Но этотъ прогрессъ небольшого меньшинства былъ купленъ *порабощеніемъ* большинства, лишеніемъ его возможности добиться той же ловкости тѣла и мысли, которая составила достоинство представителей цивилизаціи. Въ то время, какъ меньшинство развивало въ себѣ и мозгъ, и мышцы, въ то время, какъ самая мышечная система его развивалась разносторонне въ дѣятельности военной, разнообразной, временной, сопровождаемой досугами и отдыхами, большинство было обречено на однообразную, утомительную и непрерывную мирную работу для чужой пользы, не имѣя досуга для работы мысли, уступая въ ловкости своимъ повелителямъ, и потому оставаясь неспособнымъ на употребленіе своихъ громадныхъ силъ для завоеванія себѣ права на развитіе, на истинно-человѣческую жизнь.

Сознаніе великаго значенія культуры и науки, какъ силы и какъ наслажденія, вело само собою къ желанію монополизировать эту силу и это наслажденіе. Прямое принужденіе, организація общества, кара закона, религіозный ужасъ, привычная традиція, внушаемая съ колыбели, отдѣлили меньшинство породистыхъ, знающихъ, развивающихся отъ всего остального. Цѣною неустанной работы и борьбы за существованіе этого *остального*, немногіе могли выбирать себѣ лучшихъ женщинъ, производить лучшее поколѣніе, питать и воспитывать его луч-

ше; могли употреблять время на наблюденіе, обдумываніе, соображеніе, не заботясь о пищѣ, кровѣ и простѣйшихъ удобствахъ; могли добиваться истины, взвѣшивать справедливость, искать техническихъ улучшеній, лучшаго общественнаго строя, могли развивать въ себѣ страстную любовь къ истинѣ и справедливости, готовность принести за нихъ въ жертву свою жизнь и свое благополучіе, рѣшимость проповѣдывать истину и осуществить справедливость.

Проповѣдь истины и справедливости шла отъ убѣжденныхъ и понимающихъ единицъ въ небольшой кружокъ людей, для которыхъ развитіе составляло наслажденіе; она образовала въ этомъ кружкѣ воспріимчивыхъ приверженцевъ, къ которымъ примыкали вѣрующіе изъ обезпеченнаго меньшинства. Сила или соглашеніе вносили отъ времени до времени ученіе истиннаго и справедливаго въ законъ и въ привычку. Какъ развитыя личности изъ внутренней потребности стремились къ воплощенію справедливости въ дѣло и къ распространенію истины, такъ разсуждающее меньшинство, для собственной пользы, находило лучшимъ подѣлиться *частью* удобствъ жизни съ большинствомъ и расширить кругъ знающихъ до нѣкоторой степени. Я уже говорилъ, что прочность цивилизаціи зависѣла отъ сознанія необходимости подобнаго расширенія. Но пониманіе распространялось медленно: мелкій разсчетъ всегда побуждалъ удѣлять возможно менѣе удобствъ другимъ людямъ, ограничивать возможно болѣе сферу доступнаго имъ знанія. Неохота мыслить побуждала видѣть во всѣхъ новыхъ требованіяхъ времени нѣчто враждебное общественному порядку, нѣчто преступное и грѣшное, а потому монополисты знаній большею частью противились всѣми средствами ихъ прогрессу. Они заковывали свои знанія въ традиціонныя

теоріи, въ авторитетные догматы, сливали эти знанія со священнымъ преданіемъ съ сверхъестественнымъ откровеніемъ, и тѣмъ самымъ старались сдѣлать свое знаніе недоступнымъ дальнѣйшей критикѣ. Впослѣдствіи, когда знаніе стало свѣтскимъ и не могло уже ограждать своихъ монополизаторовъ мистическою таинственностью святыни, возникли котеріи оффиціальныхъ ученыхъ съ опредѣленными шариками мандариновъ, съ громкими дипломами докторовъ, профессоровъ, академиковъ. Они точно такъ же старались избавить себя отъ дальнѣйшей работы мысли, тщательно замыкая свои котеріи, оттѣсняя изъ нихъ и заглушая новыя силы, которыя выставляли слишкомъ смѣло знамя научной критики; монополисты старались сдѣлать изъ науки *оффиціальной* дѣло привычки и традиціи, какимъ прежде была наука *священная*. *Признанное* знаніе становилось слишкомъ часто врагомъ критики, врагомъ научнаго прогресса. Слабость этого прогресса вызывала, неизбѣжно, дурное пониманіе человѣческаго достоинства и формъ справедливости. Отсюда продолжительная непрочность цивилизацій; отсюда же постоянное стремленіе ихъ къ застою; отсюда, наконецъ, та крайняя незначительность прогресса въ средѣ человѣчества, на которую указано въ предыдущемъ письмѣ, не смотря на то, что за нѣсколько великихъ людей въ продолженіи тысячелѣтій и за прогрессъ едва замѣтнаго меньшинства заплачено милліардами жизней, океанами крови, несчетными страданіями и неисходнымъ трудомъ поколѣній.

Дорого заплатило человѣчество за то, чтобы нѣсколько мыслителей, въ своемъ кабинетѣ, могли говорить о *его прогрессѣ*. Дорого заплатило оно за нѣсколько маленькихъ семинарій, гдѣ воспитывало себѣ педагоговъ,

которые, впрочемъ, до сихъ поръ еще принесли ему мало пользы. Если бы счесть образованное меньшинство нашего времени, число жизней, погибшихъ въ минувшемъ въ борьбѣ за его существованіе, и оцѣнить работу ряда поколѣній, трудившихся только для поддержанія своей жизни и для развитія другихъ, и если бы вычислить, сколько потерянныхъ человѣческихъ жизней и какая цѣнность труда приходится на каждую личность, нынѣ живущую *нѣсколько* человѣческою жизнью,—если бы все это сдѣлать, то, вѣроятно, иные наши современники ужаснулись бы при мысли, какой капиталъ крови и труда израсходованъ на ихъ развитіе. Къ успокоенію ихъ чуткой совѣсти служитъ то обстоятельство, что подобный разсчетъ невозможенъ.

Впрочемъ, слѣдуетъ ужасаться не тому, что прогрессъ меньшинства обошелся дорого, но развѣ тому, что онъ обошелся *такъ* дорого, и что за эту цѣну сдѣлано *такъ* мало. Если бы меньшинство ранѣе и старательнѣе позаботилось о распространеніи около себя развитія, пріобрѣтеннаго въ области культуры и мысли, то число потерянныхъ жизней и труда было бы не такъ велико; сумма, приходящаяся на каждаго изъ насъ, была бы менѣе и не увеличивалась бы такъ громадно съ каждымъ поколѣніемъ. Надъ законами естественной необходимости мы не властны, а потому разсудительный человѣкъ долженъ съ ними помириться, ограничиться ихъ спокойнымъ изслѣдованіемъ и, насколько возможно, воспользоваться ими для своихъ цѣлей. Не властны мы и надъ исторіею; прошедшее доставляетъ намъ лишь факты, которые могутъ намъ иногда служить для исправленія будущаго. За грѣхи отцовъ мы отвѣтственны лишь настолько, насколько продолжаемъ эти грѣхи и пользуемся ими, не стараясь

исправить ихъ послѣдствій. Мы властны въ нѣкоторой степени лишь надъ будущимъ, такъ какъ наши мысли и наши дѣйствія составляютъ матеріалъ, изъ котораго организуется все содержаніе будущей истины и справедливости. Каждое поколѣніе отвѣтственно передъ потомствомъ за то лишь, что оно *могло* сдѣлать и чего не сдѣлало. Поэтому и намъ, въ виду суда потомства, предстоитъ рѣшить вопросы: какая доля неизбѣжнаго, естественнаго зла лежитъ въ томъ процессѣ, который мы называемъ громкимъ именемъ историческаго прогресса? Насколько наши предки, доставившіе намъ, цивилизованному меньшинству, возможность воспользоваться выгодами этого прогресса, безъ нужды увеличивали и продолжали страданія и труды большинства, выгодами прогресса никогда не пользовавшагося? Въ какомъ случаѣ отвѣтственность за это зло можетъ пасть и на насъ, въ глазахъ будущихъ поколѣній?

Законъ борьбы за существованіе такъ общъ для міра животныхъ, что мы не имѣемъ ни малѣйшаго повода обвинять первобытное человѣчество, когда этотъ законъ прилагался и въ немъ, пока не пробудились въ людяхъ сознаніе взаимной солидарности, потребность истины и справедливости. Такъ какъ это сознаніе едва ли могло пробудиться, пока люди, взаимно истребляя другъ друга, не дошли до замѣны убійства эксплуатаціею, то и на весь длинный періодъ борьбы между особями, дружинами, родами, племенами и націями намъ приходится смотрѣть, лишь какъ на зоологическій фактъ.

Едва ли можно себѣ представить и накопленіе знаній, развитіе мысли о правѣ и обязанности въ первое время иначе, какъ процессомъ, совершающимся въ единицахъ, поставленныхъ въ особенно выгодныя обстоя-

тельства, т. е. въ особяхъ, имѣющихъ досугъ, лучшее питаніе и воспитаніе на счетъ другихъ особей, которые доставляютъ первымъ этотъ досугъ, питаніе и воспитаніе увеличеніемъ своего труда, если не цѣною собственной жизни или значительныхъ страданій. Прежде чѣмъ учиться, надо имѣть учителей. Большинство можетъ развиваться лишь дѣйствіемъ на него болѣе развитаго меньшинства. Поэтому, въ человѣчествѣ или должно было отсутствовать всякое развитіе, или пришлось большинству сначала вынести на своихъ плечахъ счастливѣйшее меньшинство, работать на него, страдать и гибнуть изъ-за него. Это, повидимому, тоже законъ природы. Въ виду его намъ остается или сказать: мы не хотимъ вовсе развитія, купленнаго такою цѣною; или посмотрѣть и на это, какъ на антропологическій фактъ. Но въ началѣ предыдущаго письма я уже включилъ всестороннее развитіе въ самую формулу прогресса, слѣдовательно - допуская отказъ отъ развитія вообще, впалъ бы въ противорѣчіе. Примиримся же съ фактомъ, что человѣчеству, для его развитія, было необходимо очень, очень дорогою цѣною приготовить себѣ педагогическую семинарію и болѣе развитое меньшинство, чтобы наука и разносторонняя жизненная практика, мышленіе и техника, накопляясь въ этихъ центрахъ, постепенно разливались на большее и большее число людей.

Необходимое, естественное зло въ прогрессѣ ограничивается предыдущимъ, и за предѣлами этихъ законовъ начинается отвѣтственность человѣческихъ поколѣній, въ особенности же цивилизованнаго меньшинства. Вся кровь, пролитая въ исторіи внѣ прямой борьбы за существованіе, въ періодъ болѣе или менѣе яснаго сознанія правъ человѣка на жизнь, есть кровь преступно-пролитая и

лежащая на отвѣтственности поколѣнія, ее пролившаго. Всякое цивилизованное меньшинство, которое не хотѣло быть *цивилизующимъ*, въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова, несетъ отвѣтственность за всѣ страданія современниковъ и потомства, которыя оно *могло* устранить, если бы не ограничивалось ролью *представителя* и *хранителя* цивилизаціи, а взяло на себя и роль ея *двигателя*.

Если мы, съ этой точки зрѣнія, оцѣнимъ панораму исторіи до нашего времени, то, вѣроятно, должны будемъ признаться, что всѣ историческія поколѣнія проливали рѣки крови, даже не имѣя оправданія въ борьбѣ за существованіе, и что почти всегда и вездѣ меньшинство, гордившееся своею цивилизаціею, крайне мало дѣлало для распространенія этой цивилизаціи. Немногія личности заботились о расширеніи области знанія въ человѣчествѣ; еще меньшее число—объ укрѣпленіи мысли и о разысканіи справедливѣйшихъ формъ общества; личности же цивилизованнаго меньшинства, стремившіяся воплотить въ дѣло подобныя формы, встрѣчаются въ весьма незначительномъ числѣ. Многія блестящія цивилизаціи заплатили своею гибелью за это неумѣніе связать со своимъ существованіемъ интересъ большаго числа личностей Во всѣхъ цивилизаціяхъ безъ исключенія большая часть людей, пользовавшихся удобствами культуры, вовсе не думала о всѣхъ тѣхъ, которые ею не пользовались и не могли пользоваться, а тѣмъ менѣе о цѣнѣ, которою куплены пріобрѣтенныя удобства жизни и мысли. Но не мало всегда было и лицъ, которыя, на каждой ступени цивилизаціи, признавали эту ступень предѣломъ общественнаго развитія, возмущались противъ всякаго критическаго отношенія къ ней, противъ всякой попытки

распространить благо цивилизаціи на большее число лицъ, уменьшить трудъ и страданіе большинства, ею не пользующагося, и внести въ мысль болѣе истины, въ общественныя формы болѣе справедливости. Эти проповѣдники застоя ужасались мысли, что вся исторія есть неумолимый steeple chase въ погонѣ за лучшимъ, гдѣ всякій, кто отсталъ, немедленно выходитъ изъ круга историческихъ дѣятелей, пропадаетъ въ толпѣ безыменныхъ хлопальщиковъ глазами и гибнетъ въ зоологическомъ ничтожествѣ. Неспособные къ подобной скачкѣ уговариваютъ и другихъ остановиться, отдохнуть, насладиться покоемъ, какъ будто это возможно для человѣка, если онъ хочетъ оставаться человѣкомъ. Этимъ проповѣдникамъ застоя крайне рѣдко удавалось положить совершенную преграду общественному прогрессу, но имъ часто удавалось замедлить его и усилить страданія большинства.

Въ виду этого, мы должны признать, что выгоды современной цивилизаціи оплачены не только *неизбѣжнымъ* зломъ, но еще огромнымъ количествомъ совершенно ненужнаго зла, отвѣтственность за которое лежитъ на предыдущихъ поколѣніяхъ цивилизованнаго меньшинства, частью по беззаботности, частью по прямому противодѣйствію всякой цивилизующей дѣятельности. Исправить въ прошедшемъ это зло мы уже не можемъ. Страдавшія поколѣнія большинства умерли, не облегченныя въ своемъ трудѣ. Нынѣшнее цивилизованное меньшинство пользуется ихъ трудомъ и страданіями. Мало того: оно пользуется еще страданіями и трудомъ огромнаго числа своихъ современниковъ и можетъ вліять на увеличеніе труда и страданій ихъ внуковъ. Такъ какъ за это послѣднее обстоятельство мы несли и будемъ нести

нравственную отвѣтственность передъ потомствомъ, то историческое изслѣдованіе цѣны совершившагося прогресса приводитъ къ слѣдующему практическому вопросу: какія средства имѣетъ настоящее поколѣніе, чтобы уменьшить свою отвѣтственность? Если бы живущія личности различнаго развитія спросили себя: что намъ дѣлать, чтобы не отвѣчать предъ потомствомъ за новыя страданія человѣчества? и если бы всѣ они *ясно поняли свое дѣло*, то отвѣты были бы, конечно, различны.

Членъ большинства, борющагося ежедневно за физическое существованіе, какъ боролись его предки въ первые періоды жизни человѣчества, сказалъ бы себѣ: борись, какъ знаешь и какъ умѣешь! Отстаивай право на жизнь для себя и для тѣхъ, къ кому ты привязанъ! Это былъ законъ твоихъ отцовъ; твое положеніе не лучше ихъ положенія: это единственный законъ и для тебя.

Болѣе несчастная личность изъ того же большинства, въ которой цивилизація пробудила сознаніе ея человѣческаго достоинства, но тѣмъ только и ограничилась, сказала бы себѣ: борись, какъ знаешь и какъ можешь; отстаивай свое и чужое достоинство; умри за него, если нужно!

Членъ цивилизованнаго меньшинства, желающій лишь увеличить и упрочить свое наслажденіе, но склонный искать его болѣе въ области удобствъ жизни, чѣмъ въ области мысли, сказалъ бы себѣ: ты можешь наслаждаться лишь въ обществѣ, гдѣ болѣе или менѣе господствуетъ солидарность; противодѣйствуй же въ себѣ и въ другихъ тому, что несогласно съ этой солидарностью; отъ разлада современнаго общества страдаешь и ты самъ, какъ только сознаешь, что этотъ разладъ — общественная болѣзнь; уменьшай же собственныя страданія, стре-

мясь улучшить положеніе большинства: то, чѣмъ ты пожертвуешь изъ сегодняшнихъ благъ съ этой цѣлью, возвратится тебѣ въ сознаніи, что ты на одну каплю уменьшилъ болѣзнь общества, болѣзнь, и тебѣ приносящую страданіе. Изучай же свою *дѣйствительную* пользу; уменьшай страданія около себя и въ себѣ: это тебѣ всего полезнѣе.

Членъ небольшой группы меньшинства, видящій свое наслажденіе въ собственномъ развитіи, въ отысканіи истины и въ воплощеніи справедливости, сказалъ бы себѣ: каждое удобство жизни, которымъ я пользуюсь, каждая мысль, которую я имѣлъ досугъ пріобрѣсти или выработать, куплена кровью, страданіями или трудомъ милліоновъ. Прошедшее я исправить не могу, и какъ ни дорого оплачено мое развитіе, я отъ него отказаться не могу: оно именно и составляетъ идеалъ, возбуждающій меня къ дѣятельности. Лишь безсильный и неразвитой человѣкъ падаетъ подъ отвѣтственностью, на немъ лежащей, и бѣжитъ отъ зла въ Ѳиваиду или въ могилу. Зло надо исправить, насколько можно, а это можно сдѣлать лишь въ жизни. Зло надо *зажить*. Я сниму съ себя отвѣтственность за кровавую цѣну своего развитія, если употреблю это самое развитіе на то, чтобы уменьшить зло въ настоящемъ и въ будущемъ. Если я развитой человѣкъ, то я обязанъ это сдѣлать, и эта обязанность для меня весьма легка, такъ какъ совпадаетъ именно съ тѣмъ, что составляетъ для меня наслажденіе: отыскивая и распространяя болѣе истинъ, уясняя себѣ справедливѣйшій строй общества и стремясь воплотить его, я увеличиваю собственное наслажденіе и въ то же время дѣлаю все, что могу для страждущаго большинства въ настоящемъ и въ будущемъ. Итакъ, мое дѣло ограничи-

вается однимъ простымъ правиломъ: живи сообразно тому идеалу, который ты самъ себѣ поставилъ, какъ идеалъ *развитого* человѣка!

Это было бы все такъ легко и просто, если бы всѣ личности поняли дѣло, но бѣда именно въ томъ, что весьма немногія понимають его. Предыдущимъ правиламъ слѣдуетъ лишь часть лицъ первой категоріи и немногія изъ остальныхъ. Другая часть борющихся за свое физическое существованіе отстаиваетъ себя не довольно энергически; не потому, чтобы не знала, какъ это сдѣлать, или не умѣла этого, но по недостатку рѣшимости, по апатіи. Большинство лицъ второй категоріи жертвуетъ своимъ достоинствомъ для насущнаго хлѣба и унижается въ собственныхъ глазахъ, не имѣя всетаки возможности выбиться изъ своего положенія. Большинство лицъ третьей категоріи не понимаетъ собственной дѣйствительной пользы, дѣйствуетъ по рутинѣ и не умѣетъ противодѣйствовать даже въ малой мѣрѣ болѣзни общества, приносящей страданія каждой личности, слѣдовательно — и имъ самимъ; т. е., стремясь избѣгать страданія, оно не умѣетъ уменьшить въ себѣ тѣ изъ нихъ, которыя вытекаютъ изъ общественнаго разлада. Большинство же лицъ послѣдней категоріи или ставитъ идолы на мѣсто истины и справедливости, или ограничивается истиною и справедливостью въ мысли, а не въ жизни, или не хочетъ видѣть, какое незначительное меньшинство пользуется выгодами прогресса цивилизаціи.

А цѣна этого прогресса все растетъ...

ПИСЬМО ПЯТОЕ.

Дѣйствіе личностей.

Послѣднія два письма мои приводятъ въ концѣ къ одному и тому же результату. Обществу угрожаетъ опасность застоя, если оно заглушитъ въ себѣ критически-мыслящія личности. Его цивилизаціи грозитъ гибель, если эта цивилизація, какова бы она ни была, сдѣлается исключительнымъ достояніемъ небольшого меньшинства. Слѣдовательно, какъ ни малъ прогрессъ человѣчества, но и то, что есть, лежитъ исключительно на критически-мыслящихъ личностяхъ: безъ нихъ онъ безусловно невозможенъ; безъ ихъ стремленія распространить его онъ крайне непроченъ. Такъ какъ эти личности полагаютъ обыкновенно себя въ правѣ считаться развитыми, и такъ какъ за *ихъ-то* именно развитіе и заплачена та страшная цѣна, о которой говорено въ послѣднемъ письмѣ, то нравственная обязанность расплачиваться за прогрессъ лежитъ на нихъ же. Эта уплата, какъ мы видѣли, заключается въ посильномъ распространеніи удобствъ жизни, умственнаго и нравственнаго развитія на большинство, во внесеніи научнаго пониманія и справедливости въ общественныя формы.

Поговоримъ же объ этихъ личностяхъ, единственныхъ орудіяхъ человѣческаго прогресса. Каковъ бы онъ ни

былъ, онъ зависитъ отъ нихъ. Онъ не выраститъ изъ земли, какъ вырастаютъ сорныя травы. Онъ не размножится отъ плавающихъ въ воздухѣ зародышей, какъ инфузоріи въ гніющей жидкости. Онъ не окажется внезапно въ человѣчествѣ результатомъ мистическихъ идей, о которыхъ такъ много толковали тому назадъ лѣтъ сорокъ, а многіе и теперь еще толкуютъ. Его сѣмя есть, дѣйствительно, идея, но не мистически присутствующая въ человѣчествѣ: она зарождается въ мозгу личности, тамъ развивается, потомъ переходитъ изъ этого мозга въ мозги другихъ личностей, разрастается качественно въ увеличеніи умственнаго и нравственнаго достоинства этихъ личностей, количественно въ увеличеніи ихъ числа, и становится общественною силою, когда эти личности сознаютъ свое единомысліе и рѣшатся на единодушное дѣйствіе; она торжествуетъ, когда такія личности, ею проникнутыя, внесли ее въ общественныя формы. Если личность, говорящая о своей любви къ прогрессу, не хочетъ критически пораздумать объ условіяхъ его осуществленія, то она, въ сущности, прогресса никогда не желала, да и не была даже никогда въ состояніи искренно желать его. Если личность, сознающая условія прогресса, ждетъ, сложа руки, чтобы онъ осуществился самъ собою, безъ всякихъ усилій съ ея стороны, то она есть худшій врагъ прогресса, самое гадкое препятствіе на пути къ нему. Всѣмъ жалобщикамъ о развратѣ времени, о ничтожествѣ людей, о застоѣ и ретроградномъ движеніи слѣдуетъ поставить вопросъ: а *вы* сами, зрячіе среди слѣпыхъ, здоровые среди больныхъ, что̀ *вы* сдѣлали, чтобы содѣйствовать прогрессу?

При этомъ вопросѣ большинство ихъ ссылается на слабость силъ, недостатокъ таланта, малый кругъ дѣй-

ствія, враждебныя обстоятельства, враждебную среду, враждебныхъ людей и т. д. „Какіе мы дѣятели! - говорятъ они:—и учили насъ не доучили, и статейку журнальную написать не сумѣемъ, пророческимъ краснорѣчіемъ Господь обидѣлъ, и мѣсто по службѣ ничтожное, а то и никакого нѣтъ, и капитала дѣдушка не оставилъ, а заработаешь лишь настолько, чтобы сидѣть въ проголодь. Вотъ если бы то и другое—капиталъ, да мѣсто большое, да талантъ, то мы бы себя показали".

Я не говорю о тѣхъ, которые всю жизнь бьются изъ-за куска хлѣба. Въ прошломъ письмѣ я упомянулъ о нихъ, и на нихъ не падаетъ ни одного обвиненія. Если прогрессъ прошелъ надъ ихъ головами, не давъ имъ даже развитія, то они лишь жертвы его. Если ихъ коснулось умственное развитіе, если сознаніе лучшаго зажгло въ нихъ ненависть ко лжи и злу, но обстоятельства задавили въ нихъ всякое проявленіе этого сознанія и ограничили ихъ жизнь заботою о насущномъ хлѣбѣ; если, при этомъ, они всетаки сохранили человѣческое достоинство, то они своимъ примѣромъ, своимъ существованіемъ остаются самыми энергическими дѣятелями прогресса. Передъ этими незамѣтными героями человѣчества, не совершившими ни одного яркаго дѣла, по историческому значенію ничтожны величайшіе историческіе двигатели. Если бы первыхъ не было, то послѣдніе никогда не могли бы осуществить ни одного своего начинанія. Между тѣмъ какъ замѣтные герои борются и часто даже гибнутъ въ борьбѣ за лучшее, въ это время, не смотря на неблагопріятныя условія, незамѣтные герои поддерживаютъ въ обществѣ традицію человѣческаго достоинства, сознаніе лучшаго, и когда одному на сто изъ великихъ дѣятелей удается провести въ жизнь свои

идеи, онъ вдругъ видитъ около себя группу крѣпкихъ людей, закаленныхъ работою, непоколебимыхъ въ своихъ убѣжденіяхъ, радостно протягивающихъ ему свои руки. Изъ этихъ-то незамѣтныхъ героевъ создается во всякую великую историческую минуту почва для преобразованій. Они хранятъ въ себѣ всю возможность будущаго. Въ томъ обществѣ, гдѣ не было бы ихъ, прекратился бы разомъ всякій историческій прогрессъ. Дальнѣйшая жизнь такого общества ничѣмъ не отличалась бы въ нравственномъ отношеніи отъ жизни другихъ общественныхъ животныхъ.

Но эти энергическіе дѣятели заключаютъ лишь *возможность* прогресса. Его осуществленіе никогда не принадлежитъ и не можетъ принадлежать имъ по очень простой причинѣ: каждый изъ нихъ, принявшійся за осуществленіе прогресса, умеръ бы съ голода или пожертвовалъ бы своимъ человѣческимъ достоинствомъ, исчезнувъ, въ обоихъ случаяхъ, изъ ряда прогрессивныхъ дѣятелей. Осуществленіе прогресса принадлежитъ тѣмъ, которые избавились отъ самой гнетущей заботы о насущномъ хлѣбѣ, но изъ этихъ послѣднихъ *всякій*, критически мыслящій, можетъ осуществлять прогрессъ въ человѣчествѣ.

Да, всякій. Не говорите, пожалуйста, о недостаткѣ таланта и знанія. Для этого не нужно ни особеннаго таланта, ни обширнаго знанія. Если вашего таланта и знанія хватило на то, чтобы критически отнестись къ существующему, сознать потребность прогресса, то вашего таланта и знанія достаточно, чтобы эту критику, это знаніе воплотить въ жизнь. Только не упускайте ни одного случая, гдѣ жизнь представляетъ дѣйствительно

для этого возможность. Положимъ, ваша дѣятельность мелочна; но изъ неизмѣримо малыхъ частицъ состоятъ всѣ вещества; изъ безконечно малыхъ толчковъ составляются самыя громадныя силы. Количество пользы, полученной отъ вашей дѣятельности, ни вы и ни кто другой оцѣнить не въ состояніи: оно зависитъ отъ тысячи различныхъ обстоятельствъ, отъ многочисленныхъ совпаденій, предвидѣть которыя невозможно. Прекраснѣйшія намѣренія приводили къ отвратительнымъ результатамъ, какъ маловажное, съ перваго взгляда, дѣйствіе разрасталось въ неисчислимыя послѣдствія. Но мы можемъ, съ нѣкоторою вѣроятностью, ожидать, что, придавая цѣлому ряду дѣйствій одно и то же направленіе, мы получимъ лишь немногіе результаты, прямо противоположные данному направленію, хотя нѣкоторыя дѣйствія совпадутъ съ удобными условіями для того, чтобы оказались замѣтные результаты въ этомъ самомъ направленіи. Можетъ быть, мы не увидимъ этихъ результатовъ, но они непремѣнно *будутъ*, если мы сдѣлали все, отъ насъ зависящее. Земледѣлецъ, обработавшій почву и посѣявшій сѣмена, знаетъ, что многія сѣмена погибнутъ, что онъ никогда не оградитъ нивы отъ потравы, отъ неурожая, отъ ночного хищника, но и послѣ неурожая онъ несетъ на поле снова горсть сѣмянъ, ожидая будущей жатвы. Если каждый человѣкъ, критически мыслящій, будетъ постоянно активно стремиться къ лучшему, то, какъ ни былъ бы ничтоженъ кругъ его дѣятельности, какъ бы ни была мелка сфера его жизни, онъ будетъ вліятельнымъ двигателемъ прогресса и оплатитъ свою долю той страшной цѣны, которую стоило его развитіе.

Но точно ли есть мелочныя и важныя сферы дѣятельности? Въ какихъ это сферахъ люди имѣютъ право на

монополію прогрессивности? Ужъ не литераторы ли? Не художники ли? Не ученые ли?

Посмотрите на этого литератора-прогрессиста, который такъ великолѣпно пишетъ о благѣ общества и еще искуснѣе эксплуатируетъ своихъ братій, или въ своемъ лицѣ отдаетъ идеи, которымъ, повидимому, служитъ, на поруганіе противникамъ. А я еще не говорю о разныхъ „мрачныхъ сонмищахъ“, для которыхъ литература есть орудіе самаго отвратительнаго приниженія мысли, приниженія человѣческаго достоинства, орудіе застоя и общественнаго развращенія.

Посмотрите на этого художника-прогрессиста, который воспѣваетъ свободу слова, хотя онъ вовсе не прочь участвовать въ цензурныхъ учрежденіяхъ, и который внѣ своей студіи никогда не подумалъ, чѣмъ отличается скверное дѣло отъ хорошаго. А я не упоминаю о всѣхъ тѣхъ—имъ же имя легіонъ,—которые, по скромной лѣсенкѣ стихотворнаго, музыкальнаго, живописнаго, скульптурнаго, архитектурнаго творчествъ только и лѣзли, что къ пенсіямъ, орденамъ, высокимъ чинамъ и огромнымъ домамъ.

Посмотрите на этого прогрессивнаго профессора, который готовъ изъ своей эрудиціи, смотря по обстоятельствамъ, дѣлать арсеналъ для какого угодно направленія. А еще сколько бездушныхъ аргументирующихъ и экспериментирующихъ человѣческихъ приборовъ, которые, слѣдя всю жизнь за процессами химическаго замѣщенія и разложенія, за разрастаніемъ клѣточекъ и сокращеніемъ мышцъ, за склоненіями и спряженіями греческихъ терминовъ, за перебоемъ звуковъ въ санскритѣ и зендѣ, за отличительными признаками утвари временъ Александра Невскаго и Ивана Грознаго, никогда не подумали, что

ихъ умъ и знаніе есть сила, оплаченная страданіями поколѣній,—сила, за которую надо же заплатить и имъ; что эта сила налагаетъ на нихъ обязанность, и что аргументированіе и экспериментированіе могутъ низвести человѣка на одинъ уровень съ паукомъ, точно такъ-же, какъ могутъ повести ученаго на высшую точку человѣческаго достоинства, доступную въ его время.

Ни литература, ни искусство, ни наука не спасаютъ отъ безнравственнаго индифферентизма. Они не заключаютъ и не обусловливаютъ сами по себѣ прогресса. Они доставляютъ лишь для него орудія. Они накопляютъ для него силы. Но лишь тотъ литераторъ, художникъ или ученый дѣйствительно служитъ прогрессу, который сдѣлалъ все, что могъ, для приложенія силъ, имъ пріобрѣтенныхъ, къ распространенію и укрѣпленію цивилизаціи своего времени; кто боролся со зломъ, воплощалъ свои художественные идеалы, научныя истины, философскія идеи, публицистическія стремленія въ произведенія, жившія полною жизнію его времени, и въ дѣйствія, строго соотвѣтственныя количеству его силъ. Кто же сдѣлалъ менѣе, кто изъ-за личнаго разсчета остановился на полдорогѣ, кто изъ-за красивой головки вакханки, изъ-за интересныхъ наблюденій надъ инфузоріями, изъ-за самолюбиваго спора съ литературнымъ соперникомъ—забылъ объ огромномъ количествѣ зла и невѣжества, противъ котораго слѣдуетъ бороться, тотъ можетъ быть чѣмъ угодно: изящнымъ художникомъ, замѣчательнымъ ученымъ, блестящимъ публицистомъ, но онъ самъ себя вычеркнулъ изъ ряда сознательныхъ дѣятелей историческаго прогресса. По нравственному значенію, какъ человѣкъ, онъ стоитъ ниже безталаннаго писаки, всю жизнь неутомимо твердящаго столь-же безталаннымъ читателямъ

старыя истины о борьбѣ со зломъ и невѣжествомъ; ниже полузнайки учителя, съ жаромъ вколачивающаго полупонятыя знанія въ умы неразвитыхъ мальчиковъ. Эти сдѣлали все, что умѣли, что могли; съ нихъ и требовать болѣе нечего. Если изъ сотенъ читателей одинъ, два найдутся поталантливѣе, повпечатлительнѣе и примѣнятъ въ жизни тѣ истины, которыя они узнали отъ писаки, то прогрессъ былъ. Если жаръ учителя зажегъ, хотя въ небольшомъ числѣ учениковъ, жажду поразмыслить, поработать самому, жажду знанія и труда, то прогрессъ опять былъ. Я уже не говорю, какъ неизмѣримо ниже,—при всей ихъ художественной талантливости, при всей ихъ учености, при всей ихъ публицистической знаменитости,—стоятъ упомянутые господа сравнительно съ тѣми, совершенно незамѣтными дѣятелями прогресса, о которыхъ сказано выше, и которые хранятъ въ себѣ всю возможность прогресса для будущаго.

Мнѣ скажутъ, что я несправедливъ въ отношеніи, какъ къ искусству, такъ и къ наукѣ. Прекрасное произведеніе, даже не осмысленное художникомъ, есть все-таки увеличеніе развивающаго капитала человѣчества; не говоря о другомъ дѣйствіи искусства, лишь путемъ прекраснаго человѣкъ большею частью переходитъ изъ міра пошлости въ область истины и справедливости. Оно возбуждаетъ вниманіе, увеличиваетъ впечатлительность и, слѣдовательно, есть уже, само по себѣ, орудіе прогресса, независимо отъ мысли, одушевлявшей художника. Точно такъ-же всякій новый фактъ знанія, какъ-бы онъ ни былъ мелокъ и ничтоженъ для современныхъ жизненныхъ вопросовъ, есть увеличеніе капитала человѣческой мысли. Лишь классифицируя и изучая всѣ существа природы, какъ они суть на самомъ дѣлѣ, человѣкъ полу-

чаетъ возможность классифицировать и изучать ихъ по отношенію къ человѣческому благу, по ихъ полезности и вредности для большинства. Сегодня энтомологъ порадуется, что въ его коллекціи прибавилось два-три незамѣченныхъ прежде жучка, а черезъ нѣсколько времени, посмотришь, изученіе одного изъ этихъ жучковъ дастъ технику новое средство для удешевленія полезнаго продукта, слѣдовательно—отчасти и для увеличенія удобствъ жизни большинства. А затѣмъ, другой изъ этихъ жучковъ сталъ исходной точкой разысканій ученаго о законахъ развитія животныхъ формъ и функцій, законахъ, по которымъ развивалось и человѣчество изъ своего зоологическаго состоянія, вынося фатально изъ него въ свою исторію много печальныхъ переживаній; законахъ, которые указываютъ человѣку, что, лишь борясь за свое развитіе, онъ, рядомъ съ неизбѣжнымъ зоологическимъ элементомъ своего существа, можетъ выработать въ себѣ и другой элементъ, позволившій ему быть дѣятелемъ прогресса. Сегодня лингвистъ съ восторгомъ отмѣтилъ особенности спряженія глаголовъ древняго языка; завтра эта особенность свяжетъ нѣсколько языковъ, до тѣхъ поръ разрозненныхъ; послѣ завтра эта связь уяснитъ рядъ миѳовъ доисторическаго періода; а тамъ, смотришь, оказалась возможность прослѣдить вліяніе этихъ миѳовъ на ученія христіанскихъ церквей, понятнѣе сталъ меньшинству строй мысли большинства, и, слѣдовательно, стало удобнѣе найти средства для развивающей прогрессивной дѣятельности. Искусство и наука въ ихъ произведеніяхъ суть орудія прогресса, независимо отъ настроенія и стремленія художника и ученаго, даже противъ ихъ желанія. Лишь бы произведеніе искусства было въ самомъ дѣлѣ художественно, лишь бы открытіе ученаго

было въ самомъ дѣлѣ научно—они уже принадлежатъ прогрессу.

Я и не думалъ говорить, что искусство и наука не суть *орудія* прогресса, что художественное произведеніе и научное открытіе, какъ *факты*, не служатъ прогрессу. Но безспорно, и металлы, хранящіеся въ почвѣ, и шелкъ, вырабатываемый шелковичнымъ червемъ, суть тоже орудія прогресса, факты для него. Художникъ, имѣющій въ виду только искусство и никогда не подумавшій о человѣчномъ его вліяніи, можетъ представлять огромную эстетическую силу. Его произведеніе прекрасно; его вліяніе можетъ быть огромно и даже весьма полезно. Но его сила, по нравственному достоинству, не выше той, конечно, громадной силы, которая разбросала по землѣ самородки мѣди, заключила въ болота и озера желѣзо, а относительно пользы металловъ для человѣческой цивилизаціи никто спорить не станетъ. Эстетическая сила, сама по себѣ, сила вовсе не нравственная. Нравственною, цивилизаціонною, прогрессивною силою она становится, независимо отъ художника, лишь въ мозгу того, кто, вдохновившись прекраснымъ произведеніемъ, подвинулся на благо; въ томъ, кто сдѣлался лучше, впечатлительнѣе, развитѣе, энергичнѣе, дѣятельнѣе подъ вліяніемъ впечатлѣнія, полученнаго отъ произведенія художника; какъ металлъ сдѣлался цивилизаціонною силою лишь въ мозгу того, кто придумалъ изъ него первое полезное орудіе. Художникъ, какъ художникъ, стоитъ въ уровень со всякимъ могучимъ физическимъ или органическимъ процессомъ, не имѣющимъ никакого человѣчнаго значенія. И звукъ, и кровообращеніе служатъ источникомъ мысли, желанія добра, рѣшимости на дѣло, но они не суть ни мысль, ни добро, ни рѣшимость. Чтобы худож-

никъ *самъ* былъ цивилизаціонною силою, для этого онъ долженъ *самъ* вложить въ свои произведенія человѣчность; онъ долженъ вырабатывать въ себѣ источникъ прогресса и рѣшимость его осуществить; долженъ приступать къ работѣ проникнутый прогрессивною мыслію; и тогда, въ процессѣ творчества, не насилуя себя, онъ будетъ сознательнымъ историческимъ дѣятелемъ, потому что сквозь преслѣдуемый имъ идеалъ красоты будетъ и для него всегда сіять требованіе истины и справедливости. Онъ не забудетъ о борьбѣ противъ зла, которая обязательна для каждаго, а для него тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе естественной силы въ немъ заключается.

То-же можно сказать объ ученомъ. Накопленіе знаній, само по себѣ, нисколько не имѣетъ болѣе высокаго нравственнаго значенія, чѣмъ накопленіе воска въ ульѣ. Но воскъ становится орудіемъ цивилизаціи въ рукахъ пчеловода, въ рукахъ техника. Они очень благодарны пчеламъ, очень нѣжатъ ихъ и сознаютъ, что безъ пчелъ воска бы не было. Но всетаки пчелы не люди; нравственными дѣятелями цивилизаціи пчелъ назвать нельзя, и выдѣленіе ими воска по внутренней потребности есть лишь *матеріалъ* прогресса. Энтомологъ, собирающій жуковъ, и лингвистъ, отмѣчающій спряженія, если они это дѣлаютъ только изъ внутренняго удовольствія созерцать коллекцію жуковъ, или знать, что глаголъ спрягается такъ-то, нисколько не ниже — но за то и не выше — пчелы, выдѣляющей свой комочекъ воска. Если этотъ комочекъ попадаетъ въ руки техника, который обратитъ его въ восковой пластырь, или въ руки химика, который откроетъ при помощи его новый обобщающій законъ, комочекъ будетъ матеріаломъ цивилизаціи; если онъ безполезно растаетъ на солнцѣ, то ра-

бота пчелы пропала даромъ для прогресса. Но въ обоихъ случаяхъ пчела не при чемъ; она удовлетворила своей потребности, переработала пищу въ комочекъ воска, внесла этотъ комочекъ въ свою постройку, какъ слѣдуетъ животному, и потомъ полетѣла за новою пищею. Подобно тому, и фактъ знанія становится орудіемъ цивилизаціи лишь двумя путями. Во-первыхъ, въ мозгу того, кто его употребитъ въ техникѣ или въ обобщенной мысли; во-вторыхъ, въ мозгу того самого, кто вырабатываетъ фактъ науки, но не изъ удовольствія созерцать его, какъ новый комочекъ воска, а съ заранѣе обдуманною цѣлью, какъ матеріалъ, имѣющій въ виду опредѣленное техническое примѣненіе, или опредѣленное научное и философское обобщеніе. Наука и искусство суть могущественныя орудія прогресса, но я уже сказалъ въ началѣ этого письма, что прогрессъ осуществляется лишь въ личностяхъ; лишь личности могутъ быть его двигателями; а въ этомъ отношеніи художникъ и ученый, какъ личности, могутъ не только не быть могучими дѣятелями прогресса, но могутъ совершенно стать внѣ прогрессивнаго движенія, не смотря на свой талантъ и знаніе, наравнѣ съ безсознательнымъ металломъ или съ животнымъ, отъ котораго никто нравственности и не требуетъ. Другіе, *настоящіе,* люди, можетъ быть, менѣе талантливые и менѣе ученые, могутъ придать человѣчное значеніе матеріалу, накопленному великими художниками и великими тружениками, но они придадутъ человѣчное значеніе этимъ трудамъ *своимъ* пониманіемъ. *Они* внесутъ эти труды въ прогрессъ исторіи.

Я нарочно остановился на наукѣ и искусствѣ, какъ на самыхъ могучихъ элементахъ цивилизаціи, чтобы ука-

зать, что и эти сферы, сами по себѣ, не составляютъ прогрессивнаго процесса; что ни талантъ, ни знаніе не дѣлаютъ еще, сами по себѣ, человѣка двигателемъ прогресса; что съ меньшимъ талантомъ и знаніемъ, въ этомъ отношеніи, можно сдѣлать болѣе, если сдѣлаешь все, что можешь. Да, повторяю, всякій человѣкъ, критически мыслящій и рѣшающійся воплотить свою мысль въ жизнь, можетъ быть дѣятелемъ прогресса.

ПИСЬМО ШЕСТОЕ.

Культура и мысль.

Положимъ, что личность, критически мыслящая, сознала себя, какъ возможнаго и обязательнаго дѣятеля для прогресса человѣчества. Спрашивается, какъ она обязана поступать, во имя этого сознанія, чтобы сдѣлаться дѣйствительнымъ органомъ прогресса?

Конечно, прежде всего она должна отнестись критически къ себѣ: къ своему знанію, къ своимъ силамъ. Поприще, на которомъ ей недостаетъ знанія, надо изучить или оставить въ сторонѣ. Дѣла, дла котораго у нея недостаетъ силъ, лучше не трогать, пока не наберешь достаточно силъ для его совершенія. Не то, чтобы цѣлая сфера дѣятельности была, такимъ образомъ, закрыта для кого-нибудь; но надо, чтобы человѣкъ, обращаясь къ этой сферѣ, ясно поставилъ и рѣшилъ вопросъ: что́ *именно* могу я сдѣлать въ этой сферѣ съ моими знаніями и при моихъ силахъ? Только рѣшивъ этотъ вопросъ, можно разумно ставить себѣ и жизненную задачу.

Но, приступая къ ней, личность имѣетъ передъ собою нѣсколько ученій, какъ будто противоположныхъ между собою, и читатель, знакомый съ извѣстнымъ взглядомъ Луи Бла́на на *индивидуализмъ* и *общественность* или *братство*, можетъ быть, видя большое зна-

ченіе, придаваемое мною личности въ исторіи, заподозрилъ автора этихъ писемъ въ склонности къ индивидуализму въ томъ именно смыслѣ этого слова, который приданъ ему знаменитымъ когда-то французскимъ соціалистомъ. Я не долго остановлюсь на этомъ вопросѣ, потому что считаю его болѣе вопросомъ о словахъ, чѣмъ о дѣлѣ.

Луи Бланъ говоритъ („Hist. de la révol. française“; Paris, 1847; I, 9—10), что „индивидуализмъ разсматриваетъ человѣка, какъ находящагося внѣ общества, . . . даетъ ему преувеличенное чувство его правъ, не указывая ему его обязанностей, предоставляетъ его собственнымъ его силамъ, и, вмѣсто всякаго правительства, провозглашаетъ laissez faire“. Ниже онъ говоритъ, что индивидуализмъ „ведетъ къ притѣсненію путемъ анархіи“. Для „братства“ мы находимъ у Луи Блана болѣе громкихъ фразъ, чѣмъ опредѣленныхъ понятій, но въ стремленіи, приписанномъ этому принципу, „организовать въ будущемъ общество—дѣло человѣка—по образу человѣческаго тѣла--дѣла божія“ видно, что личность, при господствѣ начала братства, считается Бланомъ столь же подчиненнымъ элементомъ общества, какъ отдѣльный безсознательный органъ тѣла подчиненъ сознательному человѣческому *я*. Индивидуализмъ, какъ его понимаетъ Луи Бланъ, былъ стремленіемъ *подчинить* общее благо личнымъ эгоистическимъ интересамъ единицъ, такъ же какъ общественность, съ его точки зрѣнія, склоняется къ *поглощенію* личности, въ ея особенности, интересами общества. Но личность лишь тогда подчиняетъ интересы общества своимъ собственнымъ интересамъ, когда смотритъ на общество и на себя, какъ на два начала, *одинаково реальныя* и соперничествующія въ своихъ инте-

ресахъ. Точно такъ же, поглощеніе личности обществомъ можетъ имѣть мѣсто лишь при представленіи, что общество можетъ достигать своихъ цѣлей не въ личностяхъ, а въ чемъ-то *иномъ*. Но и то, и другое—призракъ. Общество внѣ личностей не заключаетъ ничего реальнаго. Ясно понятые интересы личности требуютъ, чтобы она стремилась къ осуществленію общихъ интересовъ; общественныя цѣли могутъ быть достигнуты исключительно въ личностяхъ. Поэтому, истинная общественная теорія требуетъ не *подчиненія* общественнаго элемента личному и не *поглощенія* личности обществомъ, а *слитія* общественныхъ и частныхъ интересовъ. Личность должна развить въ себѣ пониманіе *общественныхъ* интересовъ, которые суть и *ея* интересы; она должна направить свою дѣятельность на внесеніе истины и справедливости въ общественныя формы, потому что это есть не какое-либо отвлеченное стремленіе, а самый близкій эгоистическій *ея* интересъ. *Индивидуализмъ* на этой ступени становится осуществленіемъ общаго блага помощью личныхъ стремленій, но общее благо и не можетъ иначе осуществиться. *Общественность* становится реализированіемъ личныхъ цѣлей въ общественной жизни, но онѣ и не могутъ быть реализированы въ какой-либо другой средѣ.

Итакъ, жизненная задача личности, если это критически мыслящая личность, не противополагаетъ ея интересовъ интересамъ общества. Но, пожалуй, можно подумать, что эти двѣ половины условій прогресса могутъ быть выполнены каждая отдѣльно. Развитіе личности и воплощеніе ею въ общественныя формы истины и справедливости могутъ быть обособлены мысленно, и возникаетъ задача, которую различные мыслители рѣшали раз-

лично. Возникаютъ вопросы: долженъ ли человѣкъ преимущественно работать надъ собою, ставя своею цѣлью личное совершенство, независимо отъ общественныхъ формъ, его окружающихъ, и участвуя въ общественной жизни лишь настолько, насколько ея формы вполнѣ соотвѣтствуютъ его требованіямъ? Или онъ долженъ направить свою дѣятельность преимущественно на выработку изъ данныхъ общественныхъ формъ возможно лучшихъ результатовъ для настоящаго и будущаго, хотя бы формы, въ которыхъ ему приходится дѣйствовать, были крайне неудовлетворительны, дѣятельность его — весьма незначительна?

Оба рѣшенія, принятыя въ своей исключительности, приходятъ къ искаженію личности и ея дѣятельности. Создавая свои нравственные идеалы, личность никогда не можетъ взять въ соображеніе всѣхъ историческихъ условій жизни общества въ его цѣлости и въ его разнообразіи; поэтому, идеалы личности всегда будутъ и должны быть далеко выше исторической дѣйствительности; слѣдовательно — личность имѣла бы въ большей части случаевъ поводъ удалиться отъ общественной дѣятельности. Чѣмъ она развитѣе и совершеннѣе, тѣмъ скорѣе ей пришлось бы это сдѣлать и смотрѣть, сложа руки, съ безполезною ироніею, какъ дѣла идутъ своимъ порядкомъ, т. е. какъ ихъ направляютъ личности съ болѣе слабымъ нравственнымъ развитіемъ. Такое самосовершенствованіе равнялось бы общественному индифферентизму. Впрочемъ, оно было бы и противорѣчиво въ самомъ себѣ. Личность, способная пройти индифферентно мимо общественнаго зла, когда она *могла*, хотя бы частью, помочь ему, не способна развить въ себѣ ничего болѣе, кромѣ *кажущейся* силы мысли, схоластическаго и вполнѣ без-

полезнаго набора громкихъ правилъ, или мистическаго самовозвышенія, въ отчужденіи отъ всего реальнаго. Къ тому же, если среда, въ которой живетъ разсматриваемая личность, дозволила развиться *ей* до критическаго отношенія ко всему окружающему, то среда эта еще не безусловно дурна; въ ней можетъ развиться и другой, и третій, лишь бы имъ представились тѣ-же условія, т. е. лишь бы устранить въ этой средѣ наиболѣе стѣснительныя, удушающія формы. Лучшее въ ней возможно, и если личность не видитъ этого, значитъ—она недостаточно раз вила *сама себя*, а только *кажется* себѣ развитою.

Но вполнѣ приноравливаясь къ даннымъ общественнымъ формамъ, легко незамѣтно перейти къ полному подчиненію себя этимъ формамъ. Довольствуясь все меньшимъ и меньшимъ результатомъ своей дѣятельности, можно, наконецъ, удовольствоваться и отсутствіемъ всякаго результата. Тогда общественный дѣятель сходитъ на весьма незавидную ступень бѣлки, бѣгающей въ колесѣ, или трибуна, произносящаго пламенную рѣчь въ пустой комнатѣ. Откинувъ въ сторону требованіе личнаго достоинства, состоящаго въ томъ, чтобы въ своей дѣятельности не спускаться ниже даннаго уровня, —личность не только отказывается отъ самосовершенствованія: она отказывается и отъ способности оцѣнить, приноситъ ли она обществу пользу или вредъ; живетъ-ли она въ немъ, какъ производитель, или какъ паразитъ.

Оба высказанныя выше требованія нераздѣльно связаны одно съ другимъ. Личность не можетъ иначе развиваться всесторонне, какъ на критикѣ реальнаго. Критика реальнаго міра, природы, указываетъ человѣку безусловные предѣлы собственной и чужой дѣятельности, неизбѣжные законы, противъ которыхъ вооружаться не-

лѣпо. Критика реальнаго прошлаго, исторіи, позволяетъ ему оцѣнить неизбѣжную почву, на которой онъ стоитъ вмѣстѣ со всѣми другими своими современниками, почву, допускающую переработку, но при условіи: взять самую почву въ соображеніе такою, *какова она есть*. Критика реальнаго общества научаетъ человѣка отличать людей съ самостоятельнымъ стремленіемъ къ прогрессу отъ людей, живущихъ чужою мыслью, и отъ сторонниковъ реакціи, научаетъ отличать главное зло отъ второстепеннаго, сегодняшній вопросъ отъ вопроса, который можно оставить до завтра. Критика реальнаго *я* позволяетъ человѣку взвѣсить свои силы и опредѣлить свою дѣятельность безъ самоуниженія и безъ высокомѣрія. Но всѣ эти формы критики суть не что иное, какъ развитіе собственной личности. Въ то же время, онѣ невозможны или призрачны, если личность не принимаетъ самаго живаго участія въ общественныхъ вопросахъ и страданіяхъ, если ея критика не есть лишь преддверіе къ полезной дѣятельности.

Съ другой стороны, общественная дѣятельность имѣетъ человѣческій смыслъ лишь при саморазвитіи, при постоянной повѣркѣ самого себя, своихъ силъ, своихъ знаній, своихъ убѣжденій, своего умѣнья и своей рѣшимости отстаивать эти убѣжденія. На дѣятельности упражняются и растутъ силы; опытъ жизни и ея задачи увеличиваютъ знанія; въ борьбѣ крѣпнетъ убѣжденіе и способность отстаивать его. Сознаніе своего участія въ общественномъ дѣлѣ есть уже начало возвышающее, вызывающее развитіе. Какъ личность можетъ нормально развиться только во взаимодѣйствіи съ общественною жизнію, такъ полезная общественная дѣятельность можетъ имѣть мѣсто лишь при саморазвитіи личностей, въ ней участвующихъ.

Это самое устанавливаетъ предѣлъ, за который личность, не роняя своего достоинства, не можетъ перейти въ своемъ участіи въ общественной жизни. Тамъ, гдѣ есть еще возможность оживленія, поднятія уровня общественныхъ интересовъ; тамъ, гдѣ есть еще надежда внести человѣчность въ механизмъ жизни, разбудить мысль, укрѣпить убѣжденіе, возбудить ненависть и отвращеніе къ обыденному злу,—тамъ личность можетъ и обязана стать въ ряды дѣятелей общественнаго прогресса. Но если она сознала, что около нея пошлость сплела ткань, которую одинокая личность прорвать не въ силахъ; если человѣку необходимо содѣйствіе другихъ для дѣла, а эти другіе живутъ паразитами на тѣлѣ общества, нисколько не думая объ его требованіяхъ; если многописаніе, формализмъ и низкопоклонничество задавили въ чиновничествѣ всякую мысль о государственной пользѣ; если на ученьяхъ и парадахъ, изъ-за вѣрнаго темпа и ровнаго фронта, военный совсѣмъ забылъ, что онъ человѣкъ и гражданинъ; если общественное собраніе глухо ко всему, внѣ личной вражды, личныхъ связей и муравьиныхъ интересовъ; если зло растетъ въ обществѣ, а трусость и подлость закрываютъ передъ нимъ глаза или рабски апплодируютъ ему,—тогда разумному, сознательному, но безсильному дѣятелю остается отойти отъ этого омута въ сторону... когда можетъ. Его силы недостаточны, чтобы остановить общественное зло даже въ малѣйшей его долѣ, но онъ, по крайней мѣрѣ, не приложитъ ихъ къ продолженію и усиленію зла. Среди общественнаго отупѣнія, онъ присоединится къ тѣмъ незамѣтнымъ хранителямъ традиціи прогресса, о которыхъ я говорилъ въ предыдущемъ письмѣ. Можетъ быть, придетъ минута, когда его участіе въ общественной жизни

будетъ *возможно*. Если же она не придетъ, то онъ передастъ другому поколѣнію традицію истины и справедливости, которая для него осталась лишь въ области сознанія, которую воплотить въ жизнь онъ не могъ или не умѣлъ. Въ этомъ случаѣ, уже и то составляетъ нѣкоторую заслугу, что онъ не преклонился предъ всеобщимъ зломъ, не сдѣлался его орудіемъ. Другой, съ лучшимъ пониманіемъ, съ большею энергіею, съ большими силами, сумѣлъ бы, можетъ быть, и тутъ быть положительнымъ дѣятелемъ, сумѣлъ бы бороться и, если не побѣдить, то хоть показать другимъ примѣръ борьбы. Не у всѣхъ равныя силы. Развившись въ данную эпоху, при данныхъ условіяхъ, иногда и тѣ люди составляютъ исключеніе, которые умѣютъ *устраниться* отъ общаго зла, отнестись къ нему критически и выгородиться изъ него въ своей частной жизни.

Но, какъ только возможность дѣйствовать явилась, какъ только есть элементы борьбы и жизни въ обществѣ, устранить себя отъ этой борьбы не имѣетъ права человѣкъ развитой. Какъ ни противно среди грязныхъ лужъ отыскивать дорогу, ее отыскивать всетаки надо. Какъ ни утомительно толкаться между сотнями полу-людей, чтобы найти въ сотнѣ одного, двухъ доступныхъ пробужденію къ жизни, искать всетаки приходится. Можно напередъ предвидѣть, что неудачъ будетъ много. Даже и тѣ люди, которые *кажутся* доступными свѣжей мысли, въ большинствѣ случаевъ поддадутся трусости или мелочнымъ побужденіямъ, побѣгутъ за жирной подачкой, или пожертвуютъ дѣломъ изъ-за громкаго слова. Многіе отстанутъ; многіе разбѣгутся; еще большее число оставитъ знамя изъ-за личныхъ ссоръ, иногда въ самомъ пылу боя. Проповѣдники передовыхъ идей и не-

умолимой борьбы за нихъ, увидѣвъ эти идеи на дѣлѣ, въ ихъ рѣзкой реальной обстановкѣ, испугаются того самаго, что было такъ красиво, мягко и безобидно на листѣ бумаги, отрекутся отъ своего прошлаго, отъ своихъ прежнихъ единомышленниковъ и послѣдователей и обратятся въ каррикатурныхъ уединенныхъ воркуновъ, въ блѣдныя и трусливыя ничтожества. Будутъ и прямые наглые измѣнники своему прошлому изъ за личныхъ интересовъ. Самые шансы борьбы будутъ измѣняться, и когда, повидимому, ряды защитниковъ прогресса будутъ всего гуще и неѳдолимѣе, можетъ оказаться вдругъ, что это призракъ, что достаточно раздавить двухъ, трехъ передовыхъ дѣятелей, чтобы псевдорыцари прогресса попрятались по угламъ, измѣнили знамени или отреклись отъ него. Все это, конечно, очень противно и возмутительно, но если бы борцамъ прогресса приходилось только торжествовать, ихъ дѣло было бы черезчуръ легко. Всетаки для успѣха борьбы необходимо дѣйствовать въ той средѣ, которая дана каждому историческимъ процессомъ въ настоящемъ. Вооружаться приходится тѣмъ оружіемъ, которое удобнѣе именно въ *этой* средѣ и для *того* именно сорта битвы, который предстоитъ въ настоящемъ. Отойти въ сторону имѣетъ право лишь тотъ, кто сознаетъ себя безсильнымъ. Тотъ же, кто чувствуетъ или воображаетъ, что у него есть силы, не имѣетъ нравственнаго права тратить ихъ на мелкій, частный кругъ дѣятельности, когда есть какая-либо возможность расширить этотъ кругъ. Развитой человѣкъ, по мѣрѣ расширенія своего развитія, долженъ оплатить и болѣе значительную цѣну, израсходованную человѣчествомъ на это развитіе; поэтому, на немъ лежитъ нравственная обязанность избрать

столь широкій кругъ общественной дѣятельности, какой только ему доступенъ.

Отсюда рождается необходимость уяснить себѣ: какіе элементы въ сложномъ строѣ общества представляютъ *почву* дѣйствія, и какіе—*орудія* дѣятельности? Гдѣ болѣе или менѣе блестящая, но сама по себѣ мертвая форма, и гдѣ живая сила?

Потребности обусловливаютъ процессы міра органическаго, развитіе растительности, размноженіе животныхъ. Онѣ составляютъ одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ физіологіи, психологіи человѣка и соціологіи. Онѣ составляютъ и неизбѣжную точку исхода для объясненія всякаго историческаго явленія. Всюду, гдѣ есть дѣйствіе воли, существуетъ въ основѣ дѣйствія потребность; поэтому, всѣ элементы историческихъ явленій сводятся на различныя потребности личностей. Потребности суть факты общіе для массъ, но разнообразіе физіологическихъ и психологическихъ особенностей въ особяхъ имѣетъ слѣдствіемъ разнообразіе влеченій, вызываемыхъ потребностями. Здѣсь уже можно указать различіе двухъ классовъ потребностей.

Однѣ изъ нихъ, общія всѣмъ живымъ существамъ, вызываютъ безсознательную или весьма мало сознательную рефлективную дѣятельность, элементарную технику приспособленія къ средѣ, развиваютъ разнообразные инстинкты животнаго міра, а въ человѣческомъ обществѣ вызываютъ всѣ тѣ дѣйствія, которыя мы называемъ *привычками*; все, что въ жизни человѣка принадлежитъ преданію; все, что онъ дѣлаетъ механически, вовсе не разсуждая, или разсуждая очень мало, почему онъ дѣлаетъ *такъ*, а не иначе, и на что онъ могъ бы дать лишь такое объясненіе: „я къ этому

привыкъ", или: „это такъ дѣлается; это всегда такъ дѣлалось; это принято", и т. под. Я сказалъ уже, что эта группа физіологическихъ и привычныхъ потребностей сближаетъ всѣ классы животнаго міра, не представляетъ никакого различія для человѣка сравнительно съ другими позвоночными или съ безпозвоночными животными, и даже въ послѣднемъ подъ-царствѣ представляетъ самые поразительные примѣры своего проявленія, именно—въ обществахъ муравьевъ, пчелъ и другихъ, близкихъ къ нимъ, существъ. Эти потребности составляютъ самый прочный, если можно такъ выразиться, самый натуралистическій элементъ въ жизни обществъ. Онѣ даютъ тѣ неизмѣнные экономическіе и статистическіе законы, то взаимное опредѣленіе физическихъ условій страны и ея цивилизаціи, которыя лежатъ въ основѣ человѣческой исторіи. Онѣ вызываютъ первую технику, слѣдовательно — и первыя знанія; подъ ихъ вліяніемъ происходитъ первое сближеніе людей, какъ и другихъ животныхъ. Общественная жизнь, истекающая изъ этого источника, есть уже жизнь *культурная*, и человѣкъ, немыслимый безъ потребностей, тѣмъ самымъ немыслимъ безъ какой-либо культуры. Наравнѣ съ нѣкоторыми другими своими собратьями изъ міра насѣкомыхъ и позвоночныхъ, онъ принадлежитъ къ животнымъ культурнымъ.

Съ первыми индивидуализированными влеченіями вступаетъ въ органическій міръ вторая группа потребностей, болѣе сложныхъ, болѣе разнообразныхъ и менѣе общихъ. Она наблюдается въ сколько-нибудь опредѣленной формѣ лишь въ высшихъ классахъ позвоночныхъ (у птицъ и млекопитающихъ), вырабатывается вполнѣ и здѣсь лишь въ нѣкоторыхъ семействахъ, родахъ и видахъ существъ, высказывается въ *выборѣ*, повидимому, произ-

вольномъ, въ разнообразныхъ аффектахъ привязанности и отвращенія, аффектахъ, которые невозможно свести на общую потребность, въ измѣнчивости влеченій, переходящихъ при совершенно сходныхъ обстоятельствахъ отъ полнаго равнодушія къ неудержимой страсти, которая заставляетъ особь забывать о самосохраненіи, заглушаетъ всѣ прочія потребности, вызываетъ иногда вполнѣ безумную, иногда хитро разсчитанную дѣятельность, проявляется въ человѣкѣ героизмомъ или преступленіемъ. Эта вторая группа *аффективныхъ* потребностей играетъ широкую роль въ интимной біографіи личностей, но весьма ничтожную въ исторіи человѣчества, въ ея цѣломъ, потому что непродолжительность жизни личностей мѣшаетъ имъ даже тогда, когда онѣ поставлены въ очень вліятельное положеніе, оставить слишкомъ замѣтный слѣдъ своихъ аффектовъ въ жизни общества, тѣмъ болѣе, что аффекты измѣнчивы во всякой личности по самой своей природѣ, и большею частью въ разнообразіи аффектовъ сосуществующихъ личностей эти вліянія взаимно уравновѣшиваются.

Потребности физіологическія и привычныя привели бы всякую культуру къ вѣчно повторяющимся формамъ улья или муравейника. Потребности аффективныя вызывали бы личныя драмы, но не могли бы создать исторіи. Она происходитъ лишь подъ вліяніемъ работы *мысли*. Онъ обусловливается еще новымъ родомъ потребностей, наблюдаемыхъ только въ человѣкѣ, и здѣсь лишь въ небольшихъ группахъ личностей, для которыхъ страданія поколѣній выработали исключительное развитіе. Это— потребности прогрессивныя историческія, потребности *развитія*.

Уже первая техника и первый разсчетъ пользы пред-

ставляютъ работу *мысли*, и культура обществъ разнообразится по мѣрѣ развитія ихъ мысли. Подъ вліяніемъ ея работы, размножаются потребности, измѣняются влеченія; разсчетъ вызываетъ цѣлый рядъ цѣлесообразныхъ дѣйствій, оттѣсняющихъ прямыя влеченія; самыя влеченія, въ формѣ аффектовъ и страстей, становятся источниками дѣятельности, разсчитанной въ виду наилучшаго удовлетворенія аффекта. Наконецъ, является моментъ, гдѣ критика мысли направлена не на удовлетвореніе прямого влеченія, но на самое влеченіе. Тогда мысль сравниваетъ влеченія и распредѣляетъ ихъ по тому *достоинству*, которое они имѣли предъ критикою мысли. Съ другой стороны, сама мысль становится любимою цѣлью, возбуждаетъ аффектъ; удовлетвореніе этого аффекта, направленнаго на продуктъ мысли, становится новою, чисто человѣческою, высшею потребностью. Самая разработка мысли, какъ увлекательной цѣли, какъ искомой *истины*, какъ желательнаго *нравственнаго блага*, обращается въ потребность для развитой личности.—Подъ непрерывною работою критики, въ виду *развитія* вообще, какъ цѣли, всѣ потребности и влеченія располагаются въ различныя перспективы, какъ влеченія лучшія и худшія, какъ потребности высшія и низшія. Является потребность въ истинѣ и справедливости, независимо отъ пользы: создаются начала науки и искусства. Является потребность ставить себѣ жизненные идеалы и воплощать ихъ нравственною жизнію. Человѣкъ становится способенъ противодѣйствовать своимъ влеченіямъ, своимъ потребностямъ и предаться безраздѣльно идеѣ, представленію, жизненной цѣли—иногда призраку—жертвуя имъ всѣмъ и часто даже не думая подвергать ихъ критикѣ. Какъ только работа мысли на почвѣ культуры обусловила

общественную жизнь требованіями науки, искусства, нравственности, то культура перешла въ цивилизацію, и человѣческая исторія началась.

Результаты работы мысли одного поколѣнія не остаются для поколѣнія, слѣдующаго за нимъ, въ сферѣ одной лишь мысли. Они обращаются въ жизненныя привычки, въ общественныя преданія. Для людей, получившихъ ихъ въ этомъ видѣ, ихъ происхожденіе безразлично; самая глубокая мысль, повторяемая привычно или по преданію, представляетъ для человѣчества не высшее явленіе, какъ привычные поступки бобра и пчелы для бобровъ и пчелъ. Изобрѣтеніе перваго топора, перваго обожженнаго глинянаго горшка было громадною работою элементарной технической мысли, но современное человѣчество употребляетъ топоры и обожженную глину со столь-же малымъ сознаніемъ, какъ птица вьетъ свое гнѣздо. Первые протестанты, чуждаясь пестраго великолѣпія католическихъ храмовъ и собираясь около своего проповѣдника, дѣйствовали подъ вліяніемъ ясно сознанной мысли; нынѣшніе же потомки ихъ большею частью идутъ въ этотъ храмъ, а не въ другой, на воскресную проповѣдь потому лишь, что ихъ отцы и дѣды ходили именно въ подобный храмъ и слушали подобныя же проповѣди, точно такъ, какъ аистъ, возвращаясь изъ перелета, садится на ту же крышу, гдѣ сидѣлъ годъ тому назадъ. Даже въ высшей сферѣ человѣческой мысли повторяется то-же явленіе: нынѣшніе преподаватели и нынѣшніе ученики повторяютъ мысль Архимеда о законахъ равновѣсія и рычага, мысль Ньютона о всемірномъ тяготѣніи, мысль Пруста о законѣ химическихъ пропорцій, мысль Адама Смита о законѣ спроса и предложенія; но это совершается гораздо чаще по педагогическому

преданію, что такъ учили, такъ учатъ и такъ слѣдуетъ учить, чѣмъ вслѣдствіе живой самостоятельной умственной потребности, неизбѣжно приводящей человѣка въ данную минуту къ даниому вопросу и вызывающей на этотъ вопросъ именно такой отвѣтъ, а не другой. Надо полагать, что и бобры валятъ и обдираютъ деревья, сплавляютъ ихъ и возводятъ свои постройки вслѣдствіе подобнаго же педагогическаго и техническаго преданія. Вообще, часть цивилизаціи отцовъ, въ формѣ привычекъ и преданій, составляетъ не что иное, какъ зоологическій культурный элементъ въ жизни потомковъ, и надъ этою привычною культурою второй формаціи должна критически работать мысль новаго поколѣнія, чтобы общество не предалось застою, чтобы, въ числѣ унаслѣдованныхъ привычекъ и преданій, оно разглядѣло тѣ, которыя представляютъ возможность дальнѣйшей работы мысли на пути истины, красоты и справедливости, отбросило остальное, какъ отжившее, и создало новую цивилизацію, какъ новый строй культуры, оживленный работою мысли.

И въ каждомъ поколѣніи человѣческомъ повторяется то-же. Оно получаетъ отъ природы и исторіи совокупность потребностей и влеченій, которыя въ значительной степени обусловливаются культурными привычками и преданіями. Оно удовлетворяетъ этимъ потребностямъ и влеченіямъ обиходомъ жизни и унаслѣдованными общественными учрежденіями, ремесленнымъ искусствомъ и рутинною техникою. Все это составляетъ его культуру, или зоологическій элементъ въ жизни человѣчества. Но въ числѣ унаслѣдованныхъ привычекъ всякой цивилизаціи заключается привычка критики, и она-то вызываетъ человѣчный элементъ исторіи, *потребность развитія* и *работу мысли* въ виду этой потребности. Критика науки

вноситъ въ міросозерцанія болѣе истины; критика нравственности расширяетъ въ жизни приложеніе науки и справедливости; критика искусства вызываетъ болѣе полное усвоеніе истины и справедливости, придаетъ жизни болѣе стройности, культурѣ—болѣе человѣчнаго изящества. Насколько въ обществѣ преобладаютъ культурныя начала и подавляется работа мысли, настолько оно приближается къ строю муравьевъ и осъ, какъ бы, впрочемъ, ни была блестяща его культура; это не болѣе, какъ разница въ степени, въ формѣ потребностей и влеченій. Насколько въ обществѣ сильна работа мысли, критическое отношеніе къ своей культурѣ, настолько общество человѣчнѣе и болѣе обособляется отъ низшаго животнаго міра, даже если бы борьба, вызываемая работою мысли, критикою существующаго, имѣла слѣдствіемъ въ частности грустныя картины, прибѣгала къ оружію общественной или умственной революціи и нарушала въ обществѣ спокойствіе и порядокъ: весьма часто, лишь временнымъ волненіемъ и безпорядкомъ, лишь путемъ революціи, можно купить лучшее обезпеченіе спокойствія и порядка для большинства въ будущемъ. Когда Тразивулъ съ аѳинскими изгнанниками явился въ Аѳины возмущать отечество противъ олигархіи тридцати тирановъ, онъ, конечно, произвелъ волненіе и безпорядокъ. Когда гуманисты XV-го вѣка и реалисты XVIII-го повели войну противъ схоластики, они произвели чрезвычайное волненіе въ школахъ и страшный безпорядокъ въ умахъ. Когда англійскія колоніи Сѣверной Америки отложились отъ метрополіи, это былъ явный мятежъ. Когда Гарибальди со своею тысячею присталъ къ берегамъ Сициліи, тутъ не было слѣда уваженія къ порядку. Когда Дарвинъ низвергнулъ кумиръ неизмѣннаго вида, онъ спуталъ бо-

таническія и зоологическія классификаціи и разрушилъ основу ихъ. Но за свободу Аѳинъ, за новую европейскую науку, за политическій идеалъ Сѣверо-Американской республики, за низверженіе неаполитанскихъ бурбоновъ, за величественное обобщеніе развитія органическаго міра—стоило заплатить нѣкоторымъ безпорядкомъ и волненіемъ.

Культура общества есть среда, данная исторіею для работы мысли обусловливающая *возможное* для этой работы въ данную эпоху съ такою же неизбѣжностью, съ какою во всякое время ставитъ предѣлы этой работѣ неизмѣнный законъ природы. Мысль есть единственный дѣятель, сообщающій *человѣчное* достоинство общественной культурѣ. Исторія мысли, обусловленной культурою, въ связи съ исторіею культуры, измѣняющейся подъ вліяніемъ мысли—вотъ вся исторія цивилизаціи. Въ разумную исторію человѣчества могутъ войти лишь событія, уясняющія исторію культуры и мысли въ ихъ взаимодѣйствіи.

Потребности и влеченія даются природою или порождаются культурою и вызываютъ общественныя формы. Внести въ эти общественныя формы истину и справедливость – дѣло мысли. Что въ общественныя формы вложила *природа,* то мысль измѣнить не можетъ и должна только принять къ свѣдѣнію. Мысль не можетъ отнять у человѣка потребность въ пищѣ и въ воздухѣ, не можетъ уничтожить половаго влеченія. не можетъ сдѣлать, чтобы рядомъ со взрослыми не существовали малолѣтки, не можетъ измѣнить процесса своего распространенія такъ, чтобы личность не являлась неизбѣжнымъ ея органомъ. Но все, внесенное въ общественныя формы *культурою,* подлежитъ критикѣ мысли. Культура должна

быть взята въ соображеніе при работѣ мысли, какъ исторически-данная среда, но не какъ неизмѣнный законъ. Если сравнимъ культуру разныхъ эпохъ, то легко замѣтимъ, насколько самые основные элементы культуры подлежатъ измѣнчивости. Тѣмъ не менѣе, для лицъ, жившихъ въ эпоху господства данной культуры, эта культура представляла среду, въ которой приходилось дѣйствовать всякой личности, не имѣя возможности сдѣлать среду своей дѣятельности иною. Естественныя потребности и влеченія, подъ вліяніемъ критики мысли, должны выработать себѣ общественныя формы, заключающія наибольшее количество истины и справедливости, допускаемое даннымъ состояніемъ культуры.

Итакъ, передъ нами опредѣленная задача прогресса: *культура* должна быть переработана *мыслію*. Передъ нами также опредѣленный, единственный реальный дѣятель прогресса: *личность*, опредѣляющая свои силы и дѣло, ей доступное. Мысль реальна лишь въ личности. Культура реальна въ общественныхъ формахъ. Слѣдовательно, *личность* остается со своими силами и со своими требованіями лицомъ къ лицу съ *общественными формами*.

ПИСЬМО СЕДЬМОЕ.

Личности и общественныя формы.

Положимъ, что личность рѣшила важнѣйшій изъ своихъ жизненныхъ вопросовъ: она взвѣсила свои силы и опредѣлила себѣ дѣло.

Предъ нею различныя общественныя формы. Могутъ быть случаи, что эти формы, по своей сущности и по своей ширинѣ, соотвѣтствуютъ убѣжденіямъ человѣка объ истинѣ и справедливости. Тогда онъ блаженъ: онъ можетъ дѣйствовать въ этихъ формахъ, не борясь съ ними и не стѣсняясь ими. Онъ блаженъ, но, въ этомъ случаѣ, ему нечего и считать себя *дѣятелемъ* прогресса. Онъ, какъ критически-мыслящая личность, по своей полезности, не стоитъ ничѣмъ выше другихъ личностей, не мыслящихъ критически. Всѣхъ ихъ несетъ волна прогресса, движенію которой они подчиняются. Онъ только *сознаетъ* лучше другихъ, что дѣлается.

Но это сказка Шехеразады! Гдѣ же, когда всѣ общественныя формы удовлетворяли даже довольно умѣреннымъ образомъ требованіямъ научности и справедливости? Если личность видитъ около себя всюду добро, всюду благополучіе, всюду разумность, она можетъ быть увѣрена, что она многаго не продумала критически, не доглядѣла по невниманію или по врожденной нравственной близорукости. Ей недостаетъ рѣшимости или недо-

стаетъ силъ сдѣлаться вполнѣ критически мыслящею личностью.

Тотъ, кто мыслитъ критически, неудержимо ищетъ не наслажденія созерцаніемъ существующаго добра, а предѣла, за которымъ это добро кончается, гдѣ начинается зло, какъ враждебное противодѣйствіе прогрессу, или какъ пошлость и рутина. Пусть всѣ тѣ, которые не выработали въ себѣ личность, наслаждаются прекрасными людьми, насколько эти люди прекрасны; разными укромными уголками общественнаго быта, насколько эти уголки укромны; разными веселенькими пирушками жизни, насколько въ этихъ пирушкахъ есть веселости. Людямъ—не личностямъ—оно такъ и слѣдуетъ: для нихъ самостоятельная борьба невозможна.

Но человѣкъ, критически мыслящій, роется въ глубинѣ мыслей и дѣйствій прекраснаго человѣка, чтобы отыскать, гдѣ этотъ человѣкъ перестаетъ быть прекраснымъ, и оцѣнить его во имя единства его недостатковъ и его достоинствъ. Одному можно смѣло указать его слабости и надѣяться, что онъ самъ увидитъ, пойметъ и исправитъ ихъ. Другого—усталаго и разбитаго—можно поддержать и придать ему новую энергію для дальнѣйшаго, быстрѣйшаго движенія. Третьяго, сворачивающаго съ пути, можно направить снова на прежнюю дѣятельность. Четвертому можно простить его слабости во имя его дѣлъ, когда онъ не въ силахъ вырвать изъ себя то, что у него отнимаетъ часть силы, но все остальное направляетъ на содѣйствіе прогрессу. Съ пятаго можно рѣшительно сорвать маску и обличить его пошлость или противодѣйствіе прогрессу. Но все это требуетъ изученія, изученія *именно* зла въ человѣкѣ, изученія его слабости, наравнѣ

съ его силами, его пошленькихъ сторонъ еще болѣе, чѣмъ его яркихъ достоинствъ.

Точно такъ же критическая мысль лишь на мгновеніе отдыхаетъ въ укромныхъ уголкахъ, въ тихихъ убѣжищахъ жизни. Покорная жена и ласковыя дѣти, обезпеченное существованіе и видное мѣсто, безукоризненная отчетность и безупречная совѣсть, огромная эрудиція и знаменитость ученаго, безспорный талантъ художника и хорошая плата за его произведенія—все это прекрасно, все это блага, но все это—лишь *механизмъ* культурной человѣческой жизни. Въ этой пестрой оболочкѣ, въ этой вѣчной хлопотливости, человѣкъ можетъ всю жизнь провести не человѣкомъ, а разсуждающимъ муравьемъ, способствуя лишь тому, чтобы годъ за годомъ, поколѣніе за поколѣніемъ, повторялись отцы и матери, нарождающіе дѣтей, капиталисты, проживающіе свои доходы, чиновники, сдающіе дѣла, ученые, пишущіе диссертаціи, художники, ласкающіе эстетическій вкусъ поколѣній.

Человѣческій муравейникъ обращается въ общество людей лишь тогда, когда критика, съ своими неумолимыми запросами, начинаетъ нарушать мирное блаженство или сонную рутину скромныхъ уголковъ. Точно ли искренно, по-человѣчески, сознательно вы любите другъ друга, вѣрные супруги? Точно ли вы развиваете дѣтей, а не только нарождаете ихъ? Точно ли ты заработалъ свой капиталъ и свое положеніе, счастливый спекуляторъ? Точно ли ты трудился на пользу общества, честный чиновникъ? Точно ли ты двигалъ науку впередъ, многописавшій ученый? Точно ли ты творилъ современно-поэтическія произведенія, художникъ? Точно ли всѣ эти формы, въ которыя вы драпируетесь, которыми вы прикрываетесь, какъ святынею, которыми питаетесь, и на разра-

ботку которыхъ уходитъ вся наша жизнь—точно ли эти формы, какъ онѣ суть и какими вы ихъ сдѣлали, заключаютъ разумное человѣческое содержаніе? Точно ли онѣ не должны быть *иными* во имя истины и справедливости? Точно ли противъ нихъ не слѣдуетъ бороться, чтобы ихъ оживить? Точно ли онѣ не идолы, въ которыхъ вы поклоняетесь своей рутинѣ, своей боязни мысли, своему эгоизму въ узкомъ значеніи этого слова? Точно ли не слѣдуетъ свергнуть эти идолы, чтобы поставить на ихъ мѣсто настоящую святыню?

Но здѣсь, я чувствую, со всѣхъ сторонъ поднимаются возраженія. Какъ! личность! одинокая ничтожная, безсильная личность думаетъ критически относиться къ общественнымъ формамъ, выработаннымъ исторіею народовъ, исторіею человѣчества! Личность считаетъ себя въ правѣ и въ силахъ низвергнуть, какъ идола, то, что остальная масса общества признаетъ святынею! Это *преступно*, потому что передъ массою единица правъ не имѣетъ. Это *вредно*, потому что блаженство массы, довольной общественными формами, важнѣе страданій единицы, отрицающей ихъ, какъ зло. Это *безсмысленно*, потому что рядъ поколѣній, выработавшихъ данныя общественныя формы, въ суммѣ умнѣе всякой отдѣльной личности. Это *безумно*, потому что личность безсильна передъ обществомъ и его исторіею.—Разберемъ эти возраженія по порядку.

Прежде всего о *правѣ*. Или прогресса нѣтъ, или онъ есть воплощеніе въ общественныя формы сознанія лжи и несправедливости. Я сознаю истину и справедливость въ иныхъ формахъ, чѣмъ тѣ, которыя на лицо, указываю на ложь и несправедливость въ томъ, что есть, и хочу бороться противъ этой сознанной лжи и несправедли-

ности. Гдѣ право, отрицающее *мое* право на это? Въ живыхъ личностяхъ? Но пусть онѣ докажутъ мнѣ, что я ошибся; пусть спорятъ со мной; пусть борются со мной, это *ихъ* право; я его не отрицаю; но и *я* имѣю право имъ доказывать, что онѣ ошибаются, имѣю право съ ними спорить и бороться. Въ цѣломъ обществѣ? Но это абстрактъ, который, какъ абстрактъ, противъ меня, существа реальнаго, не имѣетъ ровно никакого права; а въ своемъ реальномъ содержаніи распадается на личности, имѣющія не болѣе права, чѣмъ и я. Въ исторіи? Но все реальное содержаніе исторіи заключается опять-таки въ дѣятельности личностей. Изъ нихъ однѣ умерли, и противъ меня, живого, мертвецы иикакого права не имѣютъ; другія живы и имѣютъ права столько-же, какъ и я. Итакъ, *права* бороться за истину и справедливость никто отнять у меня не можетъ, если я самъ не отниму его у себя во имя *вреда*, который можетъ выйти изъ моей дѣятельности; во имя недовѣрія къ моему личному *разуму*, въ виду историческаго разума общества; во имя моего *безсилія*, въ виду громадныхъ силъ организованнаго общества. Первый пунктъ личность уже выиграла; остается три.

Какой *вредъ* можетъ быть отъ того, что я укажу обществу на ложь и несправедливость въ его формахъ и буду стремиться воплотить въ жизнь истину и справедливость? Если я буду говорить, и меня не послушаютъ, если мои дѣйствія будутъ безуспѣшны, то пострадаю только я. Если меня послушаютъ, и общество устроится съ большею истиною и справедливостью, то это будетъ не вредъ, а польза, потому что истина и справедливость въ общественныхъ формахъ есть условіе наибольшаго наслажденія для личностей и расширенія наслажденія на наи-

большее количество личностей. Конечно, если одна часть послушаетъ меня и станетъ на мою сторону, а другая будетъ сопротивляться, то начнется борьба, которая временно возмутитъ спокойствіе всего того, что пользовалось удобствами общественнаго строя. Одни не будутъ наслаждаться потому, что въ ихъ душѣ будетъ теперь постоянно пребывать сознаніе, что они наслаждаются въ силу несправедливыхъ общественныхъ формъ. Другіе не будутъ наслаждаться потому, что имъ будутъ мѣшать ихъ противники, а еще болѣе будетъ мѣшать страхъ, что вотъ-вотъ придетъ конецъ ихъ благополучію. Не спорю, это—положеніе, непріятное для всѣхъ, пользующихся удобствами данной цивилизаціи. Но можно ли его назвать безусловно вреднымъ? Едва ли. Въ предыдущемъ письмѣ приведено нѣсколько примѣровъ тому, какія благодѣтельныя слѣдствія вытекаютъ иногда изъ нѣкотораго безпорядка, внесеннаго въ установившуюся жизнь Я уже говорилъ въ письмѣ третьемъ и четвертомъ, что до сихъ поръ удобствами прогресса пользуется лишь весьма небольшое меньшинство; что за его развитіе заплачена цѣна, которую и счесть оказалось невозможно; что эта цѣна можетъ быть оплачена только стремленіемъ распространить въ обществѣ истину и воплотить въ немъ болѣе справедливости. Если это такъ, то борьба изъ-за подобнаго воплощенія есть не только не вредъ, а единственный путь доставить данной цивилизаціи прочность. Во всѣ времена большинство страдало, слѣдовательно—страданіе не есть что-либо небывалое въ человѣчествѣ; надо только стремиться, чтобы страданія были наименѣе безполезны для исторіи, а какія же страданія могутъ быть полезнѣе тѣхъ, которыя ведутъ къ воплощенію истины и справедливости? Во-первыхъ, если счастливцы, поль-

зующіеся удобствами данной цивилизаціи, заплатятъ за это пользованіе нѣкоторымъ страданіемъ, они не оплатятъ этимъ и малой доли того, что для нихъ выстрадали предшествовавшіе милліоны. Во-вторыхъ, если уже считать вредъ, такъ надо помнить, что исторія не кончается живущимъ поколѣніемъ, что за этимъ послѣдуютъ другія, и безусловное количество вреда, приносимаго какимъ-либо дѣйствіемъ, измѣряется суммою приращеній зла, послѣдующаго отъ этого дѣйствія для всего будущаго. Если мнѣ удастся дѣйствительно содѣйствовать воплощенію въ общественныя формы большей истины и справедливости, то количество зла уменьшится для длиннаго ряда послѣдующихъ поколѣній, которыя воспользуются долею добра, внесеннаго въ жизнь. Если я откажусь отъ этого, ихъ страданія возрастутъ, но въ современномъ обществѣ, или, точнѣе, въ меньшинствѣ, пользующемся удобствами современнаго общественнаго строя,—будетъ нѣсколько менѣе страданій. Въ сущности же, и это сомнительно, потому что, насколько въ обществѣ менѣе истины и справедливости, настолько въ немъ болѣе страданія для однихъ, пониженія достоинства для другихъ. Итакъ, съ одной стороны, безспорный вредъ для болѣе или менѣе длиннаго ряда поколѣній; съ другой — сомнительная выгода для живущаго поколѣнія; можетъ ли быть и вопросъ о томъ, въ которую сторону должно пасть рѣшеніе? Да и въ чемъ, собственно, непріятность? Положимъ, что нѣсколько человѣкъ уяснятъ себѣ, что форма, бывшая для нихъ правдою вчера, не есть, въ сущности, правда, и ею наслаждаться нельзя развитому человѣку. Неужели непріятность сознанія ошибки есть зло? Положимъ, что общественный муравейникъ сдѣлаетъ одинъ шагъ на пути, чтобы стать человѣческимъ обществомъ. Неужели очело-

вѣченье людей есть зло?—Итакъ, польза отъ борьбы за истину и справедливость, во всякомъ случаѣ, безспорна, если только дѣло идетъ о дѣйствительной истинѣ и справедливости, и если успѣхъ возможенъ. Вредъ борьбы я сознаю лишь тогда, а слѣдовательно — право борьбы я могу отнять у себя лишь тогда, когда усомнюсь въ моемъ *пониманіи* истины и справедливости, или увѣрюсь въ своемъ *безсиліи* воплотить въ жизнь мое убѣжденіе.— Личность выиграла два пункта; обратимся къ третьему. Посмотримъ, насколько борьба личности противъ общественныхъ формъ можетъ быть признана *безсмысленною*.

Личность, критически разобравшая свои знанія и свои умственныя силы, дополнила свои знанія въ данной отрасли, направила на нее свою мысль и пришла къ опредѣленному убѣжденію. Это убѣжденіе оказывается несогласнымъ съ формою, выработанною исторически. И вотъ, человѣку говорятъ: покорись, потому что противъ тебя духъ народа, опытъ человѣчества, разумъ исторіи. Есть ли достаточный поводъ для личности, на основаніи этихъ аргументовъ, отказаться отъ своего убѣжденія, какъ *неразумнаго?*

Что такое духъ народа? Физическія особенности сообщили ряду поколѣній, живущему подъ вліяніемъ нѣкоторой среды, *неизбѣжное* природное основаніе народности? Небольшое меньшинство изъ него, жившее исторически, создало ему культуру, которая распространилась въ разной степени и въ разныхъ формахъ на различные слои народа и, въ своемъ многоразличіи, вошла въ народныя *привычки*, въ народныя преданія. Время отъ времени появлялись личности, имѣвшія возможность дѣйствовать на меньшинство, а чрезъ него и на большинство. Эти личности вносили въ прежнія куль-

турныя формы новую *мысль*, или измѣняли нѣкоторыя культурныя формы во имя другой культуры, иногда же производили эти измѣненія на основаніи новой мысли. Въ каждый моментъ своей исторіи народъ въ своей жизни представляетъ результатъ этихъ трехъ элементовъ: естественно-необходимаго, исторически-привычнаго, лично-продуманнаго. Ихъ комбинація составляла и составляетъ народный духъ. Въ немъ неизбѣжно лишь то, что обусловлено физически и климатически. Все остальное — привычка, постоянно измѣняющаяся подъ вліяніемъ мысли личностей и ихъ дѣйствій. Если личности мало мыслятъ и мало дѣйствуютъ, то привычка не измѣняется въ продолженіи длиннаго ряда поколѣній; культура сохраняетъ свои особенности: цивилизація впадаетъ болѣе и болѣе въ застой; духъ народа получаетъ болѣе и болѣе опредѣленныя формы, которыя можно описать почти такъ-же, какъ описываютъ нравы животныхъ. Если же личности дѣятельны, и мысль ихъ не ограничивается тѣснымъ кругомъ меньшинства, а стремится проникнуть и въ большинство, то привычки едва успѣваютъ установиться; культура смѣняется быстро въ меньшинствѣ и нѣсколько медленнѣе распространяется на большинство; цивилизація рискуетъ болѣе сдѣлаться непрочною, чѣмъ окоченѣть. Духъ народа тогда опредѣлить крайне трудно, и большею частью писатели о немъ тоскующіе, не понимаютъ другъ друга. Въ обществѣ, безспорно, присутствуютъ, на общемъ естественно-необходимомъ основаніи, нѣсколько слоевъ исторической привычной культуры, какъ результатъ болѣе быстраго измѣненія ея въ меньшинствѣ и болѣе медленнаго распространенія въ большинствѣ. Сообразно своему развитію, писатель пріурочиваетъ народный духъ къ тому или къ другому слою, ему наибо-

лѣе любезному, и видитъ настоящую народную исторію въ той или другой нормальной эпохѣ.—Спросите французовъ: гдѣ нормальная Франція, выражающая истинный народный духъ? Послѣ паденія всѣхъ законныхъ, избирательныхъ и захваченныхъ силою монархій, послѣ постыднаго паденія цезаризма, послѣ стольких опытовъ республики, задушенной въ крови или проданной ея оффиціальными защитниками, ей измѣнившими, вы найдете въ литературѣ, въ обществѣ, въ нынѣшней самодержавной палатѣ — представителей всѣхъ партій, которые будутъ доказывать, что *истинная* Франція, съ ея національнымъ духомъ, воплотилась именно въ исторіи того періода, котораго традицію они поддерживаютъ. Одинъ укажетъ на ancien régime и Людовика XIV съ его ревностнымъ католицизмомъ, съ его Расинами и Буало, другой—на 1789 г. съ его „правами человѣка“, третій — на Робеспьера или на Бабэфа, четвертый — на маленькаго капрала, пятый—на шумную эпоху парламентаризма при Людовикѣ-Филиппѣ, шестой не постыдится указать на эпоху „спокойствія, богатства и славы“ подъ сѣнью второй имперіи; а найдутся и такіе, которые вернутся къ эпохѣ Людовика Святаго и инквизиціи. И всѣ приведутъ доводы, что *это*—эпоха *истиннаго* народнаго духа Франціи.—Спросите нашихъ соотечественниковъ: гдѣ истинный народный духъ Россіи? Кто укажетъ на Москву Ивана Васильевича Грознаго со Стоглавомъ и „Домостроемъ“; кто—на новгородскій вѣчевой колоколъ; кто — на Владиміра-красное солнышко, на миѳическаго Святогора; а то пойдутъ перечислять Великаго Петра, Великую Екатерину, Сперанскаго съ его преобразованіями. Кто остановится на 1854 году, кто на 1861, кто на 1863, кто даже на 1889. И всѣ

будутъ спорить; всѣ будутъ доказывать, что вотъ здѣсь уловленъ, угаданъ, воплощенъ въ миѳъ, въ бытъ, въ указъ или слово настоящій русскій народный духъ. Кто изъ нихъ правъ? На чемъ остановилось развитіе русскаго народнаго духа? На доисторическомъ славянскомъ бытѣ? На слоѣ византійской культуры? Или на слоѣ Петровской цивилизаціи и чиновничества? Или этотъ духъ, оставаясь собою, способенъ воспринять и восприметъ въ себя все новые и новые элементы?—Если другіе думаютъ не такъ, то позвольте иной личности, при разнообразіи мнѣній, думать послѣднее и дѣйствовать сообразно этому убѣжденію. Позвольте считать, что народный духъ имѣетъ кое-какую болѣе широкую способность переработывать въ себя новые элементы, чѣмъ зоологическія породы быковъ и гіенъ. Среди безконечнаго разнообразія понятій о народномъ духѣ, или точнѣе, объ истиннѣйшемъ и справедливѣйшемъ для даннаго народа, позвольте критически-мыслящей личности высказать и проводить въ жизнь *свое* мнѣніе объ истинѣ и справедливости, надѣясь, что оно настолько же можетъ войти элементомъ въ народный духъ, какъ и многочисленныя силы, вошедшія въ него ранѣе. Почему авторъ „Домостроя“ имѣетъ болѣе меня правъ на выраженіе народнаго духа? Почему одно распоряженіе можетъ внести въ этотъ духъ новый живой элементъ, а другое не можетъ?

Этому судья только критика исторіи, критика народнаго духа, критика истины, критика справедливости. А эта критика совершается и можетъ совершаться только въ личности. Именно во имя народнаго духа, но не зоологически неизмѣннаго, а человѣчески развивающагося, личность должна подвергнуть народный духъ кри-

тикѣ, разбирать, что въ немъ естественно-необходимо, насколько культурные элементы не могутъ быть измѣнены въ данную минуту и что́ въ нихъ подлежитъ переработкѣ съ точки зрѣнія болѣе точной истины, болѣе широкой справедливости. Народный духъ въ данную эпоху есть духъ критически мыслящихъ личностей этой эпохи, понимающихъ исторію народа и желающихъ внести въ его настоящее возможно болѣе истины и справедливости. Точно такъ-же опытъ человѣчества есть не что иное, какъ пониманіе его исторіи тѣми же критически мыслящими и энергически желающими личностями.—Что касается до разума исторіи, это не болѣе, какъ слово, призракъ для мечтателей, пугало для трусовъ, если этотъ разумъ есть что-либо внѣ формулы: большинство всегда подчинялось необходимости, меньшинство всегда стремилось наслаждаться; немногія личности хотѣли понять и воплотить въ жизнь истину и справедливость. Личность, ясно понимающая минувшее и энергически желающая правды, есть, по своей природѣ, правомѣрный цѣнитель истиннаго опыта человѣчества, правомѣрный истолкователь истиннаго разума исторіи.

Итакъ, если человѣкъ созналъ въ себѣ ясное пониманіе минувшаго и энергическое стремленіе къ правдѣ, то онъ не можетъ и не долженъ отрекаться отъ выработаннаго имъ убѣжденія въ виду историческихъ формъ общества, потому что *разумъ, польза*, *право* на его сторонѣ. Онъ только долженъ взвѣсить свои *силы* для предстоящей борьбы, не тратить даромъ тѣхъ, которыя у него есть, увеличить ихъ, насколько можетъ, оцѣнить возможное, достижимое, разсчитать свои дѣйствія и тогда рѣшиться. Итакъ, остается одинъ послѣдній пунктъ.

Борьба личности противъ общественныхъ формъ,

огражденныхъ привычкою, преданіями, закономъ, организаціею общества, физическою силою, нравственнымъ ореоломъ, говорятъ, *безумна*. Что можетъ сдѣлать личность противъ массы личностей, крѣпко сплоченной, когда многія изъ нихъ столь-же сильны отдѣльно, какъ эта одинокая, борющаяся личность?

Но какъ же шла исторія? Кто ее двигалъ?—Одинокія борющіяся личности. Какъ-же онѣ достигли этого?—Онѣ дѣлались и должны были сдѣлаться силою. Слѣдовательно, четвертый пунктъ требуетъ отвѣта болѣе сложнаго. Передъ общественными формами личность, дѣйствительно, безсильна, однако борьба ея противъ нихъ безумна лишь тогда, когда она силою сдѣлаться не можетъ. Но исторія доказываетъ, что это возможно и что даже это—*единственный* путь, которымъ осуществлялся прогрессъ въ исторіи. Итакъ, намъ приходится поставить и рѣшить вопросъ: *какъ* обращались слабыя личности въ общественную силу?

ПИСЬМО ВОСЬМОЕ.

Растущая общественная сила.

„Одинъ въ полѣ не воинъ“—говоритъ старинная пословица, и личность, являющаяся предъ лицомъ общества съ критикою общественныхъ формъ и съ желаніемъ воплотить въ нихъ справедливость, какъ безсильная единица, конечно, ничтожна. Тѣмъ не менѣе, подобныя личности создали исторію, сдѣлавшись силою, двигателями общества. Какъ-же онѣ это сдѣлали?

Прежде всего, надо признать фактъ, что если разсматриваемый дѣятель есть, дѣйствительно, критически мыслящая личность, то онъ никогда не одинокъ. Въ чемъ состоитъ его критика общественныхъ формъ? Въ томъ, что онъ понялъ яснѣе и глубже другихъ недостатки этихъ формъ, отсутствіе справедливости въ нихъ для настоящаго времени. Но если это такъ, то многое множество личностей, подъ тяжестью этихъ формъ, страждетъ и ропщетъ, мечется и гибнетъ. Только онѣ, какъ недостаточно критически мыслящія личности, не понимаютъ, отчего это имъ такъ нехорошо. Но если имъ сказать, то онѣ понять могутъ, и тѣ, которыя поймутъ, поймутъ это такъ-же хорошо, какъ тотъ, кто высказалъ мысль впервые, а пожалуй, еще и лучше, потому что онѣ, можетъ быть, выстрадали вѣрность этой мысли гораздо полнѣе и разностороннѣе, чѣмъ ея первый провозвѣстникъ.

Итакъ, чтобы не быть совсѣмъ одинокимъ, человѣкъ, начинающій борьбу противъ общественныхъ формъ, долженъ только высказать свою мысль такъ, чтобы ее узнали: если она вѣрна, то онъ не будетъ одинокъ. Онъ будетъ имѣть товарищей, единомышленниковъ между людьми наиболѣе свѣжей воспріимчивой мысли. Они ему неизвѣстны; они разбросаны, не знаютъ одинъ о другомъ, чувствуютъ себя одинокими и безсильными предъ зломъ, ихъ давящимъ; они стали, пожалуй, еще болѣе несчастными, когда до нихъ достигло слово, уясняющее имъ зло, ихъ давящее. Но они и тамъ, и тутъ; и ихъ тѣмъ болѣе, чѣмъ мысль вѣрнѣе, справедливѣе. Это—сила невидимая, не ощутимая, не проявившаяся еще въ дѣйствіи, но уже сила.

Чтобы дѣйствіе силы проявилось, нуженъ примѣръ. Чтобы личность почувствовала себя не одинокою, надо, чтобы она узнала, что есть другая личность, не только понимающая какъ ей тяжело, и почему такъ тяжело, но и дѣйствующая противъ этого зла. Нужно не только слово, нужно дѣло. Нужны энергическіе, фанатическіе люди, рискующіе всѣмъ и готовые жертвовать всѣмъ. Нужны мученики, легенда которыхъ переросла бы далеко ихъ истинное достоинство, ихъ дѣйствительную заслугу. Имъ припишутъ энергію, которой у нихъ не было. Въ ихъ уста вложатъ лучшую мысль, лучшее чувство, до котораго доработаются ихъ послѣдователи. Они станутъ недосягаемымъ, невозможнымъ идеаломъ предъ толпою. Но за то ихъ легенда воодушевитъ тысячи тою энергіею, которая нужна для борьбы. Никогда не сказанныя слова будутъ повторяться, сначала полупонятыя, потомъ понятыя лучше и лучше, и мысль, никогда не воодушевлявшая оригинала идеальной исторической фигуры,

воплотится въ дѣло позднѣйшихъ поколѣній, какъ бы ея внушеніе. Число гибнущихъ тутъ не важно. Легенда всегда ихъ размножитъ до послѣдней возможности. Консерваторы же общественныхъ формъ, какъ доказываетъ исторія, съ похвальнымъ самоотверженіемъ всегда поставляли на поклоненіе толпы достаточное число погубленныхъ борцовъ, чтобы была возможность оппозиціи противъ той или другой общественной формы составить длинный мартирологъ своихъ героевъ. При этомъ фазисѣ борьбы, критически мыслящія личности имѣютъ передъ собою уже дѣйствительную силу, только силу нестройную. Она тратится большею частію безполезно, изъ-за пустыхъ мелочей, которыя прежде всего бросаются въ глаза. Люди гибнутъ изъ-за проявленія зла, а сущность его остается нетронутою. Страданія не уменьшаются, а пожалуй, и увеличиваются, потому что, по мѣрѣ усиленія борьбы, озлобленіе противниковъ растетъ. Въ средѣ самихъ борцовъ начинается раздоръ, распаденіе, потому что, чѣмъ жарче они борются, тѣмъ ревнивѣе слѣдятъ другъ за другомъ. При всей энергіи дѣятелей, при всѣхъ жертвахъ, результатъ незначителенъ. Сила проявилась, но растрачивается задаромъ. Тѣмъ не менѣе, это уже сила, сознавшая себя.

Чтобы сила не тратилась даромъ, надо ее организовать. Критически мыслящія и энергически желающія личности должны желать не только борьбы, но побѣды; для этого надо понимать не только цѣль, къ которой стремишься, но и средства, которыми можно ея достигнуть. Если борьба была серьезна, то въ числѣ борцовъ противъ устарѣвшихъ общественныхъ формъ находятся не все только личности, борющіяся во имя своего страданія и понявшія это страданіе лишь съ чужого слова,

съ чужой мысли. Въ числѣ борцовъ есть и личности, критически продумавшія положеніе дѣлъ. Имъ приходится отыскивать другъ друга; имъ приходится соединиться и придать нестройнымъ элементамъ народившейся исторической силы стройность и согласіе. Тогда сила организована; ея дѣйствіе можно направить на данную точку, концентрировать для данной цѣли; ея задача теперь чисто техническая: съ наименьшею тратою силъ совершить наибольшую работу Пора безсознательныхъ страданій и мечтаній прошла; пора героическихъ дѣятелей и фанатическихъ мучениковъ, безразсчетливой траты силъ и безполезныхъ жертвъ прошла. **Настала пора** спокойныхъ, сознательныхъ работниковъ, разсчитанныхъ ударовъ, строгой мысли и неуклонной, терпѣливой дѣятельности.

Этотъ фазисъ самый трудный. Первые два фазиса развиваются естественнымъ путемъ. Страданіе рождаетъ въ единицѣ мысль; мысль высказывается и распространяется; страданіе становится сознательнымъ; тамъ и здѣсь прорываются болѣе энергическія личности; являются мученики; ихъ гибель увеличиваетъ энергію; ихъ энергія усиливаетъ борьбу; все это вызывается въ неизбѣжной послѣдовательности, одно за другимъ, какъ всякое явленіе природы. Нѣтъ эпохи, гдѣ это явленіе не повторялось бы въ большихъ или меньшихъ размѣрахъ, иногда же оно достигало весьма обширнаго распространенія. Но изо всѣхъ партій, боровшихся противъ устарѣлыхъ формъ за истину и справедливость, восторжествовали весьма немногія. Остальныя погибли, распались, или окоченѣли; онѣ исчезли, когда новое время вызвало новые протесты, образовало новыя партіи, а время первыхъ прошло невозвратно. Не досталось побѣды этимъ партіямъ лишь по-

тому, что онѣ, пройдя естественными путями два первые фазиса, не умѣли создать себѣ третьяго, потому что третій фазисъ самъ собою не создается. Его надо продумать во всѣхъ его частностяхъ, въ причинахъ и слѣдствіяхъ, въ цѣляхъ и средствахъ. Его надо захотѣть и захотѣть твердо, не смотря на сотни личныхъ непріятностей, не смотря на утомительную, однообразную дѣятельность, незамѣтную и неоцѣненную въ большей части случаевъ. Его надо подготовить, поддержать и охранить всѣми силами, терпѣливо перенося неудачи, пользуясь каждымъ обстоятельствомъ, не упуская изъ виду никого и ничего. Это фазисъ, человѣчески обдуманный, искусственно созданный и который желательно пережить возможно скорѣе; потому что, во все его продолженіе, партіи подвергаются въ высшей степени опасностямъ, грозящимъ всему живому и о которыхъ мы уже говорили, упоминая о прогрессѣ цивилизацій: опасности — распасться вслѣдствіе непрочности связи; опасности — окоченѣть въ застоѣ односторонняго стремленія. Въ этомъ фазисѣ эти опасности всего сильнѣе для партій именно потому, что лишь въ этомъ фазисѣ партія живетъ жизнью организма; всѣ разнородные органы направляются къ одной дѣятельности. Распаденіе и окоченѣніе грозятъ гибелью лишь организму. До этого личности подчинялись влеченіямъ, а влеченія прочны, потому что выходятъ прямо изъ обстоятельствъ. Теперь личности должны подчиняться мысли, которая лишь тогда прочна, когда ясна, но ясности мысли постоянно грозятъ самыя разностороннія влеченія. Посмотримъ же, въ чемъ заключаются главныя затрудненія этого фазиса, потому что, лишь побѣдивъ эти затрудненія, личности ста-

новятся дѣйствительною органическою силою въ обществѣ, въ борьбѣ за истину и справедливость.

Критически мыслящія личности, которыя должны сойтись, чтобы организовать партію, потому уже, что онѣ болѣе другихъ способны и энергичны, носятъ въ себѣ характеръ болѣе опредѣленной индивидуальности. Онѣ выработали *свою* привычку мыслить, и потому имъ труднѣе, чѣмъ другимъ, стать на чужую точку зрѣнія и ей подчиниться. Онѣ выработали въ себѣ самостоятельность дѣятельности, и потому имъ труднѣе, чѣмъ кому-либо, принудить себя дѣйствовать не совсѣмъ такъ, какъ имъ кажется лучше. Онѣ умѣли лучше другихъ отстоять свою независимость въ средѣ общественной рутины, и потому имъ всего удобнѣе дѣйствовать въ одиночку. И между тѣмъ, именно этимъ людямъ, самостоятельно думающимъ, самостоятельно дѣйствующимъ, привыкшимъ къ нравственному уединенію, надо теперь сойтись, сплотиться вмѣстѣ, думать сообща; дѣйствовать сообща, организовать нѣчто сильное, единое, но сильное коллективною силою, единое абстрактнымъ единствомъ; ихъ же индивидуальность, которую они уберегли отъ затягивающаго вліянія рутины, индивидуальность, къ которой они такъ привыкли, которою они такъ дорожили, должна исчезнуть въ общемъ направленіи мысли, въ общемъ планѣ дѣйствія. Они создаютъ организмъ, но сами въ немъ сходятъ въ положеніе органовъ. И это они дѣлаютъ добровольно.

Все это очень тяжело. Постоянно грозитъ опасность разъединенія, раздора между этими энергическими личностями. Но теперь раздоръ имѣетъ совсѣмъ иное значеніе, чѣмъ въ предыдущемъ фазисѣ. Тамъ, при преобладаніи индивидуальнаго дѣйствія въ періодѣ пропаганды

имѣромъ и личною энергіею, не особенно важно об-
>ятельство, на что тратится энергія: лишь была-бы она,
лъ-бы герой, котораго можно поставить на пьедесталъ,
его именемъ и примѣромъ воодушевиться на новое дѣло.
а врага, истратившіе силы на безполезную борьбу ме-
у собою, могутъ стоять рядомъ въ пантеонѣ потом-
за, подобно Вольтеру и Руссо. Но теперь распаденіе—
› смерть, отреченіе отъ побѣды общаго дѣла, отъ бу-
щности партіи. И вотъ, самостоятельныя личности схо-
гся съ твердымъ намѣреніемъ уступить часть своихъ
ивычныхъ взглядовъ, отказаться отъ части своихъ при-
чныхъ дѣйствій, лишь-бы самыя интимныя, самыя глу-
кія ихъ убѣжденія могли восторжествовать со време-
мъ. Вся сила ихъ мысли опять направляется на кри-
ку собственнаго духа, собственной дѣятельности, и
же не съ цѣлью узнать, точно ли это справедливо и
тинно, а съ цѣлью рѣшить вопросъ: точно ли это свя-
но такъ неразрывно съ сущностью моихъ стремленій,
его убѣжденія, что я не могу отказаться отъ этой
стности, не роняя собственнаго достоинства, не жерт-
я всѣмъ, что мнѣ дорого въ самомъ себѣ; не могу,
же если-бы шло дѣло о возможности торжества для
ихъ идей, такъ какъ восторжествовали бы тогда только
званія моихъ идей, а подъ этимъ названіями скрыва-
сь бы нѣчто столь опошленное, столь искаженное, что
бы въ немъ не узналъ своихъ идей. Только вполнѣ
снивъ себѣ, докуда можетъ идти уступка и гдѣ начи-
ется измѣна дѣлу, личности, сходящіяся на это общее
ло, могутъ организовать сильную и энергическую пар-
ю. Если онѣ сходятся съ рѣшительною мыслью не
тупать ни іоты, имъ и сходиться нечего. Общаго дѣла
я нихъ не существуетъ. Каждый изъ нихъ охотно

обратить другихъ въ орудіе для своего строя мысли, въ томъ видѣ, какъ этотъ строй выработался въ немъ въ своей цѣлости, со всѣмъ существеннымъ и случайнымъ въ убѣжденіяхъ и привычкахъ. Но подобныя сходки для обращенія другъ друга въ нравственное рабство — не организація партіи, а попытка все обратить въ механизмъ для побужденія и цѣлей одной личности. Каждый долженъ отдѣлить въ своихъ мнѣніяхъ существенное отъ привычнаго; каждый долженъ вступать въ союзъ съ рѣшимостью пожертвовать привычнымъ, хотя и очень дорогимъ, для пользы существеннаго; каждый долженъ смотрѣть на себя, какъ на органъ общаго организма; онъ не безжизненное орудіе, не безсмысленный механизмъ, онъ всетаки *только* органъ; онъ имѣетъ свое устройство, свои отправленія, но онъ *подчиненъ* единству цѣлаго. Это—условіе, и неизбѣжное условіе жизни организма. Это—условіе согласнаго дѣйствія, условіе побѣды.

Но если раздоръ гибеленъ, если уступки въ *привычномъ* необходимы, если личности должны подчиниться общему дѣлу, то столь же гибельны были бы уступки въ *существенномъ;* столь-же необходимо дѣятелямъ оставаться *мыслящими* личностями, не обращаясь въ машины для чужой мысли. Кто уступилъ *существенное* изъ своего убѣжденія, тотъ вовсе никакого серьезнаго убѣжденія не имѣетъ. Онъ служитъ не понятому, продуманному и желанному дѣлу, а безсмысленному слову, пустому звуку. Конечно, побѣда невозможна безъ крѣпкаго союза, безъ единства въ дѣйствіяхъ. Конечно, побѣда желательна для всякаго борца. Но побѣда *сама по себѣ* не можетъ быть цѣлью мыслящаго человѣка. Надо, чтобы побѣда имѣла какое-нибудь внутреннее значеніе. Важно не *кто* побѣ-

илъ; важно—*что* побѣдило. Важна торжествующая идея. если идея, отъ уступокъ, потеряла все свое содержаіе, то партія утратила смыслъ, дѣла у ней никакого нѣтъ, споръ идетъ лишь о личномъ преобладаніи. Тогда парія борцовъ за истину и справедливость ничѣмъ не отлиается отъ рутинеровъ общественнаго строя, противъ оторaго она борется. На ихъ знамени написаны слова, оторыя когда-то обозначали истину и справедливость, а еперь ничего не обозначаютъ. И будутъ они тысячу азъ повторять эти громкія слова. И повѣритъ имъ моодежь, влагающая въ эти слова свое пониманіе, свою ушу, свою жизнь. И разувѣрится она въ своихъ предодителяхъ и въ своихъ знаменахъ. И потащутъ ренеıты по грязи вчерашнюю святыню. И осмѣютъ реакціоеры эти знамена, оскверненныя тѣми самыми, кто ихъ есетъ. И будутъ ждать великія, безсмертныя слова ноыхъ людей, которые возвратятъ имъ смыслъ, воплотятъ къ въ дѣло. Старая же партія, пожертвовавшая всѣмъ ля побѣды, можетъ быть, и не побѣдитъ, но, во всякомъ лучаѣ, окаменѣетъ въ своемъ безсодержательномъ застоѣ.

Итакъ, организація партіи для побѣды необходима, о для того, чтобы партія была живымъ организмомъ, динаково необходимо подчиненіе органовъ цѣлому и изненность органовъ. Партіи образовались изъ мыслящихъ, убѣжденныхъ и энергическихъ союзниковъ; они сно понимаютъ, для чего они сошлись; они крѣпко доожатъ своими самостоятельными убѣжденіями; они твердо ѣшились сдѣлать все что, можно, для торжества этихъ бѣжденій Только при этихъ условіяхъ они могутъ наѣяться избѣжать обѣихъ опасностей имъ грозящихъ: не азойтись и не впасть въ застой.

Положимъ, что условія выполнены. Критически мысля-

щія и энергически желающія личности сошлись и организовали партію. Но уже по самымъ условіямъ, при которыхъ подобная организація могла произойти, очевидно, что людей, вполнѣ удовлетворяющихъ требованіямъ, которыя приходится ставить организаторамъ партіи, будетъ крайне мало даже между критически мыслящими личностями. Но у нихъ есть, во-первыхъ, союзники *возможные* между такими же критически мыслящими личностями, во-вторыхъ, союзники *неизбѣжные* въ массахъ, не доработавшихся до критической мысли, но страждущихъ отъ того самаго общественнаго неустройства, для устраненія котораго организуется партія.

Поговоримъ сначала о первыхъ. Это, какъ сказано, люди критической мысли, люди интеллигенціи, но въ данномъ случаѣ имъ недостаетъ кое-чего, чтобы сдѣлаться организаторами сильной партіи. Одни, при всей силѣ мысли, не додумались до того, что лишь при организаціи побѣда возможна, и остались на точкѣ зрѣнія одиночныхъ, героическихъ борцовъ предыдущаго фазиса. Другіе и додумались, но не рѣшились пожертвовать для общаго дѣла личнымъ самолюбіемъ, привычнымъ для нихъ образомъ дѣйствія. Третьи недостаточно сумѣли отдѣлить несущественное отъ существеннаго. Напротивъ, четвертые, изъ страстнаго желанія побѣды, готовы подчиниться *совсѣмъ*, пожертвовать существеннымъ, обратиться въ механическое орудіе, и порицаютъ тѣхъ, кто этого сдѣлать не въ состояніи. А найдутся еще и другія категоріи. Очевидно, что люди, организовавшіе партію борьбы за истину и справедливость, при всей малочисленности, должны прежде всего увеличивать свою силу всѣми матеріалами, около нихъ разсыпанными и способными войти въ организацію. Важна здѣсь не столько

численность, сколько значеніе участвующихъ, ихъ самостоятельная мысль и энергическая воля. Важны въ особенности тѣ изъ нихъ, которые могутъ стать самостоятельными, энергическими центрами, разносящими жизнь новаго организма далѣе и далѣе. Итакъ, важны въ особенности три первыя категоріи личностей, не примкнувшихъ еще къ движенію. Первымъ надо изъяснить практическое значеніе дѣла, послѣднимъ—теоретическую его сущность; вторыхъ надо просто привлечь къ дѣлу. Всѣ они могутъ быть въ будущемъ весьма полезными дѣятелями; всѣ они *возможные* союзники, и пониманіе общей пользы должно заставить смотрѣть на нихъ именно такъ. Съ этой точки зрѣнія и опредѣляется дѣятельность организующейся партіи относительно всѣхъ элементовъ, какъ вошедшихъ уже въ ея составъ, такъ и могущихъ войти въ него впослѣдствіи.

Но общественная партія не есть партія кабинетныхъ ученыхъ. Она борется за истину и справедливость въ конкретной формѣ. Она имѣетъ въ виду опредѣленное зло, существующее въ обществѣ. Если это дѣйствительно зло, то отъ него страдаютъ весьма многіе, чувствующіе всю громадность этого зла, но не понимающіе ясно ни его причинъ, ни средствъ борьбы противъ него. Это— тѣ незамѣтные герои, о которыхъ я говорилъ выше, и которые обусловливаютъ возможность прогресса. Это— реальная почва организующейся партіи. Послѣдняя именно потому и организуется, что знаетъ о существованіи значительнаго числа личностей, которыя *должны* придти на встрѣчу ея требованіямъ, *должны* протянуть ей руки именно потому, что они страдаютъ отъ зла, противъ котораго она возстала. Очень можетъ быть, что эти страждущія массы незамѣтныхъ хранителей лучшаго будущаго

не признаютъ сразу своихъ сторонниковъ, почувствуютъ къ нимъ недовѣріе, не будутъ въ состояніи разглядѣть въ борьбѣ, начинающейся на почвѣ выработанной критической мысли, ту борьбу, которую они сами призываютъ инстинктивно, на основаніи темныхъ влеченій и вѣрованій. Это ничего не значитъ. Партія должна все-таки организоваться въ виду союза съ этими общественными силами, союза неизбѣжнаго, если не сегодня, то завтра. Непризнанные, непонятые сначала, сторонники борьбы за лучшее будущее должны во всѣхъ своихъ словахъ, во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ имѣть въ виду этихъ союзниковъ, не только возможныхъ, но неизбѣжныхъ.

Итакъ, партія организовалась. Зерно ея - небольшое число выработанныхъ, обдуманныхъ, энергическихъ людей, для которыхъ критическая мысль нераздѣльна отъ дѣла. Около нихъ—люди интеллигенціи менѣе выработанные. Реальная же почва партіи—въ неизбѣжныхъ союзникахъ, въ общественныхъ группахъ, страждущихъ отъ зла, для борьбы съ которымъ организовалась партія. Установившееся различіе существеннаго отъ несущественнаго въ личныхъ мнѣніяхъ опредѣляетъ, какъ свободу дѣйствій внутри партіи, такъ и ея терпимость извнѣ. Какъ ни расходились бы члены ея въ пунктахъ, признанныхъ несущественными, они всетаки полезные и неизбѣжные союзники ея въ будущемъ. Всѣ члены партіи, дѣйствительные и возможные, находятся подъ ея охраной Каждый мыслящій человѣкъ вошедшій въ организмъ партіи, становится естественнымъ адвокатомъ не только того, кто уже теперь къ ней принадлежитъ, но и того, кто завтра можетъ войти въ нее. Адвокатъ не долженъ извращать дѣло своего кліента; онъ только выставляетъ на видъ все, что дѣйствительно говоритъ въ пользу

кліента и умалчиваетъ обо всемъ, что можетъ повредить ему. Это умолчаніе не есть ложь, потому что и противныя партіи имѣютъ своихъ адвокатовъ, которые не щадятъ и не должны щадить противниковъ. Адвокатъ, очевидно искажающій истину, только повредилъ бы этимъ и своему знамени, и своему собственному авторитету, какъ умнаго и добросовѣстнаго адвоката. Но адвокатъ, который подсказалъ бы противникамъ лучшіе аргументы, былъ бы вовсе не адвокатомъ. Взаимная адвокатура членовъ партіи, это—ея самая могущественная связь, самое энергическое противодѣйствіе противникамъ; это – и одно изъ лучшихъ средствъ для организованной партіи привлечь къ себѣ лицъ, еще въ нее не вступившихъ. Какъ единая мысль, единая цѣль составляютъ внутреннюю силу партіи, такъ взаимная адвокатура составляютъ ея внѣшнюю силу.

За предѣлами несущественнаго прекращается свобода дѣйствія членовъ партіи и ея терпимость относительно лицъ, внѣ ея стоящихъ. Кто изъ ея членовъ переступилъ этотъ предѣлъ, тотъ болѣе не членъ ея, а ея врагъ. Кто изъ личностей, внѣ ея стоящихъ, расходится съ нею въ существенныхъ вопросахъ, тотъ тоже врагъ ея. Противъ этихъ враговъ партія направляетъ и должна направить всю силу своей организаціи, борясь, какъ одинъ человѣкъ, всѣми своими средствами, сосредоточивая свои удары. Каждый членъ партіи есть естественный адвокатъ своихъ дѣйствительныхъ и возможныхъ союзниковъ; точно такъ же онъ есть естественный прокурорскій надзоръ за всѣми признанными врагами. И здѣсь требуется не извращеніе истины: это вовсе не въ обязанности добросовѣстнаго прокурора. Требуется вниманіе къ дѣйствительнымъ проступкамъ противниковъ и выставленіе на видъ

всѣхъ обвиняющихъ обстоятельствъ. Дѣло адвокатов защищать обвиненнаго. Слишкомъ мелочное обвинені точно такъ же въ глазахъ внимательной публики пом гаетъ дѣлу обвиняемаго и вредитъ авторитету обвин теля, какъ явно-пристрастная защита адвоката оказывает дѣйствіе противоположное его собственному желанію. Н и упустить изъ виду ошибки противниковъ, дать им средство скрыть свои проступки,—совершенно несоглас съ задачею человѣка партіи. Внимательная и неуклонн борьба съ врагами есть проявленіе жизни партіи, как единство мысли есть основа этой жизни, а взаимная адв катура ея членовъ—связь партіи.

Такъ растетъ общественная сила, переходя отъ уед ненной, слабой личности, сначала въ сочувствіе других личностей, потомъ въ нестройное ихъ содѣйствіе, пок не организуется партія, придающая борьбѣ направленіе единство. Конечно, тутъ эта партія встрѣчается съ дру гими партіями, и вопросъ о побѣдѣ становится вопр сомъ числа и мѣры. Гдѣ болѣе силы? Гдѣ умнѣйші лучше понимающія, болѣе энергичныя, болѣе искусны личности? Которая партія лучше организована? Котор успѣетъ лучше воспользоваться обстоятельствами, лучш успѣетъ отстоять своихъ и побороть враговъ? Здѣсь уж борются организованныя силы, и интересъ исторіи ко центрируется на принципахъ, написанныхъ на ихъ знам нахъ.

— Тутъ нѣтъ ничего новаго; я это зналъ и прежде,- скажетъ читатель.

И прекрасно, если ты зналъ это. Въ исторіи нечег искать побасенокъ, небывальщины, но тамъ можно узнат какъ было, бываетъ и будетъ. Борьба личности против общественныхъ формъ и борьба партій въ обществ

такъ-же древни, какъ и первая историческая общественная организація. Я желалъ лишь напомнить читателю старую истину объ условіяхъ борьбы слабыхъ личностей съ громадною силою общественныхъ формъ; объ условіяхъ работы мысли надъ культурными привычками и преданіями; объ условіяхъ побѣды партій прогресса; объ условіяхъ жизненнаго развитія цивилизацій. Личности, выработавшія въ себѣ критическую мысль, пріобрѣли тѣмъ самымъ *право* быть дѣятелями прогресса, право бороться съ отжившими общественными формами. Эта борьба *полезна* и *разумна*. Но личности, тѣмъ не менѣе, суть лишь *возможные* дѣятели прогресса. *Дѣйствительными* дѣятелями его онѣ становятся лишь тогда, когда *сумѣютъ* вести борьбу, сумѣютъ сдѣлаться изъ ничтожныхъ единицъ коллективною *силою*, представительницею мысли. Путь для этого одинъ, и его указываетъ безспорное свидѣтельство исторіи.

ПИСЬМО ДЕВЯТОЕ.

Знамена общественныхъ партій.

Я изложилъ въ послѣднихъ письмахъ мое мнѣніе о томъ, что весь общественный прогрессъ неизбѣжно зависитъ отъ дѣятельности личностей; что лишь онѣ могутъ придать цивилизаціи прочность и спасти ее отъ застоя; что онѣ имѣютъ право и возможность относиться критически къ общественнымъ формамъ, въ которыхъ живутъ; что путь борьбы за новое противъ стараго, за растущее противъ отживающаго неизбѣжно ведетъ къ группировкѣ партій подъ знаменами разныхъ идей и къ столкновенію ихъ во имя этихъ идей.

Но какъ узнать, при столкновеніи партій, кто борется за прошедшее, за отживающее? Кто стоитъ за живое, за растущее?—Вопросъ можетъ показаться страннымъ, потому что на практикѣ, повидимому, чрезвычайно легко различить, проповѣдуютъ ли вамъ идеи, которыя были въ ходу два, три, четыре года назадъ, два десятилѣтія, два вѣка тому назадъ, или идеи самоновѣйшаго закала, отъ которыхъ отвернулись бы въ предшествующій періодъ со смѣхомъ, съ испугомъ или съ отвращеніемъ. Послѣдняя умственная мода, послѣдняя статья вліятельнаго журнала, послѣднее слово любимаго проповѣдника— вотъ живое, растущее. Партія, въ которой добровольно или невольно порѣдѣли ряды приверженцевъ — вотъ

партія реакціи. Это пріемъ самый легкій, и ему слѣдуютъ всѣ бараны человѣческихъ стадъ съ самой тупоголовою послѣдовательностью; ему слѣдуютъ всѣ говоруны безъ убѣжденій съ самою изумительною гибкостью. Вѣроятность успѣха, вѣроятность добычи на общественномъ пиру для человѣка, становящагося въ ряды той или другой партіи—вотъ что они называютъ стремленіемъ впередъ, слѣдованіемъ за временемъ. Если бы они были правы, то слово прогрессъ не имѣло бы никакого смысла, исторія представляла бы нѣчто въ родѣ метеорологической таблицы, по которой можно отмѣчать дни дождливые и ясные, дни, когда вѣтеръ дулъ съ юго-запада или съ сѣверо-востока, но гдѣ, далѣе таблицы статистическихъ цифръ, идти весьма трудно. Тогда бы и письма, которыя я нынче пишу, не имѣли бы въ моихъ глазахъ причины быть написанными, такъ какъ общественная метеорологія меня столь-же мало интересуетъ, какъ и физическая. Лишь въ исключительныхъ случаяхъ и исключительныхъ странахъ дожди и засуха представляютъ простую послѣдовательность. Мы живемъ въ зонѣ перемѣнчивой погоды; на основаніи вчерашняго и третьегодняшняго направленія вѣтра, предсказать завтрашнее его направленіе для насъ довольно трудно; мы страдаемъ отъ перемѣны погоды, но не понимаемъ ея. Запасайтесь, если хотите и можете, галошами и зонтиками, теплою одеждою и домами съ плотно-затворенными окнами, но неужели вы станете изслѣдовать зависимость сегодняшняго дождя отъ того, который шелъ въ прошлый четвергъ? Въ теперешнемъ положеніи нашихъ знаній, это была бы работа неблагодарная въ метеорологіи физической, какъ и въ политической. Наука не идетъ далѣе размѣщенія метеорологическихъ станцій для людей, наиболѣе под-

верженныхъ опасности, и далѣе указанія имъ на приближающійся ураганъ за нѣсколько часовъ до его наступленія.

Къ сожалѣнію, я не могу допустить такого легкаго пріема для отличенія прогрессистовъ отъ реакціонеровъ, какой указанъ мною выше. Поставивъ въ началѣ третьяго письма требованія прогресса, я обязанъ, чтобы быть послѣдовательнымъ, допустить, что они опредѣляютъ и разницу въ партіяхъ. Побѣжденная партія можетъ быть партіею прогресса. Мало читаемая книга, написанная десять, пятьдесятъ, сто лѣтъ тому назадъ, можетъ заключать болѣе живыхъ историческихъ началъ, чѣмъ самоновѣйшая журнальная статья. Вчерашняя мода можетъ быть оживлена лучшимъ инстинктомъ будущаго, чѣмъ сегодняшняя. Да, вообразите себѣ, я предпочитаю наши журналы 1861 года журналамъ 1867 года и даже 1890 г. Предпочитаю Канта Шеллингу, Вольтера Кузену и нахожу, что у Лукіана гораздо болѣе жизненныхъ элементовъ прогресса, чѣмъ у Каткова. Это, конечно, возмутитъ иныхъ прогрессистовъ, сознающихъ себя стоящими каждый день въ уровень съ самымъ моднымъ направленіемъ. Это вызоветъ презрительную улыбку тѣхъ вѣчно-спокойныхъ дѣятелей, которымъ „игра въ направленіе“ кажется дѣтскою забавою. Это, пожалуй, обрадуетъ тупыхъ поклонниковъ Домостроя и Византіи, которые вообразятъ, что, съ этой точки зрѣнія, и они могутъ попасть въ истинные прогрессисты. Предоставляю имъ всѣмъ возмущаться, улыбаться и радоваться.

Если допустить, что прогрессъ заключается именно въ развитіи личности и въ воплощеніи истины и справедливости въ общественныя формы, то вопросъ, поставленный выше, о признакахъ прогрессивной и реакціонной

партіи, рѣшить уже гораздо труднѣе, такъ какъ внѣшнихъ, отличительныхъ признаковъ для нихъ вовсе не оказывается. Увы! Это такъ. Въ словахъ человѣческой цивилизаціи нѣтъ такого слова, которое безусловно, всегда и вездѣ стояло бы лишь на знамени прогрессистовъ или на знамени реакціонеровъ. Величайшія идеи, которыя, въ большинствѣ случаевъ, были, въ глазахъ лучшей части мыслящихъ людей, самымъ живительнымъ началомъ общества, въ нѣкоторые періоды исторіи служили приманкою въ ряды партій, препятствовавшихъ развитію человѣчества. Самые реакціонные элементы въ нѣкоторыя эпохи становились орудіями прогресса.

Для уясненія этого, разсмотримъ отдѣльно тѣ идеи, которыя можно назвать *общими началами* личной и общественной жизни, и другія, соотвѣтствующія *частнымъ формамъ* послѣдней. Тѣ и другія, въ различныхъ комбинаціяхъ, обыкновенно служатъ знаменами для борющихся партій, какъ въ тѣхъ случаяхъ, когда партіи преслѣдуютъ въ сущности эгоистически-разсчетливыя цѣли, такъ и въ тѣхъ, когда онѣ фанатически вѣруютъ, что ихъ приверженцы, и только они, суть представители безусловной истины и справедливости. Обѣ эти группы идей могутъ сдѣлаться и источникомъ развитія, и орудіемъ застоя; обѣ въ дѣйствительности были, по очереди, тѣмъ и другимъ, но причины этого явленія для этихъ двухъ группъ различны.

Что касается до общихъ началъ: развитія, свободы, разума и т. п., то они подвергались этой участи именно потому, что, по обширности своего смысла, оставались крайне неясными большинству, могли повторяться одними безъ всякаго опредѣленнаго значенія, и быть для другихъ орудіями весьма мелкихъ и реакціонныхъ

цѣлей.—Слово *развитіе* могло быть разсматриваемо въ смыслѣ фаталистическомъ, какъ неизбѣжность, иа которую приходится смотрѣть не только какъ на существующій фактъ, но которая представляетъ начало правомѣрное, требующее умственнаго признанія и нравственнаго поклоненія во всякихъ своихъ проявленіяхъ. Для фетишистовъ историческаго процесса, патологическія клѣточки общественнаго рака суть элементы столь же человѣчнаго развитія, какъ и здоровыя клѣточки общественныхъ мышцъ и нервовъ. Но оно иначе для того, въ глазахъ кого исторія имѣетъ человѣческій смыслъ: онъ знаетъ, что тѣ и другія суть одинаково необходимыя естественныя слѣдствія предшествующихъ процессовъ, но что лишь послѣднія обусловливаютъ развитіе; первыя же—это элементы разрушенія и гибели. Первому роду развитія (если уже употреблять здѣсь это слово) слѣдуетъ противодѣйствовать въ настоящемъ и въ будущемъ, насколько можно. Второму роду развитія (который одинъ, собственно, и имѣетъ въ исторіи право на это названіе) слѣдуетъ содѣйствовать.—Безсмысленное употребленіе слова *свобода* до того знакомо всякому, сколько-нибудь вдумывавшемуся въ исторію, что объ этомъ и говорить, кажется, нечего: свобода для сильнаго мучить слабаго, свобода для бѣднаго умереть съ голоду, свобода для родителей искажать физическія, умственныя и нравственныя способиости дѣтей—представляютъ весьма извѣстныя формы этого принципа.—Во имя *разума* углублялись въ созерцаніе безусловнаго, отвергая критику факта; признавали существующее разумнымъ, отвергая критику общественныхъ формъ. *Справедливость* отождествляли съ законностью, хотя бы это былъ законъ Дракона. Подъ *истиною* подразумѣвали мистическія положенія, недоступныя понима-

нію и требовавшія лишь тупого повторенія. *Добродѣтелью* считали принесеніе лучшей личности въ жертву худшей, реальныхъ благъ въ жертву благамъ фантастическимъ; не борьбу противъ зла, а непротивленіе злу. Исполненіе *долга* видѣли въ шпіонствѣ и въ варварствѣ; въ доносѣ семинариста іезуита на товарища; въ истребленіи цѣлыхъ народовъ мадьянитовъ, амелекитовъ, аммонитовъ; въ измѣнѣ слову, данному иновѣрцу, въ ауто-да фе инквизиціи и въ рѣзнѣ Варѳоломеевской ночи. *Святость* жизни находили въ отрицаніи развитія личности, въ отрицаніи реальной истины и человѣческой справедливости, въ тупомъ самомученіи факира, въ звѣриномъ состояніи отшельника, въ безуміи угодника, въ вѣрѣ въ немыслимое, въ гоненіи невѣрующихъ и иначе вѣрующихъ. Однимъ словомъ, всѣ самыя худшія, самыя животныя, противо-общественныя, унизительныя, противочеловѣчныя стороны человѣка нашли себѣ защитниковъ подъ маскою развитія, свободы, разума, добродѣтели, долга, святости. Только критика, постоянная, неумолимая критика, могла предохранить личность отъ увлеченія громкимъ словомъ въ лагерь, совершенно несогласный съ ея желаніями, инстинктами, со всею ея натурою. Общія начала были въ этомъ случаѣ самою обыкновенною вывѣскою, и крайне часто двѣ борющіяся партіи, существенно противоположныя, объявляли себя защитниками одного и того-же великаго принципа. Всѣ сектанты называли себя истинно-вѣрующими, а другія церкви—язычниками. Всѣ философы утверждали, что истинное, разумное пониманіе вещей находится только въ ихъ системѣ. За благо Рима стоялъ, повидимому, и Цезарь, и Катонъ. Справедливости требовали и рабовладѣльцы, и противники рабства. Мыслящимъ людямъ приходилось доиски-

ваться: у которой партіи великое слово имѣло настоящій смыслъ? Не было ли требованіе свободы (какъ у французскаго духовенства) лишь требованіемъ права притѣснять другихъ? Не былъ ли призывъ къ справедливости (какъ у крѣпостниковъ, рабовладѣльцевъ и капиталистовъ) лишь желаніемъ узаконить безнравственный фактъ исторіи даже и тогда, когда его безнравственность уже была сознана?

Казалось бы, возможность служить знаменемъ для противоположныхъ партій, заключающаяся въ слишкомъ обширномъ смыслѣ общихъ принциповъ, не существуетъ для частныхъ общественныхъ формъ. Семья, законъ, національность, государство, церковь, ассоціація съ ученою, экономическою или художественною цѣлью представляютъ опредѣленную задачу, которую понять не особенно трудно, и, слѣдовательно, не трудно сказать, есть ли та или другая изъ этихъ формъ — начало развивающее, прогрессивное, или мертвящее, реакціонное. Къ сожалѣнію, оно вовсе не такъ, но уже совсѣмъ по иной причинѣ, чѣмъ та, которая обращаетъ иногда великіе общіе принципы въ громкія фразы. Общіе принципы, именно по своей общности, получаютъ опредѣленное значеніе лишь при ясномъ сознаніи реальнаго содержанія, на которое они обращены. Частныя же общественныя формы, именно по своей частности, сами по себѣ ни прогрессивны, ни ретроградны: всѣ онѣ заключаютъ возможность прогрессивнаго вліянія на личности, какъ всѣ онѣ могутъ служить личности самою тягостною задержкою на пути ея развитія. Историческое значеніе каждой изъ нихъ опредѣляется комбинаціею условій, при которыхъ существуетъ та или другая форма въ данную эпоху, и комбинаціею всѣхъ общественныхъ формъ въ эту эпоху.

Условія общественнаго роста неизбѣжно выдвигаютъ въ опредѣленное время данную форму на первое мѣсто, какъ орудіе прогресса, и въ это время общество можетъ развиваться лишь при условіи, чтобы всѣ прочія общественныя формы подчинились одной руководящей. Но условія измѣняются: то что было вчера преобладающимъ, основнымъ требованіемъ, сегодня становится лишь *однимъ* изъ требованій личности и общества, въ числѣ многихъ другихъ. Формы общественнаго союза, вчера подчиненныя, сегодня требуютъ равноправности, а завтра — преобладанія; и общество должно перейти къ новой комбинаціи, если оно хочетъ остаться прогрессивнымъ. Форма, которая вчера преобладала, и за преобладаніе которой боролись по праву вчерашніе прогрессисты, сегодня — обязана уступить свое первенство, и тотъ, кто станетъ защищать его, будетъ реакціонеромъ... Новыя комбинаціи, въ свою очередь, будутъ имѣть свое время, послѣ котораго должны замѣниться новѣйшими. Тотъ, кто будетъ поклоняться, какъ фетишу, временной комбинаціи общественныхъ формъ, рискуетъ неизбѣжно стать единомышленникомъ реакціи, потому что нѣтъ ни одной комбинаціи, которая бы разъ навсегда удовлетворяла требованіямъ прогресса. Общественныя формы для мыслящаго человѣка должны быть не болѣе, какъ непрочною исторической одеждою, не имѣющею самостоятельнаго смысла, но получающею свое значеніе лишь по тому, насколько эти формы, въ данной комбинаціи, соотвѣтствуютъ требованіямъ данной эпохи, именно: свободному развитію личностей, справедливѣйшему отношенію между ними, возможно широкому участію личности въ благахъ цивилизаціи, упроченію этихъ благъ, устраненію опасности застоя.

11

Родственная связь между людьми, положившая начало союзу родовому и семейному, измѣняла, повидимому, не разъ свое прогрессивное значеніе. Трудно составить себѣ ясное представленіе о той общественной формѣ, въ которой жилъ приматъ — предшественникъ человѣка или даже первобытный человѣкъ, слѣды котораго археологи скорѣе угадываютъ, чѣмъ наблюдаютъ въ третичныхъ слояхъ земной коры. Но эта зоологическая форма общества была неизбѣжно отсталою соціальною формою, сравнительно съ родовымъ союзомъ, группировавшимся около матери; союзомъ, который все съ большею вѣроятностью воскрешаютъ предъ нашимъ воображеніемъ современные общественные эмбріологи, какъ первый чисто-человѣческій союзъ (я говорилъ о немъ выше въ четвертомъ письмѣ). Этотъ материнскій родъ почти всюду уступилъ мѣсто роду патріархальному и, затѣмъ, выработанной послѣднимъ, патріархальной семьѣ. Борьба между этими двумя формами, въ своемъ прогрессивномъ значеніи, для насъ уже совершенно неясна. Можетъ быть — даже вѣроятно – торжество патріархальнаго рода и патріархальной семьи надъ материнскимъ родомъ было торжествомъ эгоистическаго начала надъ общественнымъ, вслѣдствіе нѣсколько большей обезпеченности человѣческихъ группъ, нѣкотораго ослабленія борьбы за существованіе, а потому и облегченія эгоистическимъ страстямъ достигать своихъ обособленнныхъ цѣлей. Но, можетъ быть, личная критика меньшинства, выгоднѣе поставленнаго и имѣвшаго болѣе досуга, не могла выработаться иначе, какъ переходя черезъ патріархальную форму, съ ея исключительнымъ положеніемъ патріарховъ и родовитыхъ людей. Можетъ быть, дѣйствительно, была для человѣчества эпоха, когда патріархатъ составлялъ основное разви-

вающее начало союза, когда экономическія, политическія, религіозныя, отчасти научныя требованія человѣчества, разрѣшались наилучшимъ образомъ при безусловномъ преобладаніи патріарха надъ потомствомъ, при крѣпчайшей іерархической связи поколѣній. Впрочемъ, оставимъ въ сторонѣ весьма трудно разрѣшимый теперь вопросъ, былъ ли партріархальный бытъ прогрессомъ сравнительно съ періодомъ материнства; охватимъ терминомъ *родовой связи* всѣ формы первобытнаго союза, въ которомъ общее дѣло было неразрывно связано съ родственными отношеніями внутри союза; тогда подъ это понятіе подойдетъ и материнскій родъ съ общими женами и общими дѣтьми; и патріархальная семья, которую сохранило намъ преданіе семитовъ, которую выработало въ дальнѣйшую форму законодательство античнаго міра; и разнообразныя переходныя формы съ обычаемъ многомужія; и другія болѣе исключительныя формы, сохранившіяся кое-гдѣ въ человѣчествѣ. Во всѣхъ этихъ формахъ родовой союзъ, какъ первый союзъ, сплотившій людей и заставившій ихъ создать прочную связь для взаимной защиты, былъ основнымъ прогрессивнымъ началомъ. Деспотизмъ обычая, ненависть къ иноплеменнику, мелочная генеалогическая гордость, предразсудочное сношеніе съ мертвыми предками, вражда племенъ — и тогда, конечно, были слѣдствіями этого начала, приносили много страданій. Но всетаки, сравнительно, эта форма или могла давать возможно наименьшее количество страданій для общества, или могла обусловливать, по крайней мѣрѣ, единственную возможность болѣе широкой работы мысли въ будущемъ, а слѣдовательно — и уменьшенія страданій въ будущихъ поколѣніяхъ подъ вліяніемъ этой работы мысли на пути истины и справедливости. Во всякомъ случаѣ, приходится

сказать, что родовой строй былъ тогда прогрессомъ. Какъ ни рѣзались между собою племена изъ-за родовой мести, всетаки въ этой рѣзнѣ гибло, можетъ быть, менѣе личностей, чѣмъ при недостаткѣ охраненія личности родовой связью. Какъ ни тяжело ложился обычай на отдѣльныя единицы, а впослѣдствіи, какъ ни безцеремонно эксплуатировалъ патріархъ трудъ и жизнь членовъ своего племени, но единство въ дѣятельности племени, соединеннаго родовымъ обычаемъ или властью патріарха, позволяло этому племени оградить отъ голода и опасностей большее число лицъ въ своей средѣ, чѣмъ это возможно было бы этимъ лицамъ при разрозненной дѣятельности. Какъ ни безчеловѣчно люди этихъ группъ относились къ иноплеменникамъ, обращая ихъ въ рабство, истребляя или съѣдая ихъ, но всетаки въ родовомъ союзѣ человѣкъ пріучался къ мысли, что онъ долженъ стоять за жизнь, за благополучіе, за достоинство не только собственной личности, и не только людей лично ему дорогихъ, но еще и за жизнь, за благополучіе, за достоинство другихъ людей, связанныхъ съ нимъ идеально тѣмъ, что они имѣютъ съ нимъ равныя права, равныя обязанности,—тѣмъ, что въ ихъ благополучіи — и его достоинство, въ ихъ оскорбленіи – и ему оскорбленіе. — Лишь только законъ сталъ въ ограду личности, кровавая родовая месть сдѣлалась гибельнымъ общественнымъ предразсудкомъ и изъ элемента прогрессивнаго перешла въ реакціонный. Какъ только свободная экономическая ассоціація доставила личности болѣе обезпеченія и выгоды, чѣмъ родовой и общинный союзъ, то и защита экономическаго родоваго начала получила характеръ ретроградный. Какъ только въ человѣкѣ выработалась мысль, что достоинство *всякаго* человѣка солидарно

съ его собственнымъ достоинствомъ, оскорбленіе *всякаго* человѣка есть и ему оскорбленіе, то мысль о преимущественной связи людей одного происхожденія обратилась въ препятствіе на пути цивилизаціи.

Въ другую эпоху жизни человѣчества, *законъ* сдѣлался преобладающимъ началомъ и, по праву, началомъ прогрессивнымъ. Онъ обезпечилъ жизнь слабаго отъ произвола сильнаго. Онъ, закрѣпивъ договоры, далъ общинѣ возможность свободнаго и широкаго экономическаго развитія. Онъ былъ однимъ изъ могущественнѣйшихъ орудій для воспитанія въ людяхъ понятія объ ихъ нравственной равноправности, о человѣческомъ достоинствѣ, внѣ всякихъ случайныхъ обстоятельствъ происхожденія, имущества и т. под. Но и законъ не всегда былъ и есть элементъ прогрессивный. Я еще разсмотрю въ другомъ письмѣ ту наклонность къ застою, которая неизбѣжно развивается съ усиленіемъ въ обществѣ формальнаго элемента закона; теперь довольствуюсь лишь немногими указаніями. Законъ есть всегда — буква; жизнь общественная, въ своемъ непрерывномъ органическомъ развитіи, неизбѣжно разрастается въ категоріи несравненно болѣе разнообразныя, чѣмъ могъ предвидѣть законодатель, и перерастаетъ быстро условія, при которыхъ законодатель, даже самый добросовѣстный, написалъ свою формулу. Тотъ, кто захочетъ, во что-бы то ни стало, втискивать все разнообразіе жизни въ установленныя формулы кодекса, будетъ не прогрессивнымъ дѣятелемъ. Тотъ, кто станетъ на сторону отжившаго закона въ виду новыхъ историческихъ потребностей, тотъ— реакціонеръ. Конечно, почти всѣ сколько-нибудь благоустроенныя общества заключаютъ въ себѣ возможность отмѣнять отжившіе законы; но иногда эгоистическій ин-

тересъ правительства или вліятельнаго меньшинства поддерживаетъ формальное существованіе закона, антипатичнаго всѣмъ естественнымъ стремленіямъ общественнаго сознанія. Если бы грозная война 1870 г. не подрыла всѣхъ основъ второй бонапартистской имперіи,—можетъ быть, долго еще эта имперія стояла бы, какъ законная форма, надъ Франціей; между тѣмъ, число ея дѣйствительныхъ приверженцевъ было такъ незначительно, что она не нашла *ни одного* защитника 4 Сентября, и въ то же время правительство, ее смѣнившее, не отличалось ни политическими, ни умственными, ни нравственными качествами. Въ подобныхъ случаяхъ буква все стоитъ въ кодексѣ и находитъ даже иногда энергическихъ, заинтересованныхъ защитниковъ; но правда, жизнь, прогрессъ не съ нею. Тогда, какъ ни вѣрно съ юридической точки зрѣнія требованіе прокурора-обвинителя, но правда на сторонѣ присяжныхъ, произносящихъ противъ очевидности: не виновенъ. Тогда, какъ ни законно дѣйствуетъ палачъ, кладя преступника на колесо, или полиція, ограждая орудія пытки, но прогрессъ на сторонѣ беззаконной толпы, вырывающей мученика изъ рукъ палача, разрушающей позорныя орудія. Тогда, какъ ни правильно узаконенъ декретъ сената, что Цезарь-Августъ-Домиціанъ—богъ, и что предъ его статуей слѣдуетъ приносить жертвы, какъ ни правильно требованіе Геслера кланяться его шляпѣ,—но едва ли исторія не на сторонѣ оборваннаго проповѣдника, который говоритъ: нѣтъ, Домиціанъ не богъ, и его статуѣ приносить жертвы не должно; едва ли она не на сторонѣ полумиѳическаго стрѣлка, который не кланяется шляпѣ Геслера, а посылаетъ ему смертельный ударъ.

Въ эпоху послѣднихъ цезарей и первыхъ варварскихъ

королей, *церковь,* какъ общественная форма, получила, по праву, преобладающее значеніе, и всѣ общественныя начала подчинились ей. Когда, съ одной стороны, римскій фискъ, съ другой—грабежъ варваровъ отнималъ у большинства всякія средства существованія, когда ни древнее право, ни новыя общественныя потребности не были довольно сильны, чтобы оградить личности, тогда епископъ, во имя духовнаго связующаго авторитета, сталъ прогрессивнымъ общественнымъ дѣятелемъ. Его забота была одностороння, но всетаки это была забота о страждущихъ населеніяхъ. Его судъ былъ неправиленъ, но всетаки это было какое-либо приближеніе къ справедливости. Онъ могъ иногда публично осудить дикій поступокъ даже въ императорѣ, котораго никто не судилъ. Онъ могъ, страхомъ адскихъ мученій и мести угодниковъ, остановить, хотя иногда, хищническіе порывы варваровъ, которыхъ ничто остановить не могло. Какъ ни дики были уставы Кассіановъ и Бенедиктовъ, но они доставляли, при данныхъ условіяхъ, единственную возможность сохранить традицію знанія, просто—грамотности и элементарной культуры. Слѣдовательно, въ эту эпоху для западной Европы это были положительные элементы прогресса. Но уже въ самомъ скоромъ времени подобное представленіе объ общественномъ значеніи епископовъ и монастырей сдѣлалось на западѣ началомъ реакціоннымъ. Самый грубый патримоніальный судъ сталъ справедливѣе суда церковнаго въ гражданскихъ дѣлахъ. Всѣ злоупотребленія феодализма, центральной государственной администраціи, буквеннаго права были ничтожны предъ злоупотребленіями вмѣшательства католическаго іерарха въ дѣла общества. Самостоятельность церкви, какъ іерархическаго элемента, предъ лицомъ государства стала идеей ретро-

градовъ. Господство теологовъ надъ прочими отраслями изученія сдѣлалось вреднѣйшею задержкою развитія. Только тамъ іерархическая организація являлась помощницею прогресса, гдѣ она становилась не руководительницею общества, но участницею борьбы за другія руководящія начала, за національность, за расширеніе культуры высшей расы среди низшихъ и т. п.

Возьмемъ еще примѣръ, на который я указалъ и въ пятомъ письмѣ. Наука, конечно, въ своемъ процессѣ завоеванія, есть элементъ прогресса; но ученая ассоціація, какъ общественная форма, весьма можетъ быть, въ извѣстномъ случаѣ, задержкою развитія общества, когда всѣ наличныя его силы должны быть направлены на вопросы жизни; когда всякій членъ общества, индифферентно относящійся къ этимъ вопросамъ, есть его врагъ; когда никто не имѣетъ права считать себя прогрессивнымъ дѣятелемъ, если смотритъ съ пренебреженіемъ олимпійца на мимолетную полемику публицистовъ, на шумныя пренія митинговъ, на кровавыя столкновенія партій. Въ эти минуты, если ученая ассоціація понимаетъ свое человѣческое значеніе, то она придаетъ своимъ трудамъ направленіе, соотвѣтствующее потребностямъ общества, или ея члены, отодвигая на второй планъ свои изслѣдованія о новыхъ формахъ инфузорій, о покроѣ платья Хлодовика, о спряженіи кельтическихъ глаголовъ, отдаютъ свои способности, свое время, свою жизнь вопросамъ жизни. Тогда создатель новой отрасли геометріи, Монжъ, проводитъ цѣлые дни въ мастерскихъ, питается сухимъ хлѣбомъ и пишетъ наставленія для рабочихъ. Тогда участники въ созданіи научной химіи, Бертолэ, Фуркруа, посвящаютъ себя добыванію селитры и обученію людей, взятыхъ отъ плуга. Тогда создатель сравнительнаго языко-

знанія, Вильгельмъ Гумбольдтъ, направляетъ всю силу своего ума на возрожденіе Пруссіи. Астрономъ Араго сидитъ въ совѣтѣ учредителей республики. Основатель целлюлярной патологіи, Вирховъ, громитъ Бисмарка въ парламентѣ. Но ученая ассоціація можетъ поступить и иначе. Она можетъ, гордясь неземнымъ спокойствіемъ своихъ кабинетныхъ разысканій, употреблять свое вліяніе на распространеніе около себя индифферентизма къ страданіямъ массы, уваженія къ оффиціальному statu quo, или, по крайней мѣрѣ, можетъ считать ниже своего достоинства участіе въ мимолетныхъ вопросахъ дня. Въ этомъ случаѣ, все ученое достоинство ея трудовъ не спасетъ ея отъ неизбѣжнаго приговора исторіи. Ученая ассоціація, проповѣдующая во имя науки—конечно, дурно понятой науки—индифферентизмъ къ жизненнымъ вопросамъ и устраняющаяся сама отъ участія въ нихъ, будетъ элементомъ реакціи, а не элементомъ прогресса.

Удовольствуемся пока этими примѣрами. Всѣ они доказываютъ одно: начало развитія не принадлежало и не принадлежитъ безусловно ни одной изъ упомянутыхъ общественныхъ формъ, но каждая изъ нихъ можетъ сдѣлаться, болѣе или менѣе, вліятельнымъ орудіемъ прогресса въ данную эпоху, при данной обстановкѣ. Безусловные защитники каждой изъ этихъ формъ, при всякихъ обстоятельствахъ, проповѣдуютъ безусловно-реакціонное начало, такъ какъ при всякихъ обстоятельствахъ одна и та-же форма, или даже одна и та-же комбинація формъ, преобладать не можетъ съ пользою для человѣчества. Формы должны поочередно господствовать и уступать мѣсто одна другой для правильнаго хода исторіи.

Какъ же узнать въ данную минуту исторіи, гдѣ про-

грессъ? Которая изъ партій его представительница? На всѣхъ знаменахъ написаны великія слова. Всѣ партіи проповѣдуютъ начала, которыя, при опредѣленныхъ условіяхъ, были и будутъ двигателями прогресса. И то хорошо, и это не дурно. Но какъ же выбрать?

Незнающему, немыслящему, готовому идти за чужимъ авторитетомъ, выбрать нельзя, не ошибаясь. Никакое слово не имѣло за собою привилегіи прогресса; онъ не втиснулся ни въ одну формальную рамку. Ищите за словомъ его содержаніе. Изучайте условія даннаго времени и данной общественной формы. Развейте въ себѣ знаніе и убѣжденіе. Безъ этого нельзя. Только собственное пониманіе, собственное убѣжденіе, собственная рѣшимость дѣлаютъ личность — личностью, а внѣ личности нѣтъ великихъ принциповъ, нѣтъ прогрессивныхъ формъ, нѣтъ прогресса вообще. Важно не знамя, важно не слово, на немъ написанное, важна мысль знаменосца.

Чтобы удобнѣе разглядѣть эту мысль, надо уяснить себѣ, въ чемъ состоитъ процессъ, помощью котораго люди прячутъ иногда подъ великія слова весьма скверныя вещи.

ПИСЬМО ДЕСЯТОЕ.

Идеализація.

Часть міра и рабъ природы, человѣкъ никогда не хотѣлъ сознаться въ своемъ рабствѣ. Подчиняясь безпрестанно неосмысленнымъ влеченіямъ и случайнымъ обстоятельствамъ, онъ никогда не желалъ назвать свои побужденія—прямо неосмысленными и свои дѣйствія—результатомъ случайныхъ вліяній. Въ самыхъ интимныхъ глубинахъ его души уже находимъ стремленіе скрыть отъ себя свою зависимость отъ неизмѣнныхъ законовъ безсознательнаго вещества, украсить чѣмъ-либо предъ собою шаткость и непослѣдовательность своихъ дѣйствій. Это онъ сдѣлалъ при помощи идеализаціи.

Процессъ ея совершается такъ. Я сдѣлалъ хорошее или дурное дѣло подъ вліяніемъ минуты, не подумавъ даже о томъ, хорошо оно или дурно. Когда оно сдѣлано, является оцѣнка. Если оно, по моему, хорошо, я очень радъ. Но если я сознаюсь себѣ, что сдѣлалъ хорошее дѣло, не подумавъ даже о томъ, хорошо ли оно, то я въ своихъ глазахъ выиграю не много. Можетъ быть, я сообразилъ, но не помню. И вотъ, теперь припоминаю: дѣйствительно, я быстро сообразилъ, что это хорошо, и быстрота соображенія увеличиваетъ еще мое достоинство: я и хорошій, и весьма быстро соображающій человѣкъ. Но допустимъ, что я одаренъ достаточно

хорошею памятью, чтобы на этотъ счетъ не ошибиться. Прекрасно. Я сдѣлалъ хорошее дѣло, не обдумывая, не разсчитывая, но по внутреннему влеченію своей природы. Значитъ, моя природа настолько проникнута хорошими началами, что я дѣлаю хорошія дѣла, не имѣя даже вовсе нужды сознавать разумомъ, насколько они хороши. Я—хорошій человѣкъ не по развитію умственному, но по природѣ. Я принадлежу, значитъ, къ исключительно-хорошимъ людямъ. А то есть еще одинъ пріемъ, годный при религіозныхъ привычкахъ мысли. Я сдѣлалъ хорошее дѣло не отъ себя: оно мнѣ было внушено свыше, божествомъ, направляющимъ волю и дѣйствія людей безъ участія ихъ размышленія. Я былъ избранъ орудіемъ бога въ его намѣреніи осуществить хорошее дѣло. Кажущаяся скромность послѣдняго пріема скрываетъ еще большее самовозвышеніе, чѣмъ пріемы, прежде разсмотрѣнные. Во всѣхъ случаяхъ, изъ совершенно неосмысленнаго поступка, случайно оказавшагося, по своимъ слѣдствіямъ, хорошимъ дѣломъ, идеализація вывела заключеніе: что я человѣкъ очень хорошій и замѣчательно быстро соображающій; что я исключительно-хорошій человѣкъ по самой природѣ; что я личность, избранная богомъ на хорошія дѣла.

Когда дѣло дурно, то пріемы идеализизаціи нѣсколько иные, но подлежатъ подобнымъ же категоріямъ. Во-первыхъ, послѣдній пріемъ годится и здѣсь безъ всякаго измѣненія. Я это сдѣлалъ не отъ себя, но былъ орудіемъ гнѣва и суда божія. Богъ избралъ меня на дѣло, которое только *кажется* дурнымъ слабому человѣческому разуму; но высшій разумъ судитъ иначе, и если онъ рѣшилъ, чтобы его избранникъ совершилъ это дѣло, значитъ—въ сущности, оно не дурно. Раціоналистъ станетъ говорить

не о богѣ, но о высшемъ законѣ, управляющемъ событіями и выводящемъ хорошія слѣдствія изъ дурныхъ дѣлъ; о высшей гармоніи всего сущаго, гдѣ поступки личностей суть отдѣльныя ноты, звукъ которыхъ рѣжетъ ухо, если слышать ихъ отдѣльно, но необходимъ для стройности цѣлаго. Оказывается, что дурное дѣло, какъ необходимый элементъ всеобщей гармоніи, вовсе не дурно, и сдѣлать его слѣдовало, а я изъ совершителя дурного дѣла сталъ полезнымъ участникомъ всемірнаго концерта. Но охотнѣе всего люди при этомъ употребляютъ пріемъ предполагаемаго высшаго разсчета. Дѣло, взятое само по себѣ, положимъ, дурно, но память быстро развертываетъ длинный рядъ *великихъ принциповъ*, примѣряя ихъ къ моему поступку, и если который-нибудь изъ нихъ, хотя издали, придется по мѣркѣ, то воображеніе подсказываетъ, что я имѣлъ въ виду именно этотъ принципъ при совершеніи моего поступка. Я побранился съ пріятелемъ и убилъ его на дуэли: я защищалъ великій принципъ чести. Я увлекъ женщину и бросилъ ее съ ребенкомъ на улицу безъ средствъ существованія: я слѣдовалъ великому принципу свободы привязанностей. Я составилъ съ крестьянами невыгодный для нихъ договоръ и довелъ ихъ юридическими исками до нищеты: я поступалъ во имя великаго принципа законности. Я донесъ на заговорщика: я поддержалъ великій принципъ государства. Въ трудное для литературы время я топчу въ грязь изъ-за личнаго озлобленія послѣдніе органы идей моей же партіи: я борецъ за великій принципъ самостоятельности мнѣній и чистоты литературныхъ нравовъ. Едва ли есть такое скверное дѣло, которое рѣшительно нельзя было бы подвести ни подъ одинъ изъ великихъ принциповъ. Выходитъ, что съ высшей точки зрѣнія дѣло мое не только

не дурно, но хорошо. Опять неосмысленный поступокъ, не смотря на то, что высказался вреднымъ по своимъ послѣдствіямъ, выставилъ меня защитникомъ великихъ принциповъ, полезнымъ участникомъ всемірной гармоніи, избраннымъ орудіемъ высшей воли.

Область идеализаціи очень обширна. Во всѣхъ элементахъ своего развитія она опирается на стремленіе придать въ воображеніи человѣка сознательный характеръ дѣйствіямъ безсознательнымъ и полусознательнымъ, а дѣйствія сознательныя перевести съ болѣе элементарной ступени на высшую. Но приходится при этомъ различать случаи идеализаціи *неизбѣжные*, такъ какъ они обусловливаются самою природою человѣческаго мышленія; затѣмъ огромную область той *ложной* идеализаціи, противъ которой и должна быть направлена работа критики во имя истины и справедливости; наконецъ, нѣкоторые случаи идеализаціи *истинной*, гдѣ той же самой критикѣ приходится защищать реальныя и правомѣрныя потребности человѣка противъ ихъ отрицателей.

Единственная идеализація совершенно *неизбѣжная* для человѣка есть то представленіе *свободной воли*, вслѣдствіе котораго онъ не можетъ никакимъ образомъ отдѣлаться отъ субъективной увѣренности, что онъ произвольно ставитъ себѣ цѣли и выбираетъ для нихъ средства. Какъ ни убѣдительно объективное *познаніе* доказываетъ ему, что всѣ „произвольныя" его дѣйствія и мысли суть не иное что, какъ необходимыя слѣдствія предыдущаго ряда внѣшнихъ и внутреннихъ, физическихъ и психическихъ событій, но субъективное *сознаніе* произвольности этихъ дѣйствій и мыслей остается неизбѣжною ежеминутною иллюзіею, даже въ самомъ процессѣ доказательства всеобщаго детерминизма, господствующаго

и во внѣшнемъ мірѣ, и въ духѣ человѣка. Неизбѣжное приходится поневолѣ принять. Эта невольная идеализація своихъ побужденій становится въ области человѣческой дѣятельности плодотворной основою обширныхъ научныхъ и философскихъ областей работы человѣческой мысли. Совершенно незавнсимо отъ того, насколько въ *сущности* дѣйствительны или иллюзіонны цѣли, которыя ставитъ себѣ человѣкъ, и средства, которыя онъ выбираетъ для ихъ достиженія, эти цѣли и средства располагаются въ его умѣ въ опредѣленную іерархію цѣлей и средствъ *лучшихъ* и *худшихъ*. Но ученая критика принимается за работу установленія среди нихъ *правильной* іерархіи. *Безспорная* истина противополагается *вѣроятной* гипотезѣ, *ошибочному* разсужденію, *вымыслу* фантазіи, *противорѣчивому* представленію. *Нецѣлесообразное* средство отличается отъ средства *цѣлесообразнаго*. *вредное* отъ *полезнаго*. *Нравственное* побужденіе выдѣляется изъ всей массы побужденій неосмысленныхъ, случайныхъ, страстныхъ, эгоистическихъ. Области его побужденій, мыслей и дѣйствій, въ которыхъ самъ человѣкъ не можетъ открыть слѣда сознательной воли, противопоставляется имъ область другихъ его побужденій, мыслей и дѣйствій, относительно которыхъ человѣкъ не можетъ отдѣлаться отъ сознанія, что онъ ихъ *хотѣлъ*, что онъ за нихъ *отвѣтственъ*, и что другіе люди, подобно ему самому, признаютъ за нимъ эту отвѣтственность, какъ ни подлежало бы все это, наравнѣ съ первыми областями, міровому детерминизму. Столь же неизбѣжно для человѣческаго ума, какъ объективные законы, господствующіе въ природѣ,—основная интимная идеализація произвольной постановки цѣлей и произвольнаго выбора средствъ ставитъ предъ каждою личностью іерар-

хію нравственно лучшихъ и нравственно-худшихъ цѣлей, оставляя ему лишь способность критически провѣрить, не надо ли, въ этой критикѣ, видоизмѣнить эту іерархію, признать *иное* лучшимъ и худшимъ. Рѣшеніе воли и выборъ того или другого поступка, вслѣдствіе этого рѣшенія, оказывается всегда неизбѣжнымъ, но критика этики можетъ признать за этимъ выборомъ высшее или низшее значеніе и возложить на личность отвѣтственность за этотъ выборъ предъ собою и предъ другими, раздѣляющими тѣ же убѣжденія. Это позволяетъ сопоставить область теоретическаго *познанія* съ областью нравственнаго *сознанія* и, *въ послѣдней области*, выходить изъ первоначальнаго, субъективнаго *факта* свободной воли *для себя*, независимо отъ теоретическаго значенія этого факта; даетъ прочную основу практической философіи и позволило мнѣ въ этихъ письмахъ говорить съ читателемъ о нравственномъ долгѣ личности, о нравственной необходимости борьбы личностей противъ отживающихъ общественныхъ формъ, о нравственныхъ идеалахъ и объ историческомъ прогрессѣ, изъ нихъ вытекающемъ.

Если начало отвѣтственности предъ собою за все, что человѣкъ сознаетъ въ себѣ, какъ проявленіе его воли, должно быть признано неизбѣжною идеализаціею, а потому устранено быть не можетъ, то оно есть единственная идеализація, имѣющая право на подобную привилегію. Все, чего избѣжать можно, слѣдуетъ допустить лишь на основаніи критики. Приступая съ этимъ требованіемъ къ явленіямъ идеализаціи, мы замѣчаемъ, какъ широко прилагала она свой пріемъ осмысленія безсознательныхъ процессовъ. При этомъ она далеко не ограничилась человѣкомъ, но попыталась очеловѣчить, осмыслить цѣлый міръ. Наблюденіе указываетъ три группы идеали-

заціи, выходящія изъ желанія человѣка внести сознаніе и разумъ во всѣ явленія, или, по крайней мѣрѣ, въ большинство ихъ. Во-первыхъ, явленія представлялись человѣку, какъ *дѣйствія* сверхъ-естественныхъ, внѣ-міровыхъ *личностей*, духовъ и боговъ, одаренныхъ сознаніемъ, разумомъ и волею. Во-вторыхъ, явленія представлялись ему, какъ *проявленія* единой сознательной и разумной *сущности* міра. Но всего древнѣе, восходя къ первобытнымъ періодамъ жизни человѣчества, былъ третій пріемъ идеализаціи міра: предметы внѣшняго міра почти во всѣхъ областяхъ его считались *существами*, одаренными сознаніемъ, разумомъ и волею, или жилищемъ подобныхъ существъ, и явленія міра представлялись, какъ преднамѣренныя дѣйствія этихъ существъ. Наука признала міръ духовъ и боговъ продуктомъ творчества фантастическаго. Она признала и „душу міра", и „безусловный духъ" и „безусловную волю" продуктами творчества метафизическаго. Но ей пришлось долѣе заниматься вопросомъ, до сихъ поръ не рѣшеннымъ во всѣхъ его частностяхъ,—о томъ, какимъ предметамъ внѣшняго міра слѣдуетъ приписать сознаніе, разумъ и волю и въ какой мѣрѣ. Доисторическій человѣкъ долго готовъ былъ распространять почти на всѣ предметы представленіе о сознательной жизни, подобной сознанію человѣческому. Затѣмъ, критика мысли все болѣе суживала кругъ сознательныхъ предметовъ. Была попытка признать психическіе процессы за однимъ человѣкомъ, но потомъ оказалось необходимымъ распространить ихъ и на многихъ животныхъ, въ разной постепенности. Въ настоящее время существуетъ у иныхъ изслѣдователей склонность допускать сознаніе и на очень низкой ступени развитія организмовъ, и даже чуть-ли не во всемъ

веществѣ, населяя какъ-бы мыслящими „человѣчками“ даже атомы газовъ. За то и въ человѣкѣ критика открыла длинный рядъ постепенностей разумности дѣйствій. Она нашла въ немъ группу явленій чисто-механическихъ, безсознательныхъ. Затѣмъ —другую группу явленій, гдѣ самыя низшія животиыя влеченія сознаются, но дѣйствуютъ съ неудержнмою силою, безъ всякаго участія размышленія. Затѣмъ еще новую группу, гдѣ рутинный ходъ мысли совершается какъ-бы механически, хотя нельзя сказать, чтобы сознаніе или размышленіе здѣсь отсутствовало, или чтобы быстрота дѣйствія мѣшала оцѣнкѣ его; тѣмъ не менѣе, оцѣнка личной отвѣтственности передъ собою является лишь впослѣдствіи, когда дѣло сдѣлано или болѣе, чѣмъ на половину, или совсѣмъ. Еще далѣе, мы встрѣчаемъ весьма сложную группу дѣйствій, совершаемыхъ подъ вліяніемъ сильныхъ аффектовъ и страстей: тутъ большею частью присутствуетъ и размышленіе, и нравственная оцѣнка отвѣтственности предъ собою, но сила аффекта или страсти преобладаетъ настолько, что человѣкъ ей подчиняется на зло размышленію и нравственнымъ требованіямъ. Только за этою группою лежитъ область дѣйствій, въ которыхъ человѣкъ является размышляющимъ и вполнѣ отвѣтственнымъ передъ собою существомъ. Есть люди, большая часть жизни которыхъ проходитъ безъ того, чтобы какое-либо дѣйствіе ихъ можно было считать принадлежащимъ къ послѣдней группѣ. Самое же большое число дѣйствій человѣческихъ надо отнести къ группѣ третьей, т. е. къ дѣйствіямъ, совершеннымъ подъ вліяніемъ рутины, привычки и преданія, какъ совершаютъ свои дѣйствія, часто довольно сложныя, всѣ культурныя животныя. Оцѣнка отвѣтственности, какъ мы сказали, приходитъ при этомъ въ про-

долженіи самого дѣйствія, или по окончаніи его, а иногда и совсѣмъ не приходитъ. Степень жизненнаго развитія человѣка опредѣляется долею, которую составляетъ послѣдняя, вполнѣ сознательная группа дѣйствій, во всѣхъ его дѣйствіяхъ.

Изъ предыдущаго видно, что подыскиваніе разумнаго мотива къ совершенному дѣйствію не можетъ быть признано пріемомъ всегда раціональнымъ; что въ человѣческихъ дѣйствіяхъ участвуютъ чаще мотивы механическіе или зоологическіе, чѣмъ человѣчные. Насколько это необходимо имѣть въ виду криминалисту для взвѣшиванія приговора и для постройки уголовнаго права, на столько же оно необходимо историку и общественному дѣятелю, для критическаго отношенія къ человѣческимъ дѣйствіямъ въ минувшемъ и въ настоящемъ, къ стремленіямъ людей идеализировать свои и чужія дѣйствія, подыскивая къ нимъ разумные мотивы,—наконецъ, для того, чтобы не ошибиться въ разсчетѣ при преслѣдованіи практическихъ цѣлей.

Какъ ни ограниченъ въ человѣчествѣ кругъ дѣйствій, которыя можно назвать разумными, но стремленіе къ идеализаціи, предполагающей дѣйствія разумными, весьма широко, и потому большинство людей желаетъ представить всѣ механическія, рутинныя, страстныя свои дѣйствія, какъ дѣйствія разумныя. Иные совершаютъ этотъ процессъ идеализаціи совершенно искренно, другіе же—лишь для возвышенія своего *я* передъ чужими глазами или для достиженія своекорыстныхъ цѣлей. Но недостатокъ знанія и гибкости мысли не дозволяетъ значительному числу людей этого дѣлать самимъ. Тогда они очень рады, когда за нихъ сдѣлаютъ это другіе, и охотно пристаютъ къ тѣмъ людямъ, которые позволяютъ имъ выдать свою тупость

за размышленіе, свои животныя влеченія за нравственно-политическія начала, свою рутину за консервативную теорію, свою трусость за преданность государству, свою подлость за геройство, свое любостяжаніе за служеніе праву, свое личное озлобленіе за борьбу противъ лжи. Это именно доставляетъ партіямъ, пишущимъ на своихъ знаменахъ великія слова, наибольшее число приверженцевъ. Всегда, при поднятіи подобнаго знамени, есть люди, которые нуждаются въ немъ для прикрытія громкимъ словомъ мелкаго содержанія своей дѣятельности. Поэтому разсчетливые провозгласители великихъ принциповъ, подъ защитою которыхъ предводители имѣютъ въ виду осуществить эгоистическіе интересы своего сословія или кружка, въ большей части случаевъ тѣмъ скорѣе собираютъ партіи приверженцевъ, или эта партія становится тѣмъ обширнѣе, чѣмъ удобнѣе прикрыть новымъ знаменемъ механическія, животныя, рутинныя и страстныя стремленія личностей. Въ этомъ случаѣ совершить идеализацію тѣмъ удобнѣе, что, въ продолженіе человѣческой исторіи, каждое изъ громкихъ словъ не разъ бывало на самомъ дѣлѣ девизомъ передовой партіи, формулою прогресса, и потому въ подобныя эпохи поэзія и философія, обычай и преданіе совершенно искренно и правомѣрно окружали подобное слово ореоломъ величія. Ложнымъ идеализаторамъ остается указать на этихъ хвалителей, завѣдомо искреннихъ и талантливыхъ, и черпать изъ арсенала, ими устроеннаго, оружіе для своихъ цѣлей.

Въ виду подобнаго явленія, критика должна еще строже относиться къ громкимъ словамъ, написаннымъ на знаменахъ партій, и еще внимательнѣе разсматривать, насколько подъ ними скрывается идеализація унизительныхъ или правомѣрныхъ влеченій личности.

Въ предыдущемъ письмѣ я отдѣлилъ двѣ группы великихъ идей, соотвѣтствующія общимъ началамъ и частнымъ общественнымъ формамъ. Это мы сдѣлаемъ и здѣсь. Относительно общихъ началъ пріемъ критики для раскрытія ложной идеализаціи весьма простъ: надо лишь разобрать, въ какомъ смыслѣ партіи употребляютъ слова „разумъ, свобода, общее благо, справедливость" и т. д. Надо провѣрить, насколько смыслъ, придаваемый всѣмъ этимъ словамъ, соотвѣтствуетъ въ данномъ случаѣ ихъ дѣйствительному прогрессивному значенію. Это, конечно, возможно лишь тогда, когда критика сама предварительно уяснила себѣ дѣйствительное значеніе этихъ словъ.

Для частныхъ общественныхъ формъ задача сложнѣе. Я уже говорилъ въ шестомъ письмѣ, что общественныя формы вырабатываются естественными потребностями и влеченіями. Насколько эти потребности и влеченія естественны, настолько же и формы, ими выработанныя, правомѣрны, но не далѣе. Между тѣмъ, въ исторіи, форма, выработанная одною потребностью, оказывалась часто удобною, за неимѣніемъ лучшей, и для удовлетворенія другихъ потребностей: вслѣдствіе того, эта форма обращалась въ органъ для самыхъ разнообразныхъ функцій, и, *въ этомъ видѣ,* — подвергаясь искренней и ложной идеализаціи, — была провозглашаема знаменемъ партій, существеннѣйшимъ орудіемъ прогресса. Въ этомъ случаѣ дѣло критики двойное. Во-первыхъ, ей приходится разобрать, какія дѣйствительныя стремленія партій скрываются подъ словомъ, написаннымъ на ихъ знамени. Во-вторыхъ, ей надо доискаться той естественной и, слѣдовательно, правомѣрной потребности, которая вызвала къ существованію форму, выставленную на знамени партіи, какъ ос-

новной ея принципъ. Первымъ путемъ критика разрушаетъ ложную идеализацію тѣхъ, которые выставляютъ форму, по сущности можетъ быть, и почтенную, въ защиту стремленій, не имѣющихъ съ нею ничего общаго. Вторымъ путемъ критика борется и противъ тѣхъ, которые сдѣлали изъ громкаго слова фетишъ, не понимая его смысла, и противъ ложныхъ идеализаторовъ другого рода, именно тѣхъ, которые *отрицаютъ* правомѣрность потребности, вполнѣ естественной, и этимъ вызываютъ или искаженіе человѣческой природы, или, что всего чаще, лицемѣріе. Послѣдняя задача имѣетъ сторону не только отрицательную, но и положительную: открывая въ основѣ данной общественной формы естественную потребность, естественное влеченіе, критика тѣмъ самымъ признаетъ эти основы правомѣрными и требуетъ построенія общественныхъ формъ на основаніи *искренности* чувства, т. е. на основаніи искренняго отношенія къ естественнымъ потребностямъ и влеченіямъ, лежащимъ въ природѣ человѣка. Это осуществленіе въ общественныхъ формахъ нравственныхъ идеаловъ, коренящихся въ самой природѣ человѣка, составляетъ законную и человѣческую идеализацію его естественныхъ потребностей, въ противоположность *призрачной* идеализаціи ихъ подъ видомъ исторически образовавшихся культурныхъ формъ, имъ вовсе не соотвѣтствующихъ. Эта человѣческая идеализація есть идеализація вполнѣ *научная*, потому что элементъ субъективнаго мнѣнія присутствуетъ въ ней лишь настолько, насколько онъ совершенно неизбѣженъ во всякомъ изслѣдованіи о психическихъ явленіяхъ. Потребность есть реальный психическій фактъ, который слѣдуетъ лишь изучить, насколько это возможно, въ его особенности. Разъ потребность установлена, какъ потребность естественная,

она должна быть удовлетворена въ предѣлахъ ея здороваго функціонированія и надо искать общественныя формы, наилучше ее удовлетворяющія. Я могу ошибаться въ опредѣленіи естественной потребности, лежащей въ основѣ данной общественной формы; могу ошибаться въ выводахъ, которые, на мой взглядъ, необходимо вытекаютъ изъ искренняго отношенія къ этой потребности. Болѣе искусный изслѣдователь откроетъ новыя стороны въ послѣдней и потому построитъ болѣе вѣрную теорію соотвѣтствующей общественной формы. Но возможность ошибокъ и послѣдовательныя ихъ устраненія нисколько не подрываютъ научности общаго пріема. Сведеніе общественныхъ формъ на потребности, ихъ вызывающія, искреннее (т. е. прямое, чуждое постороннихъ соображеній) отношеніе изслѣдователя къ этимъ потребностямъ и требованіе приспособить къ нимъ общественныя формы — могутъ имѣть мѣсто внѣ всякаго личнаго произвола, внѣ всякаго догматическаго ослѣпленія, внѣ всякой работы творческой фантазіи. Этотъ процессъ можетъ быть совершенъ строго-методически, устраняя всѣ источники личной ошибки. Слѣдовательно, онъ *наученъ*, и результатъ его — теорія общественныхъ формъ, какъ онѣ *должны быть* на основаніи ясно понятыхъ человѣческихъ потребностей — есть продуктъ *истинной и научной* идеализаціи соотвѣтствующей потребности. Такимъ образомъ, всякая потребность допускаетъ законную и человѣческую идеализацію, собственно ей принадлежащую, точно такъ-же, какъ отрицать въ ней можно только то, что внесено въ нее культурою; этимъ и ограничивается отношеніе къ ней мысли. Отрицая законъ природы, мы его не уничтожимъ, а только вызовемъ болѣе патологическое его проявленіе при обладаніи лицемѣрія въ общественной формѣ. При-

зрачная идеализація не можетъ измѣнить ни на волосъ законъ природы и вноситъ въ нравственныя формы лишь лживость, всегда дающую болѣе хитрой и менѣе нравственной личности возможность притѣснить личность менѣе хитрую и болѣе нравственную.

Но именно эта лживость и несправедливость, вносимая въ общественныя формы мелкими эгоистическими интересами подъ прикрытіемъ призрачной идеализаціи, вызываетъ постоянное раздраженіе противъ наличныхъ общественныхъ формъ и сообщаетъ имъ непрочность. Единственный путь для приданія имъ большей прочности заключается именно во внесеніи въ нихъ настоящей жизненности, т. е. въ замѣнѣ ихъ призрачной идеализаціи истинною. Въ этомъ-то, преимущественно, и заключается тотъ процессъ работы мысли надъ культурными формами, который составляетъ движеніе цивилизаціи. Какъ читатель видитъ, въ этомъ процессѣ нѣтъ, собственно, ничего отрицающаго, разрушающаго, революціоннаго. Мысль стремится постоянно доставить общественнымъ формамъ болѣе прочности, отыскавъ ихъ дѣйствительныя основы въ настоящихъ человѣческихъ потребностяхъ; изучая эти потребности, она скрѣпляетъ общественныя формы наукою и справедливостью. То, что отрицаетъ критика мысли, есть именно элементъ, сообщающій общественнымъ формамъ непрочность. Разрушаетъ она именно то, что грозитъ разрушеніемъ цивилизаціи. Революцію она стремится предупредить, а не вызвать.

Обращаясь къ самой элементарной человѣческой потребности, къ потребности питанія, мы и здѣсь уже встрѣчаемъ ложную идеализацію въ формѣ искусственной потребности къ дорогимъ лакомствамъ, развитой культурою, и въ формѣ призрачнаго благодѣянія даровыхъ пировъ,

развивающихъ паразитство. Въ то-же время ложная идеализація аскетизма, отрицая, что каждый человѣкъ долженъ быть сытъ, привела естественнымъ путемъ къ безсмысленнымъ формамъ поста, къ столь-же безсмысленному скопленію драгоцѣнныхъ металловъ въ храмахъ боговъ, гдѣ эти сокровища никому не нужны, и къ обращенію центровъ отшельничества въ убѣжища безнравственности и невѣжества. Наука противопоставила обѣимъ этимъ призрачнымъ идеализаціямъ признаніе потребности питанія естественною и правомѣрною и построеніе ея удовлетворенія на основаніи физіологіи и соціологіи. Если она идеализируетъ потребность питанія, то идеализируетъ ее правильно, указывая, сколько пищи нужно данной личности, въ размѣрахъ какой цѣнности она можетъ быть присвоена личностью безъ нарушенія справедливости въ ея распредѣленіи и, развивая технику кулинарнаго искусства для здороваго, экономическаго и вкуснаго приготовленія надлежащаго количества пищи —То, что можно сказать объ этой элементарной потребности питанія, прилагается еще лучше ко всѣмъ остальнымъ, и прогрессъ всѣхъ общественныхъ формъ заключался всегда именно въ болѣе строгомъ различеніи естественныхъ потребностей, ихъ вызывавшихъ, въ болѣе искреннемъ отношеніи къ этимъ потребностямъ, въ разсѣяніи призраковъ, съ ними связанныхъ, и въ идеализаціи ихъ лишь тѣмъ путемъ, который указанъ самою сущностью потребности. Разсмотримъ главнѣйшія формы поочередно.

Первый крѣпкій человѣческій союзъ, материнскій родъ, заключалъ въ себѣ, по необходимости, всѣ общественныя функціи, старался одновременно удовлетворить всѣмъ потребностямъ личности То-же самое положеніе дѣлъ продолжалось, когда родъ материнскій, перейдя въ родъ

отцовскій, выработалъ патріархальныя семьи. Бѣдность культурнаго развитія имѣла слѣдствіемъ, что эта общественная форма должна была удовлетворить разомъ и потребности воспитанія растущаго поколѣнія, и потребности экономическаго обезпеченія личностей, и потребности защиты ихъ отъ внѣшнихъ враговъ, и потребности огражденія одной личности семьи отъ насилія другой, и потребности накопленія знанія, и потребности творчества. Главы рода или патріархальной семьи оказались разомъ и руководителями дѣтей, и всесторонними промышленнками, политическими дѣятелями, судьями, хранителями преданій теоретическихъ и практическихъ, лириками въ молитвѣ, эпиками въ миѳѣ, актерами въ культѣ—и все это потому лишь, что родовыя связи дали имъ опредѣленное положеніе въ ихъ племени. Привычка и преданіе облекли семейную связь въ ея сложной патріархальной формѣ поэтическою прелестью, величіемъ священнаго союза, бронею закона, путами общественнаго мнѣнія. Въ то же время аскетизмъ отрицалъ не только существующія культурныя формы семьи, но признавалъ половое влеченіе оскверненіемъ человѣческаго достоинства и проповѣдывалъ воздержаніе отъ половой связи. Результатомъ ложной идеализаціи семьи явилось страшное злоупотребленіе власти главы семьи, обращеніе брака—въ куплю и продажу, подчиненія дѣтей родителямъ — въ рабство; явился въ семьѣ развратъ подъ маскою приличія, превзошедшій всѣ излишества явнаго разврата; она дошла до уничтоженія въ своей средѣ всякихъ человѣчныхъ отношеній, представляла разгулъ лишь лицемѣрію и униженію личности. Точно такъ-же аскеты, проповѣдывавшіе воздержаніе отъ половой связи, не могли уничтожить полового влеченія, если не прибѣгали къ радикальнымъ мѣ-

рамъ скопцовъ. И здѣсь было лишь два исхода: или искаженіе человѣческой природы, или лицемѣріе, прикрывающее еще болѣе изысканное влеченіе къ тому, что явно отрицалось. Большинство фанатическихъ сектантовъ, пошедшихъ этимъ путемъ, пришло къ искаженію физическаго организма человѣка; но инымъ, напр., шэкерамъ, повидимому, удалось исказить человѣка въ этомъ отношеніи психически. Тамъ же, гдѣ фанатизмъ пересталъ дѣйствовать, воцарилось лицемѣріе и, подъ *ангельскою* одеждою монаховъ и монахинь, отрекшихся отъ всего плотскаго, часто скрывалось еще болѣе животныхъ побужденій, чѣмъ среди мірянъ. Знаменитые процессы въ этомъ случаѣ доказали, что такъ называемыя убѣжища чистоты дѣлались на самомъ дѣлѣ аренами оргій, прошедшихъ не только всѣ ступени естественныхъ потребностей, но заглянувшихъ весьма далеко и въ область влеченій, которыя новая Европа признала противоестественными. Случалось и то, что мистическое отрицаніе половыхъ влеченій мирилось въ восторженныхъ экстазахъ нѣкоторыхъ сектантовъ съ искусственнымъ преувеличеніемъ этихъ самыхъ влеченій. Во всѣхъ этихъ случаяхъ мы видимъ, что аскетизмъ вызывалъ среди общества появленіе лживыхъ стремленій въ группахъ людей, имѣвшихъ спеціальное назначеніе отрицать или искажать основное влеченіе человѣческой природы и ставившихъ себѣ это въ заслугу.

Прогрессъ въ исторіи родового и семейнаго союза шелъ тремя путями, изъ которыхъ самый существенный заключался въ постепенномъ выдѣленіи изъ дѣятельности главы патріархальной семьи тѣхъ аттрибутовъ, которыми онъ былъ облеченъ, по необходимости, лишь при очень неразвитомъ состояніи культуры. Преж-

де всего родовая связь, опирающаяся на непродуманный обычай, уступила мѣсто другимъ общественнымъ связямъ, въ которыхъ работала личная мысль въ формѣ разсчета, аффекта или убѣжденія. Критическая мысль выработала промышленную систему раздѣленія работъ, сначала по наслѣдству въ кастахъ, потомъ по личному влеченію; выработала политическую систему государственной обороны личностей отъ внѣшнихъ враговъ съ разнообразнымъ участіемъ подданныхъ или гражданъ въ управленіи; выработала юридическую систему судовъ, менѣе причастныхъ интересамъ подсудимыхъ; выработала методическое подготовленіе къ научнымъ работамъ, независимое отъ авторитета главъ рода или семьи; выработала образцы искусства, сдѣлавшіе художественную дѣятельность достояніемъ лишь особенно одаренныхъ личностей; выработала (и выработываетъ еще) педагогическую систему воспитанія молодаго поколѣнія лишь тѣми изъ взрослыхъ личностей, которыя подготовились къ этому надлежащимъ образомъ умственно и нравственно.

По мѣрѣ того, какъ число аттрибутовъ главы патріархальной семьи ограничивалось, мысль имѣла подъ собою лучшую культурную почву и для борьбы противъ ложной идеализаціи въ этой сферѣ. Панегирику семьи противополагалась ея сатира. Скептицизмъ и циническія нападки колебали ея святыню. Законъ сталъ ограждать членовъ семьи отъ деспотизма ихъ главы и допустилъ разводъ. Общественное мнѣніе искало другихъ идеаловъ. Параллельно съ этимъ, на почвѣ науки и справедливости, критическая мысль боролась съ аскетизмомъ, отрицавшимъ половое влеченіе вообще. Физіологія доказывала неестественность аскетизма; политическая экономія доказывала его раззорительность для общества; исторія дока-

зывала призрачность его преданій и его несостоятельность въ проведеніи собственнаго идеала.

Въ замѣнъ этихъ ложныхъ идеаловъ, блѣднѣющихъ подъ лучами критической мысли, настоящая идеализація половыхъ влеченій шла именно указаннымъ выше путемъ: требованіемъ искренности. Какъ физіологическое влеченіе, это былъ неотрицаемый естественный фактъ. Онъ дѣлался фактомъ работы мысли, какъ свободный выборъ. Съ давнихъ временъ этотъ выборъ идеализированъ эстетически, какъ выборъ во имя влеченія къ красотѣ. Прогрессъ идеализаціи заключается лишь въ томъ, что красота или привлекательность обратились, по мѣрѣ работы мысли, лишь въ поводъ къ выбору, а его настоящею основою стало умственное и нравственное достоинство. Идеализація любви—независимо отъ семейной связи и на зло аскетизму—воспѣвалась чуть ли не такъ-же давно, какъ сохранились слѣды человѣческаго слова; но она постоянно звучала чѣмъ-то ложнымъ, когда, рядомъ съ пѣснями Саади, трубадуровъ, миннезингеровъ, рядомъ съ мадригалами XVII и XVIII вѣковъ, съ лирическими изліяніями современниковъ Шиллера, существовали культурныя привычки гаремной жизни, браковъ по волѣ сюзерена, по волѣ родителей, по торговымъ разсчетамъ, и когда бракъ и любовь вызывали одинаково представленія вѣчной обязательности. Пока женщина стояла въ патріархальной семьѣ ниже мужчины и по культурнымъ привычкамъ, и по развитію мысли, до тѣхъ поръ нравственные идеалы оставались различны для любящихъ, и, слѣдовательно—идеализація взаимнаго влеченія не представляла слѣда равноправности. Женщина стремилась найти въ мужчинѣ нравственный идеалъ силы, ума и энергіи характера, общественнаго вліянія и гражданской

дѣятельности, но этотъ идеалъ былъ для нея не *идеаломъ*, а *идоломъ*, потому что сама она отказывалась отъ его осуществленія въ жизни. Мужчина искалъ въ женщинѣ *только* эстетическій идеалъ красоты и граціи, считая этотъ самый идеалъ унизительнымъ для себя и допуская въ *себѣ* даже грубость формъ, какъ элементъ достоинства. Поэтому со стороны женщины не могло быть и рѣчи о правильной идеализаціи полового влеченія. Осужденная на поклоненіе идолу, заключавшему, впрочемъ, *правомѣрное* влеченіе къ нравственной силѣ, она несла въ этомъ случаѣ весь гнетъ *обязательныхъ* культурныхъ формъ семьи. Вся работа мысли въ процессѣ идеализаціи путемъ *правомѣрнаго* влеченія къ красотѣ приходилась на выгоду мужчинѣ, которому культура присвоила право *свободнаго выбора*. Настоящая идеализація взаимной любви возможна лишь съ того времени, когда женщина вызываетъ къ себѣ уваженіе во имя того-же самаго идеала нравственнаго достоинства, который поставленъ и для мужчины. Тогда союзъ любви представляется обоюднымъ свободнымъ выборомъ двухъ существъ, взаимно привлеченныхъ физіологически и сближающихся потому, что каждый уважаетъ въ другомъ человѣческое достоинство въ его всестороннемъ проявленіи. Физіологическое влеченіе остается правомѣрною основою сближенія личностей, но оно подвергается законной и человѣчной идеализаціи; союзъ личностей упрочивается тѣмъ, что, стремясь къ одинаковымъ нравственнымъ идеаламъ, они своимъ союзомъ взаимно совершенствуютъ и развиваютъ другъ друга. Это самое обращаетъ случайное влеченіе въ прочное нравственное сближеніе, не навязанное извнѣ, не обязательное во имя культурныхъ привычекъ и преданій, но выработанное самими личностями.

Внѣшняя обязательность перестаетъ имѣть какое-либо значеніе предъ болѣе крѣпкою связью. Взаимное уваженіе дѣлаетъ связь святынею, при чемъ свобода отношеній устраняетъ всякое лицемѣріе, а взаимное довѣріе дѣлаетъ соединяющіяся личности наиболѣе способными къ взаимной помощи и въ экономической борьбѣ, и въ работѣ мысли, и въ общественномъ дѣлѣ, и въ педагогическихъ обязанностяхъ къ растущему поколѣнію. При ея правильной, научной идеализаціи задача семьи въ настоящемъ имѣетъ двѣ стороны, причемъ каждая изъ нихъ беретъ въ соображеніе необходимыя условія естественныхъ потребностей, опирается на искренность свободнаго аффекта и ставитъ обязательную цѣль человѣческой дѣятельности во имя справедливости. Половое влеченіе, какъ *неизбѣжный* источникъ; личная симпатія, какъ интимная связь, *свободно* опредѣляющая выборъ; взаимное развитіе двухъ равноправныхъ существъ для участія въ прогрессивной дѣятельности общества, какъ *соціальная цѣль*—вотъ одна сторона семейнаго идеала современности. Воспитаніе ребенка взрослымъ, какъ *неизбѣжный* источникъ; подготовка воспитателя къ дѣлу воспитанія, какъ личное влеченіе, *свободный* выборъ любимаго занятія; развитіе въ будущемъ человѣкѣ мысли, способной къ критической работѣ, убѣжденія, готоваго на самоотверженное дѣло, какъ *общественная обязанность* — вотъ другая сторона того-же идеала. — Такимъ образомъ, искреннее отношеніе къ естественному влеченію, устраняя призрачныя и лживыя культурныя формы, ставитъ передъ семьею (если это названіе будетъ удержано) новый идеалъ, выработанный мыслію, идеалъ, имѣющій всѣ достоинства прежнихъ идеаловъ семьи, но охраняющій въ высшей мѣрѣ ея прочность, такъ какъ онъ опирается

на научныя данныя, на требованія справедливости, на достоинство человѣческой личности.

Возьмемъ другую потребность, проявившуюся на первыхъ шагахъ человѣческой культуры,—потребность экономическаго обезпеченія, которая создала разнообразныя формы: собственности, наслѣдственности, пользованія, экономической зависимости между капиталомъ и трудомъ и т. д. Какъ только широкій родовой союзъ распался на союзы семейные, конкуррирующіе между собою экономически подъ охраною обычая или закона, немедленно изъ элементарныхъ способовъ временнаго и болѣе или менѣе продолжительнаго присвоенія предметовъ, по необходимости, выработалась забота объ образованіи и охраненіи монопольныхъ запасовъ личныхъ и семейныхъ. При низкомъ развитіи обществъ, возможность заработка для личности была мало обезпечена. Сегодня охота, грабежъ, удобныя условія погоды давали возможность человѣку пріобрѣсти много, но затѣмъ эта добыча могла долго не повториться. А жить надо было не только сегодня, но и завтра, и послѣзавтра. Кромѣ того, въ семьѣ были старики и дѣти, неспособные добывать себѣ пищу. Надо было подумать объ ихъ обезпеченіи. Самое простое и раціональное рѣшеніе заключалось въ томъ, чтобы въ удачный день запасаться излишкомъ на случай возможной неудачи другихъ дней. Ловкій охотникъ, счастливый грабитель присвоивалъ себѣ все, что могъ захватить для обезпеченія на будущее время себя и своей семьи. Вещь, имъ захваченная, становилась его исключительною монопольною собственностью даже тогда, когда ни онъ, ни его семья ею воспользоваться не могли. Дѣти становились тоже монопольными собственниками того, что было добыто отцомъ, и это имѣло мѣсто

даже въ томъ случаѣ, когда они могли бы и сами добывать себѣ пропитаніе. Пока общество стояло на такой низкой ступени, что никто не могъ ручаться за нѣсколько дней впередъ за огражденіе отъ голодной смерти, подобная монополизація имущества личностью далеко за предѣлы ближайшихъ потребностей ея и ея семьи, была почти неизбѣжна. Каждому приходилось отстаивать себя и своихъ близкихъ всѣми средствами. Борьба за существованіе была для человѣка если не единственнымъ, то, по крайней мѣрѣ, преобладающимъ закономъ. Но положеніе общества стало улучшаться; скотоводство и земледѣліе дошли до той степени, гдѣ вѣроятность обезпеченія на нѣкоторый періодъ будущаго превысила вѣроятность гибели отъ всевозможныхъ случайностей. Монополизація *всего* захваченнаго или унаслѣдованнаго потеряла значеніе необходимости, оправдывавшей ее въ болѣе тяжелое время. Тѣмъ не менѣе, потерявъ свой законный смыслъ, она осталась преданіемъ, восходившимъ къ незапамятнымъ временамъ, культурною привычкою, которая повела—при помощи улучшенной техники, при помощи труда невольниковъ и наемниковъ, при помощи усовершенствованныхъ способовъ хищничества—къ монополизаціи громадныхъ имуществъ въ рукахъ одного сословія, одного кружка лицъ, одной семьи, одного лица. Отсюда форма экономическаго строя общества, опирающагося на монопольную частную собственность, гдѣ меньшинство наслѣдственныхъ собственниковъ окружено большинствомъ рабовъ, наемниковъ и нищихъ *). И здѣсь мы видимъ поэтическую, религіозную, метафизическую идеализацію этого строя. Богатство,

*) Это требовало бы обширнаго развитія, которое было невозможно въ изданіи, сдѣланномъ въ Россіи. Оставляю текстъ почти безъ измѣненія такимъ, каковъ онъ былъ въ 1870 г. (1891).

роскошь, хищничество, завоеванія, наслѣдственная аристократія, жирная буржуазія имѣли своихъ пѣвцовъ, своихъ теоретиковъ-хвалителей, свои заповѣди для ихъ охраны и свои te-deum'ы, ихъ прославлявшіе. Точно такъ же и здѣсь аскетизмъ отрицалъ всякое имущество, всякій экономическій трудъ и развивалъ паразитизмъ нищенства во имя Божіе. Критикѣ мысли здѣсь предшествовало и помогало естественное развитіе условій подобнаго строя. Привычка хищничества и монополизаціи, перенесенная изъ болѣе дикаго строя въ общество болѣе цивилизованное, должна была перенести туда и элементы образа жизни первобытныхъ дикарей: борьбу всѣхъ противъ всѣхъ и непрочность того самаго, что старались обезпечить съ такими усиліями. Аристократія собственниковъ хирѣла физически и нравственно. Личныя и семейныя привязанности раздробляли имущество, а члены семьи тратили въ безумномъ мотовствѣ богатства, накопленныя хищничествомъ, крали другъ у друга и губили другъ друга, чтобы *себѣ* доставить болѣе жирный кусокъ. Государство захватывало, насколько могло, святыню частной собственности. Голодные наемники и нищіе расхищали то, что удавалось расхитить. Строй общества становился столь шатокъ, что энергическій толчекъ извнѣ или взрывъ внутри уносилъ блестящую цивилизацію меньшинства. Кромѣ того, взаимная борьба собственниковъ губила ихъ одного за другимъ. Въ послѣдніе періоды монополистамъ-собственникамъ, для упроченія общественнаго строя, приходится жертвовать все большую и большую долю своего имущества на войско, на полицію, на тюрьмы, на бѣдныхъ, на случайности экономическихъ кризисовъ и т. п. Въ виду этихъ фактовъ исторіи, развивается экономическая критика соціализма и одинаково поражаетъ роскошествую-

щихъ монополизаторовъ и паразитствующихъ аскетовъ. Критическая мысль организуетъ борьбу ассоціаціоннаго труда противъ монопольнаго капитала и ставитъ новый экономическій идеалъ. Она признаетъ потребность экономическаго обезпеченія, но требуетъ такого строя общества, гдѣ личность была бы обезпечена, не бывъ въ то же время поставлена въ необходимость монополизировать имущество, превышающее ея ближайшія потребности. Идеализація, соотвѣтственная потребности, и здѣсь не нова. Это—идеализація труда. Но прежде трудъ идеализировался, какъ смиренное орудіе капитала, какъ подчиненіе рабочаго, лежащее въ законахъ міра, въ уставахъ провидѣнія, какъ мистическое наказаніе за грѣхъ праотца. Соціализмъ ставитъ передъ рабочимъ другой идеалъ. Это—борьба производительнаго полезнаго труда противъ незаработаннаго капитала; это—трудъ, обезпечивающій работника, завоевывающій ему человѣчное развитіе, политическое значеніе; это—трудъ, пользующійся всѣми удобствами и даже роскошью жизни, не имѣя нужды прибѣгать къ средству дикарей, къ монополизаціи имущества личностью, потому что удобства и роскошь жизни становятся доступны всѣмъ.

Отъ элементарныхъ потребностей, разсмотрѣнныхъ нами въ ихъ призрачной и въ ихъ истинной идеализаціи, перейдемъ къ болѣе сложнымъ началамъ, выработаннымъ исторіею человѣка.

ПИСЬМО ОДИННАДЦАТОЕ.

Національности въ исторіи.

Многоразличныя условія мѣстности, климата, историческихъ обстоятельствъ сближаютъ въ продолженіи длиннаго періода потомства родовыхъ союзовъ разнаго происхожденія. Большею частью, всѣ эти союзы усвоиваютъ одинъ и тотъ же языкъ, разнящійся лишь оттѣнками нарѣчій, усвоиваютъ болѣе или менѣе сходныя психическія наклонности, нѣкоторыя сходныя привычки и преданія; исторія выдѣляетъ образовавшуюся такимъ образомъ группу отъ другихъ подобныхъ же группъ при и исчезаніи переходныхъ ступеней; образуется историческій продуктъ нарожденія и культуры, особая *національность*. Какъ только она обособилась, для нея начинается, какъ для всего живого, борьба за существованіе, и ея послѣдовательныя поколѣнія передаютъ одно другому весьма простое стремленіе: защищай свое существованіе, сколько можешь; распространяй свое вліяніе и подчиняй себѣ все окружающее, сколько можешь; поѣдай другія національности физически, политически или умственно, сколько можешь. Чѣмъ энергичнѣе національность, тѣмъ лучше она проводитъ первое требованіе. Чѣмъ она человѣчнѣе, тѣмъ болѣе теряетъ значеніе для нея послѣднее. Историческая же роль ея опредѣляется ея способностью вліять на другія національ-

ности при сохраненіи собственныхъ и чужихъ особенностей.

Какъ продуктъ исторіи и природы, національность есть начало совершенно правомѣрное, но призрачная идеализація не замедлила обработать по своему и этотъ *великій принципъ*. Такъ какъ, неизбѣжно, та или другая національность въ данный моментъ исторіи становилась реальнымъ представителемъ прогрессивнаго движенія человѣчества, то явилась теорія отожествленія различныхъ общественныхъ *идей*, выработанныхъ общечеловѣческою мыслію, съ различными національностями. Такъ какъ большая часть исторіи національностей прошла во взаимной рѣзнѣ и во взаимномъ поѣданіи, то явилось ученіе ложнаго патріотизма, ученіе, по которому гражданинъ ставилъ себѣ въ достоинство желаніе, чтобы его національность поѣла всѣ прочія. Такъ какъ въ политической исторіи принципъ національностей игралъ немаловажную роль, то явилась политическая теорія раздѣленія земли на государственныя территоріи по національностямъ.

Присмотримся къ этимъ теоріямъ.

Не разъ случается встрѣтить въ историческихъ сочиненіяхъ и разсужденіяхъ мысль, что та или другая національность есть главный дѣятель прогресса въ данномъ отношеніи; что она проводитъ опредѣленную идею въ общемъ движеніи человѣчества впередъ; что съ ея побѣдою связано развитіе человѣчества, съ ея гибелью—его застой или долгая остановка на пути прогресса. Есть даже историки-мыслители—и въ ихъ числѣ умы даже весьма замѣчательные—которые отожествляютъ общее историческое значеніе главныхъ національностей съ различными идеями человѣческаго разума, или съ различными психическими явленіями личнаго духа. Какой раціональный

смыслъ можно придать этимъ историческимъ построеніямъ?

Если разсматривать, какъ историческій фактъ, что въ данную эпоху руководящія личности опредѣленной національности, замѣчательнѣйшія явленія въ литературѣ и въ жизни этой національности имѣли ту общую имъ всѣмъ характеристику, что личности были проникнуты одною господствующею идеею, а литература и жизнь служили ей выраженіемъ; если, однимъ словомъ, видѣть въ идеѣ данной національности обобщающую формулу для одного фазиса ея цивилизаціи,—то можно согласиться съ предшествующими выраженіями и признать за ними немаловажное историческое значеніе. Дѣйствительно, въ каждую эпоху цивилизація нѣсколько развитого общества имѣетъ свои характеристическія черты, свои руководящія идеи, и чѣмъ общественныя формы лучше способствуютъ всестороннему развитію личности, чѣмъ здоровѣе общество, чѣмъ болѣе цѣлости въ его цивилизаціи, тѣмъ полнѣе и опредѣлительнѣе выражаетъ эта цивилизація свою идею. Понятно, что въ подобномъ случаѣ цивилизація данной національности вліяетъ, какъ идеальный центръ, на другія современныя ей національности и на послѣдующіе періоды человѣчества, и это вліяніе тѣмъ прогрессивнѣе, чѣмъ сама руководящая идея данной національности въ разсматриваемую эпоху болѣе способствуетъ развитію личностей и внесенію справедливости въ формы общественной жизни. Насколько послѣднее условіе выполнено, настолько и можно сказать, что данная національность, въ разсматриваемую эпоху, есть представитель прогресса, что съ ея историческою судьбою связанъ или успѣхъ человѣчества, или его остановка на пути развитія.

Но обыкновенно подразумѣваютъ подъ національною

идеею нѣчто большее. Полагаютъ, что эта идея не ограничивается опредѣленною эпохою, но связываетъ всѣ эпохи національной жизни; что она обобщаетъ всю исторію данной національности. Подобный фактъ можно себѣ представить тремя способами:

Или цивилизація опредѣленнаго строя вошла настолько въ привычки націи, что обратилась въ культуру, въ антропологическій признакъ, такъ что мысль личностей неспособна уже придумать улучшеній въ жизни общества, или немедленно подавляется общественными формами при самомъ своемъ возникновеніи. Поколѣнія слѣдуютъ одно за другимъ, но формы жизни и руководящія идеи остаются однѣ и тѣ же. Другими словами: господствуетъ полный застой, и исторія общества обратилась въ зоологическое отправленіе.—Нѣсколько странно говорить о прогрессивности цивилизаціи, *подобнымъ* образомъ служащей воплощеніемъ идеѣ. Національности, дошедшія до такого состоянія, не имѣютъ уже вліянія на развитіе человѣчества. Побѣды имъ никто не желаетъ; о гибели ихъ никто не жалѣетъ; онѣ обречены на историческую смерть при столкновеніи съ чѣмъ-либо живымъ, если не въ состояніи пробудить въ себѣ живыхъ элементовъ.

Или идею, руководящую всей исторіей данной національности, надо считать чѣмъ-то *прирожденнымъ* всѣмъ личностямъ этой національности, антропологическимъ элементомъ, присущимъ строю ихъ мозга и обусловливающимъ развитіе всего ряда поколѣній, какъ-бы ни были разнообразны формы культуры для различныхъ поколѣній, какъ-бы ни было широко въ нихъ развитіе мысли, или какъ-бы ни были фантастичны ея уклоненія.—Въ такомъ случаѣ, національность приходится разсматривать, какъ одно изъ видовыхъ различій человѣческаго

рода. Приходится отыскивать причины общности мозгового или психическаго строя личностей въ единствѣ ихъ происхожденія. Иначе говоря, съ этой точки зрѣнія, національная идея существуетъ лишь въ національностяхъ, образовавшихся путемъ *нарожденія.* Внѣ *единоплеменниковъ* она немыслима.

Но гдѣ же такія историческія національности? Въ современной Европѣ одни нѣмцы могли бы претендовать на единоплеменность, такъ какъ для всѣхъ другихъ націй смѣшеніе племенъ есть историческій фактъ. Но и у нѣмцевъ легко видѣть разноплеменность: для этого стоитъ только заглянуть хоть въ извѣстное сочиненіе Риля „Land und Leute". Въ древней исторіи Римъ представлялъ смѣшанную націю. О Греціи многіе ученые предполагаютъ то же самое на основаніи весьма вѣроятныхъ данныхъ. Персидская цивилизація была, собственно, мидо-персидскою. Къ болѣе же древнимъ эпохамъ лучше не обращаться, потому что наукѣ тамъ не за что ухватиться для полученія сколько-нибудь основательныхъ выводовъ по этому вопросу. Если же ни для одной исторической національности нельзя считать вѣроятнымъ единство происхожденія, то и предложенное пониманіе національной идеи мѣста не имѣетъ.

Наконецъ, можно себѣ представить дѣло такъ. Личности одного племени или разныхъ племенъ, подъ вліяніемъ одинаковыхъ климатическихъ, почвенныхъ, экономическихъ и культурныхъ условій, выработываютъ нѣкоторыя общія психическія наклонности, при большомъ разнообразіи во всемъ остальномъ. Эти психическія наклонности, общія для всѣхъ, и составляютъ національное обособленіе, какимъ бы путемъ онѣ ни получились. Пока ихъ нѣтъ, и націй нѣтъ; какъ только онѣ получились,

то ихъ можно формулировать въ особенной идеѣ, которая непрерывно проявляется во всей послѣдующей жизни національности. По мѣрѣ вліянія послѣдней на исторію человѣчества, входитъ въ эту исторію и соотвѣтственная идея. Торжество и гибель національности вызываютъ и возвышеніе или ослабленіе ея идеи.—Первыя положенія этого построенія допустить, конечно, можно, и теперь нѣкоторые мыслители уже поставили себѣ задачею изслѣдовать явленія психологіи народовъ. Но вопросъ въ томъ, насколько можно признать въ обособляющихъ національ ныхъ наклонностяхъ нѣчто прогрессивное, принимая ихъ въ то же время за постоянный элементъ.

Если бы сравненіе между жизнью личности и жизнью національности имѣло какое-нибудь значеніе, кромѣ внѣшняго уподобленія двухъ различныхъ процессовъ, то можно было бы признать, что единству въ жизни мыслящаго человѣка соотвѣтствуетъ единство въ жизни исторической національности. Есть минуты, когда развитая личность осмысливаетъ свое существованіе, взвѣшиваетъ свои силы, проникается опредѣленнымъ убѣжде ніемъ, ставитъ себѣ общую цѣль жизни и живетъ сообразно этой цѣли, отклоняясь иногда отъ нея вслѣдствіе внѣшнихъ вліяній или внутреннихъ увлеченій, но находя въ этой цѣли единство и смыслъ всего процесса своего развитія. Если бы для общества могла существовать аналогія этому явленію, то можно было бы себѣ представить, что въ извѣстную эпоху пробуждается національное сознаніе; что оно составляетъ сознанную цѣль національнаго развитія; что къ этой цѣли стремятся личности, передавая свои стремленія къ сознанной національной цѣли потомкамъ, которые, такимъ образомъ, преслѣдуютъ ту же цѣль въ новомъ фазисѣ, проникнутые тою

же идеею. И такъ дѣло идетъ отъ поколѣнія къ поколѣнію, пока не истощится сила развитія въ національности, какъ она истощается въ личности при одряхлѣніи, или пока историческая катастрофа не разобьетъ національность, какъ болѣзнь или насиліе убиваютъ личность.— Но подобное сравненіе—фантазія. Общаго между жизнью личности и націи лишь то, что для каждой изъ разрушенныхъ національностей была въ исторіи минута появленія на историческую сцену, періодъ историческаго существованія, эпоха жизни и эпоха агоніи. Далѣе — все различно. Для личности физіологъ укажетъ, какимъ образомъ тѣ же самые процессы, которые развиваютъ зародышъ въ младенца, развиваютъ и младенца въ зрѣлое существо, а потомъ приводятъ старика къ неизбѣжной смерти. Для общества всѣ попытки, до сихъ поръ сдѣланныя, дать что-либо похожее на подобное объясненіе— должны быть признаны ненаучными. Кромѣ того, въ исторической жизни общества повторяются иногда по нѣскольку разъ явленія, которыя, при строгой аналогіи, надо бы признать эпохами молодости и одряхлѣнія. Что касается до смерти историческихъ обществъ, то естественной ихъ смерти исторія не знаетъ, а знаетъ лишь рядъ убійствъ однѣхъ національностей другими, такъ что даже вопросъ: можетъ ли историческая національность умереть естественнымъ путемъ?—нельзя считать рѣшеннымъ. Слѣдовательно, національности справедливѣе было-бы сравнить съ личностью, которая рождается, иногда по нѣскольку разъ молодѣетъ и дряхлѣетъ и, большею частію, подвергается случайности быть убитою при удобномъ случаѣ. Подобная личность принадлежитъ области фантазіи.

Еще болѣе фантастично допущеніе передачи національной идеи отъ одного поколѣнія другому, какъ со-

знанной традиціи. Никто, никогда, ни для какой исторической національности не указалъ даже тѣни сознанной традиціи какой-либо идеи, подтвердивъ свое указаніе чѣмъ-либо похожимъ на научный фактъ. Поколѣнія данной національности, какъ мы видѣли въ началѣ этого письма, передаютъ другъ другу лишь одно, весьма не идеальное стремленіе. Его требованія общи всѣмъ національностямъ, и никакой *идеи* въ себѣ не заключаютъ. Это не что иное, какъ естественная борьба за существованіе. Эти требованія руководили звѣрей, руководили людей въ ихъ столкновеніяхъ со звѣрями, руководили первобытныхъ людей въ ихъ столкновеніяхъ между собою и руководятъ теперь національности въ ихъ столкновеніяхъ. Прогрессивнаго въ этихъ требованіяхъ нѣтъ ничего. Конечно, безъ борьбы между личностями, вѣроятно, не было бы слѣдующаго за нею прогресса; безъ борьбы между національностями едва ли обобщался бы и распространялся успѣхъ цивилизаціи. Но необходимыя условія для начала прогресса не суть еще прогрессъ, и традиція борьбы между національностями только *предшествуетъ* пониманію ихъ справедливыхъ отношеній между собою, пониманію, съ которымъ борьба прекращается, и начинается общій прогрессъ націй.

Внѣ *сознанной* традиціи національной идеи остается допустить *безсознательную* передачу отъ одного поколѣнія другому нѣкотораго постояннаго идеальнаго стремленія.—Но есть ли возможность доказать фактически подобное стремленіе? Возьмемъ для примѣра двѣ безспорно историческія національности, изъ которыхъ относительно первой даже есть возможность допустить единоплеменность, хотя древность появленія этой національности не позволяетъ совершенно научнаго рѣшенія вопроса.

Евреи, не смотря на свою малочисленность, играли историческую роль въ древности; они играли также историческую роль въ средневѣковой Европѣ; они и въ наше время не лишены историческаго значенія, такъ что нѣкоторые писатели связывали революціонныя потрясенія Германіи, въ концѣ сороковыхъ годовъ, съ вліяніемъ на германское общество многочисленныхъ евреевъ, живущихъ въ его средѣ. Имена евреевъ-соціалистовъ достаточно неизгладимо вписаны какъ въ лѣтописи науки, такъ и въ лѣтописи соціальнаго волненія всего періода, затѣмъ слѣдовавшаго, чтобы невозможно было отрицать ихъ вліяніе, которое едва ли дозволительно вполнѣ обособить отъ ихъ національности. Само антисемитическое движеніе послѣдняго десятилѣтія представляетъ въ патологической формѣ признаніе врагами евреевъ, что послѣдніе, въ своемъ обособленномъ цѣломъ, составляютъ общественную силу, такъ или иначе вліяющую на самыя существенныя функціи современнаго общества.—Неужели на минуту можно допустить, что одну и ту же идею представляли въ исторіи пророки временъ перваго паденія Іерусалима, средневѣковые каббалисты, талмудисты и переводчики Аверроэса и современники Гейне, Ротшильда, Мейербера, Маркса и Лассаля? Между тѣмъ, едва ли есть національность, гдѣ обособленіе и сила традиціи были значительнѣе, чѣмъ у евреевъ.

Для другого примѣра возьмемъ Францію, и здѣсь, для удобства, будемъ искать хотя бы нѣкоторыя черты, выступающія на видъ въ ея исторіи. Конечно, за послѣднее время подобною чертою можно было бы, повидимому, признать наклонность къ административной централизаціи. Въ этомъ сходились конвентъ, доктринеры и Наполеонъ III; политическіе дѣятели централизировали управленіе; про-

фессора университета централизировали преподаваніе; Огюстъ Контъ, помощью своей позитивной религіи, хотѣлъ централизировать всѣ проявленія мысли и жизни. Если черта, общая столь различнымъ партіямъ новѣйшаго періода, не есть элементъ „національной идеи", то едва ли мы найдемъ что-либо болѣе характеристичное. Но кто же искалъ когда-либо этой черты въ феодальной Франціи? А нельзя же не допустить, что французская національность была уже обособлена въ періодъ феодализма.— Возьмемъ нѣсколько моментовъ безспорнаго вліянія французской литературы на Европу? Въ XII-мъ вѣкѣ мы встрѣчаемъ средневѣковую французскую эпику, которой подражали повсюду; схоласты парижскаго университета въ XIII-мъ и XIV-мъ вѣкахъ были учителями Европы; придворные стихотворцы XVII-го вѣка опять нашли подражателей; энциклопедія XVIII-го вѣка, въ свою очередь, господствовала надъ европейскою мыслію. Сравнимъ эти четыре эпохи; прибавимъ, пожалуй, менѣе вліятельную эпоху новаго французскаго романтизма и эклектизма. Какую общую идею мы найдемъ во всѣхъ этихъ фазисахъ французской мысли, вліявшихъ болѣе или менѣе на развитіе человѣчества?—Если отказаться отъ совершенно искусственныхъ натяжекъ, то придется отказаться и отъ всякой идеи, общей всему историческому ходу французской мысли.—То же самое можно сказать и о какихъ бы то ни было другихъ замѣтныхъ чертахъ, какъ для Франціи, такъ и для другихъ національностей. Общей идеи, проникающей всю исторію какой-либо націи, вовсе не оказывается.

Такимъ образомъ, кажется, можно признать за національною идеею лишь значеніе *временной* обобщающей формулы для цивилизаціи нѣкоторой народности или

нѣкотораго государства. На основаніи общихъ психическихъ наклонностей и событій исторіи, данная національность въ нѣкоторую эпоху своего существованія *можетъ* сдѣлаться, по характеру своей цивилизаціи, замѣтнымъ представителемъ той или другой идеи, и, слѣдовательно—во имя этой идеи можетъ занять опредѣленное мѣсто въ ряду прогрессивныхъ или реакціонныхъ дѣятелей въ нѣкоторый періодъ исторіи человѣчества.

Разрушивъ ложную идеализацію отожествленія идей съ національностями, критика должна перейти къ истинной идеализаціи этого начала. Именно, мы видѣли, что національность не есть, *по самой сущности своей*, представитель прогрессивной идеи, органъ прогресса, но можетъ лишь имъ сдѣлаться. Въ такомъ случаѣ, истинная идеализація принципа національности должна заключаться въ указаніи, какимъ путемъ эта *возможность* осуществима.

На основаніи сказаннаго въ девятомъ письмѣ, мы легко заключимъ, что какова бы ни была идея, проникающая цивилизацію данной національности въ данную эпоху, но, если національность остается слишкомъ долго представительницею одной и той же идеи, то почти неизбѣжно перейдетъ изъ прогрессивныхъ дѣятелей въ реакціонные или наоборотъ, потому что ни за одной идеей нельзя признать монополіи быть вѣчно прогрессивной. Съ другой стороны, мы теперь замѣтили, что одна и та же національность, въ теченіе своей исторіи, можетъ дѣлаться поочередно представительницею разныхъ идей. Иногда она станетъ во главѣ движенія за идею прогрессивную; въ другой періодъ на ея знамени будетъ написана другая идея, самымъ реакціоннымъ образомъ вліяющая на человѣчество.

Отсюда выходитъ, что, и упорно держась однажды усвоенной идеи, и мѣняя свои руководящія начала, данная національность можетъ не остаться прогрессивнымъ дѣятелемъ. Консерватизмъ и революція въ сферѣ мысли одинаково не представляютъ еще сами по себѣ ручательства въ прогрессѣ. Чтобы остаться въ исторіи съ ролью прогрессивнаго дѣятеля, національность, однажды получившая подобное значеніе, должна держаться своей руководящей идеи до поры до времени, постоянно подвергая повѣркѣ новыхъ обстоятельствъ, новыхъ требованій, новой мысли вопросъ, насколько ея идея остается прогрессивною. Мѣняя руководящую идею съ тою же цѣлью, національность должна опять-таки лишь изъ критики современныхъ требованій человѣчества, современной его мысли черпать начала, которыя должна во имя прогресса написать на своемъ знамени, какъ обѣщающія наилучшее развитіе для личностей, наиполнѣйшее расширеніе справедливости въ общественныхъ формахъ.

Отсюда же слѣдуетъ, что всякая національность можетъ при счастливыхъ обстоятельствахъ, сдѣлаться историческимъ прогрессивнымъ двигателемъ. Чѣмъ лучше она пойметъ современныя требованія человѣчества, чѣмъ полнѣе воплотитъ ихъ въ формы своей культуры и въ заявленія своей мысли, тѣмъ вѣроятнѣе будетъ для нея достиженіе этого историческаго положенія. Конечно, при этомъ необходимо существованіе въ общественномъ строѣ нѣкоторыхъ условій, о которыхъ я говорилъ въ третьемъ письмѣ: надо, чтобы общественная среда дозволяла и поощряла развитіе самостоятельнаго убѣжденія въ личности; надо, чтобы для ученаго и мыслителя существовала возможность выска-

зать положенія, считаемыя имъ за выраженія истины и справедливости; надо, чтобы общественныя формы допускали измѣненіе, лишь только окажется, что онѣ перестали служить выраженіемъ истины и справедливости. Внѣ этихъ условій, прогрессивное историческое значеніе національности есть совершенная случайность, такъ какъ національность сама по себѣ есть абстрактъ, и о ней можно говорить лишь метафорически, что она *понимаетъ* или *воплощаетъ* что-либо. Въ сущности, понимать и воплощать могутъ только личности, которыя, какъ и было сказано въ предыдущихъ письмахъ, суть единственные дѣятели прогресса. Онѣ лишь могутъ сдѣлать національность, къ которой принадлежатъ, прогрессивнымъ элементомъ человѣчества, или придать ей реакціонный характеръ.

Поэтому настоящій національный патріотизмъ для личности заключается въ осмысленіи естественныхъ требованій своей націи критическимъ пониманіемъ требованій общечеловѣческаго прогресса. Выще я указалъ три естественныя стремленія національности, но значеніе ихъ передъ раціональною критикою различно.

Требованіе поддержать свою національность, какъ самостоятельную и обособленную единицу, вполнѣ законно, такъ какъ оно соотвѣтствуетъ стремленію, чтобы идеи, въ которыя человѣкъ вѣруетъ, языкъ, которымъ онъ говоритъ, жизненныя цѣли, которыя онъ себѣ ставитъ, вошли живымъ элементомъ въ будущее и переродились бы согласно требованіямъ прогресса въ человѣчествѣ, но не вымерли бы. Отказаться отъ поддержанія своей національности имѣетъ право лишь тотъ, кто убѣдился, что національность его заключила въ себѣ нераздѣльнымъ элементомъ начало застоя или

реакціи и отъ него отдѣлаться не можетъ. Но какая же національность не можетъ этого сдѣлать?

Стремленіе поѣдать чужія національности, уничтожая ихъ особенности, есть фактъ антипрогрессивный. Человѣкъ, ставящій себѣ подобный идеалъ, имѣетъ столь же мало правъ на названіе патріота, какъ человѣкъ, проповѣдующій пользу уподобленія общественной человѣческой культуры нравамъ стаи волковъ или стада барановъ, не имѣетъ права на названіе человѣчнаго мыслителя. Подобные „патріоты" оскверняютъ знамя національности и стремятся, сознательно или безсознательно, унизить свой родной народъ, налагая на него пятно звѣрства, мѣшая ему войти въ число прогрессивныхъ дѣятелей. Такимъ „патріотомъ" былъ Катонъ-цензоръ со своимъ знаменитымъ припѣвомъ: „Карѳагенъ надо разрушить!" И послѣдующая исторія Рима доказала, какъ мало выиграли нравственно и политически римскіе граждане въ своемъ большинствѣ отъ разрушенія Карѳагена; какъ скоро послѣ этого продажность римлянъ удивила даже Югурту, а гражданское ихъ сознаніе выразилось въ рядѣ уличныхъ междоусобій, кровавыхъ проскрипцій и въ цезаризмѣ. Органомъ подобнаго же „патріотизма" въ Россіи стала въ шестидесятыхъ годахъ „катковская литература", размножившаяся и процвѣтающая въ послѣдніе годы. Какъ отрицаніе прогресса, стремленіе однѣхъ національностей поѣдать другія есть отрицаніе и настоящаго патріотизма.

Внесите въ мысль вашей національности наиболѣе истины; внесите въ строй ея общественныхъ формъ наиболѣе справедливости: тогда она можетъ безбоязненно стать рядомъ съ другими національностями,

мысль которыхъ заключаетъ менѣе истиннаго содержанія, формы общественности которыхъ менѣе проникнуты справедливостью. Она будетъ вліять на иихъ; она подчинитъ ихъ себѣ нравственно, не имѣя нужды поѣдать ихъ, т. е. лишать ихъ самостоятельной исторической жизни. Подобнаго вліянія, подобнаго подчиненія въ правѣ желать всякій настоящій патріотъ; къ подобному значенію своего отечества онъ имѣетъ раціональное право стремиться; этому историческому господству своей національности надъ другими онъ имѣетъ право содѣйствовать всѣми силами, потому что онъ содѣйствуетъ этимъ и прогрессу человѣчества. Прогрессъ есть не безличный процессъ. Кто-нибудь долженъ быть его органомъ. Какая-нибудь національность должна прежде другихъ и можетъ лучше, полнѣе другихъ стать представителемъ прогресса въ данную эпоху. Настоящій патріотъ можетъ и долженъ желать, чтобы это была *его* національность; чтобы, такимъ образомъ, онъ содѣйствовалъ этому историческому ея значенію. Именно потому, что ему знакомѣе и привычнѣе культура своего народа, что ему легче усвоить пріемы мысли и дѣйствія своихъ соплеменниковъ, онъ можетъ скорѣе оставаться патріотомъ, преслѣдуя общечеловѣческія цѣли. Раціональный патріотизмъ заключается въ стремленіи сдѣлать свою національность самымъ вліятельнымъ дѣятелемъ человѣческаго прогресса, въ наименьшей возможной мѣрѣ стирая ея особенныя характеристическія черты.

Для этого настоящій патріотъ будетъ стремиться сперва къ доставленію своему отечеству тѣхъ условій общественнаго строя, безъ которыхъ невѣроятно прогрессивное развитіе общества и о которыхъ сказано

выше: онъ постарается о возможно большемъ распространеніи среди своихъ соотечественниковъ гигіеническихъ и матеріальныхъ удобствъ; онъ будетъ въ родной средѣ пропагандистомъ критическаго пониманія, научнаго взгляда на вещи, общественныхъ теорій, наиболѣе проникнутыхъ требованіями справедливости; онъ будетъ дѣятельнымъ участникомъ реформистскихъ или революціонныхъ движеній, которыя стремятся внести въ политическій и экономическій строй его отечества болѣе возможности для личности выработать и отстаивать прочныя убѣжденія; будетъ сторонникомъ свободы мысли, свободы слова, такихъ формъ общественнаго договора, которыя облегчаютъ замѣну отжившихъ законовъ и учрежденій болѣе совершенными. Затѣмъ онъ будетъ стремиться наилучше понять современныя задачи науки и справедливости. Наконецъ, онъ постарается по мѣрѣ своихъ силъ сдѣлать свое отечество высшимъ представителемъ науки и справедливости между современными націями. Внѣ этихъ стремленій патріотизма нѣтъ, а есть только маска его, надѣваемая тупыми болтунами, себялюбивыми публицистами, или разсчетливыми эксплуататорами животныхъ страстей человѣчества.

Если бы при этомъ не происходило столкновенія національностей во имя случайныхъ интересовъ ихъ правителей, или во имя животнаго начала взаимнаго поѣданія, то на этомъ и становился бы вопросъ о значеніи національнаго элемента въ прогрессѣ. Но сейчасъ указанныя обстоятельства придаютъ историческое значеніе прочности и матеріальной силѣ національной организаціи. Національный вопросъ на практикѣ вызываетъ вопросъ государственный.

ПИСЬМО ДВѢНАДЦАТОЕ.

Договоръ и законъ.

Много спорили о томъ, служитъ ли договоръ основаніемъ государству, или государство ему предшествуетъ. Много смѣялась историческая школа надъ теоретиками, которые представляли себѣ, какимъ образомъ полузвѣри, не имѣвшіе никакого сношенія между собою, вдругъ придумали: намъ лучше будетъ составить договоръ и жить въ государствѣ; давайте сдѣлаемъ такъ. Сошлись; вступили въ пренія: какъ лучше быть? Рѣшили, и стали государствомъ. Ясно, какъ день, доказывала историческая школа, что подобный сознательный договоръ предполагаетъ уже все то, что изъ него должно было получиться, какъ слѣдствіе. Какъ это ни очевидно, но столь-же ясно бросалась въ глаза характеристическая особенность государства: законное обязательство его членовъ поддерживать его строй и понуждать къ тому же тѣхъ, которые не хотятъ исполнять этого обязательства добровольно. Слѣдовательно, здѣсь предполагается дѣйствительный или фиктивный *договоръ,* связывающій всѣхъ членовъ государства. Выраженіемъ этому договору служитъ *законъ.* Эти два начала, сами по себѣ, имѣютъ столько важности и такъ часто подвергаются призрачной идеализаціи, что я нахожу лучшимъ разсмотрѣть ихъ сначала особо и потомъ уже перейти къ вопросу о государствѣ.

Одно изъ первыхъ и простѣйшихъ проявленій мысли есть забота о будущемъ. Ребяческій возрастъ кончается для личности, когда она начинаетъ обдумывать средства для обезпеченія себѣ лучшаго будущаго. Если дозволительно въ какомъ-либо смыслѣ прилагать къ обществу весьма употребительное, но весьма неточное сравненіе развитія общественнаго съ личнымъ, то можно сказать, что ребяческій возрастъ общества кончается, когда между людьми устанавливается начало договора. Этимъ средствомъ люди стараются обезпечить себя заранѣе отъ случайностей. За измѣнчивой волей личности, за непредвидимымъ разсчетомъ лучшаго, удобнѣйшаго, полезнѣйшаго, который будетъ сдѣланъ *завтра*, за необходимостью прибѣгать къ силѣ или къ убѣжденію въ самую минуту нужды—встаетъ обязательство, болѣе или менѣе добровольно на себя принятое. Человѣкъ самъ связываетъ свое будущее. Договоръ охраняютъ грозные, невидимые боги карою въ этой жизни и въ грядущей. Его охраняетъ болѣе ощутительная кара закона. Его охраняетъ внутреннее самоуваженіе, честь человѣка, давшаго свое слово. Надо полагать, что это средство оказалось весьма дѣйствительнымъ, потому что для большинства общественныхъ формъ мыслители постарались реально или фиктивно примѣнить начало договора. Физіологическое влеченіе двухъ влюбленныхъ подвели подъ это начало точно такъ-же, какъ отношеніе гражданъ къ государству; даже религіозную жизнь, почитаніе Іеговы, евреи нашли удобнымъ представить въ формѣ договора между Богомъ евреевъ и народомъ, имъ избраннымъ.

Въ сущности, договоръ есть принципъ *только* экономическій, такъ какъ чисто-количественное сравненіе услугъ возможно лишь въ сферѣ, гдѣ есть математическія вели-

чины, а изъ общественныхъ явленій лишь экономическія нашли для себя мѣру въ стоимости. Лишь то, что оцѣнимо, и можетъ быть равноцѣнно; а гдѣ невозможно опредѣлить равенство, тамъ договоръ всегда фиктивенъ, потому что несправедливъ. Договоръ предполагаетъ услугу, оказанную за другую равную услугу. Поэтому, во всемъ, что оцѣнимо, онъ совершенно приложимъ. Обмѣнъ товара на товаръ, работы на цѣнность суть самые простые случаи, но и въ нихъ уже проявляется, рядомъ съ прогрессивнымъ явленіемъ, явленіе регрессивное. И эти случаи допускаютъ эксплуатацію человѣка человѣкомъ, истощеніе силъ и средствъ одной личности въ пользу монополизаціи силъ и средствъ другою. Договоръ справедливъ при этомъ лишь тогда, когда обѣ личности одинаково поставлены по своему пониманію относительно стоимости товаровъ, относительно роли труда и капитала; когда обѣимъ одинаково нужно произвести обмѣнъ; когда обѣ одинаково честно къ нему относятся. Но подобный случай исключителенъ, и когда онъ встрѣчается, едва ли есть надобность въ формальномъ договорѣ. На договоръ приходится смотрѣть, какъ на оружіе противъ обмана, противъ притѣсненій. Но оружіе подобнаго рода нужно въ прогрессивномъ смыслѣ лишь для обезпеченія слабаго противъ сильнаго, потому что сильный уже своею силою обезпеченъ отъ обмана и притѣсненія. Когда юристъ заключаетъ контрактъ съ человѣкомъ неопытнымъ въ законахъ, то не со стороны послѣдняго должно ждать внесенія въ контрактъ выраженій, стѣсняющихъ впослѣдствіи контрагента непредвидѣннымъ пунктомъ закона. Когда капиталистъ-фабрикантъ вступаетъ въ условія съ пролетаріемъ работникомъ, то притѣсненіе можетъ имѣть мѣсто лишь со стороны капитала. Поэтому, договоръ является прогрессивнымъ на-

чаломъ лишь въ томъ случаѣ, когда онъ ограждаетъ слабѣйшаго отъ произвольнаго измѣненія цѣнности со стороны сильнѣйшаго. Когда болѣе умный, болѣе знающій, болѣе богатый человѣкъ заключаетъ договоръ съ менѣе умными, менѣе знающими, менѣе богатыми, то нравственная обязательность договора должна лечь всею своею тяжестью на перваго. Вторые могли не понять, не оцѣнить условій, ими на себя принятыхъ, могли не имѣть возможности отъ нихъ уклониться, и каждое подобное обстоятельство, уничтожая справедливость договора, подрываетъ и его нравственную силу. Исполненіе его можетъ быть важно въ глазахъ общества для поддержанія общественнаго порядка, государственнаго закона, священнаго обычая, но никакъ не справедливости.

Еще болѣе договоръ выходитъ изъ предѣловъ условій прогрессивнаго развитія (именно изъ условій справедливости), когда онъ требуетъ отъ обѣихъ договаривающихся сторонъ, или отъ одной изъ нихъ, такихъ услугъ, которыя не подлежатъ вовсе оцѣнкѣ, или невознаградимы никакою цѣнностью. Первый случай представляется всюду, гдѣ экономическій элементъ не охватываетъ всей сферы дѣятельности, входящей въ договоръ, или даже вовсе не касается этой дѣятельности. Всѣ поступки, которые обусловливаются при нормальныхъ отношеніяхъ между людьми любовью, дружбою, довѣріемъ, уваженіемъ, не могутъ имѣть мѣста по обязательству среди людей, сохраняющихъ человѣческое достоинство, слѣдовательно—не могутъ быть предметомъ договора. Второй случай имѣетъ мѣсто, когда договоръ распространяется на всю жизнь договаривающагося или на такую значительную часть ея, относительно которой никакой разсчетъ разсудка не можетъ предсказать всѣ возможныя комбинаціи обстоятельствъ. Здѣсь

тотъ, кто обязывается оказать невознаградимую услугу, столь же неправъ, какъ и тотъ, кто принимаетъ подобное обязательство. Оно совершается подъ вліяніемъ фантастическихъ представленій: то, что я желаю сегодня, я буду желать и завтра; таковъ, каковъ я сегодня, такимъ я останусь и въ продолженіе всей своей жизни. Для экономическихъ обязательствъ подобный разсчетъ на далекое будущее не представляетъ непреодолимыхъ затрудненій. Мѣняется цѣнность услуги, но мѣняется и цѣнность денежныхъ единицъ, а для личности, входящей въ многочисленныя подобныя обязательства, потеря на одномъ часто уравновѣшивается выгодою на другомъ, что, вмѣстѣ съ огромнымъ экономическимъ значеніемъ услуги, оказанной въ надлежащее время, вознаграждаетъ иногда за всякій рискъ. Но для услугъ, не подлежащихъ оцѣнкѣ, оно не такъ. Не имѣя единицъ объективныхъ,—слѣдовательно, не имѣя возможности быть замѣненными другими равноцѣнными,—эти неоцѣнимыя услуги опираются, въ своемъ нравственномъ значеніи, только на внутреннее убѣжденіе личности. Нравственно лишь дѣйствіе, согласное съ убѣжденіемъ; развивающимъ элементомъ въ личности можно считать лишь дѣйствія, совершаемыя согласно убѣжденію; но договоръ можетъ требовать отъ меня дѣйствій, которыя были согласны съ моимъ убѣжденіемъ, когда я подписывалъ договоръ, и стали несогласны, когда приходится его исполнить. Честность требуетъ исполненія договора; я его и исполню, но мое дѣйствіе дѣлается продажнымъ и лицемѣрнымъ. Продажны и лицемѣрны ласки любви, жертвы дружбы, заявленія уваженія къ власти и къ закону, исполненіе религіознаго обряда, когда *еще* нѣтъ, или *уже* нѣтъ любви, когда жалость или презрѣніе смѣнили дружбу, когда власть стала возмутительнымъ

ярмомъ, законъ—сознанною несправедливостью, когда вѣра въ магическую или мистическую силу обряда исчезла. Продажны эти поступки, потому что я ими лишь покупаю себѣ право избавиться отъ чужого и собственнаго укора въ нарушенiи обязательства; они лицемѣрны, потому что при всѣхъ подобныхъ договорахъ предполагается невысказанное условiе, что я исполню обязательство *такъ-же*, какъ его заключалъ, т. е. добровольно, а я его исполняю противъ совѣсти. Скажутъ, что я могу избѣгнуть этого лицемѣрiя, заявляя, что я принужденъ по неволѣ исполнить договоръ, но охотно исполнить его не могу, а въ такомъ случаѣ—отвѣтственность за безнравственное дѣйствiе падаетъ на того, кто требуетъ исполненiя договора, а не на меня. Это слѣдуетъ признать лишь фикцiей. Конечно, можно и должно считать преступникомъ того, кто требуетъ исполненiя не экономическаго обязательства, когда заявлено ему объ отсутствiи желанiя исполнить это обязательство. Онъ требуетъ безнравственнаго и унизительнаго поступка, слѣдовательно—онъ самъ безнравственъ и низокъ. Но преступное дѣйствiе, совершаемое другимъ, нисколько не уменьшаетъ моей преступности, когда я знаю, что совершаю преступленiе, и всетаки совершаю его; когда я знаю, что продаю вещь непродажную. Человѣкъ, возлагающiй нравственную отвѣтственность за собственныя дѣйствiя на другого, ставитъ самого себя на степень машины; лишь машина сама не отвѣчаетъ за свои дѣйствiя. Но ставить себя на степень машины не менѣе унизительно, какъ и совершать продажу своего *я* помощью дѣйствiя, которое я совершаю наперекоръ убѣжденiю. Здѣсь преступленiе уже заключено въ самомъ договорѣ. Всякiй договоръ, требующiй въ будущемъ услуги,

въ самой сущности которой лежитъ условіе искренности и незамѣнимости, самъ по себѣ нравственно преступенъ. Лишь подъ вліяніемъ самообольщенія люди обязываются къ дружбѣ или любви въ нѣсколько отдаленномъ будущемъ и къ поступкамъ, тому соотвѣтствующимъ, когда предметъ ихъ сегодняшней дружбы или любви можетъ уже не заслуживать ни того, ни другого, да и сами они могутъ измѣниться; поступки же, вызываемые дружбою и любовью, глубоко безнравственны, если совершаются безъ искренняго чувства, лишь вслѣдствіе обязательства. Точно такъ же преступно принять на себя обязательство подчиняться распоряженіямъ неограниченной государственной власти, когда не знаешь вовсе, каковы будутъ эти распоряженія, когда не контролируешь ихъ и не имѣешь возможности вліять на нихъ.

Само собою разумѣется, что случай договора, заключаемаго на всю жизнь или на неопредѣленно-далекое будущее, представляетъ эту же самую безнравственность, увеличенную еще во столько разъ, во сколько продолжительное повтореніе дурного дѣла хуже его одновременнаго совершенія. Послѣднее еще можетъ служить толчкомъ развитія человѣка, который пожелаетъ загладить полезною дѣятельностью безнравственный поступокъ, однажды совершенный. Но первое обращаетъ зло въ привычку, притупляетъ нравственную чувствительность человѣка и не только низводитъ его на степень мащины, но ставитъ предъ нимъ автоматическую дѣятельность, какъ идеалъ цѣлой жизни или части ея. Это примѣнимо въ особенности къ обѣимъ областямъ, изъ которыхъ взяты предыдущіе примѣры. Продажа ласкъ любви на всю жизнь остается унизи-

тельною продажею, хотя бы она была освящена церковью и закономъ. Добровольная поддержка неограниченной и не контролируемой власти остается безнравственнымъ и вреднымъ дѣломъ. Совершеніе религіознаго обряда невѣрующимъ въ него остается симптомомъ упадка. Рабство реальное и рабство нравственное въ различныхъ ихъ формахъ суть естественныя проявленія подобнаго униженія человѣческаго достоинства. Общество, которое охватываетъ обязательнымъ договоромъ большую часть жизни личностей, тѣмъ болѣе вноситъ въ себя элементы реакціи и собственной гибели, чѣмъ тщательнѣе оно проникается регламентаціею.

Такимъ образомъ, договоръ, одинъ изъ важнѣйшихъ элементовъ общественной жизни, одинъ изъ самыхъ простыхъ и, повидимому, самыхъ благодѣтельныхъ ея обнаруженій, становится страшнымъ разъѣдающимъ зломъ, если онъ распространяется внѣ своей правомѣрной сферы. Есть періоды въ жизни общества, когда онъ составляетъ единственное спасеніе. Есть другіе, когда онъ становится самымъ тягостнымъ ярмомъ.

Этому можно найти аналогію въ дѣятельности отдѣльной личности. Молодой человѣкъ долженъ пережить эпоху, когда онъ пріучается разсчитывать свое настоящее въ виду будущаго, пріучается взвѣшивать свои слова и свои дѣйствія. Но эта пріобрѣтенная привычка не должна стать основою дѣятельности человѣка взрослаго; она входитъ въ эту дѣятельность лишь какъ элементъ. Тотъ, кто *только* остороженъ, становится трусомъ; отъ отсутствія рѣшимости онъ теряетъ удобные случаи; онъ вредитъ себѣ трусостью иногда болѣе, чѣмъ рискомъ, онъ, наконецъ, теряетъ

совершенно способность къ рѣшительной дѣятельности въ какомъ бы то ни было случаѣ, даже самомъ необходимомъ для него. Осторожность и обдуманность становятся могучими орудіями жизненнаго успѣха лишь какъ пособія рѣшительнаго поступка, какъ одинъ изъ элементовъ сильной и смѣлой мысли.

Точно такъ общество доходитъ до договора въ своей молодости. Элементарные инстинкты, культурныя привычки, родовые обычаи или непосредственная общность интересовъ соединили временно людей. Ихъ союзъ удобенъ, привыченъ или выгоденъ имъ всѣмъ; они это знаютъ; но въ нихъ проснулось уже сознаніе измѣнчивости ихъ желаній, способности увлекаться; это сознаніе заставляетъ ихъ опасаться за исполненіе въ будущемъ того, что они сознаютъ удобнымъ или выгоднымъ для себя. Они заключаютъ договоръ, обязывающій ихъ сдѣлать то, что въ сущности для нихъ всего полезнѣе. Затѣмъ настаетъ другой періодъ. Въ обществѣ находятся люди болѣе сильные и болѣе слабые, эксплуататоры и эксплуатируемые: послѣдніе терпятъ отъ первыхъ и не довѣряютъ имъ. Но бываютъ минуты, когда первые, при своей силѣ, не могутъ достигнуть своихъ цѣлей безъ содѣйствія послѣднихъ. Эту помощь они покупаютъ обезпеченіемъ въ будущемъ эксплуатируемыхъ болѣе или менѣе отъ своей силы. Между сильными и слабыми заключается договоръ въ ту минуту, когда сильные случайно слабѣе, а слабые случайно сильнѣе; слѣдовательно, договоръ этотъ даетъ общественному строю болѣе справедливости, чѣмъ въ немъ было до того.

Мало по малу выгода подобныхъ договоровъ дѣлается столь очевидною, что люди не могутъ не замѣтить улучшенія общественнаго быта, являющагося, какъ прямое

слѣдствіе договора. Договоръ идеализируютъ. Его скрѣпляютъ магическими обрядами, грозящими неотвратимою карою его нарушителю. Въ его свидѣтели и какъ бы въ участники призываютъ сонмъ невидимыхъ духовъ. Подземные боги и небесные боги являются хранителями клятвъ, и эти всесильные и всевѣдущіе свидѣтели, карающіе на землѣ и за могилою, придаютъ договору объективную святость. Въ идеалъ нравственнаго человѣка, въ самомъ обширномъ и простомъ значеніи этого слова, входитъ честность и этотъ внутренній судья требуетъ отъ личности исполненія договоровъ болѣе настоятельно, чѣмъ всѣ олимпійцы. Договоръ этотъ получаетъ святость субъективную. Идеалъ честнаго человѣка обобщается въ образахъ поэтовъ, въ міросозерцаніяхъ мыслителей. Онъ входитъ въ привычку общества. Нарушитель договоровъ видитъ въ улыбкѣ знакомаго, въ холодномъ поклонѣ пріятеля, въ намекѣ свѣтскаго разсказчика свое осужденіе. Изъ фантастическаго міра миѳовъ и субъективнаго міра убѣжденій честность переходитъ въ реальный міръ священнѣйшей общественной связи.

Но грозные олимпійцы, хранители клятвъ, умилостивляются жертвоприношеніями, и христіанскій духовникъ разрѣшаетъ клятвопреступника отъ грѣха, грозящаго карою въ будущей жизни. Внутренній міръ человѣка скрытъ отъ глазъ, и тотъ, кто, повидимому, всего честнѣе, можетъ про себя лишь ждать своего часа для крупнаго безчестнаго поступка. Что касается до общественнаго суда, то приличія общежитія оставляютъ настолько противовѣсъ отвращенію отъ безчестныхъ поступковъ, что нарушителямъ договоровъ жить вовсе не худо; къ тому же, значительный успѣхъ сообщаетъ въ глазахъ большинства какъ бы грандіозность и безчестному поступку а, между

dupes и coquins презрѣніе дѣлится довольно равномѣрно: его, даже, пожалуй, приходится болѣе на долю первыхъ. Слѣдовательно, для охраненія договора находятъ нужнымъ прибѣгнуть къ добавочной силѣ, независимой отъ олимпійцевъ, отъ совѣсти договаривающихся и отъ общественнаго обращенія съ клятвопреступниками. Договоръ ставятъ подъ охрану *закона,* а самый законъ становится общественнымъ договоромъ, охраняемымъ всѣми силами государства.

Здѣсь уже сразу приплетаются къ договору два элемента, совершенно чуждые нравственному его началу. Самый законъ, какъ мы увидимъ въ слѣдующемъ письмѣ, есть договоръ фиктивный, потому что не всѣ подданные государства, обязанные исполнять этотъ договоръ, призываются къ выраженію добровольнаго согласія на него; да если бы и предположить подобное призваніе, то большинство подданныхъ не въ состояніи было бы оцѣнить выгоду или невыгоду принятія договора. Слѣдовательно, терминъ „*честность*" и вовсе не примѣнимъ здѣсь, и мы находимся въ совершенно другой сферѣ дѣйствій.—Съ другой стороны, договоръ законный имѣетъ всегда склонность дѣлаться болѣе и болѣе формальнымъ. Его обязательность всего менѣе зависитъ отъ внутренняго убѣжденія договаривающихся, а болѣе—отъ разныхъ пунктовъ закона, въ отношеніи, напримѣръ, сроковъ подачи бумагъ, числа и свойства свидѣтелей, слова, написаннаго такъ или иначе и т. п. Самый законный договоръ можетъ быть, въ сущности, самымъ безчестнымъ дѣломъ, какъ самое честное условіе можетъ быть незаконно. Законъ становится прогрессивнымъ элементомъ и нравственною силою лишь тогда, когда законодательство имѣетъ въ виду два основные пункта, указанные

выше. Первое, что всякій договоръ, требующій услуги, которая предполагаетъ искренность, точно такъ-же, какъ всякій договоръ, связывающій волю человѣка на жизнь или на значительный періодъ времени,—самъ по себѣ преступенъ. Второе, что договоръ, даже заключаемый относительно услугъ, допускающихъ оцѣнку, справедливъ лишь тогда, когда договаривающіяся стороны одинаково поставлены въ отношеніи пониманія договора и возможности не заключать его. Слѣдовательно, законодательство, чтобы быть нравственнымъ, должно запрещать всѣ безусловные договоры перваго рода, а при условныхъ договорахъ, должно обезпечивать договаривающимся возможность заявить свою искренность предъ самымъ исполненіемъ договора, или уклониться отъ его исполненія. Точно такъ-же законодательство должно не только охранять договоры, уже заключенные, но и при ихъ заключеніи ограждать слабаго отъ сильнаго, менѣе умнаго и знающаго отъ болѣе умнаго и знающаго, давая первому возможность хорошо уяснить себѣ условія, которыя могутъ впослѣдствіи обратиться ему во вредъ. Только тогда законъ есть орудіе нравственности, орудіе прогресса, когда онъ охраняетъ святость честнаго договора и становится препятствіемъ безчестному.

Если же законодательство не имѣло этого въ виду, а, собственно, опирается на фикцію, что большинство дѣйствій можетъ быть предметомъ договора, что договаривающіеся равно понимаютъ смыслъ и силу договора, и имѣли равную возможность не заключать его, тогда онъ становится капканомъ для слабыхъ въ рукахъ сильныхъ и развиваетъ одну лишь сторону въ обществѣ: обдуманность и осторожность, какъ послѣдствія всеобщаго взаимнаго недовѣрія. Тогда боги, хранители

клятвы, обращаются въ метафизическаго бога—государство, у котораго мѣсто нравственности занимають томы кодекса. Честность блѣднѣетъ предъ законностью и находятся такіе нравственные уроды, которые воображають, что, исполнивъ букву постановленія, они честны. Общественный же судъ теряетъ всякій смыслъ, какъ потому, что передъ оправданіемъ и осужденіемъ по закону оказываются ничтожными заявленія общественнаго мнѣнія, такъ и потому, что формальная исправность, входя въ привычки общества, постепенно замѣняетъ собою привычки честнаго понимания и честнаго исполненія даннаго обязательства.

Естественно, что при подобномъ положеніи дѣлъ особенно возвышаются двѣ общественныя формы. Такъ какъ по самой сущности, договоръ есть перенесеніе на всѣ жизненныя отношенія отношеній коммерческихъ, то вся выгода законности, освящающей полную свободу договора, достается элементу промышленному. Промышленная конкурренція становится типомъ общественныхъ отношеній. Семейная связь, общежительность, государственная служба получаютъ колоритъ коммерческой сдѣлки; литература, наука, искусство—характеръ ремесленнаго производства. Личности, удобнѣе другихъ поставленныя, имѣющія возможность лучше другихъ оцѣнить силу договора и во время заключить его, получаютъ широкую способность развиваться; богатство и блескъ общественности возрастаютъ; фабричная техника дѣлаетъ громадные успѣхи; она стремится обратить науку и искусство въ простыя орудія для своего усовершенствованія. Напротивъ, менѣе удобно поставленныя личности получаютъ все менѣе и менѣе способности развиваться, даже устоять. Ихъ давятъ не только сильныя личности, ихъ давитъ еще

неодолимая сила пунктовъ закона. Биржа и фабрика охватываютъ все болѣе и болѣе общественныхъ элементовъ.

Съ другой стороны, такъ какъ законъ держится лишь силою государства то государство получаетъ все болѣе и болѣе значенія въ сферѣ жизни и въ сферѣ мысли. Въ иныхъ случаяхъ, подъ маскою лучшаго наблюденія за законностью теченія дѣлъ, усиливается административная централизація и развѣтвляется административная сѣть. Въ другихъ случаяхъ идолъ славы и чести отвлеченнаго государства требуетъ безпрестанныхъ жертвъ бездушнаго имущества и одушевленнаго персонала. Въ сферѣ же мысли развивается теорія богопочитанія государства, отожествленія съ нимъ всѣхъ высшихъ человѣческихъ идеаловъ, и мыслители ищутъ прогрессъ общества въ усиленіи именно этого элемента, который, при прогрессивномъ развитіи общества долженъ подвергаться, какъ мы увидимъ, совсѣмъ иному процессу.

Но усиленіе промышленнаго и государственнаго начала въ обществѣ вызываетъ еще одно явленіе при подобномъ положеніи дѣлъ. Такъ какъ сильнѣйшія личности, при нѣсколько удобной обстановкѣ, легко пробиваются въ ряды счастливѣйщаго меньшинства, то самые сильные умы не испытываютъ въ значительной мѣрѣ неудобствъ общественнаго строя, относятся къ нему критически лишь въ сферѣ мысли и не только скоро примиряются съ этими неудобствами, но большею частью, по самой силѣ вещей, становятся въ ряды защитниковъ statu quo. Все же недовольное охватывается такъ крѣпко сѣтью администраціи и кодекса, что критика существующаго высказаться не можетъ, или высказывается слишкомъ слабо. Вслѣдствіе этого государство приближается къ

знаменитому идеалу наипрочнѣйшаго общественнаго строя, что, выражаясь, правильнѣе и нагляднѣе, должно было бы назвать идеаломъ застоя. Прочнѣе и прочнѣе устанавливается въ обществѣ культурный элементъ привычки и преданія. Мысль работаетъ все труднѣе подъ условіями коммерческой выгоды и законныхъ стѣсненій. И она входитъ все болѣе и болѣе въ колею обычныхъ взглядовъ, традиціонныхъ формъ. Жизнь въ обществѣ начинаетъ убывать; человѣчность его уменьшается; вѣроятность прогресса становится меньше.

Конечно, и при этомъ встрѣчаются въ обществѣ обыкновенно элементы, на которые можетъ опереться мысль въ своей критической работѣ. Государственное начало входитъ иногда въ столкновеніе съ экономическимъ: или въ средѣ класса, занимающагося экономическими вопросами, болѣе дальновидные люди начинаютъ замѣчать опасность, угрожающую обществу, какъ отъ подавленія интересовъ большинства, такъ и отъ возможности застоя; или наука—въ которой нуждаются какъ промышленность, такъ и государство—становится орудіемъ общественной критики и прогресса или, наконецъ, мысль работаетъ въ подавленномъ большинствѣ и вызываетъ взрывъ, который, въ свою очередь. пробуждаетъ общество къ новой жизни. Послѣднія сто лѣтъ представили рядъ примѣровъ тому, какъ, при усиленіи взаимодѣйствія промышленнаго и государственнаго элементовъ въ общественной жизни, общественное недовольство приводило къ болѣе или менѣе крупнымъ реформистскимъ движеніямъ и, въ случаѣ отсутствія легальныхъ путей для реформъ, къ революціоннымъ взрывамъ. Въ концѣ XVIII вѣка французская буржуазія имѣла уже достаточную экономическую

и интеллектуальную силу, чтобы, опираясь на подавленныя и эксплуатируемыя государствомъ массы народа, при отсутствіи всякихъ легальныхъ уступокъ со стороны стараго режима, произвести чисто политическій переворотъ въ свою пользу. Въ тридцатыхъ годахъ, опять-таки опираясь на недовольныя массы, не сознававшія своего классоваго противоположенія буржуазіи, послѣдняя явилась какъ-бы представителемъ правового государства противъ полицейскаго, но, въ сущности, закрѣпила за собой лишь легальное и экономическое господство. Въ настоящее время сознаніе классовой борьбы все болѣе проникаетъ и въ теоретическія работы соціологовъ, и въ волнующіяся массы рабочаго класса; послѣднія все расширяютъ свою организацію, которой фатально способствуетъ самый процессъ капиталистическаго хозяйства, стремящійся централизовать имущество и вызывающій неотвратимый рядъ промышленныхъ торговыхъ и биржевыхъ краховъ; правительства и господствующіе классы Европы и Америки употребляютъ всѣ усилія, чтобы предотвратить приближающуюся катастрофу, которая должна охватить всѣ сферы общественной жизни на почвѣ переворота экономическаго. И здѣсь еще есть возможность, что уступки, сдѣланныя своевременно господствующими классами легальнымъ путемъ, облегчатъ переходъ къ новому строю; но съ каждымъ днемъ эта возможность уменьшается, а съ тѣмъ вмѣстѣ растетъ вѣроятность болѣе острой и кровавой катастрофы.

Но здѣсь мнѣ пришлось уже говорить о такихъ путяхъ рѣшенія общественныхъ вопросовъ, которые лежатъ внѣ области юридической. Въ связи съ предыдущимъ, обращу особенное вниманіе на то обстоятельство, что переходъ нравственнаго начала договора въ формальное

начало закона не есть прогрессивное явленіе, точно такъ-же, какъ замѣна честности законностью есть явленіе антипрогрессивное. Я уже говорилъ въ девятомъ письмѣ о томъ, что законъ самъ по себѣ, какъ всѣ *великіе принципы*, можетъ быть и орудіемъ прогресса, и орудіемъ реакціи. Изъ всего предыдущаго можно заключить, что истинная идеализація закона должна имѣть свой источникъ для него, какъ и для договора —мало по малу переходящаго въ законъ—*въ другихъ* началахъ. Лишь эти вспомогательныя начала, дополняя и регулируя принципы договора и закона, могутъ устранить стремленіе къ застою, лежащее въ сущности легальнаго формализма.

Договоръ освящается убѣжденіемъ личности въ минуту его заключенія, точно такъ-же, какъ искренностью ея въ минуту его исполненія. Законъ освящается убѣжденіемъ личности, что онъ есть благо, въ томъ ли смыслѣ, что онъ ограждаетъ честный договоръ и преслѣдуетъ безчестный, или въ томъ, что большее зло произойдетъ отъ сопротивленія закону, чѣмъ отъ его исполненія. Въ присутствіи договора, требующаго дѣйствій искреннихъ въ далекомъ будущемъ, личность находится въ присутствіи возможности нравственнаго преступленія. Кто принялъ подобное обязательство, о томъ можно лишь жалѣть, потому что дилемма нарушенія обязательства или продажи непродажнаго для него почти неизбѣжна. Въ присутствіи закона, противнаго личному убѣжденію, положеніе личности нравственно-легче. Во многихъ государствахъ самъ законъ указываетъ личности пути для критики закона и для вліянія на устраненіе отживающихъ юридическихъ формъ; это исходъ легальный. Если это не имѣетъ мѣста, то личности приходится стать въ ряды

борцовъ противъ непризнаваемаго ею закона и противъ строя, не дозволяющаго его критики; каковы бы ни были послѣдствія, убѣжденная личность можетъ при этомъ всегда сказать себѣ: я поступаю по убѣжденію; пусть законъ караетъ меня: это исходъ нравственный. Есть еще исходъ, такъ называемый утилитарный, когда личность, въ виду наибольшей пользы, подчиняетъ свое убѣжденіе не оправдываемому этимъ убѣжденіемъ закону: но тутъ всегда останется трудно разрѣшимымъ вопросъ: есть ли зло нравственно-худшее, чѣмъ поступокъ, противный убѣжденію? Прогрессъ общества зависитъ несравненно болѣе отъ силы и ясности убѣжденій личностей, составляющихъ общество, чѣмъ отъ сохраненія какихъ бы то ни было культурныхъ формъ.

ПИСЬМО ТРИНАДЦАТОЕ.

„Государство“.

Хотя ни объ одномъ изъ великихъ общественныхъ принциповъ нельзя сказать, что имъ не злоупотребляли, идеализируя его, но едва ли въ послѣднiй перiодъ какой-либо принципъ подвергался въ такой мѣрѣ подобной операцiи, какъ принципъ *государства*. Это, конечно, имѣло свою логическую причину. Противъ феодальнаго самовольства, противъ теократическихъ стремленiй католицизма, противъ деспотическихъ стремленiй личностей правителей этотъ принципъ служилъ отличнымъ орудiемъ. Прогрессивная партiя новой Европы, боровшаяся поочередно противъ этихъ стремленiй, не замедлила его выставить на своемъ знамени. Въ перiодъ перехода отъ среднихъ вѣковъ къ новому времени люди государственнаго принципа, юристы, дѣйствовали въ союзѣ съ государями Европы, помогая имъ побѣдить феодаловъ и клерикаловъ. Борьба шла между хищническими силами, но, во имя принципа государства, идеализацiя разукрашала дѣятельность Людовика XI, Фердинанда католическаго, Ивана Грознаго и т. п., облекала ее ореоломъ разумнаго и стремленiя къ общему благу. Къ концу XVII вѣка, когда Людовикъ XIV и Стюарты были уже преобладающею силою надъ прочими, прогрессивная партiя противопоста-

вила фразѣ: „государство—это я“ другую фразу: „государство—это общее благо“, и повела борьбу противъ произвола во имя законности. Но тутъ произошло явленіе, о которомъ я упоминалъ. Слово государство оказалось достаточно гибкимъ, чтобы допускать весьма различные смыслы. Одни понимали его въ смыслѣ усиленія правительства, другіе—въ смыслѣ его ограниченія возможно широкимъ участіемъ общества въ политическихъ дѣлахъ. Одни напирали на увеличеніе объема государства, на его внѣшнее вліяніе; другіе ставили выше всего механическую связь его частей путемъ искусной администраціи, единообразныхъ законовъ, единообразныхъ формъ жизни на всей его территоріи; третьи доказывали, что лишь органическая связь живыхъ и достаточно самостоятельныхъ центровъ, соединенныхъ общностью ясно-сознанныхъ интересовъ, составляетъ государство. Оказалось необходимымъ вести полемику не *за* государство или *противъ* него, а уяснить себѣ, въ *чемъ* именно состоитъ настоящее идеальное государство. Относительно того, что именно государство есть главный общественный принципъ, казалось, и спорить было нечего. Кромѣ закоченѣлыхъ феодаловъ и клерикаловъ, всѣ были въ этомъ согласны, а побѣды, одержанныя государственнымъ принципомъ надъ средневѣковыми началами и надъ произволомъ личностей были у всѣхъ въ свѣжей памяти. Такимъ образомъ, консерваторы и прогрессисты, монархисты и республиканцы, люди порядка и люди революціи, практики и философы сходились въ одномъ—въ признаніи государства высшимъ принципомъ, право котораго не можетъ быть поставлено рядомъ съ другими правами, а есть право высшее и допускающее нѣкоторыя ограниченія болѣе изъ гуманности, чѣмъ изъ признанія иныхъ правъ. Около тридцатыхъ го-

довъ нашего вѣка обоготвореніе государства достигло своего апогея, и послѣдній великій представитель нѣмецкаго идеализма, Гегель, былъ въ то-же время и мыслителемъ, который наиболѣе открыто высказалъ это обоготвореніе.

Но исторія шла впередъ, и критика, уяснившая истинный смыслъ государства, дѣлала свое дѣло. Политическая экономія открыла въ общественной жизни начала, чуждыя политикѣ, но несравненно глубже ея обусловливающія общее благо или страданіе, а вліяніе биржи на политическія дѣла перевело теоретическія соображенія политико-экономовъ въ область практики. Принципъ національности, просмотрѣнный идеалистами, заявилъ свои права на контроль распоряженій дипломатовъ относительно границъ территорій, и его заявленія оказались во многихъ случаяхъ такъ эффектны, что принципъ государства долженъ былъ *подчиниться* новому (а, въ сущности, очень старому) началу. Наконецъ, оказалось, что современному общественному строю грозятъ не столько политическіе перевороты, сколько перевороты соціальные; что политическія партіи смѣшиваются, и значеніе ихъ блѣднѣетъ передъ антагонизмомъ экономическихъ классовъ. Къ тому-же, въ числѣ теоретиковъ государства, одна консервативная партія оказала ему медвѣжью услугу, доказавъ, что государство есть, собственно, не продуктъ разума и обдуманности, а естественное культурное явленіе въ общественной жизни. Этимъ думали, конечно, придать ему добавочную прочность, но, въ сущности, подрывали его идеалистическое значеніе: все необходимое и чисто-естественное человѣкъ стремится осмыслить и переработать. Слѣдовательно, является вопросъ: не должно ли переработать и естественное явленіе государства въ высшій продуктъ такъ,

чтобы доля человѣческаго разума превзошла въ немъ долю естественнаго матеріала?

Все это заставляетъ въ наше время отнестись гораздо болѣе критически къ началу, недавно еще боготворимому, вскрыть его ложную идеализацію и замѣнить ее идеализаціею истинною, т. е., дойдя до естественной основы государства въ ея простѣйшей формѣ, указать, какимъ путемъ этотъ принципъ доступенъ прогрессивному процессу; какимъ образомъ онъ можетъ удовлетворять условіямъ развитія личности и воплощенія истины и справедливости въ общественныя формы.

Пока люди живутъ вмѣстѣ, преслѣдуя экономическія, нравственныя и умственныя цѣли, которыя каждый можетъ измѣнять свободно, или даже отступаться отъ нихъ, не опасаясь никакого принужденія, до тѣхъ поръ люди состоятъ въ *общественной* связи, чуждой всего юридическаго и политическаго. Какъ только они вступаютъ въ договоръ, обязательный для договаривающихся, то ихъ общество вступаетъ въ новый фазисъ жизни. Оно связано только *юридически*, если принудительная сила, наблюдающая за исполненіемъ договора, принадлежитъ лицамъ, въ договорѣ не участвующимъ. Оно становится *политическимъ*, когда въ средѣ самого общества образуется власть, обязывающая членовъ общества къ исполненію договора. Политическое общество становится *государствомъ*, когда договоръ, обязательный для членовъ, въ него вступившихъ, оно обращаетъ въ обязательный и для лицъ, никогда не спрошенныхъ объ ихъ согласіи, или соглашающихся на него лишь изъ опасенія личнаго вреда въ случаѣ сопротивленія ему. Ученое общество, легально-коммерческое товарищество, тайная политическая организація представляютъ примѣры первыхъ трехъ формъ.

Изъ предыдущаго понятно, что государство столь же древне, какъ насильственное подчиненіе личностей условіямъ, ими не выбраннымъ. Такъ какъ всегда было въ обществѣ огромное число личностей, которыя, по недостатку умственнаго развитія, знанія, энергіи, нуждались въ томъ, чтобъ другія личности, болѣе умныя, знающія и энергическія, выбирали для нихъ условія жизни, то государственный строй коренился въ первыхъ до-родовыхъ и родовыхъ человѣческихъ группахъ въ первыхъ бродячихъ племенахъ, и до сихъ поръ вовсе не ограничивается тѣмъ, что называется *политическими органами* общества. Всюду, гдѣ человѣкъ, не разсуждая, подчиняется условіямъ жизни, имъ не выбраннымъ, онъ подчиняется государственному началу.

Предыдущее уясняетъ и тѣ два противоположные взгляда на государство, о которыхъ я говорилъ въ началѣ 12-го письма. Принципъ государственной обязательности, конечно, есть продуктъ совершенно естественный, восходящій въ глубокую древность, и даже тѣмъ болѣе обширный въ своемъ приложеніи, чѣмъ далѣе мы будемъ уходить въ древность. Сначала онъ является, какъ физическое господство однихъ лицъ надъ другими, затѣмъ переходитъ въ зависимость экономическую, наконецъ, уже путемъ идеализаціи, становится силою нравственною.

Но на самыхъ первыхъ ступеняхъ развитія государства проявляется въ немъ и элементъ договора, отличающій его отъ простого подчиненія личностей личности. Взрослый и сильный глава семьи властвуетъ надъ малолѣтками и надъ слабыми женщинами не на основаніи государственнаго принципа принудительности, а на основаніи личнаго преобладанія. Точно такъ же пророкъ повелѣваетъ вѣрующими вслѣдствіе личнаго вліянія. Госу-

дарственный элементъ является въ семьѣ, когда есть взрослые члены, которые могли бы не повиноваться главѣ, но *помогаютъ* ему повелѣвать другими; въ религіозной сектѣ, когда пророка окружаютъ не только исполнители, но и *помощники*. И вообще, государство возникаетъ тогда, когда группа личностей, во имя своихъ, хорошо или дурно понятыхъ, интересовъ, *поддерживаетъ* добровольно обязательность нѣкоторыхъ постановленій, исходящихъ отъ лица, отъ учрежденія, отъ выборнаго совѣта, обязательность, распространяющуюся на другія лица, *не приступившія* добровольно къ этому союзу. Слѣдовательно, къ принципу *принудительности* присоединяется здѣсь начало *договора* съ тою особенностью, что договоръ заключаетъ меньшее число лицъ, а принудительность распространяется на большее число ихъ.

Конечно, это распространеніе начала договора измѣняетъ его существенно. Весь нравственный и юридическій смыслъ договора лежитъ, какъ мы видѣли, въ обязательности *честнаго* человѣка исполнить условіе, обдуманно на себя *принятое*. Но здѣсь договоръ заключаютъ, въ дѣйствительности, *одни* лица, а фикція его распространяется *и на другихъ*. Заключеніе договора однимъ лицомъ отъ имени другихъ, вовсе не имѣющихъ понятія о заключаемомъ договорѣ, но, тѣмъ не менѣе, обязанныхъ исполнять его, нарушаетъ самыя элементарныя требованія справедливости, слѣдовательно—противорѣчитъ понятію о прогрессѣ. Какъ посмотрѣлъ бы юристъ на контрактъ, обязательный для сотенъ, тысячъ и милліоновъ, но о которомъ достовѣрно извѣстно, что его составили, утвердили и сдѣлали обязательнымъ нѣсколько человѣкъ, никѣмъ не уполномоченныхъ подписывать подобный контрактъ? На сколько можно признать справедливымъ кон-

трактъ, заключенный однимъ поколѣніемъ и обязывающій рядъ послѣдующихъ поколѣній до тѣхъ поръ, пока имъ не вздумается разорвать этотъ контрактъ насильственно, или залить его кровью? Справедливости въ подобныхъ договорахъ, конечно, нѣтъ, и они предполагаютъ лишь одно: существованіе сильной организаціи, или значительнаго большинства лицъ, для которыхъ договоръ выгоденъ и которыя, вслѣдствіе своей организаціи или своего большинства, заставляютъ подчиниться насильно государственному договору всѣхъ тѣхъ, которые имъ не довольны. Выйди изъ государства, или исполняй государственный договоръ,—такова дилемма, которая стоитъ передъ каждымъ подданнымъ государства.

Если число недовольныхъ этимъ договоромъ незначительно, эта дилемма чувствительна лишь для нихъ: имъ приходится страдать подъ ярмомъ ненавистныхъ имъ законовъ, или испытывать удовольствіе жертвы самыми элементарными удобствами жизни, удовольствіе тюремнаго заключенія, ссылки, казни за неисполненіе этихъ законовъ или за борьбу противъ нихъ. Недовольные могутъ, наконецъ, эмигрировать. Пока партія этихъ недовольныхъ состоитъ изъ разрозненныхъ личностей, онѣ всегда будутъ подавлены. Чѣмъ продолжительнѣе эпоха этого подавленія и чѣмъ безобразнѣе при этомъ законный порядокъ, тѣмъ болѣе деморализирующимъ образомъ дѣйствуетъ подобная среда на личности, въ ней живущія, атрофируя въ нихъ ясное пониманіе, энергію характера, способность имѣть убѣжденія и бороться за нихъ, наконецъ—сознаніе общественной солидарности.

Но, по мѣрѣ того, какъ недовольные собираются въ растущую общественную силу и организуются, ими пренебрегать уже нельзя, и самому государственному строю

грозятъ опасности. Эти опасности двоякаго рода. Если недовольные разсѣяны по всей территоріи государства, или скучены въ его главныхъ центрахъ, то государству грозитъ измѣненіе основныхъ законовъ путемъ реформы или путемъ революціи. Если же недовольные скучены въ одной части государства, ему грозитъ распаденіе. Въ обоихъ случаяхъ государственная связь не прочна и не прочна потому, что его законы представляютъ договоръ фиктивный, а не дѣйствительный: въ немъ находится значительное число личностей, которыя обязаны подчиняться государственному договору, но никогда не были спрошены относительно его, никогда на него не соглашались и подчиняются ему лишь по безсилію, по недостатку энергіи или по неумѣнію сознать свои права и свои силы.

По мѣрѣ того, какъ увеличивается участіе личностей въ государственномъ договорѣ, онъ становится прочнѣе: во-первыхъ потому, что его неудобства скорѣе узнаются, правильнѣе обсуждаются, легче могутъ быть устранены путемъ реформъ, а не путемъ революцій; во-вторыхъ потому, что *большее число личностей* признаетъ государственный законъ для себя обязательнымъ договоромъ; противники же его чувствуютъ себя все безсильнѣе и скорѣе ему подчиняются. Очевидно, что идеалъ государственнаго строя есть такое общество, въ которомъ всѣ члены смотрятъ на законъ, какъ на взаимный договоръ, сознательно принятый всѣми, допускающій измѣненіе по общему согласію договаривающихся и принудительный лишь для тѣхъ, которые на него согласились, именно потому, что они на него согласились и за нарушеніе подлежатъ неустойкѣ.

Но читатель сейчасъ замѣтитъ, что идеалъ такимъ

образомъ полученный изъ самой сущности государственнаго принципа, стремится къ отрицанію того же самаго принципа. Государство тѣмъ и отличается отъ другихъ общественныхъ формъ, что въ немъ договоръ принятъ *меньшимъ* числомъ лицъ и ими поддерживается какъ обязательный для *большаго* числа. Два источника государственной связи—естественное начало принудительности и обдуманное начало договора—вступаютъ въ столкновеніе, потому что послѣднее, во имя справедливости, стремится уменьшить принудительность. Отсюда неизбѣжное слѣдствіе, что политическій прогрессъ долженъ былъ заключаться въ уменьшеніи государственнаго принципа въ общественной жизни. Оно такъ въ дѣйствительности и есть.

Политическая эволюція выражается въ двухъ стремленіяхъ. Въ-первыхъ, государственный элементъ выдѣляется изъ всѣхъ общественныхъ формъ, вызванныхъ наличными общественными потребностями, чтобы создать себѣ спеціальные органы. Во-вторыхъ, насильственное подчиненіе большинства личностей государственному договору ограничивается все меньшимъ числомъ личностей, при чемъ фиктивный договоръ государства получаетъ болѣе дѣйствительности, государственная связь скрѣпляется, но въ то-же время сближается со связью просто общественною. Оба эти стремленія можно назвать прогрессивными, потому что первое имѣетъ въ виду теоретическую истину государства, второе--внесеніе справедливости въ государственныя формы. Тѣмъ не менѣе, оба стремленія, въ процессѣ своего осуществленія, должны привести государственный элементъ въ жизни человѣчества къ его минимуму.

Когда власть мужа, отца и патріарха въ семьѣ поте-

ряла въ болѣе цивилизованныхъ обществахъ почти всю свою принудительную силу; когда экономическія обязательства, въ случаѣ неисполненія, стали подлежать суду лицъ, въ нихъ незаинтересованныхъ; когда судебный элементъ отдѣлился отъ церковнаго и административнаго,— тогда принудительность закона легла на долю человѣческой дѣятельности не особенно значительную. Весьма многія лица могли прожить всю жизнь, почти не чувствуя на себѣ давленія государственнаго элемента. Роли разныхъ общественныхъ формъ измѣнились въ теоріяхъ мыслителей. Идеалъ семьи обратился въ свободный союзъ любящихъ и въ разумное педагогическое дѣйствіе старшаго поколѣнія на младшее. Идеалъ руководящей и нетерпимой церкви замѣнился требованіемъ свободы личной совѣсти, свободнаго союза вѣрующихъ для практическихъ задачъ ихъ вѣрованія. Идеалъ экономическаго союза обратился въ представленіе о свободномъ, солидарномъ обществѣ, гдѣ не существуетъ общественныхъ паразитовъ; гдѣ конкурренція исчезла, замѣнившись всеобщей кооперaціей; гдѣ всѣ трудятся для всеобщаго благосостоянія и для всеобщаго развитія, при чемъ трудъ, сдѣлавшись разнообразнымъ и соединяя элементы мышечной и мозговой работы, не только не является элементомъ тягостнымъ и отупляющимъ, но самъ заключаетъ въ себѣ элементъ наслажденія и развитія; гдѣ всякій получаетъ отъ солидарнаго общества все, что ему необходимо для существованія и для всесторонняго развитія по его личнымъ потребностямъ, работая по мѣрѣ своихъ силъ для общества, развитіе котораго сознается имъ въ то же время, какъ собственное развитіе.

Такимъ образомъ, элементъ принудительности, распространявшійся сперва на семью, на экономическую связь

рабовладѣльца съ рабомъ, помѣщика съ крѣпостнымъ, собственника съ пролетаріемъ, на судъ въ его формахъ патримоніальной, церковной, чиновничьей,—теряетъ мало по малу свою силу во всѣхъ этихъ областяхъ. Правда, культурныя привычки еще поддерживаютъ деспотизмъ въ семьѣ; капиталъ все властвуетъ надъ пролетаріемъ; несмѣняемый, выборный судья и независимый присяжный, вслѣдствіе личнаго интереса, еще подчиняются иногда административнымъ указаніямъ; эти представители „общественной совѣсти" суть слишкомъ часто лишь представители сословныхъ и классовыхъ интересовъ. Въ иныхъ случаяхъ здѣсь передъ нами лишь частныя злоупотребленія, неизбѣжныя въ обществѣ, гдѣ идейное начало руководитъ лишь наиболѣе развитымъ, но незначительнымъ меньшинствомъ, тогда какъ большинство дѣйствуетъ подъ вліяніемъ личныхъ и групповыхъ интересовъ. Въ другихъ—мы имѣемъ результатъ классовой борьбы, которая все обостряется по мѣрѣ того, какъ она ведется болѣе сознательно; здѣсь зло можетъ быть устранено лишь съ прекращеніемъ самой борьбы, и его проявленіе уже не зависитъ отъ элемента принудительности въ частныхъ случаяхъ, а лишь отъ принудительно-невыгоднаго положенія въ настоящемъ обществѣ одного класса относительно другого. Противъ всѣхъ формъ элемента принудительности борьба идетъ и будетъ идти во имя идеаловъ, уже отчасти признанныхъ и которые естественнымъ путемъ стремятся осуществиться все полнѣе. Одна доля этихъ идеаловъ уже осуществляется въ современномъ строѣ во имя свободной конкурренціи личностей, вполнѣ независимо отъ другихъ результатовъ этого принципа. Другая должна осуществиться при замѣнѣ этой конкурренціи всеобщей коопераціей, и многіе мыслители считаютъ дозво-

лительнымъ надѣяться, что тогда послѣдніе слѣды принудительнаго элемента въ обществѣ могутъ исчезнуть.

Но, чѣмъ менѣе идеалъ общественныхъ формъ допускаетъ элементъ принудительности, чѣмъ болѣе онъ требуетъ свободы, тѣмъ болѣе онъ долженъ быть охраненъ отъ случайныхъ злоупотребленій личности. Принимая даже, что личность, дѣйствующая нравственно и разумно во всѣхъ этихъ сферахъ, не допуститъ себя до принудительности, слѣдуетъ помнить сказанное въ письмѣ десятомъ, именно — что нравственно-разумная дѣятельность есть лишь *одинъ* изъ видовъ человѣческой дѣятельности; что, внѣ его, человѣкъ можетъ дѣйствовать автоматически, подъ вліяніемъ животныхъ влеченій, рутины или страстей. Можно надѣяться, что прогрессъ въ человѣчествѣ уменьшитъ долю дѣйствій, приходящуюся на эти виды дѣятельности; но, пока они на лицо, пока умственное и нравственное развитіе личностей еще весьма недостаточно, приходится охранять слабѣйшихъ отъ дѣйствій сильнѣйшихъ. Эта охрана неизбѣжно принимаетъ характеръ принужденія, слѣдовательно—заключаетъ въ себѣ элементъ государственный. Конечно, и здѣсь этотъ элементъ стремится къ своему минимуму, но, тѣмъ не менѣе, онъ существуетъ, пока прогрессъ не измѣнитъ значительно наклонностей и привычекъ человѣка. Устраняя произволъ личности и администраціи, общество стремится обратить при этомъ свои государственные органы лишь въ исполнителей безличнаго закона и ограничить роль государства наблюденіемъ за отсутствіемъ принудительности, охраненіемъ слабѣйшихъ отъ принужденія со стороны сильнѣйшихъ. Какъ семьянинъ, какъ вѣрующій, какъ участникъ экономическаго предпріятія, человѣкъ старается ограничить государственный строй, которому онъ подчиняется,

лишь безличною формою закона, истолкованнаго и приложеннаго судьею, чуждымъ всякаго государственнаго интереса.

Тутъ кончается прогрессивный процессъ политическихъ началъ въ обществѣ въ своемъ первомъ стремленіи, именно—какъ выдѣленіе государственнаго отправленія изъ прочихъ. Ложная идеализація подчиненія власти во всѣхъ общественныхъ сферахъ разрушается началомъ свободнаго союза. Истинная идеализація государства требуетъ отъ него справедливости (охраненія слабыхъ, охраненія честнаго договора, препятствованіе безчестному), доводитъ государственную функцію въ этомъ отношеніи до минимума и представляетъ въ будущности ея естественное дальнѣйшее уменьшеніе вслѣдствіе совершенствованія самихъ личностей. Препятствія прогрессу въ этомъ отношеніи лежатъ болѣе въ старыхъ привычкахъ общества, чѣмъ въ самой сущности дѣла. Преимущественно же они заключаются въ недостаточно быстромъ уменьшеніи числа личностей, насильственно подчиненныхъ государственному договору.

Это второе политическое стремленіе встрѣчаетъ несравненно-значительнѣйшія препятствія; тѣмъ не менѣе, оно тѣсно связано съ первымъ. Все предыдущее развитіе общественныхъ идеаловъ точно такъ же, какъ охранительная роль государства, опирается на предложеніе, что законъ соотвѣтствуетъ жизненнымъ потребностямъ общества. Но это есть одна изъ формъ ложной идеализаціи этого *великаго принципа*. Законъ самъ по себѣ какъ мы видѣли, не только не заключаетъ въ себѣ причины развиваться съ развитіемъ общества, но скорѣе склоненъ заковать общество въ формы культуры и привести его къ застою. Лишь въ другихъ, дополнитель-

ныхъ началахъ заключается возможность развитія для законодательства, именно—въ альтруистическихъ аффектахъ, въ лучше понятыхъ интересахъ личностей и группъ, въ нравственныхъ убѣжденіяхъ. Законъ можно развивать, а самъ онъ развиваться не можетъ. Справедливость требуетъ, чтобы онъ, въ своемъ происхожденіи, существованіи и отмѣнѣ, все болѣе и болѣе терялъ начало принудительности. Это совершается увеличеніемъ участія общества въ законодательствѣ. По мѣрѣ того, какъ послѣднее переходитъ къ обществу и къ его свободно выбраннымъ представителямъ, самъ законъ даетъ средство исправлять законы. Вполнѣ деморализирующая общество форма правительства, власть котораго ограничена лишь обычаемъ, переходитъ въ разнообразныя формы сословнаго и полицейскаго государства, гдѣ уже нѣкоторая доля населенія по праву вліяетъ на ходъ дѣлъ; затѣмъ проникается задачами правового государства, гдѣ лишь экономическія условія классовой борьбы ограничиваютъ для массъ это вліяніе. Государственный союзъ все болѣе приближается къ общественному. Государство все болѣе принимаетъ характеръ союза лицъ, заключившихъ свободный договоръ и свободно его измѣняющихъ. Принудительность государственнаго договора уменьшается и стремится еще уменьшиться. Идеалъ государства, какъ я уже говорилъ, обращается въ представленіе о такомъ союзѣ, гдѣ лишь тотъ подчиненъ договору, кто имѣлъ средства и возможность обсудить договоръ, обсудилъ и призналъ его свободно, можетъ отказаться столь же свободно отъ его исполненія, отказываясь и отъ всѣхъ его послѣдствій.

Но возможно ли осуществленіе подобнаго идеала? Возможно ли, вообще, значительное прогрессивное движе-

ніе въ обществѣ въ подобномъ направленіи? Не существуетъ ли непреодолимыхъ естественныхъ или историческихъ препятствій на этомъ пути? Это вопросы невольно возникаютъ, когда сравнимъ настоящее положеніе цивилизованныхъ народовъ съ тѣми идеалами, которые передъ этимъ поставлены, и когда замѣтимъ, какъ далеки послѣдніе отъ осуществленія.

Знаніе и энергія характера суть необходимыя условія для того, чтобы личность могла отстоять свою свободу и ею пользоваться, не нарушая чужой свободы; но распространеніе знаній и развитіе характера такъ незначительны въ средѣ человѣчества, что нельзя ничего ожидать иного отъ современнаго строя, кромѣ обязательнаго подчиненія большинства условіямъ, установленнымъ меньшинствомъ. Всюду государство еще представляется намъ массою лицъ при самомъ рожденіи подчиненныхъ данному кодексу и объявляемыхъ преступниками или измѣнниками, если они впослѣдствіи заявляютъ свое несогласіе съ политическими формами, о которыхъ спрошены не были. Небольшое меньшинство изъ этой массы достигаетъ такого развитія, что можетъ толково указать, что именно въ формахъ, стѣснительныхъ для массы, особенно тяжело и чѣмъ именно желательно его замѣнить, чтобы путемъ реформы улучшить состояніе общества, не ослабляя государственной связи. Изъ этой политической интеллигенціи лишь небольшое меньшинство достигаетъ положенія, при которомъ оно можетъ провести свои взгляды въ дѣло путемъ законодательства или хотя-бы попробовать сдѣлать это. Тѣмъ не менѣе, работа этого меньшинства отражается въ исторіи. Все уменьшается число странъ, вступившихъ въ эту исторію, но продолжающихъ сохранять архаическія формы ничѣмъ

не ограниченной власти, какъ въ нашемъ отечествѣ. Въ наиболѣе передовыхъ странахъ правительство, господствующее надъ государственнымъ договоромъ, составляется путемъ избранія довѣренныхъ представителей отъ массы, подчиненной закону, и число избирателей увеличивается по возможности. Право участія въ пересмотрѣ договора все расширяется: патриціи дог ~каютъ политическую равноправность плебеевъ; третье сословіе смѣшивается съ дворянствомъ и духовенствомъ; билли парламентской реформы понижаютъ цензы; вообще, право выбора взрослыхъ мужчинъ дѣлается закономъ; выступаютъ защитники политическихъ правъ женщинъ. Но, какъ ни широко право избранія и какъ ни велика разница между политическимъ строемъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ и строемъ азіатскаго ханства или Россійской Имперіи, — тѣмъ не менѣе, въ обѣихъ этихъ крайнихъ формахъ, какъ и во всѣхъ промежуточныхъ остается общая черта: подчиненіе значительнаго числа личностей юридическому договору или классовому господству, которыхъ эти личности не обсуждали, или относительно которыхъ они заявляютъ свое несогласіе. Государство всюду остается насильственнымъ обязательствомъ для болѣе или менѣе значительной части населенія данной территоріи.

Въ этомъ послѣднемъ словѣ именно лежитъ стѣснительность государственнаго договора для личности. Человѣкъ родился въ данной мѣстности. Эта мѣстность входитъ въ данную территорію, такъ какъ рядъ событій болѣе или менѣе отдаленныхъ періодовъ разграничилъ всю обитаемую землю на политическія территоріи. Родясь здѣсь, онъ подчиненъ и здѣшнимъ законамъ, которыхъ онъ не обсуждалъ, не принималъ, а, въ большей части случаевъ, и не будетъ никогда

имѣть возможности обсуждать. Между тѣмъ, они давятъ его, мѣшаютъ его развитію, противорѣчатъ его искреннему убѣжденію и бросаютъ его въ ряды недовольныхъ. Оставить отечество, это — горькое рѣшеніе, которое иногда даже и невозможно принять, а во всякомъ случаѣ—трудно. Подчиниться противъ убѣжденія, это—униженіе достоинства личности. Остается одинъ исходъ: борьба, со всѣми ея шансами и печальными послѣдствіями для личности, вступленіе ея въ ряды партій реформы или революціи. Я уже говорилъ о пути, которому неизбѣжно слѣдуютъ при этомъ образующіяся партіи. Но теперь намъ слѣдуетъ обратить вниманіе на другое обстоятельство, именно на опасность, которою грозитъ государственному организму присутствіе въ немъ борющихся политическихъ партій, и на разстройство, вносимое этою борьбою въ общественную жизнь вообще. Присутствіе недовольныхъ на государственной территоріи заставляетъ государство тратить несоразмѣрное количество силъ на охраненіе законовъ отъ ихъ нарушенія, на поддержаніе своего вліянія въ обществѣ. Это отвлекаетъ силы общества отъ производительной и развивающей дѣятельности въ другихъ сферахъ его жизни, къ дѣятельности, которая, какъ мы видѣли, по требованіямъ прогресса должна быть доведена до минимума. Это развиваетъ въ обществѣ раздраженіе, взаимное недовѣріе его членовъ и, слѣдовательно, становится постояннымъ препятствіемъ къ здоровой общественной коопераціи. Здѣсь консервативное собраніе забаллотировываетъ весьма хорошаго и полезнаго юриста, предлагаемаго въ судебную должность, потому что онъ иначе думаетъ о лучшей формѣ правленія; тамъ либеральная редакція не можетъ купить романъ

человѣка, заявившаго себя консерваторомъ; тутъ смѣняютъ профессора ботаники, потому что его взгляды на экономическій вопросъ кажутся опасны для министра; а здѣсь пріятели готовы стрѣляться изъ-за смертнаго приговора надъ полоумнымъ. Чѣмъ обширнѣе государственная территорія, тѣмъ вѣроятнѣе, при данной причинѣ неудовольствія, что въ ней будетъ болѣе недовольныхъ; тѣмъ труднѣе слѣдить за ними; тѣмъ значительнѣе трата силъ на непроизводительный для общества процессъ охраненія того элемента, который самъ долженъ бы ограничиться только ролью охранителя. Но усиленіе подобныхъ мѣръ еще увеличиваетъ, обыкновенно, недовольство, и прочность общественнаго строя становится болѣе и болѣе сомнительною. Онъ пораженъ болѣзнью хроническаго недовѣрія и безпокойства, припадки котораго вызываются самыми пустыми случаями. Если даже дѣло не доходитъ до мятежа, то всѣ физіологическія правильныя дѣйствія общественнаго организма извращаются, общество деморализуется и солидарность его исчезаетъ.

Но несравненно большія опасности грозятъ государствамъ съ обширною территоріею, если законы вызываютъ недовольство не личное, а мѣстное; если они представляютъ болѣе или менѣе добровольно признаваемый договоръ въ одной части территоріи, но вызываютъ вражду населенія въ другой ея части. Разграниченіе политическихъ территорій происходило въ продолженіе всей исторіи очень рѣдко подъ вліяніемъ ясно понятыхъ потребностей населенія. Но и тѣ случаи, гдѣ ихъ предѣлы были установлены ясно понятыми потребностями данной эпохи, не представляютъ еще ручательства, что разумная связь частей территоріи останется надолго прочною и разумною. Потребности населенія въ данную эпоху не

суть еще потребности его во всѣ эпохи, и, развиваясь, общество можетъ точно такъ же скрѣплять связь между своими членами, какъ и давать начало разнороднымъ интересамъ, обособляющимъ мѣстности, прежде не имѣвшія повода къ обособленію. Сепаратизмъ можетъ имѣть источникомъ весьма безтолковыя побужденія, точно такъже, какъ и весьма разумныя основанія. Но онъ всегда есть начало, ослабляющее общество. Ослабленіе здѣсь надо понимать вовсе не въ томъ смыслѣ, что государственному центру, повелѣвавшему территоріею въ 100,000 кв. миль, грозитъ уменьшеніе ея на какія нибудь 20,000, съ уменьшеніемъ доходовъ на нѣсколько милліоновъ франковъ. Отдѣленіе американскихъ колоній не ослабило Англіи, какъ не особенно ослабила бы ее, вѣроятно, самостоятельность Индіи и Австраліи. Сепаратизмъ ослабляетъ общество тѣмъ, что онъ есть начало раздора и недовѣрія внутри общества; вызываетъ охлажденіе одной части гражданъ къ общему дѣлу; заставляетъ другую часть тратить—большею частью непроизводительно—на охраненіе государственнаго единства огромные капиталы въ деньгахъ и въ людяхъ, когда эти капиталы нужны на развитіе общества. Если сепаратистскія попытки остаются неудачными, все еще долго въ памяти побѣдителей и побѣжденныхъ живетъ подозрительность и вражда. Даже если раздѣленіе совершилось, нужно время, чтобы остыло преданіе вражды и чтобы недавніе *невольные* союзники, вчерашніе враги, пришли въ спокойныя отношенія сосѣдей, товарищей по общечеловѣчному дѣлу, *добровольныхъ* союзниковъ для опредѣленной цѣли. Лишь потрясенія первой французской революціи и болѣе широкіе политическіе идеалы, ею поставленные, сгладили нерасположеніе Бретани и южной Франціи къ

преобладающему Парижу. Память борьбы XVIII-го вѣка еще не исчезла между Джонъ Булемъ и братцемъ Джонатаномъ, не смотря на ихъ нынѣшнія взаимныя любезности. Еще много разъ зазеленѣютъ и пожелтѣютъ листья деревьевъ на могилахъ, окружающихъ Ричмондъ, прежде чѣмъ потомки янки и мѣдноголовыхъ вполнѣ почувствуютъ себя снова гражданами одного государства. Поэтому государствамъ несравненно опаснѣе возникновеніе въ ихъ средѣ сепаратистскихъ стремленій, чѣмъ самое раздѣленіе. Предупредить эти стремленія составляетъ цѣль прогресса въ государствѣ, гдѣ различіе экономическихъ условій, различіе политическаго значенія центровъ власти и остальной страны, различіе круга политической дѣятельности личностей и политическихъ партій всегда можетъ возбудить недовольство. Насиліе скрываетъ и временно отдаляетъ опасность, но она еще увеличивается для государства по мѣрѣ увеличенія въ немъ употребленія насильственныхъ мѣръ. Во-первыхъ, растетъ взаимное раздраженіе гражданъ, т. е., именно то, что составляетъ худшее зло сепаратизма; во-вторыхъ, насильственныя мѣры понижаютъ человѣческое достоинство и останавливаютъ всякое развитіе въ обществѣ, которое къ нимъ привыкаетъ. Но усиленіе раздраженія въ обществѣ и пониженіе человѣческаго достоинства гражданъ суть явленія, весьма ослабляющія государство и ставящія его въ невыгодное отношеніе относительно сосѣдей, а борьба государства съ сепаратизмомъ можетъ имѣть въ виду именно только его крѣпость извнѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, если мы прослѣдимъ фазисы исторіи, то замѣтимъ, что величина государствъ и крѣпкая связь ихъ частей особенно важны были только съ точки зрѣнія ихъ внѣшнихъ отношеній. Экономическое процвѣ-

таніе, научное и художественное развитіе общества, расширеніе правъ личностей и болѣе справедливыя отношенія между ними—могли имѣть мѣсто такъ-же хорошо и въ маленькихъ государствахъ, какъ въ большихъ. Даже представляя себѣ міръ собраніемъ отдѣльныхъ самодержавныхъ общинъ, мы не имѣли бы повода думать, что во всѣхъ упомянутыхъ отношеніяхъ встрѣтилось бы тутъ пониженіе прогресса, такъ какъ обширныя экономическія, ученыя и тому подобныя предпріятія могли бы осуществляться путемъ союзовъ между общинами, заключенныхъ исключительно для опредѣленныхъ цѣлей.

Но совсѣмъ иное дѣло—внѣшнія отношенія. Государство съ крѣпко организованною властью имѣетъ огромное преимущество въ войнѣ и дипломатіи при столкновеніи съ союзомъ государствъ, даже превосходящимъ матеріально силы перваго, если только разница цивилизацій не слишкомъ огромна (какъ было въ борьбѣ персовъ съ греками). Тайна подготовки къ борьбѣ и энергическое преслѣдованіе дипломатической цѣли несравненно удобнѣе для одного государства, чѣмъ для союза самостоятельныхъ державъ. Не говорю уже о томъ, что союзъ государствъ можетъ быть непороченъ и фиктивенъ, а въ такомъ случаѣ—маленькое государство можетъ быть легко раздавлено большимъ, можетъ сдѣлаться жертвою его хищничества или можетъ быть поставлено въ необходимость слѣдовать политикѣ большаго государства, оставаясь, такимъ образомъ, самодержавнымъ лишь по имени. Во всякомъ случаѣ, внѣшнія сношенія государствъ ставятъ вопросъ о малыхъ и большихъ государствахъ совсѣмъ на иную почву. Чѣмъ государство меньше, чѣмъ части его слабѣе связаны между собою, и чѣмъ географическія условія его положенія дѣлаютъ возможнѣе хищническое

отношеніе къ нему сосѣдей, тѣмъ самостоятельность его подвержена большимъ опасностямъ; слѣдовательно, тѣмъ и внутреннее развитіе общества въ немъ менѣе прочно; тѣмъ болѣе силъ ему приходится тратить непроизводительно на приготовленіе къ возможной внѣшней опасности, и тѣмъ тяжелѣе эти несоразмѣрныя траты ложатся на его населеніе. При такомъ положеніи дѣлъ весьма понятно, что ложная идеализація видитъ во всякомъ увеличеніи государства его усиленіе, во всякомъ уменьшеніи— упадокъ. Конечно, иногда отдѣленіе части государства ослабляетъ его, но это тогда, когда часть эта составляетъ дѣйствительно органическій элементъ государственнаго тѣла, но отнята хищничествомъ сосѣда, какъ, напримѣръ, это имѣло мѣсто при хищническомъ захватѣ у Франціи Эльзаса и Лотарингіи новою Германскою имперіею. Подобные захваты дѣйствуютъ, конечно, очень болѣзненно на страну, которая подверглась хищничеству, но, опять-таки, не столько въ смыслѣ ея реальнаго ослабленія, сколько потому, что въ ней долго на первомъ планѣ всѣхъ государственныхъ и общественныхъ заботъ остается жажда возвращенія потеряннаго и репрессалій. Но еще болѣе патологически эти факты хищничества дѣйствуютъ на страну, которая ихъ совершаетъ. Это засвидѣтельствовали раздѣлы Польши, деморализующее дѣйствіе которыхъ на всѣ европейскія державы не прекратилось до сихъ поръ. Это свидѣтельствуетъ теперь Эльзасъ и Лотарингія съ ихъ упорными сепаратистскими влеченіями. Части, которыя заражены глубоко вкоренившимися сепаратистскими стремленіями, отпаденіемъ своимъ чаще могутъ усилить государство, чѣмъ способствовать его упадку. Тѣмъ не менѣе, такъ какъ весьма трудно опредѣлить съ точностью, насколько сепаратистскія стремленія данной части терри-

торіи глубоко вкоренились въ этой мѣстности, такъ какъ весьма естественно ошибаться на этотъ счетъ, и такъ какъ часто случается, что сепаратистскія стремленія лежатъ въ интересахъ одного класса населенія и противны интересамъ другого класса, то совершенно понятно, что въ сомнительныхъ случаяхъ всякое государство борется съ сепаратизмомъ своихъ частей, и что обществу приходится тратить на эту борьбу громадное количество силъ, иногда совершенно безполезно. Въ присутствіи другихъ сильныхъ государствъ, склонныхъ къ хищничеству, ни одно общество не желаетъ быть слабымъ. Но отношенія государствъ между собою сохранили еще въ значительной степени первобытный характеръ хищничества. Все это ведетъ за собою неизбѣжныя слѣдствія. Такъ какъ существованіе большихъ историческихъ государствъ есть историческій фактъ, то онъ долженъ быть взятъ въ соображеніе, и пока карта міра будетъ представлять нѣсколько большихъ государствъ, до тѣхъ поръ совершенно естественно будетъ стремленіе всѣхъ обществъ сплотиться въ большія и сильныя государственныя тѣла, для того, чтобы обезпечить свое *самостоятельное* развитіе; когда же государство уже сплотилось, въ немъ совершенно естественно стремленіе отстаивать всѣми силами свою цѣлость.

Такимъ образомъ, мы имѣемъ предъ собою дилемму. Чѣмъ государство меньше, слѣдовательно, слабѣе для внѣшней борьбы, тѣмъ болѣе ему грозитъ внѣшняя опасность потери самостоятельности; оно можетъ оградить свою самостоятельность, лишь дѣлаясь сильнѣе въ этомъ отношеніи и увеличиваясь. Но, съ тѣмъ вмѣстѣ, растетъ различіе въ интересахъ его частей, различіе политическаго вліянія центровъ и остальной страны; растетъ недовольство, и, слѣдовательно, государство, ослабляемое сепара-

тизмомъ, подвергается большимъ внутреннимъ опасностямъ.

Прогрессъ въ государственномъ строѣ заключается, конечно, въ стремленіи къ разрѣшенію этой дилеммы, т. е., къ постепенному устраненію обоихъ неудобствъ, ею высказанныхъ. Это достижимо теоретически лишь такимъ образомъ, чтобы государство сохраняло свое внѣшнее значеніе при возможно меньшемъ стѣсненія личностей внутри его и при допущеніи возможно широкой политической жизни въ мелкихъ центрахъ населенія.

Въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки сдѣлана попытка—до сихъ поръ самая широкая въ исторіи—соединить довольно сильное государственное единство, способное расшириться до какихъ угодно предѣловъ, съ возможно-полною самостоятельностью главныхъ центровъ. Но Сѣверо-Американскіе Штаты представляютъ въ этомъ отношеніи федерацію еще слишкомъ крупныхъ единицъ, не допускающихъ всеобщаго участія населенія въ важнѣйшихъ функціяхъ политической жизни штата, а потому не представляющихъ ручательства въ томъ, что все населеніе штата считаетъ себя дѣйствительно-солидарнымъ съ государственнымъ договоромъ, т. е. съ конституціею штата. Точно такъ-же теоретически и практически очевидно, что центральная конституція союза заключаетъ въ себѣ еще слишкомъ много элементовъ, которые впослѣдствіи могутъ быть переданы мѣстнымъ центрамъ безъ потери возможности для всего союза дѣйствовать, какъ одна государственная единица въ отношеніи другихъ государствъ. При движеніи парижской коммуны 1871 г. была выставлена программа политически-федеративнаго строя съ болѣе значительною долею самоуправленія мелкихъ центровъ, но условія борьбы не позволили этой

программѣ развиться хотя бы до той степени, при которой она могла бы назваться политическимъ опытомъ.

Такимъ образомъ, предыдущая дилемма еще не разрѣшена нигдѣ, но можетъ быть разрѣшена болѣе строгимъ раздѣленіемъ двухъ сторонъ государственной жизни: внутренней и внѣшней. Это, можетъ быть, было бы осуществимо путемъ созданія болѣе совершенныхъ формъ федеративнаго строя, при прочномъ ли установленіи общей территоріи по плану Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки, или при свободныхъ временныхъ федераціяхъ для опредѣленной цѣли, что̀ вѣроятнѣе въ будущемъ строѣ, къ которому стремятся соціалисты. Въ первомъ случаѣ, внѣшняя сторона государственной жизни, т. е. государство, какъ единичная сила въ системѣ государствъ міра, — оставаясь принадлежностью центральной власти, объединяющей территорію, можетъ имѣть естественное стремленіе къ расширенію этой территоріи, но функція эта должна становиться менѣе и менѣе важною, по мѣрѣ того, какъ исторія сдѣлаетъ отношенія между государствами менѣе хищническими и столкновенія между ними менѣе вѣрояными. Внутренняя-же сторона государственной жизни, т. е. именно та, которая можетъ оказаться болѣе или менѣе стѣснительною для отдѣльныхъ мѣстностей и личностей и можетъ вызывать наибольшее недовольство, должна переходить все полнѣе и полнѣе къ мельчайшимъ центрамъ, допускающимъ дѣйствительное участіе въ политической дѣятельности почти всѣхъ взрослыхъ личностей. Въ различіи мѣстнаго строя должно отразиться все разнообразіе мѣстныхъ потребностей и мѣстной культуры, при чемъ гражданинъ, стѣсненный условіями политическаго строя одной мѣстности, можетъ перейти въ другой мѣстный центръ, столь-же

полноправный политически, но болѣе подходящій къ его жизненному идеалу. Обширность территоріи въ этомъ случаѣ не только не можетъ быть стѣснительна, но скорѣе облегчаетъ гражданина, такъ какъ, по мѣрѣ этой обширности, растетъ и вѣроятность для него найти мѣстный центръ, соотвѣтствующій его желаніямъ; и въ то-же время онъ сохраняетъ сознаніе, что, замѣняя одни политическія условія жизни другими, онъ остается вѣренъ своему общему государственному отечеству. Центральная же власть можетъ при этомъ удержать за собою охраненіе лишь тѣхъ законовъ, общихъ для всей территоріи, которые составляютъ не исторически выработанныя условія культуры, не результатъ мѣстныхъ требованій и временныхъ увлеченій, а неизмѣнные выводы науки относительно общечеловѣческой истины и общечеловѣческой справедливости, именно того, что составляетъ указанныя въ предыдущихъ письмахъ условія прогресса и ихъ прямыя общія слѣдствія. Научность и общечеловѣчность этихъ законовъ должны сами собою имѣть слѣдствіемъ приложимость ихъ ко всѣмъ личностямъ, независимо отъ культурнаго разнообразія общества. Обязательность и принудительность этихъ законовъ можетъ имѣть лишь тотъ смыслъ, что условія прогресса для всего общества обязательно охранить отъ частныхъ увлеченій личностей; но, по мѣрѣ развитія общества, эта обязательность можетъ переходить все болѣе изъ государственнаго закона въ личное убѣжденіе, слѣдовательно, будетъ все болѣе терять свою принудительность, т. е. все болѣе будетъ сглаживаться особенность государственнаго строя отъ другихъ политическихъ связей.

При подобномъ положеніи дѣлъ отношеніе личностей къ принудительности закона было бы совершенно отлично

отъ того, что представляютъ намъ всѣ эпохи исторіи. Всегда личности менѣе развитыя легче приноравливались къ культурѣ и, при менѣе сильной работѣ мысли, менѣе страдали отъ недостатковъ даннаго строя. Личности же наиболѣе развитыя и всего сильнѣе работавшія мыслію всего болѣе чувствовали принудительность закона. Въ только что разсмотрѣнномъ строѣ общества личности мыслящія встрѣтятъ наименѣе препятствія въ государственномъ порядкѣ, потому что возможность дальняго перемѣщенія, безъ оставленія политическаго отечества, дозволитъ имъ жить въ средѣ избранной ими культуры; а научность общегосударственныхъ законовъ дозволитъ имъ направить свои силы не на измѣненіе политическихъ условій, а на болѣе жизненные интересы личнаго и общественнаго развитія. Этимъ путемъ государственный элементъ въ жизни человѣчества стремился бы, какъ уже было сказано, къ своему минимуму, по мѣрѣ прогрессивнаго развитія общества. Уменьшеніе столкновеній государствъ уменьшало бы значеніе государственнаго элемента во внѣшнихъ отношеніяхъ, а возрастаніе сознанія въ личностяхъ и осуществленія истины и справедливости въ общественныхъ формахъ уменьшало бы внутреннюю принудительность, какъ исходящую изъ общаго государственнаго центра. Та же часть государственной функціи, которая перешла бы къ мелкимъ частнымъ центрамъ, потеряла бы свою принудительность, вслѣдствіе разнообразія мѣстнаго политическаго строя, его соотвѣтствія съ мѣстною культурою и вслѣдствіе полной возможности для личности выбрать удобнѣйшій политическій строй, не выходя изъ предѣловъ отечества. Этимъ путемъ мѣстные центры стремились бы обратиться въ свободный общественный союзъ, государство же стремилось бы ос-

новать свое существованіе и единство на обязательности разума, а не на историческомъ принужденіи. Государственный договоръ сдѣлался бы, съ одной стороны, свободнымъ договоромъ личностей, съ другой — результатомъ науки. Государственная связь перешла бы почти вполнѣ въ связь свободнаго общества. Но и на эту форму государственнаго строя приходилось бы смотрѣть, какъ на переходную къ болѣе совершенной и болѣе свободной федераціи мелкихъ центровъ и группъ, которую имѣетъ въ будущемъ въ виду современный соціализмъ.

„Но всего этого нѣтъ нигдѣ? — скажетъ читатель.— Современныя государства стоятъ на сторожѣ другъ противъ друга, все усиливая свои вооруженія и строго охраняя свою цѣлость законами и наказаніями. Государственный договоръ обязателенъ для подданнаго, никогда не спрошеннаго, согласенъ ли онъ на этотъ договоръ, или нѣтъ; и тутъ также повиновеніе обезпечивается страхомъ наказаній. Наука остается на каѳедрахъ и въ книгахъ, не переходя въ кодексы".—Конечно, нынѣшнія государства,въ томъ видѣ, какъ они существуютъ, заключаютъ въ себѣ несравненно болѣе слѣдовъ минувшей исторіи, чѣмъ замѣтныхъ стремленій къ прогрессу. Ложная идеализація государственнаго механизма имѣетъ еще много приверженцевъ. Истинная идеализація государства, какъ охранительнаго элемента общества, заключающаго въ себѣ самомъ стремленіе постоянно спускаться къ минимуму, не только не осуществлена нигдѣ, но еще и сознана очень немногими. Не будемъ порицать настоящаго, потому что оно есть неизбѣжный результатъ прошедшаго. Но въ настоящемъ есть возможность прогресса, а прогрессъ для государства возможенъ лишь на одномъ пути. На этотъ путь помощью реформъ или помощью революцій должны стремиться

направить существующія государства всѣ тѣ, кто понимаетъ прогрессъ и желаетъ служить ему. Если этотъ путь оказался бы невозможенъ, то прогрессъ для политическаго строя немыслимъ, а политическая исторія останется лѣтописью общественной патологіи.

Не покажется ли иному читателю прямымъ противорѣчіемъ поставленіе для политическаго прогресса требованія, чтобы государственный элементъ въ обществѣ уменьшался? Не покажется ли ему, что, ослабляя этотъ элементъ въ обществѣ во имя требованій прогресса вообще, прогрессивная партія отнимаетъ сама у себя лучшее орудіе для борьбы съ противникомъ? — Мысль объ уменьшеніи государственнаго элемента въ обществѣ при его прогрессѣ есть вовсе не новая мысль. Ее высказалъ, между прочимъ, уже Фихте-старшій въ трудѣ, появившемся въ 1813 году, и она съ тѣхъ поръ выражена была не разъ. Анархисты-теоретики положили устраненіе государственнаго элемента въ основу своего ученія, отрицая необходимость его существованія даже въ эпоху упорной борьбы съ сильными противниками прогресса, но съ этимъ уже трудно согласиться. Ослабленіе государственнаго элемента, конечно, зависитъ отъ уменьшенія необходимости защищать слабаго, охранять свободу мысли и т. п. *государственными* силами. Пока существуютъ монополизаторы капиталовъ, огражденные законами, и пока большинство не имѣетъ даже элементарныхъ средствъ для развитія, до тѣхъ поръ государственныя силы представляютъ необходимое орудіе, которымъ стремится овладѣть партія, борющаяся за прогрессъ или за регрессъ. При этихъ условіяхъ критически-мыслящія личности должны смотрѣть на него лишь какъ на орудіе въ этой борьбѣ, могутъ употреблять всѣ уси-

лія, чтобы овладѣть необходимымъ орудіемъ и направить его на выработку прогресса, на подавленіе регрессивныхъ партій; но, употребляя это орудіе, борцы за прогрессъ должны помнить, что оно имѣетъ свои особенности, которыя принуждаютъ прогрессивнаго дѣятеля обращаться съ нимъ крайне осторожно. Въ борьбѣ совершенно естественно заботиться объ усиленіи орудія, которымъ дѣйствуешь, но усиленіе государственной власти, по самой сущности ея, можетъ быть вредно для общественнаго прогресса, едва лишь это усиленіе идетъ нѣсколько далѣе крайней необходимости въ данномъ частномъ случаѣ. Оно соотвѣтствуетъ всегда увеличенію обязательнаго, насильственнаго элемента общественной жизни, всегда подавляетъ нравственное развитіе личности и свободу критики. Это и составляетъ главное затрудненіе въ прогрессивной дѣятельности государственными средствами. Это обусловливало неудачу или вредъ, принесенный знаменитыми реформаторами, которые декретировали прогрессъ въ неподготовленномъ обществѣ. Мѣру употребленія государственныхъ силъ въ борьбѣ за прогрессъ въ каждомъ частномъ случаѣ опредѣлить трудно, но, кажется, всего вѣрнѣе допустить, что эти силы могутъ съ пользою быть употреблены лишь отрицательно, т. е. для подавленія препятствій, противопоставляемыхъ свободному развитію общества существующими культурными формами. Впрочемъ, это — вопросъ крайне спорный. Пока государственный союзъ есть могущественная функція въ борьбѣ за прогрессъ и за регрессъ, до тѣхъ поръ критически-мыслящая личность имѣетъ право употреблять ее, какъ орудіе для охраненія слабыхъ, для расширенія истины и справедливости, для доставленія лично-

стямъ средства развиться физически, умственно и нравственно, для доставленія большинству минимума удобствъ, необходимаго для вступленія на путь прогресса, для доставленія мыслителю средствъ высказать свою мысль, а обществу возможность оцѣнить ее, для сообщенія общественнымъ формамъ той гибкости, которая мѣшала бы имъ окоченѣть и дѣлала бы ихъ доступными измѣненіямъ, благопріятнымъ для расширенія пониманія истины и справедливости. Это справедливо не только для государства *такъ, какъ оно есть* въ данную эпоху, но и для всѣхъ общественныхъ формъ, встрѣчаемыхъ личностью въ культурной средѣ, какъ было сказано выше въ письмѣ восьмомъ. Но, работая *при пособіи* государственнаго элемента для научнаго реализированія человѣческихъ потребностей въ другихъ общественныхъ формахъ, прогрессивный дѣятель долженъ помнить, что сама форма государственности не соотвѣтствуетъ какой-либо особой реальной потребности; что она, слѣдовательно, не можетъ быть никогда *цѣлью* прогрессивной дѣятельности, остается для нея во всѣхъ случаяхъ лишь *средствомъ*, и потому должна измѣняться сообразно другимъ *руководящимъ* цѣлямъ. При крайней неправильности жизненныхъ отправленій можетъ встрѣтиться необходимость въ леченьи весьма энергическомъ. При улучшеніи положенія больного лекарства должны быть слабѣе. Медикъ-человѣкъ знаетъ, что лишь тогда паціентъ его здоровъ, когда для него достаточна правильная гигіена, а терапевтическія средства устранены совсѣмъ.

Неужели человѣческія общества могутъ ставить себѣ цѣлью вѣчное политическое леченіе, а не здоровую жизнь по правиламъ соціологической гигіены?

ПИСЬМО ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ.

Естественныя границы государства.

Въ послѣднемъ письмѣ я говорилъ о политическомъ прогрессѣ общества и пришелъ къ тому результату, что этотъ прогрессъ заключается въ уменьшенiи государственнаго элемента въ общественной жизни. Мнѣ пришлось указать, что современный строй общества еще очень недалеко ушелъ на пути этого прогресса, и что государственное начало насильственнаго подчиненiя одной части населенiя территорiи условiямъ жизни, не обсужденнымъ этою частью населенiя, есть общее правило для современныхъ обществъ. Такое положенiе дѣлъ тяготѣетъ на личностяхъ тѣмъ болѣе, что государственныя единицы стремятся расшириться для бóльшаго ручательства за успѣхъ въ случаѣ борьбы между государствами, а по мѣрѣ расширенiя государственныхъ единицъ, онѣ захватываютъ мѣстности, все болѣе различающiяся между собой по экономическимъ и нравственнымъ потребностямъ населенiя. Конечно, отдѣльныя личности не въ состоянiи бороться противъ государства, захватывающаго ихъ жилища въ свою территорiю и налагающаго на нихъ обязанность подданства. Но для обезпеченiя личностей отъ безпрестанныхъ случайностей подобнаго рода, мыслители выставляли различные принципы, которые должны

бы указать естественные предѣлы распространенія государствъ. Если бы подобные принципы были установлены, то можно было бы научно опредѣлить для каждаго государства законность или незаконность его существованія, справедливость или несправедливость его завоевательныхъ войнъ, словомъ — идеальную систему раздѣленія поверхности земного шара на территоріи. Тогда всякое государство имѣло бы совершенно опредѣленную цѣль для своего территоріальнаго развитія, и, при всякомъ отклоненіи отъ этой цѣли, оно знало бы, что завѣщаетъ слѣдующимъ поколѣніямъ тяжелую борьбу, которая всетаки кончится тѣмъ, что государство будетъ когда-нибудь приведено къ своимъ естественнымъ границамъ. Можетъ быть, подобное соображеніе устранило бы изъ исторіи человѣчества многія кровавыя столкновенія, много страданій и горя для личностей, такъ какъ надо предполагать, что хотя нѣкоторые руководители судебъ народовъ сообразили бы, насколько нелѣпо проливать кровь и тратить капиталы на предпріятія, по самой сущности своей противорѣчащія естественному теченію событій.

Но до сихъ поръ ни одного сколько-нибудь раціональнаго принципа въ этомъ отношеніи не было выставлено; естественные предѣлы государства оказались въ большинствѣ случаевъ не болѣе, какъ маскою для хищническихъ поползновеній на захваты того или другого кусочка землицы. Если внимательно разсмотрѣть дѣятельность разныхъ пріобрѣтателей, возвеличенныхъ исторіей, то предѣлы, къ которымъ они стремились для своихъ государствъ, окажутся въ самомъ дѣлѣ естественными, но совсѣмъ въ иномъ смыслѣ. Они руководствовались весьма простымъ принципомъ, сближающимъ человѣка съ

его меньшими зоологическими братьями: бери, что можешь; а при этомъ естественные предѣлы силы опредѣляли и естественные предѣлы государства. Идеаломъ для такихъ пріобрѣтателей всегда было всемірное государство. Ни форма правительства, ни раса завоевателей, ни степень ихъ цивилизаціи въ этомъ случаѣ не представляютъ ни малѣйшей разницы. Тамерланъ, Людовикъ XIV, Александръ Македонскій, Наполеонъ I, римская республика, венеціанская аристократія, сѣверо-американская демократія—имѣли въ виду одно и то-же.

Если наши заатлантическіе друзья ограничиваются въ своей политической программѣ материкомъ новаго свѣта, то это не что иное, какъ временная стыдливость: во-первыхъ, и программа овладѣнія материкомъ Америки уже довольно обширна, чтобы доставить не мало дѣла нѣсколькимъ послѣдовательнымъ поколѣніямъ; во-вторыхъ, государство, охватывающее весь материкъ Америки, будетъ неизбѣжно господствовать надъ всѣми государствами міра; слѣдовательно, ихъ самостоятельность будетъ лишь кажущейся; наконецъ, въ третьихъ, что же помѣшало бы начертать вторую, болѣе широкую программу, когда первая была бы выполнена?

Изъ разныхъ принциповъ, выставленныхъ до сихъ поръ для опредѣленія естественныхъ предѣловъ государствъ, лишь два заслуживаютъ особеннаго вниманія: это—стратегическія границы и границы національностей.

Если существенное отношеніе между государствами есть борьба, то совершенно понятно принять за естественные предѣлы для каждаго государства такія линіи, за которыми оно наиболѣе обезпечено отъ нападеній, т. е. можетъ съ наименьшими издержками оградить свою

территорію отъ захватовъ. Но подобныя линіи оказываются цѣлесообразными лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда государство готово къ оборонѣ и проникнуто достаточною энергіею для обороны, да еще если силы обороняющагося не черезъ мѣру уступаютъ силамъ наступающаго; иначе говоря, стратегическія линіи хороши лишь тогда, когда и безъ нихъ оборона страны можетъ быть весьма значительна. Если же указанныя условія для нея не существуютъ, то стратегическія границы не помогали никогда. Широкія рѣки и моря столь же мало останавливали искусныхъ и энергическихъ полководцевъ, какъ хребты горъ, китайскія стѣны и пресловутые четыреугольники крѣпостей. Для государства, сильнаго матеріально и нравственно, всюду оказывается достаточная стратегическая граница; въ минуты политическаго ослабленія такія границы существуютъ лишь на картахъ.

Въ послѣднее время получаетъ болѣе и болѣе вліянія на ходъ историческихъ событій принципъ національностей. Я говорилъ въ одиннадцатомъ письмѣ объ отношеніи личности къ этому принципу и о томъ, при какихъ условіяхъ національность можетъ быть началомъ прогрессивнымъ. Но тамъ неудобно было разобрать обстоятельство, усложняющее вопросъ, именно случай столкновенія національностей. Разсмотрѣть этотъ случай нельзя было, не взявъ въ соображеніе принципъ государства, такъ какъ столкновеніе національностей происходитъ или въ формѣ столкновенія государствъ или въ формѣ борьбы внутри государства за его цѣлость и за сепаратизмъ. Хотя исторія не разъ доказывала, что войны происходятъ столь же часто между различными націями, какъ и между обществами, принадлежащими къ одной и той же національности, но въ послѣднее время многіе

считаютъ вѣроятнѣйшимъ предохранительнымъ средствомъ отъ будущихъ войнъ и междоусобій принципъ національности въ его приложеніи къ опредѣленію естественныхъ границъ государства. Въ этомъ отношеніи онъ выражаетъ двойственное стремленіе: первое—*положительное*—объединеніе личностей одной и той же національности въ одно государство, второе—*отрицательное* –освобожденіе личностей изъ государственнаго цѣлаго, образуемаго національностью имъ чуждой. Посмотримъ, насколько можно считать прогрессивными эти два элемента національнаго принципа.

Первый изъ нихъ можетъ быть сведенъ на слѣдующее положеніе: естественно и справедливо, чтобы одинъ и тотъ же государственный договоръ былъ обязателенъ для всѣхъ личностей, которыхъ культура связала языкомъ, преданіями, образомъ жизни.—Весьма понятно, что культурная связь можетъ существовать и для личностей, экономическія, политическія и умственныя требованія которыхъ весьма различны. Двѣ группы людей, говорящихъ на одномъ и томъ же языкѣ, могутъ имѣть совершенно различную обстановку. Промышленные и торговые центры могутъ быть общи для людей, имѣющихъ различный образъ жизни, и различны для людей, сходныхъ по образу жизни. Для одной части національности интересъ обороны своего существованія отъ хищничества сосѣдей можетъ требовать большей централизаціи управленія и высшихъ прерогативъ для власти, тогда какъ другая часть той же національности обезпеченная отъ внѣшнихъ нападеній свойствомъ мѣстности, на которой она обитаетъ, не имѣетъ нужды въ подобной централизаціи и можетъ стремиться свести принудительность государственнаго договора до минимума. Что-же можно признать прогрессив-

нымъ въ объединеніи этихъ разнообразныхъ группъ однимъ государственнымъ договоромъ?

Неужели можно видѣть прогрессъ въ томъ, что политическія условія выработанныя населеніемъ одной части данной территоріи вслѣдствіе особенныхъ интересовъ и потребностей этой части, будутъ обязательны для населенія другой части той же территоріи, связанной съ первой лишь единствомъ языка и нѣкоторыми другими особенностями культуры? Ни пониманіе истинныхъ потребностей отдѣльныхъ личностей, ни пониманіе справедливѣйшихъ отношеній между ними не можетъ выиграть отъ этого искусственнаго соединенія однимъ принудительнымъ договоромъ людей, имѣющихъ весьма мало общаго; въ подобномъ соединеніи всего менѣе можно видѣть внесеніе справедливости въ общественныя формы. Это соединеніе вноситъ въ населеніе государственной территоріи лишь взаимное раздраженіе, т. е. источникъ сепаратистскихъ стремленій, который, какъ уже было сказано, опаснѣе самого распаденія государства. Оно обращаетъ государство все болѣе и болѣе въ отвлеченное цѣлое, а не въ живую единицу, выдвигаетъ все болѣе и болѣе на видъ, при его объединеніи не общность интересовъ, культурныхъ привычекъ и вопросовъ въ области мысли, а принудительность договора, поддержаннаго административной организаціей и силой оружія. Поэтому слитіе обществъ одной національности въ одно государство не представляетъ никакого ручательства въ содѣйствіи прогрессу обществъ, и чѣмъ значительнѣе распространеніе данной національности, слѣдовательно, чѣмъ значительнѣе територія государства, ею образуемаго— тѣмъ вѣроятнѣе, что стѣсненіе населенія государствен-

нымъ договоромъ усилится и явится большою помѣхою общественному прогрессу.

Но есть еще поводъ предполагать, что государственное объединеніе національности скорѣе можетъ противодѣйствовать прогрессу общества, чѣмъ способствовать ему. Я говорилъ въ прежнихъ письмахъ о томъ, что на почвѣ идеализаціи того или другого принципа въ данномъ обществѣ—въ немъ выработывается меньшинство, которое пользуется выгодами этой идеализаціи, и что, въ виду прочности общества, на этомъ меньшинствѣ лежитъ обязанность распространить эти выгоды на большинство. Хотя это было и нравственною обязанностью, и заключало въ себѣ требованіе пользы самого меньшинства, но подобная задача, какъ извѣстно изъ исторіи, выполнялась въ самыхъ ограниченныхъ размѣрахъ. Напротивъ, меньшинство, пользовавшееся благами данной цивилизаціи, хотѣло большею частью—вслѣдствіе дурно продуманнаго эгоизма—присвоить себѣ монополію выгодъ цивилизаціи, оставляя на долю большинства лишь ея тягости. Лучшимъ орудіемъ для подобныхъ стремленій обыкновенно служила и могла служить государственная организація. Помощью ея меньшинство монополистовъ цивилизаціи пыталось упрочить себѣ выгоды послѣдней и подавлять всякую попытку къ измѣненію порядка вещей въ обществѣ,—измѣненію, которое имѣло бы цѣлью внести въ общество болѣе справедливыя отношенія между личностями. Подобныя попытки, вызываемыя общественными страданіями, тѣмъ не менѣе, дѣлались личностями. Являлись противники устарѣлыхъ законовъ и формъ правленія. Шла пропаганда реформистовъ. Образовались болѣе или менѣе энергическія партіи оппозиціи существующему строю. Это былъ, какъ мы уже

видѣли, единственный путь прогрессивнаго развитія для общества. Слѣдовательно, прогрессъ общества требовалъ, чтобы для отдѣльныхъ личностей были *возможны* попытки критически относиться къ существующему общественному строю, распространять свои идеи, собрать около себя единомышленниковъ и образовать партію, которая вступила бы въ борьбу за болѣе истинное пониманіе и болѣе справедливое осуществленіе общественныхъ задачъ. Въ противномъ случаѣ требованіе легальныхъ реформъ переходило въ подготовленіе революціи. Оппозиція выработывалась въ мятежниковъ; при выгодныхъ условіяхъ—въ революціонеровъ. Конечно, подобная борьба личностей за общественный прогрессъ имѣла главнымъ орудіемъ своимъ проповѣдь или агитацію словесную или письменную на языкѣ того общества, строй котораго имѣла въ виду критика личностей и на которое имъ необходимо было подѣйствовать для своихъ реформаціонныхъ или революціонныхъ цѣлей. Но столь же неизбѣжно было и то, что именно на эти личности направлялись въ особенности удары государственной организаціи, имѣвшей въ виду охранить монополію меньшинства въ пользованіи выгодами цивилизаціи. Поэтому, если всѣ личности, говорившія даннымъ языкомъ, жили въ предѣлахъ *одной* государственной территоріи, то дѣйствіе личностей на населеніе территоріи было очень затруднено; критическая мысль слабѣла; образованіе реформистскихъ и революціонныхъ партій встрѣчало значительныя препятствія; личности, пытавшіяся вывести общество на болѣе прогрессивную дорогу, большею частію гибли въ борьбѣ, и прогрессъ общества замедлялся. Напротивъ, когда нѣсколько независимыхъ государствъ употребляли одинъ и тотъ же языкъ, то между ними

весьма скоро возникло соперничество не только въ сферѣ политическаго вліянія, но и вообще въ области мысли. Личности, критическія стремленія которыхъ подвергали и могли подвергнуть ихъ преслѣдованію въ одномъ государствѣ, находили убѣжище въ другомъ. Ихъ мысль крѣпла на свободѣ. Общность культурныхъ условій въ обоихъ государствахъ дозволяла легко распространиться слову и мысли изъ одного государства въ другое, не смотря ни на какія препятствія. Партія прогресса усиливалась, и вѣроятность прогрессивныхъ реформъ въ обществѣ становилась значительнѣе

Исторія представляетъ множество примѣровъ въ подтвержденіе этого положенія. Раздѣленіе греческаго міра на независимые центры способствовало развитію греческой мысли не только въ эпоху свободныхъ республикъ, но даже въ эпоху деспотическихъ діадоховъ. Единство римскаго государства раздавило развитіе критической мысли. Феодальный міръ Европы, не смотря на дикость его цивилизаціи, на крайнюю бѣдность его культуры, далъ начало сатирической и полемической литературѣ, смѣлость которой едва вообразима во время ужасовъ инквизиціи и полнѣйшаго самоуправства властителей, не ставившихъ жизнь и свободу личности ни во что. Критика старой Франціи въ періодъ Бурбоновъ сдѣлалась возможна и вліятельна лишь потому, что ни Людовикъ XIV, ни Людовикъ XV не могли помѣшать существованію французской литературы за предѣлами ихъ государства, среди населенія, говорившаго по французски Едва ли германская философская мысль могла бы получить такое блестящее развитіе и такое независимое отношеніе къ своему предмету, если бы германскіе университеты не были разсѣяны въ независимыхъ государствахъ, соперни-

чавшихъ въ области мысли, какъ древніе діадохи, несмотря на свою склонность къ абсолютизму. Даже для древней Руси можно замѣтить, что преобладаніе сѣверной Руси надъ южной и потомъ Москвы надъ Русью, при паденіи самостоятельныхъ народоправствъ, шло впередъ рядомъ съ ослабленіемъ работы мысли. Въ московской Руси критика могла уже проявляться лишь въ формѣ Стеньки Разина и раскола.

Все это приводитъ къ заключенію, что раздробленіе національностей на независимыя государства гораздо болѣе способствуетъ прогрессу обществъ, входящихъ въ составъ данной національности, чѣмъ соединеніе всей націи, говорящей какимъ-либо языкомъ, подъ законы одного государства. Имѣя это въ виду, прогрессивныя партіи должны болѣе заботиться о независимости территорій, лежащихъ за предѣлами ихъ политическаго отечества, но имѣющихъ съ нимъ общій языкъ, чѣмъ о включеніи ихъ въ одно государство. Конечно, здравомыслящіе французскіе прогрессисты въ эпоху второй имперіи должны были видѣть, что для нихъ выгоднѣе, чтобы Бельгія и Женева остались независимыми, чѣмъ входили въ державу наполеонидовъ. Тамъ же, гдѣ подобныхъ независимыхъ территорій не оказывается, прогрессивная партія должна всѣми силами заботиться о ихъ образованіи, такъ какъ онѣ представляютъ важное пособіе свободной критикѣ личностей, распространенію независимой мысли и усиленію прогрессивной партіи. Вообще можно сказать, что *положительная* сторона національнаго принципа въ раздѣленіи территорій не должна считаться прогрессивною, и нація, стремящаяся къ достиженію естественныхъ государственныхъ границъ въ томъ смыслѣ, чтобы въ нихъ включить всѣ личности,

говорящія ея языкомъ, весьма ошибается, если видитъ въ этомъ стремленіи прогрессъ.

Отрицательная сторона принципа національностей имѣетъ большее значеніе. Различіе языка и культурныхъ привычекъ, большею частью, обусловливаетъ достаточную разницу въ экономическихъ, политическихъ и умственныхъ потребностяхъ, чтобы государственное единство, при этихъ условіяхъ, сдѣлалось крайне затруднительнымъ. Большею частью, при соединеніи различныхъ національностей въ одно государство, договоръ, ихъ связующій, выгоденъ для одной національности, стѣснителенъ для другой и возбуждаетъ ихъ взаимную вражду. Исходъ столкновеній можетъ заключаться или въ томъ, что сильнѣйшая національность поѣдаетъ слабѣйшую, подавляя мало по малу ея особенности, или въ томъ, что государственное единство все болѣе стремится перейти въ федеративный союзъ отдѣльныхъ государствъ. При этомъ совершенно естественно, что слабѣйшая національность, всѣми силами отстаивая свое существованіе, стремится составить особое государство, такъ какъ въ противномъ случаѣ ей грозитъ гибель. Борьба за свое существованіе есть борьба вполнѣ законная, и стремленіе къ государственному обособленію въ этомъ случаѣ совершенно естественно. Столь же естественно въ виду борьбы между большими государствами, какъ я говорилъ въ послѣднемъ письмѣ, стремленіе государственной власти сохранить единство государственнаго цѣлаго. При этомъ сталкиваются два естественныя стремленія, но вопросъ о справедливости и прогрессѣ нисколько не связанъ нераздѣльно съ тѣмъ или другимъ. Какъ всякое другое знамя общественныхъ партій, и сепаратизмъ во имя принципа національности, и стремленіе поддержать государственное един-

ство могутъ быть явленіями прогрессивными въ одномъ случаѣ, ретроградными въ другомъ. Рѣшеніе вопроса зависитъ отъ совокупности обстоятельствъ, а не отъ котораго-либо изъ нихъ, взятаго въ отдѣльности.

Каждая національность въ данную эпоху своей исторіи лишь настолько имѣетъ право на сочувствіе мыслителя, насколько она въ формахъ своей цивилизаціи осуществила стремленія къ истинѣ и справедливости. При столкновеніи національностей по вопросу о государственномъ единствѣ или сепаратизмѣ, побѣда во имя прогресса желательна для той національности, которая воспитала въ себѣ болѣе критическое отношеніе къ вопросамъ въ области мысли, болѣе живое стремленіе къ практическому осуществленію того, что справедливѣе. Національность, опирающаяся въ своихъ требованіяхъ на грубую силу численнаго преобладанія, на преданія, чуждыя научной критикѣ, на пережитые давно періоды исторіи, на трактаты, когда-то оградившіе права хищниковъ формою договора, – сама себѣ подписываетъ приговоръ въ процессѣ историческаго столкновенія народовъ. Исторія тѣмъ именно отличается отъ остальныхъ процессовъ природы, что въ ней явленія не повторяются, и прошедшее остается для нея лишь воспоминаніемъ. Если бы во имя минувшаго можно было передѣлывать настоящее, то подобная передѣлка не имѣла бы конца, такъ какъ за полувѣковымъ минувшимъ возстало бы минувшее вѣковое, за нимъ двухвѣковое и т. д., и т. д., каждое со *своими* легендарными столкновеніями и желаніями, со *своими* героями и злодѣями. Минувшее минуло и не можетъ быть судьею настоящаго. Судьею настоящаго является еще не осуществленное будущее въ его идеалахъ истины и справедли-

вости, въ томъ видѣ, въ какомъ они живутъ въ умахъ мыслителей настоящаго.

Передъ мыслителемъ въ основѣ всего лежитъ неизмѣнный законъ природы, который нарушить нельзя ни для какихъ стремленій къ лучшему, истиннѣйшему и справедливѣйшему. Передъ мыслителемъ фактическое распредѣленіе матеріальныхъ, умственныхъ и нравственныхъ силъ въ настоящемъ, распредѣленіе, обусловленное минувшей исторіей, котораго не признать тоже нельзя изъза новыхъ идеаловъ, потому что оно совершилось. Передъ мыслителемъ идеалы истины и справедливости, выработанные вокругъ него и въ немъ самомъ исторіей. Въ нихъ заключаются движущія силы будущаго, дѣйствіе которыхъ ограничено неизмѣнными законами природы и данной почвой историческихъ фактовъ. Во имя этихъ идеаловъ и только во имя ихъ можно объявить настоящее распредѣленіе силъ правильнымъ. Никакое другое право не можетъ быть признано предъ судомъ совершающейся исторіи. Національность, которая хочетъ отстоять себя въ борьбѣ за существованіе при невыгодныхъ для нея условіяхъ, должна заявить себя представительницей лучшихъ требованій будущаго, не ссылаясь на невозвратимое минувшее. Національность, которая хочетъ преобладать надъ другими, должна отречься отъ всего, что сковывало жизнь народовъ съ отжившими началами; должна возможно строже провести критику въ области мысли и возможно лучше осуществить справедливость въ области жизни. Внѣ этихъ способовъ нѣтъ прочныхъ основъ для государственнаго развитія національностей. Если онѣ напишутъ на своемъ знамени призраки минувшаго, то ихъ существованіе будетъ всегда непрочно и призрачно, несмотря на героизмъ личностей, несмотря

на сочувствіе, которое всегда внушаетъ зрителю отвага отчаянной борьбы слабаго противъ сильнаго. Если нація скуетъ себя съ муміей безжизненныхъ началъ, то ни огромность территоріи, ни значительность матеріальныхъ средствъ не дозволятъ ей прочнаго господства среди народовъ: ея мысль останется безплодною, ея лучшія стремленія будутъ поражены безсиліемъ и ей придется подчиниться умственно и нравственно народамъ, несравненно слабѣйшимъ ея. Лишь въ истинѣ и справедливости сила народовъ.

Поэтому и въ борьбѣ за государственное единство или за сепаратизмъ тотъ изъ этихъ элементовъ есть представитель права, который написанъ на знамени національности, вполнѣ отрекшейся отъ призраковъ минувшаго, вносящей критику въ область мысли, справедливость въ область жизни. Государство есть отвлеченное понятіе, и если это понятіе не заключаетъ реальнаго содержанія, то оно становится идоломъ, предъ которымъ приносить кровавыя жертвы безсмысленно и безнравственно. Реальное содержаніе понятію даетъ лишь личность въ своемъ развитіи. Внеся въ понятіе о государствѣ требованіе истины и справедливости, личность обращаетъ предразсудочнаго идола въ нераздѣльный элементъ высшаго общественнаго идеала, и для этого идеала всякія жертвы разумны и справедливы. Обособленіе національности устраняется, какъ несущественный вопросъ, тамъ, гдѣ государство, хотя издалека, подходитъ къ идеальнымъ требованіямъ, и это доказываетъ примѣръ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, гдѣ эмигранты цѣлаго міра уже во второмъ поколѣніи, а иногда и въ первомъ, становятся просто американцами. Сепаратизмъ южныхъ штатовъ не имѣлъ права заявлять себя передъ конституціей, лучше

которой еще ничего не представила исторія, и передъ установленіемъ равноправности расъ, которой пришлось противопоставить лишь апологію невольничества. Съ другой стороны, многочисленныя сепаратистскія стремленія въ Европѣ и Южной Америкѣ имѣли весьма часто право за себя, потому что государства, противъ цѣлости которыхъ вооружались сепаратисты, были весьма далеки отъ допущенія свободной критики въ мысли и отъ воплощенія справедливости въ общественныхъ формахъ. Здѣсь право склонялось тѣмъ болѣе на сторону сепаратистовъ, чѣмъ прогрессивнѣе былъ государственный идеалъ, къ которому они стремились при обособленіи. Тамъ же, гдѣ и защитники единства государства и сепаратисты спорятъ изъ-за мнѣній и изъ-за призраковъ минувшаго, въ весьма незначительной степени внося въ свои требованія идеалы современности, тамъ идетъ борьба не за прогрессъ, не за человѣческія стремленія; тамъ мыслитель отворачивается, сожалѣя о тратѣ силъ и крови. Тамъ лишь любитель историческихъ мелодрамъ съ жадностью слѣдитъ за кровавой борьбой гладіаторовъ, за фанатическимъ самоотверженіемъ рыцарей минувшаго съ ихъ разнообразными девизами. Гомериды будутъ всегда воспѣвать Ахилловъ и Гекторовъ, но какой смыслъ для Аристотеля имѣетъ борьба за прекрасную Елену?

Когда національность прониклась требованіями истины и справедливости, когда она рѣшилась разорвать съ минувшимъ и служить прогрессу, то она имѣетъ право отстаивать свое обособленіе отъ государственнаго единства, стѣсняющаго ея стремленія; или, если она достигла уже государственнаго преобладанія, она имѣетъ право употреблять самыя энергическія мѣры, чтобы отстоять свою прочность и матеріальную силу своей по-

литической организаціи, рядомъ съ сосѣдями, стоящими на низшей ступени цивилизаціи. Прогрессивная національность имѣетъ право на выдѣленіе изъ менѣе прогрессивнаго государства. Прогрессивная національность имѣетъ право на подавленіе сепаративныхъ стремленій національностей менѣе прогрессивныхъ и связанныхъ съ нею исторически государственнымъ договоромъ. Но это послѣднее *абстрактное* право *никогда* не приходится прилагать на практикѣ, такъ какъ прогрессивной національности не приходится бороться съ сепаратизмомъ всего населенія части территоріи, а развѣ съ однимъ классомъ жителей послѣдней. Такъ, сѣверные штаты боролись не противъ всего населенія южныхъ, а противъ меньшинства населенія, стремившагося удержать за собой власть надъ большинствомъ. При подобныхъ обстоятельствахъ борьба правомѣрна лишь въ томъ случаѣ, когда національность, отстаивающая цѣлость государства, дѣйствительно имѣетъ въ виду улучшить состояніе подавленнаго большинства и можетъ ему принести *дѣйствительно* высшія общественныя начала, чѣмъ національность, стремящаяся къ сепаратизму. Такъ было въ Америкѣ.

Здѣсь намъ представляется въ новой формѣ разсмотрѣнный уже выше вопросъ: если государственное начало въ своемъ прогрессивномъ развитіи должно придти къ минимуму, то не слѣдуетъ ли прогрессивнымъ партіямъ устраниться вовсе отъ международныхъ политическихъ вопросовъ и обратиться исключительно къ другимъ сторонамъ общественной дѣятельности? Такъ какъ уже было сказано, что историческія условія составляютъ почву *возможнаго* для всякой дѣятельности, то въ нихъ надо искать и рѣшеніе вопроса. Такъ какъ самыя прогрессив-

ныя партіи составляютъ еще меньшинство человѣчества и самыя прогрессивныя національности подвергаются опасности хищническаго насилія со стороны сосѣдей, то онѣ должны готовиться къ борьбѣ, должны отстаивать прогрессъ и въ томъ, чтобы доставить ему болѣе матеріальной силы. Отсюда временная обязанность для прогрессивныхъ партій не только отстаивать свои идеи путемъ критики и воплощать ихъ путемъ убѣжденія, но и пользоваться существующими государственными организаціями для того, чтобы бороться съ враждебными партіями, стоящими во главѣ другихъ государствъ.

Конечно, это—обязанность лишь временная, вызываемая хищничествомъ, которое господствуетъ въ сношеніяхъ между государствами и опасностью политическихъ войнъ. Мы видѣли, что политическій прогрессъ заключается въ доведеніи государственнаго элемента въ обществѣ до минимума, т. е. въ устраненіи всякой принудительности политическаго договора для личностей, съ нимъ несогласныхъ. Такъ какъ этотъ прогрессъ уничтожаетъ сепаратистскія стремленія въ самомъ ихъ зародышѣ, то съ тѣмъ вмѣстѣ исчезнутъ и поводы борьбы между національностями, поводы къ стѣсненію однѣхъ національностей другими во имя государственнаго единства. Вмѣстѣ съ тѣмъ потеряетъ свое значеніе и вопросъ о естественныхъ границахъ государствъ. Временные экономическіе культурные или научные интересы должны сблизить общества и опредѣлить временную территорію федераціи, имѣющей опредѣленную цѣль. Эта цѣль измѣняетъ, расширяетъ и суживаетъ границы федераціи, которыя остаются всегда естественными. Что касается до высшаго единства, то, какъ мы видѣли въ прошломъ письмѣ, оно должно быть скрѣплено общечеловѣческою наукою, для

которой естественныхъ границъ ни на какой картѣ начертить нельзя.

Согласится ли или не согласится со мною читатель, что таково возможное будущее, къ которому слѣдуетъ стремиться, но относительно прошедшаго онъ, конечно, очень хорошо знаетъ, что дѣло было не такъ. Принудительное начало внутри государствъ и хищническія отношенія между государствами преобладали. Совершенно естественно, что подобное положеніе дѣлъ было всего тяжеле тому меньшинству, которое выдѣлилось изъ массы по силѣ ума и по энергіи характера. Поэтому понятно, что умъ и характеръ передовыхъ личностей въ прошедшемъ были всего чаще и всего замѣтнѣе обращены на вопросы политическіе. Когда принудительная сила была въ рукахъ лицъ, заинтересованныхъ въ тѣхъ самыхъ вопросахъ, которые вызывали принужденіе, то всего естественнѣе было ожидать злоупотребленій силы. Эти злоупотребленія, въ свою очередь, вызывали всего скорѣе оппозицію, образованіе партій, борьбу силъ, и потому именно самая замѣтная сторона исторіи была исторія государственной борьбы. Кому будетъ принадлежать фактически право устанавливать государственный договоръ? Насколько могутъ отдѣльныя личности и общества влiять на его составленіе, протестовать противъ его неудобствъ и требовать его измѣненія? Кому придется подчиняться государственному договору, не обсуждая его? Споръ изъ-за этихъ вопросовъ составляетъ всю ближайшую подкладку борьбы личностей за короны, за санъ визирей или за портфели отвѣтственныхъ министровъ; борьбы политическихъ партій въ прессѣ, въ парламентахъ, на площадяхъ и на поляхъ сраженій; борьбы народовъ за самостоятельность или за подчиненіе другихъ; борьбы госу-

дарствъ за преобладаніе; борьбы лучшихъ людей за политическій прогрессъ.

Но это—наиболѣе *видимая* сторона исторіи, ея драматическая внѣшность, ея пестрая одежда. Интересъ мыслящаго историка ищетъ подъ этой внѣшностью болѣе существенныхъ началъ. Самыя драматическія эпохи иногда свидѣтельствуютъ лишь о тратѣ силъ на вопросы маловажные. Самыя даровитыя личности иногда употребляли свой умъ и свою энергію на цѣли весьма ничтожныя. Успѣхъ и блескъ дѣятельности не доказываютъ еще высокаго человѣчнаго значенія личности. Перспектива фактовъ въ исторіи должна соотвѣтствовать значенію этихъ фактовъ для прогресса человѣчества. Тотъ элементъ, расширеніе котораго наиболѣе важно для прогресса, можетъ имѣть значеніе и въ своихъ едва замѣтныхъ проявленіяхъ. Тотъ же, который долженъ терять значеніе по мѣрѣ прогресса общества, имѣетъ наименѣе правъ на вниманіе историка.

По мѣрѣ прогрессивнаго развитія общества государственный элементъ доходитъ въ немъ до минимума; слѣдовательно, политическая исторія представляетъ наименьшій интересъ для того, кто хочетъ найти какой-либо смыслъ въ исторіи человѣчества. При каждомъ внѣшнемъ столкновеніи государствъ, какъ при каждомъ внутреннемъ ихъ потрясеніи, историкъ долженъ спросить себя прежде всего: какіе внѣ-государственные элементы играли роль въ этомъ столкновеніи, въ этомъ потрясеніи? Отъ каждаго вліятельнаго дѣятеля слѣдуетъ требовать отчетъ: что̀ онъ сдѣлалъ, чтобы уменьшить дѣйствіе принудительнаго государственнаго элемента на общество? Насколько онъ содѣйствовалъ или противодѣйствовалъ прогрессу внѣ-госу-

дарственныхъ элементовъ? Расширенія и распаденія государствъ, обширныя завоевательныя предпріятія, кровавыя битвы, дипломатическія хитрости, административныя распоряженія получаютъ съ этой точки зрѣнія новый интересъ, но уже совершенно иной, чѣмъ тотъ, который они имѣли въ глазахъ прежнихъ историковъ. Сами по себѣ эти явленія никакой важности не имѣютъ: это—метеорологическіе процессы исторіи. Сильные ураганы, землетрясенія, эпидеміи, особенно красивыя сѣверныя сіянія, необычное рожденіе близнецовъ или уродовъ суть факты совершенно одинаковаго значенія съ процессами, указанными выше. Въ обоихъ случаяхъ фактъ для ученаго важенъ не самъ по себѣ, а по его слѣдствіямъ или по его причинамъ. Онъ возбуждаетъ вниманіе и тщательно изучается или для отысканія новаго общаго закона основныхъ явленій физическихъ и психическихъ, или для того, чтобы вызвать въ будущемъ выгодныя распредѣленія фактовъ и устранить вредныя. Какія потребности и мысли вызвали то или другое политическое явленіе? Насколько оно способствовало появленію новыхъ потребностей и измѣненію прежнихъ? Насколько оно расшатало прежнюю культуру или укрѣпило ее? Насколько оно дало толчекъ новому развитію мысли? Вотъ существенные вопросы исторіи относительно каждаго политическаго явленія. За ними являются другіе: насколько въ этомъ явленіи можно изучить психическіе процессы личности, гибкость ея мысли, ея стремленіе къ личному развитію и къ справедливости? Насколько въ немъ можно изучить вліяніе общественной культуры на психическую жизнь личности? Рѣшеніе первыхъ вопросовъ указываетъ собственно историческое значеніе политическихъ событій; рѣшеніе вторыхъ уясняетъ важность

этихъ событій, какъ матеріала для личной психологіи и соціологіи. Въ обоихъ случаяхъ политической исторіи придаютъ значеніе задачи высшихъ частей естествознанія или задачи исторіи цивилизаціи.

ПИСЬМО ПЯТНАДЦАТОЕ.

Критика и вѣра.

Въ рядѣ предыдущихъ писемъ я разобралъ главнѣйшіе девизы, обыкновенно стоящіе на знаменахъ общественныхъ партій, и для всѣхъ ихъ оказалось вѣрно высказанное еще прежде вообще положеніе: ни одинъ изъ нихъ самъ по себѣ не есть выраженіе прогресса; смотря по обстоятельствамъ, онъ представляетъ реакцію или движеніе впередъ, получаетъ жизненное значеніе или дѣлается пустымъ словомъ. Постоянно надъ этими девизами работаетъ ложная идеализація, прикрывая ими совершенно постороннія для нихъ, вовсе не идеальныя влеченія, забывая тѣ естественныя потребности, которыя дозволяютъ идеализацію истинную, человѣчную. Такимъ образомъ, великія идеи, двигатели исторіи, лишь въ ихъ конкретномъ смыслѣ, какъ знамя опредѣленныхъ личностей при опредѣленныхъ обстоятельствахъ, суть дѣйствительно идеи *великія*. Лишь постоянная критика ихъ историческаго конкретнаго содержанія можетъ придать личности увѣренность, что, становясь подъ знамя, на которомъ написано громкое слово, личность не преслѣдуетъ призрака или не дѣлается орудіемъ въ рукахъ разсчетливыхъ и своекорыстныхъ интригановъ.

Но читатель имѣетъ право спросить меня, встрѣчая

постоянно возвращающееся слово *критика* на этихъ страницахъ: если личность будетъ всегда имѣть въ виду критику и только критику, то не отниметъ ли она сама у себя энергію дѣйствія? Критика предполагаетъ неувѣренность, колебаніе, достаточное время для взвѣшиванія аргументовъ за и противъ. Но всегда ли жизнь даетъ досугъ? Когда человѣкъ гибнетъ передъ нашими глазами, есть ли время разсуждать, насколько полезно или вредно спасти его? Когда политическая буря по какому-нибудь случайному поводу взволновала общество, и масса, лишенная предводителей, можетъ ринуться на ложную дорогу, принять друзей за враговъ и враговъ за друзей, или потерять всю выгоду своей силы и своего одушевленія вслѣдствіе нерѣшительности, неужели тогда истинный гражданинъ, понимающій положеніе дѣлъ, имѣетъ право колебаться, упускать минуту? То, что прекрасно въ кабинетѣ, можетъ не годиться на площади; то, что необходимо ученому, можетъ быть вредно для общественнаго дѣятеля.

Это справедливо; но дѣло въ томъ, что критика есть дѣло всей жизни, привычка, которую человѣкъ долженъ пріобрѣсти и усвоить, чтобы имѣть право на названіе развитой личности. Плохъ тотъ, который до той минуты, когда видитъ гибнущаго человѣка не подумалъ и не усвоилъ убѣжденія: должно ли спасать человѣка, который гибнетъ при данныхъ условіяхъ? Не имѣетъ права считать себя общественнымъ дѣятелемъ тотъ гражданинъ, который остался настолько чуждъ историческому движенію, что народный взрывъ застаетъ его врасплохъ, и ему еще приходится колебаться и обдумывать: что сказать? что сдѣлать? куда идти? гдѣ правда? какое знамя есть знамя данной минуты? Эпохи, вызывающія человѣка

къ рѣшительной дѣятельности, рѣдки, и вся жизнь служитъ къ нимъ подготовленіемъ. Никто не можетъ сказать, когда личныя или общественныя обстоятельства станутъ передъ нимъ съ грозными словами: иди и дѣлай свое дѣло. Поэтому, каждый долженъ постоянно готовиться. Выработывая въ себѣ личность, человѣкъ рѣшаетъ всевозможные вопросы жизни. Приглядываясь къ пестрой волнѣ исторіи, человѣкъ воспитывается для борьбы въ ту минуту, когда онъ понадобится. Критика ему нужна не *при наступленіи* дѣла, а *для* этого дѣла.

Минута настала. Голосъ брата зоветъ его на помощь. Общество проснулось въ негодованіи отъ долгой спячки. Знамена враждебныхъ партій развернулись тамъ и здѣсь. Критика сдѣлала свое дѣло. Подводя итогъ капиталу своихъ физическихъ, умственныхъ и нравственныхъ силъ, человѣкъ бросаетъ этотъ капиталъ въ предпріятія. Чѣмъ строже, осмотрительнѣе, холоднѣе, обширнѣе была его критика, тѣмъ могущественнѣе и жарче теперь его *вѣра*.

Да, вѣра двигаетъ горы—и только она. Въ минуту дѣйствія она должна овладѣть человѣкомъ—или онъ окажется безсильнымъ въ то самое мгновеніе, когда надо развить всѣ свои силы. Не враги опасны борющимся партіямъ: имъ всего опаснѣе невѣрующіе, индифферентисты, которые находятся въ ихъ рядахъ, становятся подъ знаменемъ партій и провозглашаютъ ихъ девизы иногда громче, чѣмъ самые преданные предводители; имъ опасны люди, отвергающіе критику этихъ девизовъ, пока есть еще время для критики, но именно тогда, когда минута наступила, когда надо дѣйствовать, принимающіеся за критику, колеблющіеся и готовые оставить битву, когда она началась.

Самыя вѣскія слова обыкновенно представляли воз-

можность придавать имъ самый разнообразный смыслъ, но едва ли слово *вѣра* не принадлежитъ къ тѣмъ, которыя вызвали наибольшіе споры, именно вслѣдствіе недоразумѣній, такъ какъ спорящіе, употребляя одно и то же слово, говорили о совершенно различныхъ предметахъ.

Нѣтъ никакой необходимости связывать со словомъ вѣра представленіе о разнообразныхъ религіозныхъ культахъ, миѳахъ, догматахъ или философскихъ міросозерцаніяхъ. Люди *вслѣдствіе* своей вѣры защищали и проповѣдывали миѳы и догматы, совершали обряды разныхъ культовъ, но это было лишь *одно* изъ приложеній вѣры. Точно такъ же нѣтъ никакой необходимости связывать терминъ вѣра лишь съ представленіемъ сверхъ-естественнаго. Обиходная жизнь, природа и исторія въ ихъ разнообразіи представляютъ весьма обширный матеріалъ для процесса вѣры; и тотъ, кто пріобрѣлъ привычку относиться скептически ко всему, что не имѣетъ аналогій въ мірѣ наблюденія, можетъ быть очень склоненъ къ вѣрѣ.

Вѣра есть психическая или внѣшняя дѣятельность, гдѣ присутствуетъ сознаніе, но отсутствуетъ критика. Когда мною овладѣло представленіе, которое я уже не разбираю, но которое ложится въ основу разбора другихъ представленій и понятій, я вѣрю въ это представленіе. Когда, по слову другого человѣка, я дѣйствую, обдумывая, *какъ бы* осуществить это слово, а не обдумывая уже, *нужно ли* осуществить его, я вѣрю этому человѣку. Когда я поставилъ себѣ цѣль и подвергаю критикѣ лишь *способы* ея достиженія, а не самую *цѣль*, я вѣрю моей цѣли.

Поэтому, сказать, что вѣра противоположна критикѣ, можно, но въ ограниченномъ смыслѣ. То, во что чело-

вѣкъ вѣрить, онъ *уже* не подвергаетъ критикѣ. Но это нисколько не исключаетъ случая, что предметъ сегодняшней вѣры *былъ* вчера подвергнутъ критикѣ. Напротивъ, такова самая твердая вѣра и единственно раціональная, единственно прочная. Повѣркою вѣры представляется дѣйствіе въ ту минуту, когда есть поводы дѣйствовать такъ и иначе; но если вѣра моя не есть слѣдствіе критики, т. е. не имѣла случая подвергаться возраженіямъ, то кто мнѣ поручится, что въ минуты дѣйствія поводы, побуждающіе меня дѣйствовать несогласно съ этой вѣрою, не пошатнутъ ея?

Лишь критика созидаетъ прочныя убѣжденія. Лишь человѣкъ, выработавшій въ себѣ прочныя убѣжденія, находитъ въ этихъ убѣжденіяхъ достаточную силу вѣры для энергическаго дѣйствія. Въ этомъ отношеніи вѣра противоположна критикѣ не по существу, а по времени: это два разные момента развитія мысли. Критика подготовляетъ дѣятельность, вѣра вызываетъ дѣйствіе.

Въ фантазіи художника объединился образъ. Художникъ подвергъ его строгой научной и эстетической критикѣ въ его частностяхъ. Эта критика выяснила ему все болѣе и болѣе художественныя формы въ ихъ отдѣлкѣ. И вотъ цѣльный, живой образъ всталъ передъ мыслью художника. Онъ беретъ кисть или рѣзецъ и воплощаетъ свой идеалъ, потому что *вѣритъ* въ его жизненность, въ его красоту. Иначе дѣятельность его нерѣшительна и невдохновенна. Когда картина или статуя стали объективны, надъ ними можетъ начаться новый процессъ критики, и художникъ, недовольный своимъ произведеніемъ, можетъ быть, разрушитъ его. Но въ процессѣ художественнаго творчества критика не участвуетъ, а участвуетъ вѣра въ жизненность образа.

Ученый тщательно опредѣлилъ и взвѣсилъ факты. Невольно они группируются въ его мысли въ законъ, болѣе или менѣе гипотетическій. Другіе факты, ему извѣстные, сами собой возникаютъ въ его памяти, какъ подтверждающіе, дополняющіе, расширяющіе найденную научную аналогію. Онъ провѣряетъ себя еще и еще. Критика сдѣлала свое дѣло. Онъ убѣжденъ въ полученной истинѣ. И вотъ, онъ всходитъ на каѳедру объявить ученикамъ новое пріобрѣтеніе науки. Онъ резюмируетъ опытъ, предупреждаетъ возраженія, выставляетъ на видъ аналогіи и указываетъ новыя вѣроятныя открытія. Въ это время онъ уже не критикуетъ, не колеблется: онъ *вѣритъ* въ силу и полноту своей критики, онъ проповѣдуетъ новую истину. Пока онъ не *повѣрилъ*, онъ не объявитъ ея, именно потому, что цѣнитъ критику выше всего.

Человѣкъ сближается съ другимъ человѣкомъ, видитъ его достоинства и недостатки; знаетъ, насколько его пріятель можетъ увлекаться и можетъ относиться раціонально къ различнымъ предметамъ. Въ данную минуту, на основаніи словъ пріятеля, надо дѣйствовать такъ или иначе. Совершившійся заранѣе процессъ критики дастъ результатъ. Человѣкъ вѣритъ или не вѣритъ своему пріятелю. Онъ рѣшается и дѣйствуетъ на основаніи своей вѣры.

Жизнь и общественная исторія ставятъ предъ человѣкомъ подобный же вопросъ. Человѣкъ выработалъ идеалы истины и справедливости, развивался подъ вліяніемъ этихъ идеаловъ и развивалъ ихъ подъ вліяніемъ накопляющагося опыта жизни и критическаго процесса мысли. Человѣкъ изучалъ культуру общества, его окружающаго, работу мысли, въ немъ совершающуюся, и конкретный смыслъ различныхъ девизовъ современныхъ партій. Онъ призналъ не идеально совершенное, но исто-

рически-лучшее *здѣсь,* а худшее *тамъ.* Онъ знаетъ, что и здѣсь нѣтъ *полной* истины и справедливости, и тамъ нѣтъ *безусловнаго* зла и лжи. Но онъ понялъ, что при данныхъ историческихъ условіяхъ борьба возможна съ надеждой успѣха лишь въ союзѣ съ данными партіями, и что лишь данныя партіи могутъ одна у другой оспаривать побѣду. Одна изъ нихъ *лучше* другихъ, и прогрессъ въ данную минуту возможенъ лишь путемъ ея побѣды. Въ ней *наиболѣе* истины, *наиболѣе* справедливости. Конечно, понимая ея недостатки, мыслящій и искренній человѣкъ долженъ стараться своимъ вліяніемъ ослабить, устранить эти недостатки, увеличить процентъ истины и справедливости, заключающійся въ стремленіяхъ лучшей изъ современныхъ ему партій. Если она сильна, онъ можетъ заявлять свое разногласіе, противорѣчить ея предводителямъ, ставить свое знамя *особо.* Но наступила историческая минута столкновенія. Всѣ общественныя силы призваны къ борьбѣ за прогрессъ или за реакцію. Оставаться въ сторонѣ значитъ ослаблять *лучшихъ.* Онъ *вѣритъ,* что это лучшіе, и примыкаетъ къ нимъ во имя этой вѣры. Время критики, раздѣленія прошло. Всѣ лучшіе люди должны соединиться для борьбы за *возможный* прогрессъ. Всѣ должны примкнуть къ той партіи, которая обѣщаетъ *лучшее* будущее Чѣмъ строже критически человѣкъ изслѣдовалъ недостатки и достоинства разныхъ партій и чѣмъ точнѣе на основаніи своей критики убѣдился, что лучшее *здѣсь,* тѣмъ съ болѣе безусловною вѣрою онъ посвящаетъ избранной партіи свою дѣятельность, борется съ ея врагами, радуется ея побѣдамъ, страждетъ отъ ея пораженій. Критика мысли не ослабѣла, но ея пора прошла, чтобы наступить снова, какъ только будетъ для того удобная минута.

Еще сильнѣе и полнѣе процессъ вѣры, одушевляющей личность къ дѣятельности, совершается тогда, когда уступокъ дѣлать не приходится, когда надо развернуть новое знамя и бросить въ человѣчество новое слово. Общественное страданіе и критическая мысль развили убѣжденіе въ личности. Она одинока, или имѣетъ весьма мало сочувствующихъ. Можетъ быть, еще недавно волна исторіи разметала и унесла людей, которые боролись за то, что личность признаетъ истиною и справедливостью. Вѣковыя культурныя привычки и преданія давятъ со всѣхъ сторонъ. Мысль враждебныхъ партій имѣетъ могучихъ, искусныхъ и выгодно поставленныхъ представителей. Какъ же случается, что личность не падаетъ духомъ? Почему. сознавая свое малосиліе, она не оставляетъ своего безумнаго предпріятія? Это ее побуждаетъ бросаться въ борьбу, не смотря на препятствія, на индифферентизмъ большинства, на трусость однихъ, на подлость другихъ, не смотря на насмѣшки враговъ? Это дѣло *вѣры*. Критика привела человѣка къ убѣжденію, что истина и справедливость, явная для него, будетъ очевидна и для другихъ, вѣритъ, что мысль, одушевляющая его къ дѣятельности, побѣдитъ индифферентизмъ и враждебность, его окружающіе. Неудачи не утомляютъ его, потому что онъ вѣритъ въ завтра. Вѣковой привычкѣ онъ противопоставляетъ свою личную мысль, потому что исторія научила его паденію самыхъ упорныхъ общественныхъ привычекъ предъ истиною, въ которую вѣрили единицы. Закону, вооруженному всѣми силами государства, онъ противопоставляетъ свое личное убѣжденіе, потому что ни кодексы, ни государственныя силы не могутъ сдѣлать для него ложнымъ и несправедливымъ то, во что онъ вѣритъ, какъ въ истину и справедливость. Умирая подъ ударами

враговъ или подъ гнетомъ обстоятельствъ, онъ всетаки завѣщаетъ единомышленникамъ бороться и умереть подобно ему, если только вѣрить въ то, за что умираетъ.

Сверхъестественный элементъ для этого вовсе не нуженъ. Пестрые миѳы, непонятные догматы, торжественные обряды культа нисколько не придаютъ болѣе силы и непреклонности подобной рѣшимости жить и умереть за то, во что вѣришь. Правда, что минувшая исторія человѣчества сохранила гораздо болѣе преданій о людяхъ, боровшихся и умиравшихъ за призраки религіи и метафизики, чѣмъ за убѣжденія, не имѣвшія ничего фантастическаго. Вѣра въ призраки возможна настолько же, какъ и вѣра въ прогрессивныя идеи. Люди, слабые мыслью и дающіе въ своей жизни мало мѣста критикѣ, могутъ дойти до героизма только въ процессѣ религіозныхъ вѣрованій, и этотъ процессъ, составляющій въ нихъ единственную характеристическую сторону, конечно, перенесетъ ихъ и въ исторію, какъ героевъ религіознаго вѣрованія. Люди мысли и критики представляютъ біографу столько разнообразныхъ сторонъ въ своей умственной и гражданской дѣятельности, что онъ пропускаетъ иногда безъ достаточнаго вниманія тотъ героизмъ вѣры, который выработался въ нихъ путемъ критики и доставилъ имъ въ жизни много тяжелой, неустанной борьбы, заставилъ отказаться отъ многихъ благъ, а иногда отъ жизни. Костеръ Джіордано Бруно не уступалъ костру св. Лаврентія и Яна Гуса. Спинозы, Фейербахи, Штраусы умѣли терпѣть бѣдность и отверженіе не хуже древнихъ и новыхъ религіозныхъ визіонеровъ. Республиканцы умирали подъ пулями и ножами роялистовъ съ такою же рѣшимостью, какъ роялисты на эшафотѣ конвента. Вѣра, вызывающая готовность жертвовать, не колеблясь, време-

немъ, удобствами жизни, привязанностью людей, даже жизнью за то, что мы признаемъ за истину и справедливость, являлась во всѣхъ партіяхъ въ минуту борьбы. Она одушевляла и тѣхъ, которые кромѣ нея не имѣли никакихъ достоинствъ. Она одушевляла дѣятелей реакціи, проливавшихъ потоки крови и напрягавшихъ всѣ свои силы, чтобы остановить исторію, которую они остановить не могли. Она же проникала и мучениковъ мысли, героевъ прогресса.

Поэтому, вѣра есть безразлично двигатель истины и лжи, прогресса и реакціи. Безъ нея прогрессъ невозможенъ, потому что невозможна никакая энергическая самоотверженная дѣятельность. Но она не есть *достаточное* условіе прогрессивнаго движенія. Гдѣ мы видимъ героизмъ и самоотверженіе, тамъ мы не имѣемъ еще права заключить о существованіи прогрессивныхъ стремленій. Только вѣра, опирающаяся на строгую критику, можетъ вести къ прогрессу; только критика можетъ опредѣлить жизненную цѣль, въ которую развитой человѣкъ имѣетъ право вѣрить.

Мыслящіе люди выработывали представленіе полезнаго, истиннаго, справедливаго. Вѣрующіе боролись за то, во что вѣрили, какъ въ полезное и должное для нихъ; лучшіе изъ нихъ боролись за то, что было для нихъ истиннымъ и справедливымъ. Чѣмъ жарче была вѣра тѣхъ и другихъ, тѣмъ ожесточеннѣе была борьба. Чѣмъ слабѣе была мысль, чѣмъ недостаточнѣе критика, тѣмъ разнообразнѣе были представленія полезнаго и должнаго, истиннаго и справедливаго, тѣмъ значительнѣе было раздѣленіе партій и тѣмъ болѣе терялось силъ въ человѣчествѣ на безполезную борьбу. Разнообразіе призраковъ можетъ быть безконечно, и тѣмъ разнообразнѣе они мо-

гутъ быть, чѣмъ они далѣе отъ дѣйствительности. Та страшная цѣна прогресса, о которой я говорилъ въ четвертомъ письмѣ, преимущественно наросла отъ призрачныхъ представленій, недостаточно подвержденныхъ критикѣ. Чѣмъ болѣе люди вѣрили, что польза каждаго изъ нихъ враждебна пользѣ другихъ, тѣмъ громаднѣе была трата силъ въ явной борьбѣ эксплуататоровъ, въ тайной борьбѣ людей взаимно недоброжелательныхъ и недовѣрчивыхъ. Чѣмъ болѣе люди вѣрили, что *должное* заключается въ магическихъ обрядахъ религіи, въ ея фантастическихъ догматахъ и миѳахъ, въ приличіяхъ, раздѣляющихъ касты и сословія, тѣмъ болѣе они коротали и безъ того короткую жизнь свою, давая себѣ менѣе времени на настоящее развитіе и наслажденіе. Чѣмъ болѣе лжи было въ ихъ истинѣ, чѣмъ безнравственнѣе была ихъ справедливость, тѣмъ мысль работала хуже и жизнь была тягостнѣе. Глубокая вѣра, героизмъ самоотверженія пропадали большею частью даромъ, потому что опирались на недостаточную критику.

Лишь по мѣрѣ того, какъ призраки разсѣивались подъ вліяніемъ работы мысли, и она приближалась къ дѣйствительности,—возможно было уменьшеніе борьбы и траты силъ, потому что новая вѣра, опирающаяся на лучшую критику, вела къ примиренію, а не къ враждѣ. Вѣра въ единую научную истину, выдѣляя изъ нея фантастическія созданія, устраняла вражду въ области мысли. Вѣра въ равноправность достоинства личностей, какъ въ единую справедливость, устраняла столкновеніе тысячъ разнообразныхъ національныхъ, юридическихъ, сословныхъ, экономическихъ справедливостей и всю борьбу за эти идолы. Вѣра въ личное развитіе и справедливость, какъ единственный долгъ, примиряла всѣ личныя стрем-

ленія въ общемъ усиліи распространенія истины и справедливости, устраняла трату силъ въ виду фантастическихъ обязанностей. Вѣра въ тожественность наибольшей пользы каждаго развитого человѣка съ пользою наибольшаго числа людей есть именно то начало, которое должно довести до минимума трату силъ человѣчества на пути прогресса. И благодѣтельное вліяніе этихъ вѣрованій именно истекаетъ изъ того, что они выработываются не религіозною мыслью, что они не заключаютъ ничего сверхъестественнаго, не нуждаются ни въ миѳахъ, ни въ таинствахъ. Они опираются на строгую критику, на изученіе реальнаго человѣка въ природѣ и въ исторіи и становятся вѣрованіями лишь въ ту минуту, когда личность вызывается къ дѣйствію. Ихъ основной догматъ — человѣкъ. Ихъ культъ — жизнь. Но не менѣе религіозныхъ вѣрованій они способны одушевить личность въ самоотверженной дѣятельности, къ пожертвованію различныхъ жизненныхъ благъ и самой жизни на алтарѣ своей святыни.

Мнѣ возразятъ, что эти вѣрованія далеко не общи, даже принадлежатъ едва замѣтному меньшинству. Правда. За то и прогрессъ въ человѣчествѣ очень малъ, и цѣна его велика. Впрочемъ, исторія еще не кончится ни сегодня, ни завтра, а прогрессивная будущность принадлежитъ всетаки вѣрѣ, опирающейся на критику.

Но возможна ли прогрессивная будущность? Возможенъ ли реальный историческій прогрессъ въ томъ смыслѣ, который приданъ здѣсь этому слову?

Предсказывать въ исторіи до сихъ поръ рѣшительно невозможно. При гораздо меньшей сложности и при отсутствіи элемента развивающихся личныхъ убѣжденій, метеорологія не можетъ съ какою-либо вѣроятностью

предсказать фазисы погоды для Европы въ ноябрѣ 1872 г., и даже попытки предсказаній общихъ метеорологическихъ измѣненій для материковъ подъ вліяніемъ ихъ заселенія, измѣненія количества растительности и т. п. принадлежатъ большею частью области фантазіи. Тѣмъ менѣе можно утверждать вѣроятность опредѣленнаго хода прогресса въ исторіи, гдѣ распредѣленіе личныхъ убѣжденій между личностями—самый важный элементъ—недоступно до сихъ поръ статистикѣ и тѣмъ менѣе можетъ допускать предсказаніе. Можетъ быть, когда-либо, въ весьма далекомъ будущемъ, наука сдѣлаетъ такіе успѣхи, что позволительно будетъ предсказать измѣненія въ распредѣленіи звѣздныхъ группъ за милліарды вѣковъ, или формы системы организмовъ, которую будутъ наблюдать черезъ сотни тысячъ лѣтъ; тогда, или немногимъ ранѣе, можно будетъ, пожалуй, предсказать съ достаточною вѣроятностью и реальное теченіе исторіи, слѣдовательно—провѣрить теорію прогресса съ условіемъ возможности ея осуществленія. Теперь подобная задача — фантазія. Говоря о прогрессѣ, никому не слѣдуетъ думать, что онъ рѣшаетъ вопросъ: какъ *дѣйствительно* совершается теченіе событій? Каковъ естественный законъ исторіи? Теорія прогресса есть приложеніе естественныхъ законовъ нравственнаго развитія къ задачамъ соціологіи, какъ онѣ представляются въ ихъ историческомъ развитіи. Теорія прогресса даетъ нравственную оцѣнку совершившимся событіямъ исторіи и указываетъ нравственную цѣль, къ которой должна идти критически-мыслящая личность, если она хочетъ быть прогрессивнымъ дѣятелемъ. Нравственное развитіе личности возможно лишь *однимъ* путемъ. Нравственная прогрессивная дѣятельность личности возможна лишь въ *опредѣленномъ* направленіи. Будетъ или

не будетъ осуществленъ прогрессъ въ его окончательныхъ задачахъ, это неизвѣстно, какъ неизвѣстно было Боклю, кончитъ ли онъ свою исторію, и Конту, кончитъ ли онъ свой курсъ позитивной философіи. Одинъ умеръ въ началѣ труда, другой не только кончилъ свою работу, но дожилъ до фазиса позитивной религіи. Это— возможности, случайности, не имѣющія ни малѣйшаго значенія для мыслителя, который принимается за свой трудъ. Онъ приступаетъ къ нему, какъ-бы этотъ трудъ долженъ былъ быть оконченъ, и какъ-бы авторъ отъ него никогда не долженъ былъ отречься. Точно таково же отношеніе критическихъ личностей къ теоріи прогресса. Личность развилась нравственно; она приложила свои нравственныя требованія къ существующимъ культурнымъ формамъ, къ распредѣленію благъ въ человѣчествѣ; она сказала себѣ: эти требованія осуществимы лишь *этимъ* путемъ; вотъ идеи, которыя можно проповѣдывать сегодня; вотъ враги, съ которыми надо бороться сегодня; вотъ борьба, которую надо подготовить на завтра; вотъ окончательная цѣль, которая не будетъ достигнута ни сегодня, ни завтра, но всетаки есть и должна быть цѣлью. Какъ только путь назначенъ, личность должна идти по нему. Я пытался указать нѣкоторые пункты этого пути, вотъ и все. Существуетъ или нѣтъ законъ природы, ведущій къ нравственному прогрессу, это не касается личности, которая въ настоящую минуту, все равно, знать этого не можетъ. Все, что совершается независимо отъ ея воли, для нея есть лишь орудіе, среда, предметъ объективнаго знанія, но не должно вліять на ея нравственныя стремленія. Ей нечего надѣяться, что олимпійцы помогаютъ ея стремленіямъ, или бояться, что они завистливо смотрятъ на ея самостоятельную дѣятель-

ность; ей нечего оглядываться въ сторону сознательныхъ олимпійцевъ провиденціализма или безсознательныхъ олимпійцевъ фатализма, когда дѣло идетъ о воплощеніи убѣжденія. Выработывай убѣжденіе и воплощай его,—вотъ все, что нужно знать. Прогрессъ не есть движеніе необходимое и непрерывное. Необходима только оцѣнка историческаго движенія съ точки зрѣнія прогресса, какъ конечной цѣли. Съ этой точки зрѣнія исторія реальная представляетъ фазисы прогрессивные и регрессивные. Личность, критически мыслящая, должна ясно сознавать это и направлять свою дѣятельность именно такъ, чтобы, содѣйствуя прогрессивному фазису, сократить регрессивный, и въ глубинѣ своего убѣжденія, своей вѣры она должна искать средствъ для этого.

ПИСЬМО ШЕСТНАДЦАТОЕ.

Теорія и практика прогресса *).

1. ДВОЙСТВЕННОСТЬ ВОПРОСА О ПРОГРЕССѢ.

Разберемъ результаты предыдущаго относительно того реальнаго представленія о прогрессѣ, которое выработала эволюція мысли въ человѣчествѣ и которое приходится выдѣлить изъ призраковъ, его окружающихъ.

*) Это письмо не входило въ составъ „Историческихъ писемъ" ни въ „Недѣлѣ", ни въ первомъ изданіи книги. Оно было помѣщено въ 1881 году въ одномъ изъ легальныхъ русскихъ журналовъ („Слово", № 4), подъ псевдонимомъ *П. Щукина*, съ незначительными измѣненіями и исключеніями. Я присоединяю его теперь къ письмамъ конца 60-хъ годовъ, такъ какъ оно имѣетъ въ виду тѣ же самые вопросы съ нѣсколько иной точки зрѣнія и можетъ нѣсколько указать читателю, въ какомъ направленіи я перестроилъ бы все цѣлое „Историческихъ писемъ", если бы принялся за нихъ въ началѣ 80-хъ годовъ, а не въ концѣ 60-хъ. Небольшія повторенія были неизбѣжны, но ихъ немного, и я не счелъ нужнымъ устранить ихъ. Противорѣчій съ предыдущимъ читатель, я полагаю, не встрѣтитъ, но нѣкоторые пункты моего взгляда на вещи, можетъ быть, недостаточно ясные въ прежней работѣ, здѣсь могутъ сдѣлаться для него опредѣленнѣе (1891).

Съ того времени, когда историческія задачи встали предъ умами мыслителей, какъ одинъ изъ самыхъ сложныхъ и самыхъ важныхъ предметовъ человѣческаго изученія, мыслители не переставали работать теоретически надъ уясненіемъ понятія о прогрессѣ и надъ расчлененіемъ процесса, охватываемаго этимъ понятіемъ. Съ того времени, когда люди перестали вѣрить въ неприкосновенность общественнаго порядка, завѣщаннаго имъ отцами, съ той минуты, какъ въ ихъ средѣ выработались личности, мысль которыхъ перестала ограничиваться стремленіемъ къ личному интересу, при пособіи существующихъ общественныхъ формъ и условій, но поставила себѣ задачей найти и осуществить формы общежитія, въ которыхъ вообще жилось бы лучше,—съ тѣхъ поръ не переводились въ мірѣ борцы за прогрессъ.

Большинство мыслителей и практическихъ борцовъ при этомъ ошибалось. Въ разъясненіе теоретическаго понятія вкрадывалось невысказаниое, а иногда и совсѣмъ безсознательное желаніе поддержать свои личные интересы и интересы близкихъ мыслителю людей, вкрадывалось традиціонное идолопоклонство предъ рутиннымъ представленіемъ. Даже въ случаѣ полной искренности и полнаго желанія со стороны мыслителя критически отнестись къ вопросу, слишкомъ часто его понятіе о прогрессѣ страдало отъ недостатка наблюденія и опыта въ сферѣ соціологическихъ фактовъ. Еще чаще и еще печальнѣе были ошибки практическихъ борцовъ за прогрессъ. Одни, увлеченные своимъ возмущеніемъ противъ недостатковъ существующаго около нихъ общественнаго строя, не давали себѣ времени обдумать и понять условія *возможнаго* улучшенія этого строя, бросались въ бой, не разсчитавъ ни своихъ силъ, ни силъ противниковъ, гибли

сами, губили то, что затронулъ ихъ фанатическій порывъ къ прогрессу, и оставляли за собою въ исторіи лишь ореолъ героической дѣятельности, который всего чаще, ослѣпляя однихъ и ужасая другихъ, служилъ поводомъ къ новымъ иллюзіямъ относительно условій историческаго прогресса и вызывалъ въ будущемъ новыя катастрофы. Другіе, пытаясь уловить мыслію всѣ условія сложнаго процесса, опасаясь вызвать своею дѣятельностью болѣе страданій, чѣмъ было необходимо, нерѣшительно относясь къ устарѣлому преданію, колеблясь сомнѣніями относительно невѣрнаго будущаго, сами мѣшали себѣ и своимъ друзьямъ бороться за прогрессъ надлежащими средствами, сами охлаждали пылъ своихъ сторонниковъ, давали себя опередить людямъ менѣе искреннимъ и менѣе понимающимъ, давали себя обойти разсчетливымъ противникамъ, и въ уныніи должны были опустить руки, когда замѣчали, что волна исторіи, поднятію которой и они содѣйствовали, принимала совсѣмъ не то направленіе, для котораго они работали, которому они готовы были самоотверженно отдать свою жизнь и свое личное счастіе.

Печальны были слѣдствія этихъ теоретическихъ и практическихъ ошибокъ. Оказывалось, что борцы за прогрессъ слишкомъ часто являлись источниками общественныхъ бѣдствій, даже прямо дѣятелями реакціи, помѣхами на тѣхъ путяхъ, которые одни могли вести человѣческія общества къ лучшему будущему. Оказалось, что обширная литература о лучшемъ и удобнѣйшемъ общественномъ строѣ оставляла новое поколѣніе въ такомъ же недоумѣніи относительно истиннаго смысла этого „лучшаго и удобнѣйшаго“, въ какомъ были отцы и дѣды этого поколѣнія. Оказалось, что борьба за прогрессъ приводила къ результатамъ весьма непохожимъ на то,

что можно было назвать прогрессомъ. Оказывалось, наконецъ, что „лучшее и удобнѣйшее" для потомковъ проявлялось иногда на пути, о которомъ и не думало большинство „прогрессивныхъ" умовъ въ поколѣніи предковъ, на пути, который внушалъ отвращеніе и вызывалъ энергическое противодѣйствіе со стороны самыхъ искреннихъ борцовъ этого поколѣнія за лучшій общественный строй. Первобытные мудрецы доказывали, что единственное спасеніе общества заключается въ охраненіи святыни древняго обычая; но потомки ихъ признали это охраненіе самымъ большимъ общественнымъ зломъ, и въ перестройкѣ общественныхъ формъ, подъ вліяніемъ разумныхъ и все расширяющихся потребностей человѣка, открыли единственный здоровый процессъ исторіи. Обособленіе и противоположеніе крѣпко связанныхъ внутри національностей составляло идеалъ античнаго міра, идеалъ, въ борьбѣ за который гибли сами и губили другихъ замѣчательные представители этого періода жизни человѣчества; но прошли вѣка, и среди этихъ самыхъ національностей развилось убѣжденіе, что въ этомъ идеалѣ обособленныхъ національностей заключается самое вредное начало для прогресса человѣчества, и что экономическая, политическая, умственная и нравственная солидарность всего развитого и развивающагося человѣчества составляетъ единственную возможную цѣль прогресса. Религіозныя вѣрованія были для лучшихъ умовъ въ продолженіи долгаго періода исторіи основою общественной жизни, духовною связью общества, нервною системою для литературы, для искусства, для философіи, которыя служили лишь украшеніемъ или подпорою для этого высшаго проявленія человѣческой мысли въ данный періодъ. Но настало иное время, время *свѣтской цивилизаціи*, когда люди теоріи и люди прак-

тическаго дѣла устранили, насколько могли, изъ всѣхъ сферъ мысли и жизни элементъ религіи и признали, что единственная истина, которую можетъ завоевать себѣ человѣкъ, лежитъ внѣ области религіи: единственная нравственность, которая можетъ быть соглашена съ его достоинствомъ, есть та, которая опирается лишь на естественныя потребности, на логическую критику и на раціональныя убѣжденія человѣка. Политическія цѣли, которыя преслѣдовали великіе государственные умы XVII-го и XVIII-го вѣковъ, оказались для поколѣнія XIX-го вѣка лишь призраками экономическихъ реальностей. Еще позже поставленная экономическая цѣль богатаго государства оказывается въ наше время цѣлью туманною и одностороннею, пока не рѣшенъ вопросъ о раціональномъ *распредѣленіи* богатства страны, и пока, рядомъ съ этимъ богатствомъ, все распространяется язва вырождающагося или волнующагося пролетаріата. Наконецъ, даже уединенная, эмпирическая наука послѣднихъ вѣковъ, наука, которая сторонилась отъ жизни, отъ жгучихъ вопросовъ, и въ спокойномъ индифферентизмѣ совершала свои громадныя завоеванія міра неорганическаго и органическаго, оказывается для передовыхъ умовъ нашего времени лишь элементарнымъ упражненіемъ научной мысли, урокомъ умственнаго періода, который скоро переживетъ и должно пережить болѣе развитое человѣчество; это человѣчество ставитъ себѣ задачею, какъ вѣнецъ современнаго знанія, науку общества, которая не только не требуетъ обособленія ученаго отъ жизни и ея жгучихъ вопросовъ, но которая вся проникнута жизнію, есть сама жизнь въ полнотѣ этихъ жгучихъ вопросовъ и ставитъ, по самому своему существу, своему адепту не только задачу: пойми меня! но болѣе широкія требованія: пойми меня для того,

чтобы воплотить меня въ жизнь! Осуществи мои требованія реально, или—ты не понялъ меня!

Если исторія разгадыванія понятія прогресса и исторія борьбы за прогрессъ есть исторія человѣческихъ заблужденій и самообольщеній и кровавыхъ ошибокъ, то тѣмъ настоятельнѣе содѣйствовать устраненію этихъ заблужденій и самообольщеній, предотвращенію этихъ ошибокъ. Если цѣли, которыя ставили общественной жизни и общественному развитію наши предки, оказывались постоянно недостаточными для ихъ потомковъ, тѣмъ менѣе можетъ успокоиться живущее поколѣніе на установившихся формулахъ, на унаслѣдованныхъ задачахъ этой жизни и этого развитія. Оно должно спросить себя снова и снова: какъ же намъ, на основаніи всѣхъ предшествовавшихъ завоеваній и ошибокъ мысли, понять теоретическую задачу прогресса? Какъ же намъ, на основаніи всѣхъ одержанныхъ нашими предками побѣдъ и потерпѣнныхъ ими пораженій, болѣе цѣлесообразно бороться за прогрессъ въ томъ видѣ, какъ мы его понимаемъ? И мы будемъ ошибаться въ нашемъ пониманіи прогресса,—это довольно вѣроятно; но постараемся довести наши ошибки до возможно меньшаго минимума, изучая внимательно ошибки наши предшественниковъ. И мы, можетъ быть, потерпимъ пораженіе: да, это возможно; но даже въ этомъ случаѣ постараемся сдѣлать все отъ насъ зависящее, чтобы побѣдить, или, въ самомъ пораженіи, указать нашимъ преемникамъ условія возможной побѣды.

Важнѣе всего при этомъ помнить, что задача прогресса неизбѣжно двойная, теоретическая и практическая; что нельзя бороться за прогрессъ, не стараясь какъ можно яснѣе понять его задачу, какъ нельзя усвоить себѣ ея пониманіе, сторонясь отъ борьбы за нее тѣми силами

которыя въ насъ существуютъ, и тѣми средствами, которыя мы около себя находимъ. Бросаясь въ борьбу за лучщее инстинктивно, безъ попытки критически понять это лучшее, мы постоянно рискуемъ повторить многочисленныя ошибки предшествующихъ періодовъ и, можетъ быть, биться за торжество реакціи или застоя, когда намъ казалось, что мы боремся за прогрессъ: исторія представляетъ слишкомъ много примѣровъ въ этомъ родѣ. Ограничиваясь теоретическимъ пониманіемъ и отказываясь отъ реальной борьбы за прогрессъ, мы или не поняли сущности этого процесса, или сознательно дѣйствуемъ *противъ того*, что мы сами признали, какъ лучшее. Въ пониманіе прогресса входитъ, какъ существенный элементъ, сознаніе, что онъ никогда не совершался и не могъ совершиться самъ собою, безсознательно; что внѣ усилій личностей понять и осуществить лучшее могло совершаться лишь повтореніе прежняго, могли господствовать лишь рутина и привычка, могъ установиться лишь застой; что лишь энергическая работа личной мысли могла снова и снова вносить критику въ общественныя міросозерцанія, которыя сами собою естественнымъ путемъ обращаются безъ этого въ кристаллизованное преданіе; что лишь непрестанныя и хотя-бы въ малой долѣ удачныя усилія убѣжденныхъ личностей могли сгруппировать около нихъ борцовъ за прогрессъ въ организованную общественную силу, способную отстоять свое знамя въ борьбѣ съ другими общественными тенденціями, побороть эти тенденціи и отвоевать себѣ у застоя и у индифферентизма хотя бы весьма небольшую долю почвы для дальнѣйшаго прогресса. Если оно такъ, если всякій, понявшій сущность процесса, которымъ завоевывается прогрессъ въ исторіи, долженъ понять и это, то онъ долженъ сознавать, что,

оставаясь безучастнымъ въ ежеминутной борьбѣ, которая идетъ между людьми изъ-за различнаго пониманія реальнаго прогресса, а еще чаще изъ-за какого бы то ни было пониманія прогресса противъ застоя и рутины, мы не только ослабляемъ нашихъ сторонниковъ, но прямо становимся въ ряды сторонниковъ рутины и застоя, потому что естественная инерція всего сущаго, въ соціологіи, какъ въ механикѣ, лишь тогда позволяетъ осуществиться движенію вообще, или измѣнить свой характеръ—движенію уже существующему, когда есть на лицо силы, противодѣйствующія этой инерціи. Въ общественной же жизни эти силы, создающія общественное движеніе тамъ, гдѣ его нѣтъ, ускоряющія его тамъ, гдѣ оно замедлилось, и придающія ему иной цивилизаціонный характеръ, когда настаютъ эпохи обновленія человѣчества, суть не что иное и не могутъ быть чѣмъ-либо инымъ, какъ личною мыслію, личною энергіею, которая воплощаетъ въ себѣ результатъ потребностей данной эпохи и работы мысли всего предшествующаго времени. Всякій, кто не стремится всѣми своими силами къ осуществленію прогресса въ томъ смыслѣ, какъ онъ его понимаетъ, борется *противъ* него.

Такимъ образомъ, необходимость участія въ борьбѣ за прогрессъ является нравственнымъ долгомъ личности, которая сознала смыслъ этого понятія. Но какъ участвовать въ борьбѣ? Какъ цѣлесообразно стремиться къ осуществленію прогресса, согласно нашему пониманію его?— Нравственный долгъ прогрессивнаго дѣятеля разъясняется самъ собою при его внимательномъ разсмотрѣніи. Прежде всего, во имя своего убѣжденія, если оно искренно, онъ долженъ стремиться уяснить другимъ то пониманіе прогресса, которое онъ усвоилъ; онъ долженъ стремиться

пріобрѣсти сторонниковъ этому пониманію. Но если онъ „одинъ въ полѣ не воинъ“, то столь же безсильны и всѣ разъединенныя лица, какъ бы ни было сильно и искренно ихъ убѣжденіе; лишь коллективная сила можетъ имѣть историческое значеніе. Поэтому для борца за прогрессъ возникаетъ долгъ скрѣплять свою связь со своими единомышленниками, войти элементомъ въ организованную коллективность людей, дѣйствующихъ въ опредѣленномъ направленіи словомъ и дѣломъ. Рядомъ съ этимъ возникаетъ и другая нравственно-обязательная отрасль дѣятельности: борецъ за прогрессъ выработалъ въ себѣ сознаніе необходимости прогресса въ опредѣленномъ направленіи, слѣдовательно—необходимости опредѣленнаго измѣненія въ общественномъ строѣ или въ общественной мысли; онъ выработалъ это сознаніе лишь благодаря какимъ-либо благопріятнымъ обстоятельствамъ, которыя позволили ему критически и здраво отнестись къ недостаткамъ той среды, въ которой онъ развился и въ которой живетъ; но онъ не долженъ себя обманывать иллюзіей, что, усвоивъ это сознаніе, онъ разомъ выдѣлился изъ среды его окружающей; нѣтъ, онъ связанъ съ нею тысячами привычекъ жизни и мысли, и всѣ эти привычки срослись съ тѣми самыми недостатками общественнаго строя или общественной мысли, которыя онъ имѣетъ въ виду устранить въ своемъ стремленіи къ прогрессу. Такимъ образомъ, въ себѣ самомъ онъ находитъ тѣ самые элементы, противъ которыхъ борется вообще, какъ прогрессивный дѣятель. Чтобы ихъ побѣдить въ ихъ разнообразныхъ общественныхъ проявленіяхъ, ему приходится бороться съ ними и въ самомъ себѣ, перевоспитывать и переработывать себя въ своихъ привычкахъ мысли и жизни. Распространитель пониманія

прогресса въ области мысли, членъ коллективнаго организма и организаторъ общественной силы для борьбы за прогрессъ въ средѣ общества, борецъ за прогрессъ долженъ быть еще, хотя до извѣстной степени, въ собственной личной мысли и въ собственной личной жизни, практическимъ примѣромъ того, какъ прогрессъ въ опредѣленномъ направленіи долженъ вліять на мысль и на жизнь личностей вообще.

Итакъ, необходимъ твердо установившійся планъ личной жизни, сообразной тому прогрессивному идеалу, который сталъ невыдѣлимымъ элементомъ убѣжденія личности, и рѣшимость практически осуществить этотъ планъ настолько, насколько позволяютъ обстоятельства; насколько позволяетъ среда, давящая со всѣхъ сторонъ на личность въ направленіи старой рутины, старыхъ привычекъ; насколько позволяютъ собственныя слабости и собственныя увлеченія, которыя всѣ выросли на той самой почвѣ, что́ долженъ перепахать и переработать прогрессъ, которому человѣкъ взялся служить, за который онъ обязанъ бороться, подъ опасеніемъ сознанія измѣны собственному пониманію, собственному убѣжденію.

Итакъ, необходимъ ясно усвоенный планъ дѣятельности организованной общественной силы, безъ которой не можетъ осуществиться будущій прогрессъ. Необходимо ясное пониманіе препятствій, которыя должны встрѣтиться при осуществленіи этого прогресса, и условій, благопріятствующихъ этому осуществленію; пониманіе силъ и средствъ противниковъ, съ которыми придется бороться, и средствъ, которыя придется для этого употреблять; пониманіе распредѣленія въ обществѣ дѣйствительныхъ и возможныхъ друзей и сторонниковъ въ предстоящей борьбѣ за прогрессъ. И рядомъ съ этимъ необ-

ходима твердая рѣшимость употребить самымъ цѣлесообразнымъ образомъ организованную коллективную силу для осуществленія разъ усвоеннаго плана, для устраненія препятствія прогрессу, для подавленія враговъ его, для употребленія въ дѣло всѣхъ необходимыхъ для того средствъ, каковы бы они ни были, пока они не противорѣчатъ идеалу прогресса, къ которому мы стремимся для организаціи окончательной побѣды прогресса, послѣ того какъ для этого составилась организованная общественная сила.

Итакъ, необходима раціонально-продуманная система аргументаціи для того, чтобы мое убѣжденіе о смыслѣ прогресса сдѣлалось убѣжденіемъ того лица, къ которому я обращаюсь. Я долженъ имѣть логическій аргументъ для меньшинства, которое не поддается ничему, кромѣ критической мысли. Я долженъ имѣть наглядные, поражающіе воображеніе факты для тѣхъ, которымъ трудно дѣлать обобщенія, но которые нуждаются въ конкретныхъ, эмпирическихъ доводахъ. Я долженъ имѣть аргументъ аффективной области для людей аффекта. Я долженъ имѣть, наконецъ, самую обширную утилитарную почву въ области насущныхъ, ощутительныхъ, всѣмъ доступныхъ интересовъ для огромнаго большинства, которое двигается лишь во имя близкаго ему положительнаго интереса. Лишь тотъ прогрессъ можетъ имѣть надежныхъ и многочисленныхъ сторонниковъ, который опирается съ одинаковой силою на методъ науки, на аффектъ воображенія и на разсчетъ личнаго интереса.

Таковы условія практики прогресса, которая одна можетъ осуществить его.

Но всѣ эти условія сами собою требуютъ теоретической подкладки. И для распространенія идеи въ раз-

личныхъ общественныхъ сферахъ, и для организаціи общественной силы въ виду дѣятельности за прогрессъ, а впослѣдствіи въ виду его побѣды, и для цѣлесообразной переработки собственной личности въ направленіи, соотвѣтствующемъ идеалу прогресса, усвоенному человѣкомъ, — необходимо пониманіе многихъ теоретическихъ данныхъ. Необходимо пониманіе какъ той среды, въ которой поставленъ обстоятельствами рожденія и воспитанія дѣятель за прогрессъ, такъ и того историческаго процесса, который, съ одной стороны, выработалъ эту среду, а съ другой — подготовилъ возможность мысли, критически къ ней относящейся и открывающей въ ней самой задачи прогресса, который долженъ ее переработать. А тому и другому должно служить основаніемъ пониманіе прогресса, какъ естественнаго процесса въ общественномъ строѣ, но процесса, совершающагося при опредѣленныхъ условіяхъ, по опредѣленнымъ законамъ, подъ вліяніемъ дѣйствія опредѣленныхъ силъ, какъ ни кажется пестрой и хаотической картина историческаго движенія въ ея сложности и измѣнчивости.

Такимъ образомъ, подкладкою практикѣ прогресса является его теорія, какъ естественнаго процесса, какъ реальнаго историческаго явленія, и приложеніе этой теоріи къ тому общественному строю, къ той общественной средѣ, которая вызываетъ дѣятеля прогресса на его практическую дѣятельность.

2. Споръ ученій.

Каковы же въ настоящую эпоху результаты пониманія прогресса? Каково отношеніе фактовъ современной общественной жизни къ задачѣ прогресса?

Передъ нами рядъ совершенно противорѣчивыхъ, повидимому, несогласимыхъ воззрѣній на эту задачу, и, вглядываясь въ нихъ внимательно, мы найдемъ въ нихъ согласіе лишь въ одномъ: что переживаемый нами періодъ представляетъ самую печальную картину распаденія всякихъ крѣпкихъ общественныхъ связей, картину вражды классовъ, борьбы между личностями, которая становится все ожесточеннѣе. Относительно исхода этой борьбы чуть ли не всѣхъ противъ всѣхъ и относительно средствъ лѣченія всѣми признанной общественной болѣзни взгляды расходятся діаметрально.

Оставимъ въ сторонѣ провиденціалистовъ и вообще всѣхъ тѣхъ, которые открыто прибѣгаютъ къ религіозному элементу для объясненія слишкомъ реальныхъ общественныхъ язвъ настоящаго и столь-же реальнаго мартиролога большинства человѣчества, мартиролога, который называется хроникою историческихъ событій. Ихъ ученіе принадлежитъ строю мысли, чуждому современной наукѣ.

Намъ слишкомъ довольно и тѣхъ истолкователей общественнаго процесса, которые остаются, или думаютъ, что остаются, на почвѣ реальной.

Передъ нами, прежде всего, *пессимисты*, которые говорятъ намъ: то, что называютъ прогрессомъ въ исторіи, есть фатальное стремленіе къ увеличенію бѣдствій человѣчества. Всѣ пути ведутъ къ этому результату. Если мы можемъ лучше понимать все сущее, то можемъ его понимать лишь какъ источникъ бѣдствій, и, съ уясненіемъ нашего пониманія, все болѣе убѣждаться въ ихъ фатальномъ возрастаніи.

Рядомъ съ ними слышимъ спокойную, утѣшительную рѣчь *оптимистовъ*: фataленъ прогрессъ, фатально улуч-

шеніе, возвышеніе человѣческаго существованія во всѣхъ отношеніяхъ, человѣческаго общежитія во всѣхъ его формахъ. Всѣ бѣдствія, всѣ раздоры —призрачны и временны. Заблужденія и страданія личностей, то, что кажется реакціею и уклоненіемъ отъ прогресса. есть лишь рябь на поверхности старинной „рѣки временъ"; рябь эта поднята вѣтромъ, направленіе котораго измѣняется каждую минуту; но общее теченіе этой громадной рѣки не можетъ остановить никакой вѣтеръ. Растетъ сила человѣческой мысли, открывая истину за истиною освѣщая невѣдомые прежде пути къ прогрессу. Растетъ и благосостояніе даже тѣхъ классовъ, которыхъ выставляютъ обыкновенно, какъ пасынковъ современной цивилизаціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ настраиваются сами собою различные инструменты человѣческаго концерта, чтобы со временемъ слиться въ одну стройную гармонію.

Оба эти прямо противоположныя міросозерцанія оставляются совсѣмъ въ сторонѣ тѣми, которыхъ можно назвать *натуралистами* въ исторіи. Прогрессъ — говорятъ они — есть одна изъ многочисленныхъ иллюзій, которыя, одна за другою, забавляютъ человѣчество въ фатальной смѣнѣ событій, составляющихъ процессъ его жизни. Все „лучшее", все „высшее", всякій идеалъ личный или общественный—иллюзія и снова иллюзія. Реаленъ лишь процессъ механико-химическихъ явленій, который, въ своихъ разнообразныхъ и вѣчно повторяющихся фазисахъ, вызываетъ тамъ или здѣсь во вселенной процессъ органической жизни, процессъ сознанія. Гдѣ наступаетъ органическая жизнь, тамъ начинается борьба за существованіе, которая кончается лишь съ прекращеніемъ самой жизни. Гдѣ выработывается сознаніе, тамъ разрастаются разнообразные призраки истины, кра-

соты, нравственнаго долга, общественной связи, призраки, сквозь волнующійся туманъ которыхъ лишь изрѣдка проглядываетъ трезвая, хотя и печальная истина. Счастье однѣхъ особей и страданія другихъ суть случайности, имѣющія столь-же мало значенія въ общемъ процессѣ, какъ тотъ или другой пузырекъ, вскакивающій на поверхности кипящей жидкости. Нѣтъ въ природѣ ни ухудшенія, ни улучшенія, ни пониженія, ни возвышенія; есть лишь смѣна явленій, которыя всѣ имѣютъ одинаковое значеніе и къ которымъ вполнѣ неприложима какая-либо нравственная оцѣнка. Борьба за существованіе, борьба между наличными силами есть единственная реальность и въ процессѣ исторіи, а всѣ идеи и идеалы, которые выступаютъ на поверхности этого процесса, суть лишь самообольщеніе, которое вызывается процессами сознанія, чтобы скрыть отъ себя однообразіе совершающагося реальнаго процесса и продолжить его.

Этимъ метафизикамъ разнаго толка *реалисты* исторіи возражаютъ, измѣняя совершенно самую постановку вопроса. Знать сущность вещей намъ невозможно — говорятъ они — и заботиться о ней безполезно. Допуская, что весь интеллектуальный міръ нашихъ стремленій къ правдѣ теоретической и практической есть не что иное, какъ міръ иллюзій, въ который завернутъ однообразный процессъ борьбы за существованіе, мы всетаки этого покрова сорвать съ сущности вещей не можемъ, и всетаки, въ реальной жизни, будемъ ставить себѣ цѣли и будемъ искать средства достигнуть ихъ. Мы будемъ страдать и наслаждаться, какъ ни были-бы малозначительны, можетъ быть, наши боли и радости для „цѣлаго". Мы будемъ искать истину или то, что *намъ* кажется истиною. Мы будемъ возмущаться несправедливостью

или тѣмъ, что *для насъ* есть несправедливость. Слѣдовательно, *для насъ* вопросъ о „лучшемъ“ и о прогрессѣ будетъ имѣть всегда жизненное значеніе, какова бы ни была сущность вещей. Мы его и ставимъ для того интеллектуальнаго міра, который составляетъ *нашу* науку, *нашу* нравственность, *нашу* философію. Съ этой точки зрѣнія для насъ довольно безразличны воззрѣнія пессимистовъ или оптимистовъ. То, что дѣлается въ исторіи само собою, —фатально лежитъ внѣ нашихъ силъ и нашей дѣятельности. Можетъ быть, въ „цѣломъ“, количество зла и бѣдствій въ мірѣ растетъ неудержимо. Можетъ быть, оно неудержимо уменьшается. Но передъ нами наболѣвшее человѣчество *нашего* періода, страданія котораго суть результатъ процесса предшествовавшаго историческаго времени, при чемъ въ развитіи процесса участвовали люди, подобные намъ. Предъ нами возможное будущее *этого* страждущаго человѣчества, будущее, въ построеніи котораго приходится участвовать и намъ. Мы стоимъ между этимъ прошедшимъ и этимъ будущимъ съ нашими мнѣніями и убѣжденіями, съ нашею критикою науки и съ нашею рѣшимостью дѣйствовать, каковы-бы ни были эти наши умственныя и нравственныя данныя. Во имя этихъ данныхъ мы неизбѣжно говоримъ себѣ: *здѣсь* зло и ложь; *здѣсь* правда и благо. *Это* было явленіемъ прогресса, а *это* фактомъ регресса въ прошедшемъ, потому что первое *для насъ*—приближеніе къ благу и къ правдѣ, второе—отклоненіе отъ нихъ. И въ ближайшемъ будущемъ, въ построеніи котораго намъ приходится участвовать, *вотъ гдѣ* явленія, которыя обѣщаютъ наибольшее количество правды и блага; *вотъ за что* намъ приходится бороться, чтобы наболѣвшее человѣчество почувствовало облегченіе Для

него настанутъ неизбѣжно новыя боли,—говорятъ они. Можетъ быть; но *наше* дѣло бороться противъ *тѣхъ* болей его, которыя мы знаемъ, которыя понимаемъ, предоставляя будущимъ поколѣніямъ придумывать средства противъ зла, о которомъ мы не имѣемъ никакого яснаго понятія.—Боли человѣчества несущественны, — говорятъ другіе. И это возможно; но *настоящія* боли его для него ощутительны, и мы обязаны искать въ прошедшемъ ихъ объясненіе, въ будущемъ—ихъ излѣченіе. Для насъ прогрессъ есть *возможное* направленіе историческаго теченія событій къ „лучшему“, какъ *мы* его понимаемъ, за тотъ періодъ времени, который *мы* можемъ охватить умственнымъ взглядомъ. Для насъ борьба за прогрессъ есть обязательное содѣйствіе этому возможному направленію, которое, какъ *возможное* лишь, могло бы, насколько мы понимаемъ, замѣниться и совсѣмъ противоположнымъ направленіемъ, слѣдовательно—нуждается въ содѣйствіи всѣхъ тѣхъ, которые понимаютъ его такъ, а не иначе. Пессимизмъ и оптимизмъ со своими общими соображеніями остаются совершенно внѣ той теоріи прогресса, которая намъ нужна для нашей практики.

На этой реальной почвѣ мы имѣемъ различныя группы мнѣній, которыя уже могутъ и должны подлежать обсужденію, съ точки зрѣнія установленія истинной теоріи прогресса.

И здѣсь мы устранимъ тѣхъ немногочисленныхъ въ наше время представителей мистическаго направленія, которые ищутъ прогресса человѣчества въ смѣнѣ религій, видятъ главное зло современности въ отсутствіи религіозныхъ вѣрованій и ищутъ спасенія человѣчества въ созданіи новыхъ догматовъ, новаго культа. Если религіозный элементъ приходится оставить въ сторонѣ при

метафизикѣ исторіи, то едва ли не лучше не прибѣгать къ его пособію и при пониманіи реальнаго ея процесса, а тѣмъ болѣе при лѣченіи общественныхъ язвъ.

Но и реалистическія объясненія современнаго общественнаго положенія и возможнаго исхода изъ его затрудненій весьма разнообразны, и мнѣ придется ограничиться здѣсь лишь немногими главными ученіями.

Весьма немногіе мыслители видятъ въ настоящее время источникъ зла исключительно въ мірѣ *идей* и разсчитываютъ на установку болѣе правильнаго міросозерцанія среди развитыхъ умовъ и на расширеніе раціональнаго образованія во всѣхъ классахъ общества для излѣченія общественнаго зла. Для нихъ еще достаточно формулировать прогрессъ словами: идеи двигаютъ міромъ. Для нихъ ростъ науки и уясненіе міросозерцанія составляютъ *весь* прогресъ, такъ какъ этотъ элементъ, по ихъ мнѣнію, обусловливаетъ все остальное. Для нихъ борьба за прогрессъ заключается въ саморазвитіи и въ пропагандѣ науки и раціональной философіи, такъ какъ зло во всѣхъ остальныхъ сферахъ человѣческаго существованія будетъ, какъ они думаютъ, устранено уясненіемъ этой господствующей сферы.

Большинство идетъ далѣе, въ область жизненныхъ *интересовъ*.

Одни говорятъ: прогрессъ заключался и заключается во внесеніи въ общественный строй начала права, въ установленіи правового государства, которое исключитъ насиліе и неравенство во всѣхъ его формахъ, охранитъ слабаго, сдержитъ сильнаго, внесетъ въ жизнь свободу и равенство, коллективною силою устранитъ крайности борьбы за существованіе, крайности соперничества изъ-за барыша, изъ-за власти; это правовое государство само подчинится началу сво-

боды и равенства, которое установитъ для своихъ подданныхъ, и войдетъ со всѣми своими товарищами, другими правовыми государствами, въ равноправную федерацію стройныхъ политическихъ единицъ. Прогрессъ въ прошедшемъ для этихъ поклонниковъ права заключался въ приближеніи къ правовому государству, и этотъ прогрессъ, постепенно осуществляясь путемъ мирныхъ реформъ и кровавыхъ революцій, долженъ тѣмъ-же путемъ, тѣми-же средствами идти далѣе и въ будущемъ. Всѣ остальныя явленія могутъ быть подведены подъ фазисы этого развитія, а внѣ его существуетъ лишь міръ вредныхъ общественныхъ иллюзій. Около знамени правового государства, около принципа политической свободы и политическаго равенства должны группироваться борцы за прогрессъ. На борьбу за эти высшіе общественные принципы должны развитые люди посвящать всѣ свои силы. Все остальное явится, какъ слѣдствіе установленія правового государства, охватывающаго своею идеею весь идеалъ историческаго прогресса.

Нѣтъ,—возражаютъ другіе,—правовыя отношенія и вся политическая жизнь составляютъ лишь внѣшность болѣе существеннаго общественнаго процесса—процесса экономическаго развитія. Прогрессъ страны заключается въ ея обогащеніи, которое обусловливаетъ и внѣшнее ея значеніе, и внутреннее развитіе въ ней культуры. Различіе политическихъ формъ монархій и республикъ, болѣе или менѣе либеральныхъ конституцій, исчезаетъ въ громадномъ процессѣ всемірнаго производства, космополитическихъ оборотовъ биржи, въ неразрушимой связи экономическихъ интересовъ между всѣми странами, всѣми народами, всѣми общественными классами. Цивилизація есть продуктъ богатства и въ постепенномъ ростѣ человѣческой промышленности, въ расширеніи экономическихъ

связей между людьми, въ болѣе тѣсномъ сплетеніи всѣхъ группъ человѣчества между собою во имя своихъ экономическихъ интересовъ, заключается прогрессъ человѣчества. Богатство даетъ независимость и силу, выработываетъ человѣческое достоинство, составляетъ условіе, при которомъ могутъ установиться свобода и равенство. Для достиженія цѣли экономическаго, единственно-реальнаго, прогресса, страна можетъ приносить всякія жертвы, спокойно относиться ко всякимъ страданіямъ, потому что и жертвы, и страданія при этомъ временны и окупятся стократно, когда тѣсная связь всѣхъ экономическихъ интересовъ внесетъ въ общественный строй сознаніе ихъ солидарности и ихъ гармоніи. Борьба за прогрессъ въ человѣчествѣ заключается въ естественномъ стремленіи къ обогащенію, въ конкурренціи, помощью которой наиболѣе умный и ловкій, обогащаясь самъ, указываетъ тѣмъ самымъ человѣчеству лучшій процессъ обогащенія, слѣдовательно—вѣрнѣйшій путь къ прогрессу. Посвящая этой борьбѣ всѣ свои силы, устраняя всѣ аффективныя и нравственныя иллюзіи, которыя отвлекаютъ человѣка отъ раціональнаго пути, оцѣнивая все съ точки зрѣнія экономическихъ интересовъ, устанавливая для всего рыночную цѣну, личность наилучшимъ образомъ выработываетъ свою индивидуальность, развиваетъ свои способности и является самымъ раціональнымъ борцомъ за прогрессъ, за быстрѣйшее установленіе гармоніи и солидарности интересовъ всѣхъ личностей въ процессѣ обогащенія человѣчества.

Въ послѣднее время есть писатели и болѣе откровенные, которые, впрочемъ, въ этомъ случаѣ, представляютъ въ новомъ видѣ ученіе очень старинное. Они считаютъ иллюзіями идеи свободы и равенства, точно такъ-же, какъ

мечты о гармоніи экономическихъ интересовъ. Они находятъ внутреннее противорѣчіе въ самомъ понятіи о правовомъ государствѣ. Прогрессъ—говорятъ они—пріобрѣтался и можетъ пріобрѣтаться лишь путемъ господства меньшинства надъ большинствомъ и руководства послѣдняго первымъ. Государство есть господство, а не право. Оно можетъ установить правовыя отношенія, извѣстную долю свободы и равенства между своими подданными, но само остается чистымъ господствомъ и относительно ихъ. Но господство политическое невозможно безъ господства экономическаго, и потому политически-господствующій классъ, составляющій власть въ государствѣ, долженъ быть и классомъ экономически-господствующимъ, концентрирующимъ въ своихъ рукахъ собственность насчетъ другихъ. Экономическая монополія собственности есть неизбѣжное условіе существованія государственной власти, безъ которой невозможна цивилизація, невозможенъ и прогрессъ. Онъ можетъ заключаться лишь въ томъ, что государственное господство будетъ становиться все прочнѣе и условіе его существованія—экономическое и политическое неравенство группъ—болѣе общепризнаннымъ; да еще въ томъ, что, вслѣдствіе большей прочности своего владычества, господствующіе классы будутъ гуманнѣе относиться къ классамъ подчиненнымъ и доставлять имъ болѣе человѣчное существованіе. Борьба за прогрессъ при этихъ условіяхъ сводится на содѣйствіе фатальному процессу концентрировки собственности и политической власти въ одномъ классѣ насчетъ другихъ, и на нравственную проповѣдь владыкамъ міра оставить нѣкоторую долю человѣческаго достоинства и благосостоянія подчиненнымъ массамъ.

Въ противоположность предшествующимъ социологи-

ческимъ ученіямъ, группа соціалистическихъ мыслителей и дѣятелей принимаетъ долю принциповъ, принадлежащихъ каждой изъ перечисленныхъ школъ, но принимаетъ ихъ въ совсѣмъ иной комбинаціи и приходитъ къ совсѣмъ инымъ выводамъ. Да,—говорятъ сторонники этого ученія,—прогрессъ человѣчества заключается во внесеніи въ общественный строй свободы и равенства, во внесеніи въ общественную жизнь права, какъ правды, но не государству внести эти начала въ общество, потому что оно есть, въ своей сущности, господство; оно есть неравенство; оно есть—стѣсненіе свободы. При усиленіи же и упроченіи господства одного класса надъ другими не только нельзя разсчитывать на болѣе человѣчное существованіе для подчиненныхъ классовъ, но ихъ матеріальное, умственное и нравственное приниженіе должно все расти. Правовое государство есть неосуществимая мечта. А потому государство, какъ господство одного класса надъ другими, есть элементъ, который, по своей силѣ и историческому значенію, долженъ, во имя прогресса, стремиться къ минимуму. Оно могло быть, какъ внѣшняя сила, историческою необходимостью впродолженіи долгаго періода, вслѣдствіе недостатка общественнаго развитія; но, по мѣрѣ роста этого развитія, оно уступаетъ одну изъ своихъ функцій за другою инымъ общественнымъ элементамъ, и роль его въ исторіи фатально умаляется. Въ настоящее время оно уже сознаетъ себя вполнѣ зависимымъ отъ экономическихъ силъ, господствующихъ надъ формами общественнаго развитія. Поэтому и общественную правду, общественное воплощеніе свободы и равенства надо искать прежде всего не въ установленіи лучшихъ юридическихъ отношеній между личностями и группами, а въ установленіи болѣе

правильнаго экономическаго строя. Если послѣдній будетъ правиленъ, то неправильныя политическія формы установиться надолго не могутъ.

Но настоящій экономическій строй неправиленъ. Онъ *неизбѣжно* вызываетъ неравенство и ограниченіе свободы для большинства. Онъ *неизбѣжно* создаетъ господство однихъ классовъ надъ другими. Онъ, въ экономической конкурренціи, вызываетъ, упрочиваетъ и узаконяетъ въ человѣчествѣ элементы вражды между личностями, борьбы между группами и внутри группъ. Онъ подавляетъ индивидуальное развитіе среди милліоновъ людей, позволяя развиваться лишь немногимъ, но и тутъ искажая ихъ развитіе однимъ уже погруженіемъ ихъ въ войну всѣхъ противъ всѣхъ. Прогрессъ въ настоящемъ возможенъ лишь путемъ радикальнаго измѣненія этого неправильнаго экономическаго строя и замѣною его основаній иными, допускающими всестороннее развитіе каждой личности, допускающими возможно большее внесеніе въ жизнь свободы и равенства, допускающими правду въ общественной жизни. И въ прошедшемъ прогрессъ заключался и могъ заключаться лишь въ развитіи тѣхъ сторонъ мысли, которыя уясняли людямъ реальное отношеніе вещей между собою и реальныя потребности личнаго человѣческаго развитія и правильнаго общественнаго строя; въ усиленіи тѣхъ элементовъ общественныхъ отношеній, которыя скрѣпляли связь между личностями и между группами и расширяли эту связь до внесенія въ нее всего мыслящаго человѣчества. Иначе говоря, прогрессъ заключался и могъ заключаться лишь въ растущемъ сознаніи истины путемъ все болѣе выработывающейся критической мысли и въ растущемъ воплощеніи въ общественную

жизнь солидарности между людьми, окончательно распространяющейся на все мыслящее человѣчество въ его кооперацій ко всеобщему развитію. Эта солидарность можетъ установиться, конечно, не на почвѣ конкуренціи за обогащеніе и борьбы за существованіе, но на почвѣ общихъ интересовъ всѣхъ, производительно работающихъ мышцами и мозгомъ; на почвѣ доступности всѣмъ и каждому изъ нихъ средствъ личнаго развитія и средствъ производительнаго труда; на почвѣ, устраняющей всякую монополію матеріальную или интеллектуальную, на почвѣ коллективнаго труда въ виду общей пользы. Въ этомъ случаѣ элементами враждебными прогрессу являются—какъ рутина существующихъ общественныхъ отношеній, такъ и интересы тѣхъ личностей и группъ господствующаго нынче меньшинства, которое потеряло бы свое господство съ прекращеніемъ конкуренціи для однихъ изъ-за права едва существовать въ проголодь и конкуренціи для другихъ изъ за наибольшихъ барышей и наибольшаго присвоенія роскошныхъ ненужностей. Враждебными элементами прогрессу являются и многія наличныя направленія мысли: ему враждебны тѣ, которые не признаютъ господства экономическихъ интересовъ надъ прочими въ строѣ общества и необходимости устроить въ нихъ солидарность, какъ единственное основаніе прочной солидарности вообще между людьми; враждебны тѣ, которые видятъ основное орудіе прогресса въ конкуренціи личныхъ интересовъ, а не въ ихъ кооперацій; тѣ, которые считаютъ господство одного класса надъ другимъ неизбѣжнымъ условіемъ прогресса; враждебны прогрессу, наконецъ, и тѣ, которые смотрятъ на прогрессъ или регрессъ, какъ на фатальный историческій процессъ, совершающійся дѣйствіемъ метафизическихъ силъ, при

чемъ личное усиліе индивидуумовъ нечего брать въ разсчетъ. Въ ученіи соціализма борцы за прогрессъ призываются къ выработкѣ изъ данныхъ реальныхъ отношеній между людьми новыхъ отношеній, допускающихъ солидарность между всѣми мыслящими и трудящимися человѣческими группами; къ уясненію себѣ и другимъ тѣхъ элементовъ, уже существующихъ, которые способствуютъ этой перестройкѣ, и тѣхъ, которые ей препятствуютъ; къ выработкѣ коллективной силы, способной воспользоваться тѣмъ, что благопріятствуетъ измѣненію, и устранить или сломать препятствія, представляющіяся на этомъ пути; къ выработкѣ въ себѣ и въ своихъ товарищахъ по убѣжденію личной силы мысли и личной энергіи, годной, какъ на борьбу за прогрессъ съ его врагами, такъ, еще болѣе, для установленія того общественнаго строя, который одинъ можетъ сдѣлать возможною и упрочить солидарность между личностями и группами.

Ограничусь предыдущимъ. Рядомъ съ упомянутыми ученіями, выражающими различныя направленія мысли о прогрессѣ въ ихъ наибольшей рѣзкости и опредѣленности, встрѣчается нѣсколько другихъ, частью имѣющихъ менѣе значенія, особенно же служащихъ переходными и посредствующими ступенями между тѣми, на которыя я указалъ. Но для цѣли этого письма нѣтъ надобности перечислять эти примирительныя ученія. Достаточно указать взгляды на прогрессъ въ ихъ крайнемъ различіи. Каждый изъ этихъ взглядовъ имѣетъ своихъ сторонниковъ, свою исторію, имѣлъ свои причины произойти и существовать. За каждый изъ нихъ высказывались и высказываются вѣскіе аргументы. Поэтому возникаютъ вопросы: при различіи изложенныхъ ученій о прогрессѣ, какъ приступить къ взвѣшиванію аргументовъ за и про-

тивъ каждаго изъ спорныхъ ученій? Какъ остановиться сознательно на той или другой практикѣ прогресса, являющейся неизбѣжнымъ слѣдствіемъ той или другой его теоріи?—Я здѣсь ограничусь лишь тѣмъ, что намѣчу вопросы, которые приходится при этомъ рѣшить, и порядокъ, въ которомъ, какъ мнѣ кажется, всего удобнѣе ихъ ставить для цѣлесообразнаго рѣшенія. А ставить ихъ себѣ—неизбѣжно, такъ какъ ихъ ставитъ не произволъ личности, а фатальное развитіе исторіи. И рѣшить ихъ такъ или иначе — обязательно, потому что, какъ уже сказано выше, тотъ, кто не хочетъ искать пути къ прогрессу и выступить, по мѣрѣ своихъ силъ, борцомъ на этомъ пути, тотъ тѣмъ самымъ является борцомъ *противъ* прогресса.

3. Порядокъ постановки вопросовъ.

Въ чемъ состоялъ и въ чемъ могъ состоять прогрессъ въ исторіи человѣчества?

Для отвѣта на этотъ вопросъ мы имѣемъ тройной матеріалъ. Во-первыхъ, мы имѣемъ доступное нашему наблюденію общество, въ томъ видѣ какъ оно существуетъ, съ его выгодами и недостатками, съ его элементами солидарности и вражды, съ его здоровыми и патологическими процессами. Во-вторыхъ, мы имѣемъ процессъ исторіи, подготовившій настоящее изъ прошедшаго, и можемъ болѣе или менѣе точно возстановить фактическое теченіе этого процесса на основаніи исторической критики. Наконецъ, въ третьихъ, мы имѣемъ далеко не совершенные, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ весьма замѣчательные, частные научные труды по вопросамъ соціологіи и близкихъ съ нею областей психологіи

и біологіи, труды, въ которыхъ разсмотрѣны и анализированы различные элементы общественнаго строя въ его различныхъ историческихъ фазисахъ и указана ихъ зависимость, при помощи упомянутаго уже выше описательнаго и установленнаго историческою критикою матеріала и при помощи методовъ наведенія и вывода, не менѣе точныхъ, чѣмъ тѣ, которые позволяютъ намъ дѣлать заключенія въ другихъ научныхъ отрасляхъ.

Поэтому вопросъ, только что нами поставленный, допускаетъ тройной приступъ къ его рѣшенію.

Всего ближе намъ и всего извѣстнѣе то общество, которое около насъ. Повидимому, всего проще начать прямо съ него: недаромъ же насъ учили, что, при изслѣдованіи, всегда надо отъ извѣстнаго переходить къ неизвѣстному. Итакъ, вооружимся описательнымъ матеріаломъ, статистическими данными, сравнительными таблицами и постараемся рѣшить: что въ нашемъ обществѣ можетъ доставить источникъ прогресса, и что есть элементъ регресса или застоя? Чему надо способствовать и чему противодѣйствовать во имя задачи человѣческаго развитія? Что̀ составляетъ фатальную необходимость, противъ которой спорить такъ-же глупо, какъ противъ закона тяготѣнія, и что̀ есть результатъ, созданный при участіи личнаго убѣжденія и личной энергіи, и потому можетъ быть измѣнено уясненіемъ убѣжденій и инымъ направленіемъ энергіи?

Но развѣ *одно* наблюденіе современнаго общества можетъ намъ позволить рѣшить эти вопросы? Мы видимъ лишь грубые результаты длиннаго процесса, но намъ приходится иными пріемами разгадывать этотъ процессъ.— Вотъ рядъ страданій; вотъ списокъ преступниковъ и самоубійцъ по категоріямъ; вотъ бюджетъ кровавыхъ войнъ,

кровавыхъ революцій; вотъ разсчетъ дохода труженика, дохода, не имѣщаго никакой возможности достигнуть цифры его *необходимыхъ* расходовъ. Это все—безспорное зло, и все это, во имя невольнаго аффекта, простого сочувствія, мы хотимъ устранить. Прекрасно. Но какъ?—Вотъ, рядомъ съ предыдущею картиною, совсѣмъ иная: все болѣе могучая техника прорываетъ материки и позволяетъ сообщаться между собою антиподамъ, окружаетъ обыденную жизнь неслыханными удобствами; наука утомляетъ наблюдателя числомъ своихъ завоеваній и дѣлаетъ, въ популярныхъ разъясненіяхъ, доступнымъ самому слабому уму то, что едва понимали еще недавно умы исключительно-развитые; совершаются подвиги филантропіи среди всеобщей борьбы за барышъ; совершаются подвиги геройства и самоотверженія среди кровавыхъ сценъ взаимнаго убійства; совершаются подвиги солидарности среди существъ, которыхъ статистика обрекаетъ на хроническое голоданіе, на ежедневную борьбу за существованіе, въ которой побѣда невозможна, на конкурренцію изъ-за куска хлѣба. Мы невольно гордимся этими завоеваніями современности; мы хотѣли бы расширить ихъ, обобщить. Вотъ элементы прогресса, говоримъ мы, и ихъ надо развить на счетъ другихъ. Допустимъ и это. Но, опять таки, какъ сдѣлать это?

А что, если списки преступниковъ и самоубійцъ окажутся столь-же мало подлежащими вліянію соціологическихъ измѣненій, какъ среднее число ежегодныхъ дождливыхъ дней и градобитій? А что, какъ зло, противъ котораго мы имѣемъ въ виду бороться, можетъ быть замѣнено лишь другимъ, еще худшимъ зломъ? А что, какъ блестящія картины, въ которыхъ мы думали разглядѣть элементы человѣческаго благоденствія и развитія,

настолько связаны съ возмущающими насъ картинами общественныхъ бѣдствій, что, съ увеличеніемъ любезныхъ намъ красотъ, неизбѣжно возрастутъ, да еще, пожалуй, въ высшей мѣрѣ, эти самыя возмутительныя бѣдствія? Къ тому же, кровавыя войны и кровавыя революціи, точно такъ, какъ завоеванія науки и техники, бюджетъ хронически голодающихъ тружениковъ, какъ подвиги солидарности въ средѣ этихъ самыхъ тружениковъ, явились не по щучьему велѣнію, но какъ результатъ историческаго процесса, и могутъ быть одни устранены, другіе расширены лишь въ дальнѣйшемъ ходѣ того-же самаго процесса, тѣми самыми силами, которыя въ немъ дѣйствуютъ, его совершаютъ и однѣ *могутъ* дѣйствовать въ немъ и совершать его.

Наблюденіе современнаго намъ общества лишь въ такомъ случаѣ можетъ намъ указать на надлежащую практику прогресса, когда мы поняли явленія около насъ совершающіяся, какъ *естественныя* или *историческія категоріи*; когда мы знаемъ, которыя изъ этихъ явленій зависятъ отъ естественныхъ причинъ, отъ другихъ явленій постоянно повторяющихся (какъ потребность пищи, напримѣръ) отъ процессовъ, дѣйствующихъ на всѣ историческія поколѣнія человѣка (какъ, напримѣръ, климатическія и топографическія условія страны); которыя изъ этихъ явленій неразрывно связаны между собою условіями существованія и логической зависимости; и которыя изъ нихъ представляютъ результатъ историческаго прошлаго, возникли при опредѣленныхъ условіяхъ, подъ вліяніемъ опредѣленныхъ общественныхъ силъ, и могутъ исчезнуть или измѣниться при другихъ условіяхъ, подъ вліяніемъ иныхъ силъ. Теорія прогресса не можетъ быть извлечена даже изъ самаго тщательнаго наблюденія со-

временнаго общественнаго строя, пока мы не поняли этого строя, какъ результатъ всей предшествующей исторіи, въ которой дѣйствовали опредѣленныя историческія силы, однѣ — постоянныя, обусловленныя самыми процессами природы, другія — выработанныя самою исторіею, но, однажды выработавшись, способныя вступить въ борьбу, иногда побѣдоносную, съ элементарными историческими побужденіями, доставляемыми природою.

Для пониманія современности, какъ результата исторіи, приходится обратиться ко второму роду данныхъ, упомянутыхъ выше, къ историческому матеріалу. Намъ приходится въ немъ разсмотрѣть, что́ представляетъ явленіе повторяющееся при всѣхъ условіяхъ культуры и что связано лишь съ опредѣленными формами цивилизаціи? Какая группа общественныхъ явленій наблюдается всегда цѣликомъ, при непремѣнномъ сосуществованіи своихъ элементовъ, и какіе элементы могутъ представляться въ разнообразныхъ комбинаціяхъ? Какія историческія силы возникали независимо отъ личныхъ убѣжденій и личной энергіи индивидуумовъ, и въ какихъ историческихъ силахъ это убѣжденіе и эта энергія составляли невыдѣлимые элементы? Какія побужденія представляютъ настоящую почву исторіи, съ которою приходится считаться всякому борцу за прогрессъ, какъ всякому противнику прогресса? При такихъ комбинаціяхъ эти побужденія служили реальною почвою прогресса, и когда они-же давали начало реакціи? И какія силы, хотя и значительныя, представляютъ лишь временное пособіе для прогрессивнаго дѣятеля, такъ какъ ни на продолжительность, ни на постоянство ихъ разсчитывать нельзя?

Безспорно, исторія можетъ дать отвѣты на эти вопросы, но при двухъ условіяхъ: при достаточно-широ-

комъ объемѣ ея матеріала и при достаточно-широкой постановкѣ ея задачи.

Точная историческая критика располагаетъ матеріаломъ, охватывающимъ не особенно длинный періодъ времени. За нимъ представляются общественныя картины нѣсколько смутныя, вглядываясь въ которыя историкъ слишкомъ склоненъ возстановлять древніе періоды по аналогіи съ болѣе новыми эпохами, аналогіи всегда нѣсколько опасной. Еще далѣе лежитъ полуисторическій и доисторическій періодъ, который приходится возсоздавать въ воображеніи хотя бы въ нѣкоторой долѣ лишь рядомъ комбинацій, при чемъ опять-таки весьма легко внести въ эти комбинаціи личныя привычки мысли и жизни изслѣдователя. При подобныхъ пріемахъ какая-либо историческая форма, имѣвшая свое основаніе возникнуть въ данную эпоху и потому самому поблекнуть и отцвѣсти въ другую эпоху, рисуется иногда историку, какъ неизмѣнный, постоянный, естественный элементъ общественнаго строя. Древній грекъ смотрѣлъ на рабство, какъ на учрежденіе, безъ котораго немыслимо никакое общество. Современный юристъ большею частью видитъ въ нынѣшнихъ формахъ семьи, общественности, полиціи, суда нѣчто не допускающее измѣненій. Современный политикъ почти не можетъ не искать во всякую эпоху государственный элементъ, какъ нѣчто обособленное и господствующее, не можетъ допустить, чтобы въ настоящемъ строѣ экономическія силы обусловливали внутреннюю и внѣшнюю политику, и чтобы въ будущемъ какіе-либо общественные элементы довели роль государственной жизни до довольно незначительнаго минимума.

Задача исторіи постепенно расширяется, но далеко еще не всѣ изслѣдователи ставятъ ее съ одинаковою ши-

ротою. Если прошло время біографической исторіи, то еще нѣтъ ни одного сколько-нибудь цѣльнаго труда, въ которомъ съ достаточною подробностью и основательностью была бы разработана роль экономическихъ силъ во всѣ періоды жизни человѣчества. Далеко не удовлетворительно слито въ существующихъ историческихъ трудахъ развитіе философскихъ міросозерцаній и, въ особенности, научныхъ трудовъ съ ходомъ политическихъ событій. Еще менѣе, можетъ быть, взято въ соображеніе сосуществованіе въ данную эпоху въ одномъ и томъ же обществѣ нѣсколькихъ группъ меньшинства, стоящихъ на различныхъ ступеняхъ умственнаго и нравственнаго развитія, участвующихъ различнымъ образомъ въ работѣ мысли, существованіе рядомъ съ ними большинства, стоящаго опять-таки на совсѣмъ иномъ уровнѣ развитія, взаимодѣйствіе всѣхъ этихъ группъ, связанныхъ совмѣстною жизнью, и совершенно различный ходъ исторіи для каждой изъ нихъ, составляющій элементъ общей картины исторической жизни даннаго періода. Конечно, эти задачи и не могутъ еще въ настоящее время быть разрѣшены надлежащимъ образомъ для всѣхъ періодовъ исторіи; конечно, нельзя требовать отъ современныхъ писателей въ этой отрасли, чтобы они вполнѣ удовлетворительно разобрали эти затрудненія, которыя могутъ быть побѣждены лишь при самомъ строгомъ изслѣдованіи историческаго матеріала, частью совсѣмъ пренебреженнаго до сихъ поръ, частью разработаннаго весьма недостаточно, или даже неизвѣстнаго; однако, всетаки необходимо для всякаго историческаго труда, стоящаго на уровнѣ современныхъ задачъ мысли, чтобы изслѣдователь имѣлъ въ виду всѣ эти стороны вопроса; чтобы онъ былъ, насколько это для него возможно, вооруженъ и способностью разгля-

дѣть факты, относящіеся къ этимъ сторонамъ историче-ской жизни, и способностью понять ихъ значеніе. Но много ли историковъ въ наше время настолько знакомы съ областью экономическихъ явленій, чтобы оцѣнить над-лежащимъ образомъ экономическій смыслъ даннаго факта? Многіе ли могутъ —не скажу уже прослѣдить связь между данными научными работами и общимъ состояніемъ куль-туры, но даже самостоятельно понять роль данной науч-ной работы? Многіе ли въ состояніи настолько вжиться въ одновременное историческое развитіе разныхъ обще-ственныхъ группъ, чтобы возстановить воображеніемъ раз-нообразное дѣйствіе даннаго событія на каждую изъ этихъ группъ? Къ сожалѣнію, на всѣ эти вопросы при-ходится отвѣтить отрицательно. Но, безъ яснаго понима-нія экономическаго процесса производства, обмѣна и рас-предѣленія богатствъ, историкъ никогда не можетъ сдѣ-латься историкомъ народныхъ массъ, которыя преимуще-ственно подчинены условіямъ экономическаго обезпеченія. Но безъ опредѣленнаго взгляда на научное значеніе дан-ной мысли, можно ли историку понимать истинный харак-теръ развитія мысли даннаго періода? Но, ограничиваясь въ своемъ изслѣдованіи лишь нѣкоторыми обществен-ными группами, или, не поставивъ себѣ вопроса о воз-можномъ и дѣйствительномъ взаимодѣйствіи этихъ группъ, есть ли какая нибудь возможность составить себѣ сколько-нибудь точное представленіе о прогрессѣ всего общества въ данный періодъ?

Такимъ образомъ, отвѣтъ на тѣ вопросы, которые, какъ показано выше, возникаютъ изъ разсмотрѣнія исто-рическаго матеріала для теоріи прогресса, требуетъ, чтобы изслѣдователь этого матеріала былъ вооруженъ понима-ніемъ соціологическихъ задачъ въ ихъ взаимной зависи-

мости; чтобы онъ освѣщалъ представляющійся ему матеріалъ фактовъ опредѣленнымъ взглядомъ на ихъ относительную важность, на ихъ существенную связь, коренящуюся частью въ постоянныхъ законахъ естественныхъ человѣческихъ потребностей, частью во временныхъ законахъ потребностей историческихъ, выработанныхъ самимъ ходомъ событій, обусловленныхъ не только общежитіемъ вообще, но общежитіемъ въ опредѣленныхъ формахъ культуры. Историческій матеріалъ уясняется лишь при свѣтѣ законовъ біологіи, психологіи и соціологіи, которые сами заключаютъ въ себѣ, рядомъ съ элементами, повторяющимися впродолженіе неопредѣленно-долгаго времени, еще значительную долю элементовъ историческихъ, выработываемыхъ исторіею и ею разрушаемыхъ. Привычка къ пищѣ, подверженной кухонной обработкѣ, не могла не измѣнить въ нѣкоторой степени физіологическія и патологическія условія питанія человѣка, точно такъ же, какъ процессы нервной дѣятельности въ центральномъ органѣ сознанія должны были измѣниться подъ вліяніемъ различныхъ формъ общежитія. Доля психологическихъ процессовъ, прямо зависящихъ отъ біологическихъ условій, совершенно ничтожна предъ тою долею ихъ, которая развилась подъ прямымъ дѣйствіемъ общественной связи и общественныхъ потребностей. Относительно соціологіи едва ли въ настоящее время стоитъ и повторять истину, что всѣ функціи общественной жизни измѣняются количественно и качественно съ теченіемъ исторіи, и что всѣ органы для этихъ функцій создаются исторіей. по мѣрѣ измѣненія, нарожденія и исчезанія раɛличныхъ общественныхъ потребностей человѣка. Историческій матеріалъ служитъ, такимъ образомъ, для вывода законовъ психологіи и соціологіи въ то самое время, когда эти законы,

разъ установленные, служатъ для группировки и разъясненія дальнѣйшаго историческаго матеріала. Мы не можемъ даже приступить къ разбору отношеній даннаго историческаго матеріала къ теоріи прогресса, если мы не приняли за точку исхода нѣкоторую уже установленную теорію человѣческихъ потребностей, нѣкоторый опредѣленный взглядъ на роль общежитія въ жизни человѣка, на отношеніе личности къ обществу въ процессѣ общественныхъ измѣненій, на основныя общественныя силы. которыя или фатально (по нѣкоторымъ ученіямъ) создаютъ человѣческій прогрессъ, или могутъ (по другимъ ученіямъ) въ иныхъ случаяхъ содѣйствовать, въ другихъ— мѣшать ему; наконецъ—на основные процессы исторіи, которые служатъ схемою для оцѣнки значенія существенныхъ, болѣе или менѣе важныхъ или второстепенныхъ ея фактовъ. Болѣе обширное и болѣе тщательное изученіе историческихъ фактовъ можетъ повести къ видоизмѣненію точекъ исхода, и въ этомъ заключается успѣхъ психологіи и соціологіи, который, въ свою очередь, вызываетъ новый успѣхъ въ пониманіи исторіи; но въ каждую данную минуту приходится оцѣнивать и группировать историческій матеріалъ лишь на основаніи тѣхъ данныхъ изъ соціологіи и близкихъ ей областей психологіи и біологіи, которыя въ настоящемъ положеніи знанія считаются наиболѣе вѣроятными.

Поставленный выше вопросъ о теоріи прогресса распадается, слѣдовательно, на три вопроса, которые приходится ставить въ слѣдующемъ порядкѣ.

На основаніи современныхъ данныхъ біологіи, психологіи и соціологіи, въ чемъ *могъ* состоять прогрессъ въ человѣческомъ обществѣ?

На основаніи разобраннаго и изслѣдованнаго истори-

ческаго матеріала, въ чемъ *заключались* различные фазисы историческаго прогресса?

На основаніи наблюдаемаго нами около себя строя общества и существующей въ этомъ обществѣ работы мысли въ различныхъ его группахъ принимая въ соображеніе историческій процессъ происхожденія современнаго строя и основныя явленія прогресса въ исторіи, въ чемъ заключается *возможный для нашего времени* общественный прогрессъ?

Практика прогресса, обязательная для развитой личности, зависитъ отъ тѣхъ отвѣтовъ, которые эта теорія прогресса даетъ на поставленные вопросы.

4. Очеркъ содержанія теоріи прогресса.

На какія же частныя изслѣдованія распадаются, въ свою очередь, три новые общіе вопроса, только что поставленные? Постараемся разсмотрѣть это въ самыхъ общихъ чертахъ.

Чтобы отвѣтить на вопросъ, въ чемъ *могъ* состоять прогрессъ, приходится прежде всего опредѣлить его *элементы* и отыскать въ разнообразныхъ процессахъ, охватываемыхъ словомъ *развитіе*, то, что *для насъ* представляетъ стремленіе къ *лучшему*.

Здѣсь намъ представятся два процесса, въ которыхъ мы не можемъ не признать, съ перваго же взгляда, процессовъ прогрессивныхъ, но которые какъ-бы различаются настолько, что могутъ оказаться противорѣчивыми и, дѣйствительно, входили между собою въ столкновеніе въ реальной исторіи.

Предъ нами ростъ личной мысли, съ ея техническими изобрѣтеніями, съ ея научными завоеваніями, съ ея фи-

лософскими построеніями, художественными созданіями и нравственнымъ героизмомъ. Предъ нами солидарность общества съ ея основными побужденіями; „каждый за всѣхъ, всѣ за каждаго“, „всѣмъ все необходимое для жизни и развитія; отъ каждаго всѣ его силы для работы на общественную пользу, для общественнаго блага, для общественнаго развитія“.

Ростъ сознательныхъ процессовъ въ личности, развитіе личности въ области мысли, есть безспорное для насъ явленіе прогресса. Тѣ условія, которыя обезпечиваютъ наибольшій и наистарѣйшій ростъ личной мысли въ человѣчествѣ, суть, вслѣдствіе этого, условія прогресса.

Съ другой стороны, прочность общественной связи является необходимымъ условіемъ здороваго существованія общества и благосостоянія особей, въ него входящихъ. Поэтому все, скрѣпляющее эту связь, является намъ элементомъ благодѣтельнымъ, прогрессивнымъ; все, ослабляющее эту связь, все, вызывающее вражду въ обществѣ, создающее неравенство въ его средѣ, есть для насъ явленіе патологическое, регрессивное. Идеаломъ общества является для насъ въ этомъ отношеніи общество личностей равныхъ, солидарныхъ другъ съ другомъ по своимъ интересамъ и по своимъ убѣжденіямъ, живущихъ при одинаковыхъ условіяхъ культуры и устранившихъ, по возможности, изъ своей среды всѣ враждебные другъ другу аффекты, всякую форму борьбы за существованіе между членами общества.

Но эти два представленія о прогрессѣ могутъ придти и приходили въ столкновеніе въ теченіе исторіи.

Идеалу прочнаго общества равныхъ удовлетворяетъ въ значительной мѣрѣ первобытное царство обычая, въ

которомъ всякая работа мысли, всякое личное развитіе подавляется господствующею рутиною жизни, гдѣ общественное равенство обозначаетъ лишь одинаковое для всѣхъ отсутствіе болѣе развитыхъ потребностей, одинаковую для всѣхъ невозможность завоевать себѣ болѣе человѣческое существованіе. Неужели это первобытное, полумиѳическое состояніе человѣческаго стада есть что-либо желательное, что либо лучшее?

Идеалу высшаго развитія индивидуальной мысли можетъ удовлетворять строй, гдѣ умственныя завоеванія небольшого меньшинства тѣмъ значительнѣе, что это меньшинство поглощаетъ въ себѣ жизненные соки огромнаго большинства, подчиненнаго его господству, лишеннаго всякой возможности участвовать въ умственной жизни меньшинства; сильные набѣги личной мысли могутъ быть куплены цѣною порабощенія массъ, цѣною неисчислимыхъ страданій. Неужели общественная среда, вызывающая могучее развитіе процессовъ сознанія въ немногихъ особяхъ при подобныхъ условіяхъ, можетъ быть безъ оговорокъ названа средою прогрессивною?

Нѣтъ,—говоримъ мы, — первобытное человѣческое стадо, настолько же подчиненное обычаю, насколько муравейникъ или пчелиный улей подчинены инстинкту, не есть идеалъ прогресса. При условіи возможной прочности, общество прогрессивно лишь тогда, когда въ немъ растетъ сознаніе, растутъ новыя, высшія потребности; когда въ немъ возможно-большее равенство между особями служитъ лишь почвою къ возможно большему личному развитію каждой изъ нихъ; когда обычный строй, обычная жизнь постоянно переработываются подъ вліяніемъ расширяющейся мысли; когда связью общества, основою его прочности, является не одинаковый унаслѣ-

дованный обычай, но одинаковое оживляющее всѣхъ убѣжденіе.

Нѣтъ,—продолжаемъ мы,—развитіе личной мысли, купленное цѣною порабощенія и страданій большинства, не есть процессъ, удовлетворяющій требованію прогресса. Это—явленіе одностороннее, и безспорнымъ признакомъ тому служитъ уже то, что, при всѣхъ умственныхъ успѣхахъ меньшинства, такимъ образомъ выработаннаго на счетъ чужихъ страданій, это меньшинство очень мало еще развито нравственно, когда оно *допускаетъ* для себя возможность развиваться при существующихъ условіяхъ, когда оно не возмущается условіями, его выработывающими. Истинно - прогрессивное развитіе личной мысли лишь тогда осуществляется, когда это развитіе направлено къ сознанію солидарности между болѣе развитою личностью и менѣе развитыми группами, на переработку общественныхъ отношеній въ смыслѣ этого направленія, на уменьшеніе неравенства въ развитіи членовъ солидарнаго общества. Истинное развитіе личности можетъ имѣть мѣсто лишь въ развитой группѣ людей, при взаимодѣйствіи общественныхъ элементовъ, въ которыхъ различіе степеней развитія личностей доведено до возможно-меньшаго минимума, и при общемъ стремленіи еще понизить этотъ минимумъ. Въ здоровомъ общежитіи личности развиваются не на счетъ другихъ личностей, но при самой дѣятельной коопераціи всѣхъ на пути развитія.

Но не есть ли это невозможный идеалъ? Не приходится ли выбирать между обществомъ прочнымъ и солидарнымъ, но отрекшимся отъ условій развитія личной мысли, и обществомъ съ сильно-работающею мыслію, но при условіи безпрестанныхъ раздоровъ, безконечной

борьбы между личностями и группами, повторяющихся внутреннихъ и внѣшнихъ катастрофъ? Не приходится ли выбирать между меньшинствомъ, развивающимъ свою мысль при условіи порабощенія и страданій большинства и отсутствіемъ развитія мысли? Можетъ ли когда-нибудь установиться общественный строй, связанный убѣжденіями членовъ общества, солидарный во имя этихъ убѣжденій, строй, гдѣ личности кооперировали бы для общаго развитія? Не противополагаютъ ли личные интересы навсегда одну личность другой? Не противополагають ли они навсегда личность общественному строю, дѣлая изъ нея или эксплуататора общества, или его мученика? Могутъ ли личныя потребности отожествиться съ общественными задачами? Можетъ ли личный интересъ сдѣлаться скрѣпляющею силою общежитія настолько же, насколько онъ является побужденіемъ къ личной работѣ мысли?

На этомъ фазисѣ развитія пониманія прогресса приходится сопоставить интересы *личности* и *общества* и посмотрѣть, насколько они согласимы.

Факты исторіи показываютъ, что нѣтъ непримиримаго противорѣчія между крѣпкою общественною связью и сильною работою мысли въ средѣ общества, и что личная мысль можетъ работать производительно не только въ направленіи противоположенія интересовъ личности интересамъ общества, въ направленіи эксплуатаціи общества личностью, но также и въ направленіи солидарности между развитою личностью и обществомъ, къ которому она принадлежитъ, вызывая любовь къ соплеменникамъ, къ соотечественникамъ, къ людямъ вообще, вызывая стремленіе скрѣпить ихъ солидарность между собою и свою солидарность съ ними, вызывая самоотверженную дѣятельность на общую пользу,

для которой приносятся въ жертву и личное благосостояніе, и личныя привязанности и сама жизнь. Рядомъ съ борьбой мысли противъ общественныхъ привычекъ является въ исторіи работа мысли на развитіе общественной прогрессивной цивилизаціи. Рядомъ съ борьбою интересовъ за существованіе, за обогащеніе, за монополію наслажденій, мы видимъ противодѣйствующіе этой борьбѣ подвиги сознательной службы общественному дѣлу, цѣлыя существованія, посвященныя усиленію солидарности между людьми.

Личность можетъ относиться сочувственно къ общественной связи, въ которой она живетъ, не только во имя подчиненія господствующему обычаю, точно такъ же, какъ ея личный интересъ можетъ не только заключаться въ томъ, чтобы пользоваться общественною средою для такихъ своихъ цѣлей, которыя противоположны цѣлямъ большинства другихъ членовъ общества. Личность можетъ на извѣстной ступени развитія признать, что ея интересы *одинаковы* съ интересами этого большинства; она можетъ признать, что для нея *выгодно*, чтобы общественная связь была прочнѣе; такимъ образомъ, работа ея мысли можетъ быть направлена на *скрѣпленіе* общественной связи, на *усиленіе* общественной солидарности. Сила развивающейся личной мысли *совпадаетъ* тогда съ силою болѣе и болѣе сплачивающагося общества. Согласное прогрессивное развитіе обоихъ разсмотрѣнныхъ элементовъ сдѣлается тогда возможнымъ, и въ такомъ случаѣ явленія обоихъ процессовъ, помогая другъ другу, станутъ уже дѣйствительно прогрессивными.

Останется только разобраться въ побужденіяхъ, двигающихъ личность въ ея дѣятельности. Это — власть

обычая, сила интересовъ, увлеченіе аффектовъ, нравственное могущество убѣжденій. Господство обычая и рутины, какъ безусловно противорѣчащее здоровой работѣ мысли, должно быть безусловно признано явленіемъ регрессивнымъ. Прогрессивная мысль должна постоянно переработывать унаслѣдованныя привычки сообразно своимъ развивающимся идеаламъ. Она должна дѣлаться мыслію все болѣе критическою по разработкѣ и группировкѣ существующаго матеріала. Она, по объему своей области, должна дѣлаться мыслію все болѣе широкаго, послѣдовательнаго и гармоническаго міросозерцанія, мыслію все болѣе стройной и всеобъемлющей философіи.— Аффектъ, какъ самостоятельное побужденіе къ дѣятельности, столь же мало, какъ и господство обычая, можетъ быть признанъ прогрессивнымъ дѣятелемъ общественной жизни, вслѣдствіе крайней неправильности и непостоянства аффективныхъ проявленій. Онъ прогрессивенъ *лишь тогда*, когда придаетъ болѣе энергіи интересу и убѣжденію, которые уже прогрессивны *сами по себѣ*; а во всѣхъ другихъ случаяхъ можетъ быть столь же легко орудіемъ застоя и регресса, какъ и орудіемъ прогресса.

Остаются интересы и убѣжденія. Когда они противорѣчатъ другъ другу въ груди одной и той же личности, мы можемъ имѣть фанатиковъ, героевъ, уединенныхъ мудрецовъ, но мы имѣемъ въ каждомъ случаѣ исключительные факты, неспособные сдѣлаться основою общественной силы, историческаго вліянія. Когда убѣжденія или интересы меньшинства противорѣчатъ убѣжденіямъ или интересамъ большинства, въ обществѣ нѣтъ солидарности, нѣтъ прочной связи. Оно наканунѣ катастрофы, и никакой блескъ цивилизаціи, никакія громадныя завоеванія внѣшней культуры или личной мысли не могутъ

закрыть зіяющей раны на общественномъ тѣлѣ. Общественный строй обреченъ гибели или радикальной перестройкѣ.

Лишь тогда прогрессъ возможенъ, когда въ убѣжденіе развитого меньшинства вошло сознаніе, что интересы его тожественны съ интересами большинства во имя прочности общественнаго строя; когда стремленіе сплотить общество въ болѣе солидарное цѣлое во имя собственныхъ интересовъ выработалось въ развитыхъ личностяхъ въ нравственное убѣжденіе; когда личность можетъ войти въ организующуюся общественную силу во имя единства интересовъ всѣхъ элементовъ, составляющихъ эту силу, когда, входя въ эту силу, личность вноситъ въ нее болѣе ясное сознаніе общности связующихъ общество интересовъ и въ этомъ самомъ процессѣ перерабатываетъ ихъ въ нравственное убѣжденіе. Тогда задача прогресса устанавливается опредѣленнымъ образомъ. Прогрессъ есть ростъ общественнаго сознанія, насколько оно ведетъ къ усиленію и расширенію общественной солидарности; онъ есть усиленіе и расширеніе общественной солидарности, насколько она опирается на растущее въ обществѣ сознаніе. Органомъ прогресса является развивающаяся личность, внѣ дѣятельности которой прогрессъ невозможенъ, которая въ процессѣ развитія своей мысли открываетъ законы общественной солидарности, законы соціологіи, прилагаетъ эти законы къ современности, ее окружающей, и въ процессѣ развитія своей энергіи находитъ пути практической дѣятельности, именно перестройки окружающей его современности, согласно идеаламъ своего убѣжденія и даннымъ своего знанія.

Если интересы мысли и интересы солидарности обще-

житія, интересы личности и интересы общества, къ которому она принадлежитъ, могутъ быть согласимы, и если на этомъ пути лежитъ истинное пониманіе и истинная практика прогресса, то приходится разсмотрѣть внимательнѣе и раздѣлить на категоріи тѣ потребности личности, удовлетвореніе которыхъ она ищетъ въ общежитіи, для удовлетворенія которыхъ общество создаетъ различные органы, соотвѣтствующіе различнымъ функціямъ, и которые составляютъ основную схему историческаго развитія. Эти потребности бываютъ или основныя и постоянныя, или выработанныя процессомъ развитія мысли и жизни и обусловливающія самое это развитіе, или вызванныя преходящими фазисами исторіи и временныя, или даже патологическія. Присутствіе патологическихъ потребностей придаетъ и ходу исторіи патологическое теченіе; ихъ устраненіе есть одна изъ формъ борьбы за прогрессъ. Установленіе же правильной іерархіи потребностей основныхъ и временныхъ, уясненіе ихъ взаимной зависимости и раціональнаго отношенія между ними есть одна изъ главныхъ отраслей работы критической мысли, подготовляющей правильную практику прогресса. Цѣлью правильнаго историческаго развитія можетъ быть лишь возможно-полное удовлетвореніе здоровыхъ потребностей человѣка въ той іерархіи, какъ онѣ сознаются имъ, какъ низшія и высшія, по мѣрѣ его личнаго развитія.

Во взаимодѣйствіи основныхъ и выработанныхъ здоровыхъ потребностей человѣка проявляются *основные процессы исторіи*.

Всѣ основныя потребности суть потребности чисто матеріальнаго свойства и связаны съ самыми элементарными процессами жизни. Временныя потребности, выработы-

ваемыя исторіею, уже гораздо сложнѣе. Человѣкъ ихъ ставитъ обыкновенно выше, но подъ ними скрывается, собственно, стремленіе удовлетворить наилучшимъ образомъ все тѣ же элементарныя потребности; все остальное, къ этому прилипшее съ теченіемъ времени, есть, большею частью, патологическій наростъ. Элементарныя потребности являются сначала въ формѣ безсознательной и создаютъ міръ обычаевъ, при чемъ, при одностороннемъ стремленіи удовлетворить одной потребности, общежитіе загромождается множествомъ наростовъ чисто-патологическихъ, мѣшающимъ проявиться другимъ сторонамъ развитія личности и общества, и съ которыми приходится бороться мысли при ея стремленіи къ прогрессу. При позднѣйшемъ фазисѣ развитія, тѣ же потребности воплощаются въ религіозныя вѣрованія, въ философскія міросозерцанія, въ художественные образы и, какъ идея мистическая или метафизическая, какъ идеалъ искусства или нравственности, въ формѣ аскетизма или высшей мудрости, вступаютъ какъ бы въ борьбу съ своими собственными элементарными формами. Но эта борьба есть опять-таки патологическое явленіе. Основныя потребности *должны быть удовлетворены*, и правильная работа мысли человѣка направляется на вопросъ объ ихъ удовлетвореніи наиболѣе полнымъ и лучшимъ образомъ.

При этомъ, сама работа мысли создаетъ новыя потребности, нераздѣльныя съ развитіемъ мысли и потому здоровыя, но выработанныя человѣкомъ въ его развитіи, какъ потребности созданія историческаго прогресса. Онѣ являются какъ ускоряющими силами прогресса, такъ и самыми могучими орудіями для правильнаго удовлетворенія основныхъ потребностей человѣка. Потребность критическаго мышленія раскрываетъ патологическій эле-

ментъ обычая и временныхъ потребностей, высвобождаетъ реальное содержаніе основныхъ потребностей изъ наросшихъ на нихъ слоевъ культурныхъ обычаевъ и религіозныхъ, метафизическихъ, художественныхъ построеній и образовъ. Наука ставитъ опредѣленно задачу о іерархіи здоровыхъ потребностей человѣка. Потребность философскаго мышленія вноситъ единство въ разнообразныя частныя попытки рѣшить эту задачу, и до тѣхъ поръ послѣдовательно перестроиваетъ систему мысли, пока эта система охватитъ всѣ завоеванія науки и доведетъ гипотетическій элементъ своего содержанія до возможно-незначительнаго минимума. Потребность художественнаго творчества воплощаетъ въ цѣльные патетическіе образы все уясняющееся пониманіе основныхъ и историческихъ потребностей человѣка. Потребность нравственной дѣятельности создаетъ героевъ и мучениковъ, которые воплощаютъ въ жизнь и въ дѣйствіе это пониманіе, кладутъ камень за камнемъ въ постройкѣ такого общества, въ которомъ удовлетвореніе основныхъ и устраненіе патологическихъ потребностей будетъ возможно, и часто скрѣпляютъ эти камни жертвами своего личнаго счастія.

Но подъ этой разнообразной борьбой за прогрессъ совершается всетаки основной процессъ исторіи, стремленіе удовлетворить наилучшимъ образомъ основнымъ весьма элементарнымъ потребностямъ человѣка.

При болѣе тщательномъ разсмотрѣніи, эти основныя потребности сводятся на очень немногія: на потребность въ пищѣ, одеждѣ, жилищѣ, орудіяхъ труда и т. под., т. е. на группу такъ называемыхъ *экономическихъ потребностей* и на потребность въ *безопасности*. Первая создаетъ *экономическій строй*, его различныя функціи и

органы; вторая — *политическія отношенія*, внѣшнія и внутреннія. Всѣ основныя потребности человѣка, не входящія въ эти двѣ категоріи, не суть потребности, имѣющія прямое отношеніе къ скрѣпленію или къ ослабленію общественной солидарности, слѣдовательно—здѣсь и разсматривать ихъ нечего. Всѣ прочія, сюда относящіяся, вырабатываются въ теченіе исторіи, подъ вліяніемъ ея процессовъ, и, слѣдовательно,—принадлежатъ или къ временнымъ, или къ патологическимъ, или къ тѣмъ, которыя суть, какъ сказано выше, продукты здороваго развитія общества и главныя орудія ускоренія общественнаго прогресса.

Итакъ, въ пестрой и разнообразной картинѣ историческихъ и современныхъ общественныхъ явленій приходится прежде всего разглядѣть, подъ скромными формами привычекъ и подъ роскошными покровами религіозныхъ, научныхъ, философскихъ художественныхъ, нравственныхъ продуктовъ человѣческой дѣятельности, экономическіе интересы личности и общества и интересы личной и общественной безопасности, такъ какъ *эти* интересы должны быть удовлетворены прежде всего, такъ какъ безъ удовлетворенія *ихъ* общество не можетъ имѣть ни прочности, ни солидарности, а личность не можетъ нравственно развиваться.

Но и между этими основными потребностями надо установить мысленно зависимость, такъ какъ отъ этого зависитъ истинное пониманіе условій прогресса. Что примируетъ въ общественныхъ задачахъ и въ общественномъ развитіи, политическіе или экономическіе интересы?—Помощью ли правильнаго государственнаго переустройства можно достигнуть экономическаго прогресса, или подъ политическими столкновеніями и борьбою за

власть приходится видѣть лишь экономическія задачи?— Надо ли призывать древняго премудраго Солона или болѣе новаго, сказочнаго Утопа, которые должны установить закономъ надлежащіе экономическіе порядки?—Надо ли искать въ палатахъ общинъ и лордовъ, въ конвентѣ подъ знаменемъ „свободы, равенства и братства", въ вашингтонскомъ конгрессѣ федерированныхъ республикъ, въ земскихъ соборахъ Ивана Грознаго, Алексѣя „тишайшаго" или Екатерины „Великой" законодательствъ, которыя должны рѣшать весь общественный вопросъ? Надо ли агитировать за всеобщую подачу голосовъ и биться на баррикадахъ, какъ это дѣлали въ Парижѣ, Вѣнѣ, Берлинѣ, Римѣ, чтобы отвоевать политическій прогрессъ, а съ нимъ вмѣстѣ и экономическій? - Или, можетъ быть, на этомъ пути человѣчество шло за иллюзіями; премудрые Солоны давали лишь юридическую форму реально существовавшему заранѣе экономическому господству. Утопы никогда не существовали, и если бы существовали, то были бы немощны предъ экономическими силами, около нихъ господствующими, пока не нашли бы средства подорвать эти силы. Не писали ли всѣ конституціи, уложенія, хартіи всегда и вездѣ тѣ общественныя группы, въ рукахъ которыхъ находилось фактически экономическое господство? Не приходили ли къ жалкому фіаско, при всемъ героизмѣ и самоотверженіи личностей, въ нихъ участвовавшихъ, всѣ политическія революціи, если онѣ не измѣняли въ обществѣ распредѣленіе богатствъ, и не оставалось ли изъ нихъ прочнымъ лишь то, что обозначало экономическое переустройство? Не оказывались ли осуществимыми лишь тѣ планы перераспредѣленія богатствъ, которые опирались на осуществившіяся уже измѣненія формы производства и обмѣна?

Не были ли истинно реальными, истинно-радикальными лишь тѣ требованія боровшихся партій, которыя относились къ удовлетворенію экономическихъ потребностей и которыя соотвѣтствовали дѣйствительнымъ условіямъ экономической жизни общества въ данную эпоху?

При разсмотрѣніи взаимодѣйствія экономическихъ и политическихъ потребностей въ исторіи, научное рѣшеніе вопроса склоняется къ господству первыхъ надъ послѣдними, и всюду, гдѣ, при помощи историческаго матеріала, можно разглядѣть съ большею подробностью истинное теченіе фактовъ, приходится сказать, что политическая борьба и ея фазисы имѣли основаніемъ борьбу экономическую; что рѣшеніе политическаго вопроса въ ту или другую сторону обусловливалось экономическими силами; что эти экономическія силы создавали каждый разъ удобныя для себя политическія формы, затѣмъ искали себѣ теоретическую идеализацію въ соотвѣтственныхъ религіозныхъ вѣрованіяхъ и философскихъ міросозерцаніяхъ, эстетическую идеализацію въ соотвѣтственныхъ художественныхъ формахъ, нравственную идеализацію въ прославленіи героевъ, защищавшихъ ихъ начала.

Однако, не разъ эти политическія формы, отвлеченныя идеи и конкретные идеалы, созданные экономическими силами, установившись, сдѣлавшись элементомъ культурнаго строя, обращались въ самостоятельныя общественныя силы и, забывъ или отвергая свое происхожденіе, вступали въ борьбу за господство съ тѣми самыми экономическими силами, которыя ихъ создали, вызывая на историческую арену новыя формы экономическихъ потребностей, новыя экономическія силы. Феодальная система собственности была подорвана въ значи-

тельной мѣрѣ той административно-государственной системой, которую она сама создала для своего обезпеченія, и той идеею договора, которую она сама выдвинула, какъ огражденіе отъ злоупотребленій центральнаго государственнаго органа. Современный государственный милитаризмъ, охраняющій святыню собственности биржевыхъ и фабричныхъ царей отъ голоднаго пролетаріата, не разъ является въ рукахъ Наполеоновъ III, Бисмарковъ и ихъ подражателей орудіемъ плановъ, далеко не тожественныхъ съ экономическими интересами этихъ царей. Идеалъ равенства, во имя котораго буржуазія упрочила свое господство надъ феодальными собственниками въ предшествующій періодъ, становится для нея обоюдоострымъ мечемъ въ настоящей общественной борьбѣ, когда волнующійся пролетаріатъ подчеркиваетъ въ этомъ идеалѣ элементъ равенства *экономическаго*.

Такимъ образомъ, борьба экономическихъ силъ усложняется участіемъ въ ней тѣхъ продуктовъ этой борьбы въ области политическихъ формъ и идеальныхъ задачъ, которые требуютъ себѣ господства во имя своего самостоятельнаго права на историческое существованіе. Но, какъ ни разнообразны формы этой борьбы, ея процессъ, въ сущности, не особенно сложенъ.

Условія производства и обмѣна въ данную эпоху, въ комбинаціи съ существующими политическими формами и съ унаслѣдованною долею привычекъ культуры, устанавливаютъ фатально распредѣленіе богатствъ, а слѣдовательно—распредѣленіе труда и досуга, распредѣленіе *возможности* работы мысли въ данномъ обществѣ. Образуется господствующее меньшинство, концентрирующее въ своихъ рукахъ главную долю богатства, поэтому монополизирующее главную долю общественнаго вліянія и

политической власти, неизбѣжно монополизирующее почти исключительно и досугъ для работы мысли и самую эту работу. Оно стремится укрѣпить свое господство обычаемъ, законами, вѣрованіемъ, философскими и научными соображеніями, художественнымъ творчествомъ. Положеніе подчиненнаго большинства становится все хуже. Привычки мысли и жизни все болѣе отдѣляютъ господствующее меньшинство отъ подчиненнаго большинства. Исторія перваго, съ его болѣе или менѣе блестящею внѣшностью культурныхъ формъ и болѣе или менѣе могущими завоеваніями досужей мысли, становится все болѣе чуждою общественной жизни большинства, трудящагося для созданія этой цивилизаціи меньшинства. Но одно сосуществованіе ихъ рядомъ обусловливаетъ нѣкоторыя патологическія явленія. Необходимость держать въ подчиненіи эксплуатируемое большинство искажаетъ работу мысли меньшинства. Присутствіе наслажденій ему недоступныхъ въ области матеріальной и интеллектуальной все болѣе раздражаетъ большинство, дѣлаетъ его врагомъ господствующихъ классовъ и всего наличнаго общественнаго порядка. Классовая борьба растетъ и обостряется. Общественная солидарность становится фиктивною и существованію общества грозитъ опасность.

При рѣзкой постановкѣ этого общественнаго разлада, существовавшей сплошь и рядомъ въ древнемъ мірѣ, при обособленности національностей, катастрофа наступала быстро и рѣшительно. Приходилъ болѣе бѣдный хищный сосѣдъ съ намѣреніемъ воспользоваться самымъ простымъ образомъ богатствомъ, скопленнымъ меньшинствомъ разсматриваемаго общества. Большинство относилось довольно равнодушно къ грозящей опасности. Меньшинство было раззорено или гибло. Цивилизація исче-

зала со всѣмъ своимъ блескомъ, и черезъ тысячи лѣтъ археологи читали съ изумленіемъ на папирусахъ и глиняныхъ кирпичахъ свидѣтельства о неслыханныхъ завоеваніяхъ мысли; они оплакивали катастрофу, погубившую эту „забытую цивилизацію", и забывали обыкновенно оплакивать судьбу милліоновъ большинства, жившаго съ нею рядомъ, создавшаго ее своимъ потомъ и кровью, никогда не участвовавшаго въ ея наслажденіяхъ и достаточно страдавшаго во время вѣковъ или тысячелѣтій ея существованія, чтобы видѣть равнодушно ея паденіе.

Былъ и другой исходъ. Работа мысли и созданіе политическихъ формъ вызывали къ общественной жизни, въ интересахъ господствующаго меньшинства, новыя общественныя группы, которыя, пользуясь случаемъ или фатальнымъ развитіемъ техники производства и обмѣна, техники политической жизни, отвоевывали себѣ экономическую самостоятельность, слѣдовательно—и общественное вліяніе. Между безусловно господствующимъ меньшинствомъ и безусловно подчиненными массами возникало нѣсколько промежуточныхъ слоевъ, которые имѣли долю въ господствѣ и долю въ подчиненіи и, естественно, стремились увеличить первую и уменьшить вторую. Иногда работа мысли переходила почти вполнѣ къ этимъ промежуточнымъ слоямъ. Прогрессъ въ области техники и обмѣна усиливалъ однихъ. Литературное, научное, философское, художественное творчество становилось удѣломъ другихъ. Создавались и сталкивались на аренѣ мысли различные идеалы, различныя міросозерцанія. Вступали въ споръ за общественное господство различныя силы. Та изъ нихъ, которая умѣла связать свои интересы—дѣйствительно или фиктивно—съ интересами безусловно подчиненныхъ и страждущихъ массъ, становилась пре-

обладающею силою, потому что ей удавалось направить дѣйствительный или призрачный „ростъ общественнаго сознанія" на „усиленіе общественной солидарности" въ свою пользу. Эта преобладающая сила или разлагала общественные органы своихъ противниковъ и выростала на ихъ развалинахъ, которыя распадались какъ-бы сами собою (какъ организація церкви выросла на разлагающейся римской имперіи), или вызывала болѣе или менѣе кровавую революцію и на плечахъ подчиненныхъ классовъ поднималась до безусловнаго экономическаго и юридическаго господства, создавая новыя общественныя формы, въ которыхъ обыкновенно ея помощники въ борьбѣ занимали столь же подчиненное мѣсто, какъ и въ прежнемъ строѣ. Начинался новый періодъ исторіи, обусловленный, въ сущности, экономическимъ господствомъ новаго общественнаго слоя, создающій соотвѣтственно тому новыя политическія формы, новые продукты мысли для идеализаціи существующаго, и тѣмъ самымъ дающій начало новымъ промежуточнымъ слоямъ, которые могли разростись въ новыя общественныя силы.

Но при этомъ повторяющемся основномъ процессѣ почва, на которой онъ происходилъ, постоянно измѣнялась, и потому самыя явленія никогда не повторялись и не могли повторяться. Новый экономически господствующій классъ былъ вовсе не въ положеніи своихъ предшественниковъ, такъ какъ онъ опирался на иныя формы производства и обмѣна; имѣя около себя иную комбинацію общественныхъ силъ, онъ долженъ былъ брать въ разсчетъ иные идеальные продукты мысли и иныя общественныя привычки, а потому ему грозили иныя катастрофы.

И соотвѣтственно тому, борцы за прогрессъ въ каж-

дую эпоху имѣли предъ собою иныя задачи, какъ въ отношеніи возможности распространять свое пониманіе прогресса, такъ въ отношеніи средствъ организовать общественную силу для борьбы за него, а также въ отношеніи выработки въ самихъ себѣ и около себя новыхъ привычекъ мысли и жизни, гармонирующихъ съ новымъ пониманіемъ прогресса. Но всегда и вездѣ эти задачи, правильно понятыя, имѣли одинаковую сущность. Эта сущность заключалась въ слѣдующемъ: измѣнить формы распредѣленія общественныхъ силъ, преимущественно же формы распредѣленія богатства, согласно существующимъ условіямъ производства и обмѣна, пользуясь существующими обычными и юридическими формами общественной организаціи, беря въ соображеніе различныя существующія завоеванія мысли научной, построенія мысли философской, типы мысли художественной, идеалы мысли нравственной; совершить эти измѣненія въ направленіи наибольшаго усиленія и расширенія общественной солидарности и наибольшаго роста общественнаго сознанія; наконецъ, закрѣпить совершившееся измѣненіе политическими формами наиболѣе гармоничными съ совершившимся переворотомъ, идеальными продуктами науки, философіи, искусства, наилучше оправдывающими это измѣненіе, и воплощеніемъ въ жизни нравственныхъ идеаловъ, наиболѣе соотвѣтствующихъ здоровымъ потребностямъ человѣка.

Лишь таковъ *могъ* быть прогрессъ въ человѣческомъ обществѣ и, лишь признавъ это за точку исхода, мы можемъ правильно поставить слѣдующій вопросъ: въ чемъ *фактически заключались* реальные фазисы историческаго прогресса?

Здѣсь, прежде всего, приходится имѣть въ виду за-

дачи исторіи цивилизаціи и, на основаніи этихъ задачъ, понять фазисы историческаго процесса въ ихъ цѣломъ. Эти задачи я указалъ уже въ первомъ письмѣ, но теперь ихъ можно формулировать нѣсколько иначе

Исторія цивилизаціи должна показать: какъ изъ естественныхъ потребностей развилась первая культура; какъ она немедленно прибавила къ естественнымъ потребностямъ искусственныя въ формѣ привычекъ и преданій; какъ мысль работала на этой почвѣ, увеличивая знаніе, уясняя справедливость, округляя философію, воплощая свои пріобрѣтенія въ жизнь; какъ этимъ путемъ возникалъ рядъ культуръ, смѣнявшихъ одна другую; какъ ихъ формы давали болѣе или менѣе простора работѣ мысли; какъ цивилизаціи, такимъ образомъ возникавшія, развивались критическою борьбою личностей, ослабляли и губили сами себя недостаточнымъ пониманіемъ требованій справедливости, или впадали въ застой отъ недостаточной работы въ нихъ критической мысли, или дѣлались жертвою внѣшнихъ историческихъ катастрофъ; какъ періоды усиленной работы критической мысли ускоряли и оживляли прогрессивное движеніе человѣчества; какъ смѣнялись они періодами господства преданій, еще сильныхъ въ массѣ, недостаточно развитой передовымъ меньшинствомъ; какъ критическая мысль снова продолжала работать подъ самыми неудобными, повидимому, формами, подъ самыми неподходящими девизами; какъ росли и сталкивались партіи; какъ мѣнялся смыслъ великихъ принциповъ на ихъ знаменахъ; какъ критика и только одна критика вела человѣчество впередъ; какъ ложныя идеализаціи мало по малу смѣнялись истинными; какъ расширялась область истины; какъ уяснялась и воплощалась въ жизнь личностей и въ общественныя формы

справедливость; какъ падали предъ ними самыя прочныя преданія, исчезали самыя закоренѣлыя привычки, оказывались немощными самыя громадныя силы; какъ въ драму исторіи вписывали свои имена личности, національности, государства, поочередно становясь органами то прогресса, то реакціи; какъ выработался въ нынѣшнемъ человѣчествѣ тотъ идеалъ прогрессивной дѣятельности, который борется въ наше время противъ всѣхъ ложныхъ идеализацій и явно-реакціонныхъ стремленій, его окружающихъ, противъ наслоившихся культурныхъ привычекъ и преданій стараго времени, противъ индифферентизма большинства.

Еще короче задачу исторіи цивилизаціи можно выразить такъ: показать, какъ критическая мысль личностей переработывала культуру обществъ, стремясь внести въ цивилизацію ихъ болѣе истины и справедливости.

На основаніи предыдущаго, рѣшеніе вопроса о фактическомъ ходѣ историческаго прогресса представляется въ слѣдующемъ видѣ. Изслѣдователю придется сначала разсмотрѣть переходъ отъ антропологическаго царства обычая къ періоду обособленныхъ національностей. Предъ наблюдателемъ затѣмъ возникнетъ, вслѣдствіе усилившагося обмѣна продуктовъ матеріальныхъ и идеальныхъ и усилившейся экономической и умственной зависимости между націями, идея универсальной человѣческой мудрости, универсальнаго юридическаго государства, универсальной братской религіи. Но именно потому, что эти универсальныя начала не были крѣпко связаны съ основными потребностями человѣка, имъ не удалось установить солидарность человѣчества, и новая европейская цивилизація, характеризованная тѣмъ, что она сдѣлалась цивилизаціею *свѣтскою*, вернулась къ противорѣчивымъ

идеямъ обособленныхъ государственныхъ организмовъ при существованіи универсальной научной истины, проповѣдуемой на всѣхъ языкахъ, во всѣхъ школахъ; при сохраненномъ — хотя и слабѣющемъ — переживаніи универсальнаго, единаго для всѣхъ людей, религіознаго догмата; при существованіи и все усиливающемся разростаніи универсальной, космополитической промышленности, охватывающей своей системой производства, обмѣна, денежныхъ оборотовъ кредита, биржевыхъ спекуляцій и фатальныхъ кризисовъ все цивилизованное или полуцивилизованное человѣчество. Само собою разумѣется, что противорѣчивые общественные идеалы, при этомъ созданные, не могли быть прочны. Два вѣка не просуществовалъ идеалъ общественной солидарности въ формѣ государственнаго абсолютизма. Едва онъ смѣнился идеаломъ государственной демократіи, какъ рядомъ съ нимъ возстала разлагающая политическіе идеалы мысль политической экономіи, требуя примата для экономическихъ началъ. Но политическая экономія, выступавшая, какъ союзникъ и идеальное оправданіе экономическаго и политическаго господства буржуазіи, какъ научный элементъ правового государства, весьма скоро встрѣтилась съ новыми задачами, для рѣшенія которыхъ буржуазія была безсильна. Фатально вызывая существованіе все растущаго, вырождающагося или волнующагося пролетаріата, капиталистическое хозяйство, съ политическими формами, имъ вызванными, съ идеальными продуктами, выросшими подъ вліяніемъ его борьбы со средневѣковымъ феодализмомъ и съ новымъ абсолютизмомъ, не давало возможности буржуазіи ни устранить существованія пролетаріата, ни мѣшать ему разростаться въ общественную силу. Во имя выработанныхъ ранѣе демократическихъ

идеаловъ, требованія экономической перестройки общества возникали снова и снова подъ разными формами. Сначала утописты стали рисовать міру свои картины новаго органическаго періода въ жизни человѣчества, царства гармоніи между капиталомъ, талантомъ и трудомъ, стройнаго міра всеобщей коопераціи въ трудѣ и развитіи. Но борьба общественныхъ силъ не могла никогда окончиться такъ мирно. Лагерь трудящихся на поддержку современной цивилизаціи отдѣлялся все болѣе глубокой пропастью отъ лагеря пользующихся этою цивилизаціею, а, при современномъ ростѣ мысли, не могли уже отсутствовать многочисленные промежуточные классы между безспорными царями биржи и пролетаріатомъ, несшимъ на рынокъ свои руки и свой мозгъ. Въ рядахъ бунтовщиковъ противъ капиталистическаго строя не замедлили явиться борцы, опиравшіеся на всѣ завоеванія мысли предшествующихъ періодовъ, и фатально эта мысль, въ своемъ развитіи, ставила задачи все болѣе острыя и категорическія. Она поставила задачу соціологіи какъ единой науки, какъ вѣнца наукъ. Она выдвинула законъ всеобщей эволюціи и провозгласила, что всѣ общественныя явленія и формы суть явленія и формы временныя, „историческія категоріи". Она дала ощупать и непримиримую противоположность капитала и труда, и фатальное порожденіе пролетаріата самимъ развитіемъ капитализма, и неминуемую катастрофу, грозящую капитализму. Буржуазнымъ идеаломъ прогресса путемъ всеобщей конкурренціи, космополитическихъ спекуляцій биржи для скопленія несмѣтныхъ богатствъ въ рукахъ ея царей, былъ противопоставленъ идеалъ солидарности трудящихся и *только* трудящихся. Идеалу всесильнаго государства, охраняющаго священную собственность спекуляторовъ, былъ противо-

поставленъ идеалъ политической анархіи, опирающейся на взаимный обмѣнъ услугъ. Мысль о созданіи новой общественной силы для побѣды надъ старыми воплотилась въ призывъ: „соединяйтесь!“ обращенный къ хронически-голодающимъ классамъ всѣхъ странъ и племенъ, и цѣлыхъ восемь лѣтъ просуществовала первая попытка организаціи этой силы, ужаснувшей всѣ господствующіе элементы стараго міра. Она пала не подъ ихъ ударами, а вслѣдствіе недостатковъ собственной организаціи, неизбѣжныхъ при всякой первой попыткѣ подобнаго рода. Шумъ и громъ политическаго соперничества между государствами, хитросплетенія дипломатовъ, временный фейерверкъ „культурной борьбы“ свѣтской мысли противъ выдохшагося клерикализма не могли и не могутъ закрыть отъ внимательнаго наблюдателя тѣхъ экономическихъ основъ современнаго разлада, которыя вызываютъ большинство болей нашего періода, и тѣхъ экономическихъ задачъ, которыя настоятельно требуютъ себѣ рѣшенія, такъ какъ рѣшеніе всѣхъ прочихъ задачъ зависитъ отъ рѣшенія *ихъ*.

И вотъ, на основаніи этого пониманія общаго содержанія прогресса и его фазисовъ, возникаетъ третій и самый жгучій изъ поставленныхъ выше вопросовъ, потому что онъ наиболѣе близокъ къ практикѣ, именно: въ чемъ заключается *возможный для нашего времени* общественный прогрессъ?

Если настоящій строй неправиленъ, если въ немъ существуетъ непримиримый раздоръ; если предыдущая исторія разрушила солидарность религіозныхъ, національныхъ, семейныхъ, государственныхъ связей, если всѣ старые идеалы поблекли и потеряли плодородіе, и если общіе законы соціологической зависимости явленій убѣ-

ждаютъ насъ. что неудовлетвореніе экономическихъ потребностей лежитъ въ основаніи всякой общественной болѣзни, что экономическое переустройство есть первый и необходимѣйшій шагъ во всякомъ общественномъ лѣченіи,—то въ чемъ же должно лежать это переустройство, необходимое для нашего времени? Нѣтъ ли въ существующихъ условіяхъ производства и обмѣна прямыхъ указаній на то, какъ должно измѣниться и распредѣленіе? Не поставили ли наука и литература, философія и жизнь уже довольно ясно передъ всякимъ искреннимъ умомъ тѣ истины, которыя слѣдуетъ воплотить въ практику, тѣ идеалы, которые слѣдуетъ осуществить въ болѣе обширныхъ размѣрахъ? Нельзя ли уже совершенно безспорно опредѣлить, въ какомъ направленіи конкурренція фатально не дозволяетъ думать о гармоніи интересовъ, объ установленіи солидарности между личностями и группами, и въ какомъ солидарность не только возможна, но уже осуществлялась при самыхъ невыгодныхъ условіяхъ, при самой печальной обстановкѣ? Нельзя ли на основаніи предыдущаго роста мысли съ достаточною вѣрностью опредѣлить ближайшій фазисъ прогрессивнаго развитія общественнаго сознанія?

Если же вопросъ о необходимомъ экономическомъ переустройствѣ для насъ рѣшенъ, если мы усвоили опредѣленный планъ возстановленія и усиленія разрушенной теперь въ обществѣ солидарности, опредѣленный планъ роста общественнаго сознанія, то какія политическія формы будутъ наиболѣе соотвѣтствовать новымъ экономическимъ формамъ производства, обмѣна и распредѣленія, потребности всесторонняго развитія личности и всеобщей коопераціи для коллективнаго общественнаго развитія и наилучше обезопасятъ этотъ прогрессивный процессъ?

Какая система знанія, какое философское міросозерцаніе, какіе художественные типы наилучше укрѣяптъ новый порядокъ въ области идей? Какъ долженъ жить въ наше время борецъ за прогрессъ, чтобъ его жизнь соотвѣтствовала его рѣшимости бороться за прогрессъ?

Мы ставимъ лишь вопросы, но читатель, къ которому мы обращаемся, читатель, который не бросилъ предыдущія страницы, какъ возмущающія покой его мысли, рутину его жизни, читатель, который вдумался въ задачи, поставленныя на этихъ страницахъ, самъ уже найдетъ опредѣленные отвѣты на эти частные вопросы. Эти отвѣты и не слѣдуетъ вычитать изъ книги, принять на вѣру: ихъ слѣдуетъ почерпнуть изъ жизни; они должны составить основу жизненнаго убѣжденія.

Когда же эти частные отвѣты получены, то именно они, въ своей комбинаціи, составятъ отвѣтъ на вопросъ, поставленный выше: въ чемъ заключается *возможный для нашего времени* общественный прогрессъ? Въ чемъ заключается онъ для общества, которое хочетъ быть представителемъ лучшихъ стремленій современнаго человѣчества? Въ чемъ заключается онъ для личности, которая жаждетъ не спокойствія рутинной жизни, не наслажденій интеллигентнаго чувственнаго животнаго, а наслажденія жизнью идейною въ своемъ сознаніи, жизнью солидарности со всѣмъ тѣмъ, что въ человѣчествѣ стремится къ развитію, жизнью историческою, развертывающею для этого человѣчества все болѣе широкое будущее?

На этой ступени теорія прогресса сливается съ его практикою. Понимать его нельзя, не участвуя въ немъ дѣломъ, и это самое дѣло уясняетъ его пониманіе. Не легко это пониманіе, требующее и внутренней ломки, и многочисленныхъ жизненныхъ жертвъ. Не легко дѣло,

когда оно очень часто разрываетъ связи человѣка съ близкими людьми, когда оно разрушаетъ фантастическія вѣрованія личности, иногда принуждено оторвать ее отъ семьи, отъ родины, отъ всего того, что ласкаетъ и убаюкиваетъ человѣка, но, въ то же время, можетъ сузить его стремленіе къ прогрессу; отъ того, что можетъ втянуть его въ тину общественнаго застоя. Исторію требуетъ жертвъ. Ихъ приноситъ въ себѣ и около себя тотъ, кто беретъ на себя великую, но грозную задачу быть борцомъ за свое и за чужое развитіе. Задачи развитія *должны быть* разрѣшены. Лучше историческое будущее *должно* быть завоевано. Предъ каждою личностью, которая достигла до сознанія потребности развитія, сталъ грозный вопросъ: будешь ли ты одинъ изъ тѣхъ, кто готовъ на всякія жертвы и на всякія страданія, лишь бы ему удалось быть сознательнымъ и понимающимъ дѣятелемъ прогресса? или ты останешься въ сторонѣ, бездѣятельнымъ зрителемъ страшной массы зла, около тебя совершающагося, сознавая сяое отступничество отъ пути къ развитію, потребность въ которомъ ты когда-то чувствовалъ? Выбирай.

ПИСЬМО СЕМНАДЦАТОЕ.

Цѣль автора.

Просматривая эти письма, читателю, можетъ быть, случилось спросить себя, почему эти письма „историческія“? Что въ нихъ историческаго? Я разсматривалъ не личности, не эпохи, не событія, а нѣкоторыя общія начала, которыя легко могли показаться читателю нѣсколько отвлеченными, даже иногда чуждыми тому интересу, который читатель находитъ въ историческомъ разсказѣ. Но посмотримъ на вопросъ внимательнѣе. Я постараюсь сблизить здѣсь мысли, высказанныя въ разныхъ мѣстахъ этихъ писемъ, и тѣ, которыя я, быть можетъ, недостаточно ясно высказалъ, но которыя желалъ возбудить въ читателѣ. Не найдется-ли при этомъ повода оправдать меня?

Что мы ищемъ въ исторіи? Неужели пестрый разсказъ о событіяхъ? На это уже немногіе рѣшатся отвѣтить утвердительно, и тѣ, которые ищутъ только этого, совершенно будутъ правы, если станутъ сѣтовать на отвлеченность предложенныхъ имъ писемъ. Приступая къ исторіи съ болѣе серьезными требованіями, въ ней можно искать или борьбу личностей и обществъ за человѣчные интересы, столкновенія за мнѣнія, ослабленіе и развитіе разныхъ частныхъ идеаловъ человѣка; или общій есте-

ственный законъ, охватывающій все теченіе историческихъ событій, прошедшее, настоящее и будущее. Первая точка зрѣнія обособляетъ интересы исторіи отъ интересовъ естествознанія; вторая — подводитъ исторію подъ общія начала изслѣдованія природы. Но въ сущности, для строгаго изслѣдованія, эти двѣ точки зрѣнія не очень разнятся между собою, потому что знаніе какого-либо предмета опредѣляется не только тѣмъ, что *желательно* знать о немъ, но тѣмъ, что о немъ знать *возможно*. Поэтому вопросъ: что можно искать въ исторіи? превращается въ другой: какимъ образомъ, по неизмѣннымъ законамъ своихъ психическихъ отправленій, человѣкъ можетъ отнестись къ исторіи? Что въ ней неизбѣжно ускользаетъ отъ его научной оцѣнки и можетъ быть лишь призрачнымъ явленіемъ историческаго построенія? Только установивъ болѣе или менѣе эту основу научнаго изслѣдованія, человѣкъ можетъ съ нѣкоторою увѣренностью прилагать къ исторіи вопросы о томъ, что онъ *желаетъ* знать отъ нея.

Но я постарался развить въ самомъ началѣ положеніе, что для человѣка неизбѣжно внести въ оцѣнку историческихъ событій *свою личную* нравственную выработку, свой нравственный идеалъ. Въ борьбѣ личностей ему важнѣе всего тѣ свойства личностей, которыя онъ признаетъ элементами нравственнаго достоинства: умъ, ловкость, энергія, находчивость, сила убѣжденія, вѣра въ тѣ идеи, которыя важны для изслѣдователя, сознательное или безсознательное содѣйствіе ихъ усиленію или ослабленію въ обществѣ.

Въ борьбѣ обществъ и партій изслѣдователю всего важнѣе опять-таки усиленіе или ослабленіе тѣхъ направленій мысли, которыя для него, какъ человѣка, представ-

ляютъ лучшее или худшее, наиболѣе истинное или наиболѣе ложное. Охватывая въ общемъ міросозерцаніи цѣлый процессъ исторіи въ прошедшемъ и будущемъ, человѣкъ не можетъ, по законамъ своей мысли, искать въ исторіи ничего иного, кромѣ фазисовъ прогрессивнаго процесса своего нравственнаго идеала. Слѣдовательно, пытаясь понять исторію, внести въ нее серьезный интересъ мысли, человѣкъ неизбѣжно относитъ личности, событія, идеи, общественные перевороты къ мѣркѣ своего развитія. Если оно узко и мелко, то исторія представляетъ ему безжизненный рядъ фактовъ и эти факты будутъ для него безъинтересны и малочеловѣчны. Если развитіе его одностороннe, то самое тщательное изученіе исторіи не предохранитъ его отъ односторонности въ представленіи историческихъ событій. Если онъ проникнутъ уродливымъ, фантастическимъ вѣрованіемъ, то онъ неизбѣжно изуродуетъ исторію, какъ ни будетъ стараться объ объективномъ ея пониманіи. Во всякомъ случаѣ, при достаточномъ фактическомъ знаніи, степень развитія личности, ея нравственная высота опредѣляетъ пониманіе исторіи. Частный историческій интересъ, возбуждаемый тѣми или другими личностями, тѣми или другими событіями, сводится на общій интересъ, возбуждаемый ихъ участіемъ въ прогрессивномъ развитіи человѣчества. Общій естествознательный интересъ, возбуждаемый отыскиваніемъ закона исторіи въ ея цѣломъ есть не что иное, какъ интересъ осуществленія нашего нравственнаго идеала въ прогрессивномъ ходѣ исторіи.

Если это такъ, то мы ищемъ и можемъ искать въ исторіи лишь различные фазисы прогресса, и понимать исторію значитъ — понимать ясно способы осуществленія

нашего нравственнаго идеала въ исторической обстановкѣ. Нашъ идеалъ субъективенъ, но чѣмъ лучше мы его провѣримъ критикой, тѣмъ больше вѣроятія, что онъ есть высшій нравственный идеалъ, возможный въ настоящую эпоху. Мы прилагаемъ этотъ идеалъ къ объективнымъ фактамъ исторіи, и это не мѣшаетъ имъ оставаться объективно вѣрными, такъ какъ и тутъ вѣрность ихъ зависитъ отъ нашего знанія и отъ нашей критики; субъективный же идеалъ придаетъ имъ перспективу и *нѣтъ* никакого другого способа построить эту перспективу, какъ при пособіи нравственнаго идеала. Мнѣ возразятъ, что есть иной способъ и болѣе вѣрный: это—построить перспективу событій эпохи по ихъ внутренней связи и по нравственному идеалу самой эпохи. Но что значитъ внутренняя связь? Что значитъ нравственный идеалъ данной эпохи? —Изъ тысячи пестрыхъ фактовъ, намъ извѣстныхъ о данной эпохѣ, мы строимъ связь *для насъ* вѣроятнѣйшую на основаніи того, что *мы сознали,* какъ наиболѣе истинныя психическія отправленія личности, наиболѣе общія соціологическія явленія въ собраніи личностей. Это есть для насъ „внутренняя связь". Историкъ, развившій въ себѣ пониманіе экономическихъ вопросовъ для общества, найдетъ иную внутреннюю связь событій, чѣмъ тотъ, который остановился на пониманіи вліянія политическихъ интригъ. Писатель, сознающій силу убѣжденій, увлеченій и безсознательныхъ самообольщеній въ личности иначе свяжетъ событія, чѣмъ писатель, привыкшій все относить къ разсчету и хитрости.—А „нравственный идеалъ эпохи"! Почему мы собираемъ его черты изъ этихъ событій, а не изъ другихъ, съ ними рядомъ совершавшихся? Почему черпаемъ свидѣтельства преимущественно изъ этого автора, а не изъ его современника? Потому что *эти* со-

бытія представляютъ болѣе цѣльности, послѣдовательности; потому что *этотъ* авторъ умнѣе, послѣдовательнѣе, честнѣе, откровеннѣе своего современника. Но этимъ самымъ не высказываемъ ли мы *нашъ* нравственный идеалъ относительно наиболѣе значительныхъ событій, наиболѣе значительныхъ личностей. Совершенно вѣрно, что историческія событія должны излагаться въ ихъ „внутренней связи“ оцѣниваться по „нравственному идеалу эпохи“, но эта самая внутренняя связь и этотъ нравственный идеалъ должны и могутъ быть открыты путемъ выработки въ насъ самихъ идеала безпристрастной истины, исторической справедливости, и самая связь эпохи и послѣдовательныхъ идеаловъ подлежитъ еще суду другой критики, именно критики историческаго прогресса, т. е. *нашего* нравственнаго идеала въ его цѣломъ. Оттого одной эпохѣ мы придадимъ болѣе важности, чѣмъ другой; одни событія въ ихъ внутренней связи разберемъ подробнѣе, чѣмъ другія. Повторяю: нравственный идеалъ исторіи есть единственный свѣточъ, способный придать перспективу исторіи въ ея цѣломъ и въ ея частностяхъ.

Слѣдовательно, понять исторію въ наше время значитъ — ясно понять нравственный идеалъ, выработанный лучшими мыслителями въ наше время, и историческія условія его осуществленія, потому что процессъ исторіи есть процессъ не отвлеченный, а конкретный. Онъ можетъ употреблять лишь орудія опредѣленнаго рода. Онъ совершается при данной обстановкѣ, опредѣляющей возможное и невозможное. Онъ подчиняется неизбѣжнымъ законамъ пророды, какъ и всякіе другіе процессы. Для пониманія исторіи постоянно слѣдуетъ обращать вниманіе на эти внѣшнія условія, въ которыя поставлены чело-

вѣческіе идеалы. *Необходимые* процессы физики, физіологіи и психологіи не представляютъ возможности ни отступленія, ни скачка. *Исторически-данная* среда столь же мало устранима въ данную эпоху со всѣми своими вліяніями, какъ предыдущія необходимости не устранимы никогда. Самая свѣтлая истина, самая высокая справедливость подчинена въ своемъ проявленіи и распространеніи этимъ ограничивающимъ условіямъ. Самая талантливая и энергическая личность можетъ лишь изъ *необходимыхъ* условій природы и изъ *исторически-данныхъ* условій среды черпать матеріалъ для своей мысли и для своей дѣятельности. Историческій интересъ, ясно понятый, для каждой эпохи ставитъ прежде всего вопросъ, что было возможно въ эту эпоху для прогрессивнаго движенія? Насколько понимали дѣятели условія, въ которыхъ они находились? Воспользовались ли они для своихъ цѣлей всѣми условіями времени?

Но ясно понять современный идеалъ значитъ устранить изъ него всѣ призраки, которые къ нему приплели преданія, ошибочныя традиціи мысли, вредныя привычки прежнихъ эпохъ. Истина и справедливость болѣе или менѣе безпрекословно пишутся на всѣхъ знаменахъ нашего времени, но партіи расходятся въ томъ, *гдѣ* истина, въ *чемъ* справедливость. Если читатель не пытался уяснить себѣ этого, то исторія останется для него неяснымъ процессомъ сцѣпляющихся событій, борьбой хорошихъ людей изъ-за пустяковъ, борьбой безумцевъ изъ-за призраковъ, борьбой слѣпыхъ орудій въ пользу нѣсколькихъ разсчетливыхъ интригановъ. Много громкихъ словъ раздается со всѣхъ сторонъ. Много прекрасныхъ знаменъ развѣвается во всѣхъ рядахъ. Много самоотверженной энергіи тратятъ представители всѣхъ партій. Изъ-

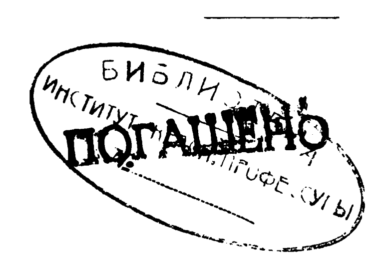
за чего ссорятся люди, которыхъ девизы, повидимому, такъ близки? Почему знамя, которое несли вчера лучшіе изъ нихъ, сегодня въ грязныхъ рукахъ? Почему прекрасная мысль при своемъ высказываніи встрѣчаетъ такое грозное сопротивленіе? И почему сопротивляются ей не только эксплуататоры даннаго общественнаго строя, но искреннія личности? Всѣ эти задачи возможно разрѣшить лишь тогда, когда мы присмотримся внимательнѣе къ тому процессу, которымъ развивается и укрѣпляется правда, къ формированію и столкновенію партій, къ измѣненію внутренняго смысла и историческаго значенія великихъ словъ, двигающихъ человѣчество, къ процессу мысли, перерабатывающей культры; когда мы изучимъ положеніе личностей въ виду необходимаго и исторически-даннаго; въ виду культурныхъ привычекъ и сталкивающихся партій мысли; въ виду великихъ словъ на знаменахъ партій и вѣчнаго требованія истины, справедливости, прогресса; въ виду критики у вѣры. Въ предыдущихъ письмахъ имѣлось въ виду именно остановиться на этихъ предметахъ, чтобы по возможности устранить тѣ недоразумѣнія, которыя невольно переносятсяна изученіе минувшей и современной исторіи при недостаточномъ уясненіи разнообразныхъ элементовъ, входящихъ въ историческій прогрессъ и его обусловливающихъ.

Кромѣ того, исторія не кончена. Она совершается около насъ и будетъ совершаться поколѣніями, растущими и еще не родившимися. Настоящее нельзя оторвать отъ минувшаго, но и минувшее потеряло бы всякое живое и реальное значеніе, еслибы оно не было неразрывно связано съ настоящимъ, еслибъ одинъ великій процессъ не охватывалъ исторію въ ея цѣломъ. Умерли дѣятели минувшаго. Измѣнилась культура общества. Новые конкретные

вопросы стали на мѣсто прежнихъ. Девизы минувшаго измѣнили смыслъ и значеніе. Но общечеловѣческая роль личностей въ настоящемъ осталась таже, что была за тысячи лѣтъ. Подъ пестрыми формами культуры, въ сложныхъ вопросахъ новаго времени, подъ разнообразными девизами побѣжденныхъ и побѣдителей скрыты все тѣ же задачи. Внѣ истины и справедливости прогресса никогда не существовало. Безъ личной критики не добыта ни одна истина. Безъ личной энергіи не осуществилось ничто справедливое. Безъ вѣры въ свое знамя и безъ умѣнія бороться съ противниками не восторжествовала ни одна прогрессивная партія. Формы культуры требуютъ для своего развитія работы мысли, какъ и въ минувшія тысячелѣтія. Великіе девизы точно такъ же мало застрахованы отъ опасности потерять или измѣнить свой смыслъ. Общественныя условія для возможнаго прогресса не измѣнились. Требованія уплаты за прогрессъ не могутъ быть игнорированы развитою личностью. Все это существовало для нашихъ предковъ, будетъ существовать для нашихъ потомковъ и существуетъ для насъ. Разница лишь та, что мы можемъ лучше понять это, чѣмъ понимали и предки, и что наши потомки, вѣроятно, еще лучше насъ поймутъ это.

Поэтому предыдущія историческія письма, заключая въ себѣ попытки рѣшить задачи, существовавшія и долженствующія существовать во всякую историческую эпоху, заключаютъ и попытку уяснить задачи современности. Они обращаются къ читателю не только со словомъ о минувшемъ, но и о настоящемъ. Авторъ очень хорошо сознаетъ, что они и недостаточны, и не совершенны. Кромѣ того, наша эпоха не очень удобна для разсужденій подобнаго рода. Письма эти могутъ показаться и тяжелы,

и отвлеченны, и неинтересны, и чужды вопросовъ дня. Другой авторъ, при другихъ обстоятельствахъ, могъ бы написать и лучше, и занимательнѣе. Но я надѣюсь, что въ нашемъ обществѣ, хотя бы между читающей молодежью, найдется еще нѣсколько человѣкъ, которыхъ не испугаетъ необходимость серьезно подумать о вопросахъ минувшаго, оставшихся вопросами и для настоящаго. Для этихъ читателей недостатки исполненія моего труда, можетъ быть, отступятъ на второй планъ передъ содержаніемъ. Эти читатели, можетъ быть, поймутъ также, что вопросы дня получаютъ свой дѣйствительный, существенный интересъ именно отъ тѣхъ вѣчныхъ историческихъ вопросовъ, которыхъ авторъ коснулся въ этихъ письмахъ. Эти читатели поймутъ, что *они* именно, какъ личности, должны совершить критическую работу мысли надъ современною культурою; что *они* именно должны своею мыслью, жизнью, дѣятельностью заплатить свою долю громадной цѣны прогресса, до сихъ поръ накопившейся; что *они* именно должны противопоставить свое убѣжденіе лжи и несправедливости, существующей въ обществѣ; что *они* именно должны образовать растущую силу для усиленнаго хода прогресса. Если найдется хотя нѣсколько подобныхъ читателей этихъ писемъ,—дѣло автора сдѣлано.

Содержаніе „Историческихъ писемъ".

Digitized by Google

